

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология». Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации
промышленного производства (ИЭОПП)
Сибирского отделения
Российской академии наук

Учредители: СО РАН,
ИЭОПП СО РАН,
Исполнительный комитет Межрегиональной
ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

*В.Е. Селиверстов (главный редактор), Т.Ю. Богомолова, А.А. Кин,
В.И. Суслов (заместители главного редактора), Е.С. Унжакова
(ответственный секретарь), Н.И. Атанов, Н.Д. Вавилина, Б.С. Жихаревич,
В.И. Иванков, С.В. Казанцев, З.И. Калугина, Е.А. Коломак, В.В. Кулешов,
В.Н. Лексин, П.А. Минакир, Н.Н. Михеева, Г.М. Мкртчян, А.С. Новоселов,
Г.С. Пошевнев, Б.Г. Санеев, С.В. Соболева, С.А. Суспицын, А.И. Татаркин,
В.В. Титов, Дж. Уайт (Канада), Г.А. Унтура, Д. Хорват (Венгрия),
Д. Юилл (Великобритания)*

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН, к. 338.
Отв. секретарь Унжакова Екатерина Сергеевна,
тел. (383)3308954, e-mail: yes@icie.nsc.ru

**Фундаментальные исследования пространственного развития
по программам Президиума РАН**

- Селиверстов В.Е.* Федерализм, региональное развитие и региональная наука
в постсоветской России: модернизация или деградация? 3
- Суслицын С.А.* Стратегии побуждения экономической активности
в национальной экономике 37

Север и Арктика России в условиях глобальных вызовов XXI века

- Пилясов А.Н., Кулешов В.В., Селиверстов В.Е.* Арктическая политика в эпоху
глобальной нестабильности: опыт и уроки для России 61

Региональная политика и экономические проблемы федерализма

- Сумская Т.В.* Особенности функционирования бюджетной системы федеративного
государства: субфедеральный аспект 95

Экономические проблемы развития регионов

- Кибалов Е.Б., Кин А.А., Быкадоров С.А., Катунин И.С.* Структурная реформа железно-
дорожного транспорта России: от точечных альтернатив к региональным 113
- Кравченко Н.А., Кузнецов А.В.* Проблемы реализации инновационного сценария
развития Сибири 134

Социальные проблемы регионального развития

- Богомолова Т.Ю., Глазырина И.П., Сидоренко Н.Л.* Приграничье Востока России:
миграционные настроения студенческой молодежи 154
- Ечевская О.Г.* Международное образование в университетах России и Казахстана:
стратегии и формы реализации 174
- Соболева С.В., Октябрьская И.В., Антропов Е.В.* Человеческий потенциал городов
Сибирского федерального округа: оценка этнических рисков
в контексте развития миграции 198

**Региональные и межрегиональные аспекты
структурной и инвестиционной политики**

- Пляскина Н.И., Харитонов В.Н., Вижина И.А.* Формирование механизмов
государственной поддержки нефтегазохимических кластеров Восточной
Сибири и Якутии 221
- Марков Л.С., Маркова В.М., Котёлкин Д.Д.* Агент-ориентированный подход
к моделированию отраслевой эволюции: угольная промышленность России 242

Экологические проблемы регионального развития

- Павлов Б.С.* Воздействие радиоактивного загрязнения Восточно-Уральской терри-
тории: социозэкологические оценки 266

Экономика предприятий

- Юсупова А.Т.* Рыночная власть крупных корпораций: региональные особенности
и различия 281
- Колобова Е.А., Киселев Ю.М., Колобов А.Д.* Проектирование производственно-
экономических процессов с использованием модели социально-экономи-
ческих механизмов 300

**Зарубежный опыт региональной науки,
региональной политики и территориального развития**

- Назаров Ш.Х.* Эндогенные факторы конкурентоспособности региона
и их эконометрическое тестирование 316

Конституции Российской Федерации 20 лет

- Лексин И.В.* Стабильность Конституции Российской Федерации и динамика
территориального устройства страны 330

- Наши авторы 345

- Содержание журнала за 2013 г. 348

Basic Research on Spatial Development within the Framework of the Programs Launched by the Presidium of the RAS	
<i>Seliverstov, V.Ye.</i> Federalism, Regional Development, and Regional Studies in Russia in the Post-Soviet Time: Modernization or Degradation?	3
<i>Susptsin, S.A.</i> Economic Development Incentive Strategies in the National Economy	37
Russian North and Arctic in the Context of Global Challenges of the XXI Century	
<i>Pilyasov, A.N., V.V. Kuleshov, and V.Ye. Seliverstov.</i> Arctic Policies in the Context of Global Instability: Experiences and Lessons for Russia	61
Regional Policy and Economic Issues of Federalism	
<i>Sumskaya, T.V.</i> Budget System in a Federal State: Sub-Federal Aspect	95
Economic Issues of Regional Development	
<i>Kibalov, Ye.B., A.A. Kin, S.A. Bykadorov, and I.S. Katunin.</i> Structural Reform in the Russian Railway Sector: from Single Alternatives to Regional Ones	113
<i>Kravchenko, N.A. and A.V. Kuznetsov.</i> Siberian Innovation Development Scenario: Issues of Its Implementation	134
Social Issues of Regional Development	
<i>Bogomolova, T.Yu., I.P. Glazyrina, and N.L. Sidorenko.</i> Eastern Border-Zones of Russia: Student-Age Population's Attitudes towards Migration	154
<i>Yechevskaya, O.G.</i> International Education in Universities of Russia and Kazakhstan: Strategies and Forms of Its Realization	174
<i>Soboleva, S.V., I.V. Oktyabrskaya, and Ye.V. Antropov.</i> Human Potential in Cities of the Siberian Federal District: Assessing Ethnic Risks in the Context of Progressing Migration	198
Regional and Interregional Aspects of Structural and Investment Policy	
<i>Plyaskina, N.I., V.N. Kharitonova, and I.A. Vizhina.</i> Building Mechanisms of Support for Petrochemical Clusters in Eastern Siberia and Yakutia	221
<i>Markov, L.S., V.M. Markova, and D.D. Kotelkin.</i> Agent-Based Approach to Modeling Sectoral Evolution: Russian Coal Industry	242
Ecologic Issues of Regional Development	
<i>Pavlov, B.S.</i> Nuclear Pollution Impact on the East-Ural Area: Socio-Ecologic Assessment	266
Economics of Enterprises	
<i>Yusupova, A.T.</i> Market Power of Large Firms: Regional Features and Differences	281
<i>Kolobova, Ye.A., Yu.M. Kiselev, and A.D. Kolobov.</i> Designing Socio-Economic Processes by the Application of a Model of Socio-Economic Mechanisms	300
Foreign Experience of Regional Science, Regional Policy and Spatial Development	
<i>Nazarov, Sh.Kh.</i> Endogenous Factors of Regional Competitiveness and Their Econometric Testing	316
The Russian Constitution: 20 Years	
<i>Leksin, I.V.</i> The Stability of the Constitution and Dynamics of the Spatial Structure in Russia . .	330
Our Authors	345
Contents over 2013	348

УДК 338.2

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 3–36

ФЕДЕРАЛИЗМ, РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ?

В.Е. Селиверстов

ИЭОПП СО РАН

*Статья подготовлена в рамках исследований по Программе
фундаментальных исследований Президиума РАН № 31
«Роль пространства в модернизации России: природный
и социально-экономический потенциал» и по совместному проекту
фундаментальных исследований НАН Украины и СО РАН
«Модернизация регионального и муниципального управления
в России и Украине»*

Аннотация

Рассмотрена эволюция федерализма, пространственного развития и региональной политики постсоветской России в 1990-е годы и в первое десятилетие нового тысячелетия. На основе сопоставления с мировыми тенденциями определена специфика российских преобразований в этих сферах, выявлены недостатки и проблемные области, показаны направления их совершенствования. Дан краткий анализ современного состояния российской региональной науки, ее соответствия мировым стандартам и способности обеспечивать научное сопровождение модернизации пространственной структуры экономики и общества России.

Ключевые слова: федерализм, региональное развитие, региональная политика, региональная наука, модернизация

Abstract

The paper considers an evolution of the federalism, spatial development, and regional policy in the post-soviet time – the 90-s and first decade of the new century. We show the specifics of the Russian transformations observed in these spheres by comparing them with the world trends; their defects and problems; and how to improve them. We also present a brief review of a current state of the Russian regional studies, and assess whether they are of the world level and considered to be applicable as a scientific support to modernize the spatial development of the Russian economy and society.

Keywords: federalism, regional development, regional policy, regional studies, modernization

Новое российское государство, возникшее в начале 1990-х годов после распада СССР, формировалось в исключительно сложных экономических и политических условиях. Требовалось одновременно провести радикальную экономическую реформу, кардинальную реформу политической системы, модернизацию российского федерализма и на новой основе создать государственную региональную политику, которая фактически отсутствовала в советский период. Причем принципиально важно было осуществить реформирование одновременно на всех фронтах: невозможно было модернизировать экономику при старой политической системе и старых отношениях собственности; невозможно было сформировать новый российский федерализм на осколках «квазифедерации» распавшегося СССР без эффективной региональной политики. Сложность ситуации заключалась и в том, что все эти преобразования осуществлялись в условиях фактически опустошенного государственного бюджета и тотального дефицита.

Более чем 20-летний период существования постсоветской России – достаточное время для подведения итогов реформирования российского экономического пространства. Нас прежде всего будет интересовать не просто эволюция федерализма, пространственного развития и региональной политики современной России, но, во-первых, то, в какой мере эти тенденции соответствуют общемировым, и, во-вторых, в какой мере российская региональная наука участвовала в этих

преобразованиях, диагностировала их, оценивала и прогнозировала, в какой степени она вообще соответствует мировому уровню современной регионалистики. Последнее – вопрос далеко не праздный на фоне намерений федеральной власти провести коренное реформирование (точнее сказать, разрушение) современной системы Российской академии наук якобы по причине ее отсталости, деградации и несоответствия современным тенденциям социально-экономических и научно-технических преобразований в бурно изменяющемся мире.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, вначале дадим синопсис формирования федерализма в постсоветской России, тенденций пространственного развития страны и государственной региональной политики. Он будет весьма кратким (и по этой причине весьма фрагментарным). Более детально эти вопросы рассмотрены в работах В.Н. Лексина и А.Н. Швецова [1–4], А.Г. Гранберга [5, 6], В.В. Кулешова [7, 8], Н.В. Зубаревич [9], С.Д. Валентея [10], С.С. Артоблевского [11], А.И. Трейвиша [12], в исследованиях СОПС под руководством Г.Г. Фетисова [13], а также в серии исследований, проведенных автором статьи [14–23].

Рассмотрим эти тенденции в разрезе двух временных периодов: периода начала формирования российского государства в современных границах после распада СССР, сопровождавшегося масштабной политической и радикальной экономической реформами (1990-е годы), и периода укрепления вертикали президентской власти и усиления экономических и политических позиций России в мировом сообществе (2000-е годы).

СИНОПСИС РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

После распада СССР модернизация федерализма в России в существенной степени определялась состоянием ее экономической системы и была связана с процессами демократизации и формирования институтов гражданского общества, с наличием глубоких межрегиональных неравенств на постсоветском пространстве (и соответствен-

но, с тенденциями российской региональной политики), с влиянием сложной этнонациональной федеративной структуры страны.

Краткие выводы относительно итогов формирования новой федеративной системы России сводятся к следующему.

1. Несмотря на то что де-юре Российская Федерация является смешанной республикой (т.е. с формой государственного правления, находящейся между президентской и парламентской республиками), де-факто президентская ветвь власти в ней сильно доминирует. Особенно это проявилось, когда президентом стал В.В. Путин и проводилась линия на «укрепление вертикали власти» (формирование федеральных округов; введение института полномочных представителей Президента РФ в этих округах со своими структурами управления; укрепление позиций власти Администрации Президента РФ, курирующей основные блоки исполнительной власти и т.д.).

2. Хотя первый период развития постсоветской России де-юре сопровождался формированием новых демократических институтов и децентрализацией ее экономической и политической системы, прямыми выборами губернаторов, принятием достаточно прогрессивной Конституции и т.д., де-факто это происходило «диким», нецивилизованным путем, что прямо и косвенно способствовало масштабному экономическому кризису в стране, резкой поляризации социальных групп ее населения и регионов, крайней нестабильности политических и этнонациональных процессов в отдельных субъектах Федерации (последнее выразилось, частности, в масштабных боевых действиях на территории Чеченской Республики). В этот период эффективный бюджетный федерализм был подменен субсидиями и субвенциями регионам в обмен на их политическую поддержку центральной власти. В субъектах Федерации были приняты сотни законов, противоречащих федеральному законодательству. На муниципальном уровне число таких законодательных актов исчислялось тысячами.

3. Несмотря на то что в последнее десятилетие в России происходят процессы, которые внешне могут восприниматься как «замораживание» демократизации и усиление централизации (отмена прямых выборов губернаторов; введение барьеров для прохождения политических партий в законодательные органы власти и т.д.), в реальности

политическая система Российской Федерации и ее федеративная структура являются достаточно устойчивыми, чему в немалой степени способствовали активные экономические преобразования в стране. Межбюджетные отношения в рамках бюджетного федерализма также характеризовались относительной стабильностью. В этот период было закончено приведение в соответствие федерального и регионального законодательства.

4. Среди негативных тенденций последнего десятилетия следует отметить в первую очередь сильную коррупцию государственного аппарата, что способствует резкому противостоянию власти и общества и усилению протестных настроений; подчиненное положение судебной ветви власти и неверие общества в ее независимость; развитие «ресурсного национализма», сопровождающееся сильным государственным контролем над стратегическими ресурсами.

5. К позитивным процессам самых последних лет следует отнести начавшееся развитие элементов публичного управления в стране; усиление общественного контроля за действиями власти (в том числе на основе деятельности «открытого правительства»); первые реальные антикоррупционные действия верховной власти, затронувшие весьма высокопоставленных персон; обещание высших должностных лиц власти вернуться к практике прямых выборов губернаторов; упрощение чрезмерно усложненной федеративной структуры страны (частичная ликвидация сложносоставных субъектов Федерации).

В целом сформировавшуюся в настоящее время модель российского федерализма по признакам вертикальных и горизонтальных взаимодействий и правового режима разделения государственной власти следует охарактеризовать как достаточно централизованную систему асимметричной федерации, основанной на идеологии конкурентного федерализма и «суверенной демократии», на доминировании президентской ветви государственной власти и вертикальных экономических отношений, свойственных унитарным государствам.

Между тем сам характер российского экономического пространства, многочисленность и сложный состав входящих в Федерацию субъектов требовали бы ориентации на формирование в постсоветской России модели кооперативного федерализма («федерализма со-

трудничества»). Однако этого не происходило, и следствием достаточно жесткой системы конкурентного федерализма стали гипертрофированная система конкуренции российских регионов, слабость горизонтальных экономических и политических связей субъектов Федерации и системы межправительственных отношений (по западной терминологии, т.е. отношений между федеральными и региональными органами государственной власти как по вертикали, так и по горизонтали), которые в России строятся не на принципах паритетности и учета взаимных интересов, а на принципах соподчинения. В современном российском федерализме практически отсутствует практика разработки и использования регламентов проведения переговоров и осуществления согласительных процедур по спорным вопросам, возникающим как между федеральным центром и субъектами Федерации, так и между российскими регионами, и здесь совершенно не видны роль и значимость Конституционного суда. В экономическом плане очень слабы (или вообще отсутствуют) регламенты инициирования и реализации межрегиональных проектов и программ.

Иными словами, существуют большие резервы в модернизации российского федерализма. Однако это не должны быть акции, спровоцированные теми или иными политическими событиями (например, начало курса на построение в России жесткой вертикали власти было реакцией на кровавые события в Беслане). Это должно определяться особенностями экономического, природно-ресурсного, геополитического и этнонационального пространства России и быть тесно связано с совершенствованием пространственной организации российской экономики и общества и с эффективной государственной региональной политикой.

СИНОПСИС РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

После распада СССР в 1990-е годы экономическая активность концентрировалась в основном в столичных городах (Москва и Санкт-Петербург) и на территориях добычи углеводородов (Тюменская область и ее автономные округа). Это резко усилило межрегио-

нальные диспаритеты в пространственном развитии: различия в производстве валового регионального продукта и продукции промышленности на душу населения по субъектам Федерации достигали 15–25 раз. Положение усугублялось введением новых принципов налогообложения крупнейших ресурсодобывающих компаний: они стали платить налоги по месту регистрации (в основном в Москве), а не по месту основного производства (например, в Сибири и на Дальнем Востоке). В результате налогооблагаемая база местных правительств была искусственно завышена в столице и существенно занижена в восточных регионах страны, что сильно влияло на их финансовое положение.

Развитие на остальных территориях страны находилось на грани самовывживания. Чтобы предотвратить сепаратистские тенденции, президент Б.Н. Ельцин провозгласил обращенный к российским регионам популистский лозунг «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» (дословное его высказывание на митинге в столице Республики Татарстан Казани в августе 1990 г.). Это привело, с одной стороны, к принятию местными парламентами и законодательными собраниями конституций, уставов регионов, других законодательных актов, которые противоречили Конституции РФ и федеральному законодательству. С другой же стороны, передача многих расходных полномочий в регионы и муниципалитеты (как отражение процессов децентрализации) никак не сопровождалась мерами по увеличению доходных источников местных бюджетов. Федеральная поддержка в этот период в значительной степени осуществлялась по политическим предпочтениям и вне бюджетного федерализма. Основная часть этих средств оседала в таких национальных республиках, как Татарстан и Башкортостан. Федеральные целевые программы, ориентированные на поддержку других территорий, финансировались в лучшем случае на 5–10%.

Тогда же получила развитие концепция «свертывания экономической активности» на востоке страны (в Сибири и на Дальнем Востоке) якобы из-за дороговизны поддержания там сфер жизнедеятельности и инфраструктуры. Для обоснования этого тезиса привлекались оценки зарубежных экспертов. Вследствие обвального сокращения

производства, структурных сдвигов и в результате ликвидации государственного заказа на производство продукции оборонного значения ряд крупных субъектов Федерации, в советский период бывших передовыми, вошли в категорию новых депрессивных регионов.

В 1990-е годы существенно обострились экономические и социальные проблемы в национальных республиках Северного Кавказа, сопровождавшиеся массовой безработицей и резко усиливающейся исламизацией общества. Сепаратистские тенденции привели к провозглашению лозунга о выходе Чеченской Республики из состава России. Это привело к масштабным боевым действиям на Северном Кавказе. Фактически на территории России сформировался анклав регионов, живших не по законам светского государства, а по законам шариата, что немыслимо в цивилизованной федерации.

Таким образом, на рубеже веков страна была поставлена на грань экономической и политической катастрофы. И тенденции регионального развития подтверждали этот вывод.

В 2000-е годы ситуация в региональном развитии России, безусловно, изменилась в лучшую сторону вследствие качественных сдвигов в экономике страны (чему в немалой степени способствовал рост цен на углеводороды), но она приобрела новые специфические черты. Как отмечалось выше, этот период начался крупными мерами по укреплению вертикали государственной власти, что сопровождалось усилением централизации в сфере недропользования и лишением регионов ряда полномочий по управлению ресурсами. К позитивным тенденциям в региональном развитии России в этот период стоит отнести

- гармонизацию межбюджетных отношений. В результате федеральные трансферты в субъекты Федерации стали распределяться «по формуле»;
- начало реализации крупных федеральных программ в ряде регионов с активной поддержкой по линии как федерального бюджета, так и крупного бизнеса. Российский бизнес все более отчетливо оформлял свое присутствие в конкретных регионах и стал активно влиять на многие стороны регионального развития;

- успешную реализацию рядом субъектов Федерации собственных моделей развития с учетом своих конкурентных преимуществ¹;
- приход к власти в регионах новых команд управленцев, более профессиональных и умеющих решать не только тактические, но и стратегические задачи;
- формирование на новой основе системы регионального стратегического планирования, которая нашла отражение в стратегиях развития федеральных округов (здесь пионером был Сибирский федеральный округ), субъектов Федерации и крупных городов. Это, безусловно, повысило качество регионального управления;
- начало формирования на федеральном, межрегиональном и региональном уровнях новых институтов развития (инвестиционный фонд, открытые экономические зоны, технопарки, наукограды, промышленные и промышленно-логистические парки и т.д.);
- формирование новой северной и арктической доктрины России, что, безусловно, чрезвычайно важно с учетом стратегического и ресурсного значения северных и арктических территорий. В 2013 г. была принята Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года.

Влияние глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. на процессы регионального развития в России прояви-

¹ Так, Новосибирская область за последние полвека трижды сменила свои позиции в экономической системе страны: она прошла путь от одного из наиболее развитых регионов в 1960–1980-е годы со специализацией на машиностроении к позиционированию как «нового депрессивного региона» с конца 1980-х годов до окончания 1990-х, а с первых лет нового тысячелетия вошла в группу наиболее динамично развивающихся российских регионов с диверсифицированной структурой экономики и ориентацией на инновационный путь развития. Этот регион реализовал эффективную модель развития на основе принципа «опоры на собственные силы» и с использованием преимуществ географического положения и наличия крупнейшего в стране научно-инновационного потенциала.

лось в том, что в этот период произошло относительное сокращение межрегиональных различий. Наиболее сильно кризис повлиял на развитие субъекты Федерации, в то время как государственное вмешательство по демпфированию негативных социальных последствий кризиса в большей мере было заметным в депрессивных и отсталых регионах. В целом география кризиса была достаточно очевидной. На первом, самом тяжелом этапе он в наибольшей степени затронул регионы европейской части России, специализирующиеся на поставках малоконкурентной продукции на внутренний рынок, а также сырья – на внешний. В тяжелом положении оказались регионы металлургической специализации Урала, Сибири, Центральной и Северо-Западной России. Крупные города также пережили шоковый кризисный период, в основном связанный с обвальным сокращением строительства и отчасти – сегмента банковского сектора и сферы услуг.

В целом, в 2000-х годах ряд проблем регионального развития России, доставшихся в наследство от прошлого, частично удалось решить. Тем не менее пространственное развитие страны осуществлялось в этот период в значительной степени спонтанно. До сих пор в России отсутствует целостная стратегия территориального (пространственного) развития – основной концептуальный документ, который должен определить и законодательно закрепить пространственные приоритеты развития России в долгосрочной перспективе в контексте национальной безопасности и устойчивого развития всей страны; также отсутствует генеральная схема расселения населения.

В указанный период не было принято эффективных мер по решению проблем моногородов, в том числе – закрытых городов, обслуживающих крупные объекты оборонно-промышленного комплекса, «углегородов» и др. Не происходило качественных изменений в институтах и механизмах недропользования, что лишало сырьевые территории материальных и финансовых ресурсов, необходимых для реализации эффективной социальной и природоохранной политики.

Конечно, по мере улучшения экономической ситуации в стране появились финансовые возможности для крупномасштабной поддержки отдельных территорий (проблемных регионов и новых точек экономического роста). Однако эти федеральные ресурсы концентриро-

вались преимущественно на трех направлениях: на развитии республик Северного Кавказа (в основном они шли на восстановление Чеченской Республики)², на имиджевых проектах, имеющих весьма отдаленное отношение к оптимизации пространственного развития страны (объекты зимней Олимпиады в Сочи³ и Универсиады в Казани, инфраструктура саммита АТЭС во Владивостоке и др.), и на «полировке российской витрины» – обустройстве Москвы и Санкт-Петербурга с реализацией там крупных инфраструктурных и инновационных («Сколково») проектов. Действительно приоритетные направления модернизации пространственного развития страны (например, обновление транспортной инфраструктуры Востока России) оставались без масштабной государственной поддержки.

В результате развитие крупных макрорегионов, имеющих стратегическую значимость (Сибирь, Дальний Восток), не стало стратегическим приоритетом в пространственной политике России. Так, государственная политика в отношении Сибири недостаточно системна, здесь до сих пор преобладают отдельные и не связанные друг с другом акции. Масштаб государственных инвестиций в развитие этого макрорегиона на порядок меньше по сравнению с инвестициями в имиджевые проекты на других территориях. Даже в принципе правильные предложения о формировании новых институтов для поддержки восточных районов (например, о создании Государственной корпорации

² Республики Северного Кавказа получают в настоящее время от федерального центра десятую часть всех инвестиций и трансфертов, предназначенных для перераспределения всем субъектам Федерации, причем треть северокавказских трансфертов приходится на Чеченскую Республику.

³ Стоимость объектов сочинской Олимпиады 2014 г. уже сейчас оценивается более чем в 50 млрд долл. США и продолжает постоянно возрастать. Мы не будем здесь давать оценку целесообразности проведения Олимпиады в России в условиях, когда многие сегменты социальной сферы, регионы и города испытывают хронический дефицит федеральной поддержки. Сошлемся лишь на факт массовых протестов и демонстраций в Бразилии в 2013 г. против проведения в стране чемпионата мира по футболу. Жители этой страны, где футбол является национальным культом, показывают пример гражданской сознательности и трезвой оценки приоритетности вложений в решение социальных проблем по сравнению с затратами на ресурсоемкие имиджевые мероприятия.

развития Сибири и Дальнего Востока) воспринимаются в обществе и в экспертной среде очень неоднозначно. Доминирует мнение, что такие институты создаются не для концентрации ресурсов с целью поддержки восточных районов, а для концентрации эффектов от эксплуатации их природных ресурсов в интересах федерального центра и столичных финансово-промышленных групп, что здесь велики коррупционные риски.

В то же время наш анализ показал, что даже в сложной обстановке последнего десятилетия и в условиях влияния последствий глобального финансово-экономического кризиса в южно-центральной части Сибири начался процесс формирования межрегионального (Новосибирская область – Томская область – Красноярский край) инновационного кластера, основы которого были заложены еще в советский период. Его влияние на изменение традиционной специализации Сибирского макрорегиона в последние годы становится все более ощутимым. В рамках этого кластера реализуются практически все новые институты развития (технопарки, особые экономические зоны, технологические платформы и др.), и это становится важным вектором модернизации экономики всей Сибири. Более того, в южной зоне Сибири роль этих институтов развития выше, чем по России в целом. Есть основания полагать, что в предстоящее десятилетие инновационный сегмент экономики Сибири наряду с ростом нефте- и газодобычи на новых месторождениях Красноярского края и Иркутской области будет заметно способствовать опережению темпов экономического роста макрорегиона по сравнению со среднероссийскими. Однако это потребует существенно большей, чем в настоящее время, государственной поддержки (в том числе и в виде увеличения финансирования Сибирского отделения РАН, способного обеспечить серьезную научную платформу для инновационного развития Сибири).

Завершая краткий синопсис тенденций пространственного развития России, отошлем читателя к чрезвычайно интересным исследованиям Н.В. Зубаревич, которые позволили ей достаточно четко идентифицировать «четыре России», очень сильно различающиеся экономическими, социальными и политическими тенденциями развития (см., например, [24]). Эти исследования отчетливо выявили факт исключи-

тельно сильной негомогенности российского экономического пространства, которая проявляется в экономической сфере, в готовности регионов к инновационному развитию, в уровнях благосостояния населения, в электоральных предпочтениях местных сообществ и т.д. В принципе трудно найти пример крупного государства мира с гомогенной пространственной структурой экономики и общества, но в России степень пространственной негомогенности существенно выше, чем в других крупных развитых странах. Это, безусловно, существенно снижает возможность реализации унифицированной региональной, социальной, научно-технической, инфраструктурной политики и настоятельно требует учета в названных видах управленческой политики федерального центра пространственных факторов и аспектов.

СИНОПСИС РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Позиция автора состоит в том, что с учетом громадной протяженности российского экономического пространства, исключительно сильных различий субъектов Федерации в отношении наличия и разнообразия природных ресурсов, в отношении уровня развития производства и социальной сферы *региональная политика* должна стать важнейшей управленческой политикой России. Между тем долгое время как в СССР, так и в постсоветской России региональная политика, государственное регулирование территориального развития и управление им находились «на задворках» социально-экономической политики государства. В советский период региональная политика была подменена централизованной политикой размещения производительных сил страны. В 1990-е годы в условиях глубокого экономического кризиса российская региональная политика де-факто отсутствовала по причине недостатка финансовых и материальных ресурсов для ее реализации. Российские регионы были фактически поставлены в условия самовыживания; в это время получили развитие различного рода межрегиональные бартерные схемы и взаимозачеты, реализуемые местными правительствами, позволявшие хоть как-то обеспечивать выживаемость субъектов Федерации и городов. На рубеже

веков было даже ликвидировано федеральное ведомство, ответственное за реализацию региональной политики.

В 2000-е годы наметился прогресс в развитии теории и практики региональной политики в Российской Федерации. Так, на федеральном и региональном уровнях начали одновременно осуществляться три реформы: административная, муниципальная, реформа бюджетирования. Было практически завершено приведение в соответствие регионального и федерального законодательства. Увеличились финансовые ресурсы региональной политики и появились ее новые формы, инструменты и институты (помимо традиционных федеральных целевых программ региональной направленности). Начали создаваться институциональные структуры региональной политики, и здесь наиболее важным шагом стало воссоздание Министерства регионального развития РФ. Совершенствовалось административно-территориальное деление России, что нашло отражение в объединительных процессах, затронувших ряд сложносоставных субъектов Федерации. На уровне федеральных округов и субъектов Федерации заметно интенсифицировалась работа по формированию стратегических программных документов регионального развития. Были разработаны документы, которые характеризуют правовые основы и саму идеологию региональной политики: проект Федерального закона «Об основах государственной региональной политики, порядке ее разработки и реализации» и Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

Несмотря на важность этих шагов, региональная политика современной России (и ее институциональные структуры) по своей значимости, приоритетности и размеру выделяемых ресурсов существенно уступает макроэкономической и бюджетно-финансовой политике государства. Фактически отсутствует законодательная база российской региональной политики. До сих пор не выработана стратегия территориального развития России, с которой должны корреспондировать стратегии развития макрорегионов, федеральных округов и субъектов Федерации. Это, с одной стороны, породило существенное усиление межрегиональных диспаритетов на экономическом и политическом пространстве страны, с другой – обрело субъекты Федерации и горо-

да на зависимость от федеральной поддержки (которая стала рассматриваться как безальтернативный способ решения региональных проблем), привело к излишней и гипертрофированной межрегиональной конкуренции.

Положение усугубилось провозглашением неверно выбранной модели государственной региональной политики, основанной на поддержке лишь «регионов-локомотивов» и на отказе от выравнивания уровней социально-экономического развития регионов. Такая региональная политика «поляризованного развития» на базе государственной поддержки «регионов-локомотивов» еще пять-семь лет назад рассматривалась в качестве генеральной линии, реализуемой Министерством регионального развития РФ. Однако мы считаем, что государственная региональная политика неизбежно должна сочетать в себе два внешне взаимоисключающих направления: поддержку депрессивных и отсталых регионов и поддержку региональных точек роста.

Таким образом, государственная региональная политика России пока находится лишь на начальной стадии своего становления, и ее идеология, институты и инструменты нуждаются в серьезном усилении.

СИНОПСИС РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ

Еще в период существования СССР в стране сложилась сильная школа региональных научных исследований, ряд из которых выполнялся на мировом уровне научных стандартов (оригинальные разработки теории территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, теория межрегиональных взаимодействий, методы и модели прогнозирования развития регионов в системе национальной экономики и др.). Исследования советских ученых-регионалистов были направлены на решение практических задач и использовались, например, при научном обосновании необходимости сдвига производительных сил страны в Сибирь и на Дальний Восток, при обосновании состава и очередности сооружения объектов крупных территориально-производственных комплексов в восточных районах и т.д. Результаты региональных научных исследований нашли применение в крупных стратегических документах (например, в Генераль-

ной схеме развития и размещения производительных сил СССР, Генеральной схеме расселения, схемах районных планировок и т.д.). Эти разработки имели комплексный характер и выполнялись на стыке экономики, экономической географии, социологии, урбанистики.

Однако в советский период эти научные разработки не были востребованы в полной мере, так как существовавшие тогда экономический механизм и система принятия решений отторгали подобные новации. В тот период даже сам термин «региональная политика» не входил в арсенал научных понятий, использовавшихся советскими учеными-регионалистами. В этих разработках отчетливо прослеживался примат народно-хозяйственных интересов, социальные и экологические проблемы регионов не были в числе приоритетных. Сильной стороной региональных стратегических разработок были моделирование и прогнозирование материально-вещественных аспектов развития регионов СССР, но они не подкреплялись изучением финансовых аспектов долгосрочного развития и межбюджетных отношений.

После распада СССР некоторые региональные исследования, выполнявшиеся ранее, получили второе дыхание. В частности, исследования по теории межрегиональных взаимодействий, выполнявшиеся в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН, в принципе были более применимы не в централизованной плановой экономике, а в экономике, в которой регионы обладают известной самостоятельностью, имеют особые экономические интересы и в которой могут возникать особые условия их взаимодействия, создания коалиций и т.д. Однако в 1990-е годы российская наука находилась в исключительно сложных обстоятельствах (хроническое недофинансирование, отсутствие государственных и региональных заказов на конкретные региональные разработки и т.д.). Тем не менее даже тогда в ведущих научных центрах Российской академии наук в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Хабаровске, в университетах различных городов региональная наука сохранялась и адаптировалась к новым экономическим и политическим реалиям, к возможностям более полного международного сотрудничества. Открытость страны, ресурсы нового информационного об-

щества (в первую очередь распространение интернет-технологий) усилили такие возможности⁴.

Последнее десятилетие ознаменовалось как расширением тематики российской региональной науки, так и ее консолидацией. В этот период были выполнены оригинальные исследования по проблемам региональных неравенств на постсоветском пространстве, проблемам региональной политики, социальным проблемам российских регионов, по региональной диагностике, региональному и муниципальному управлению, по оценкам миграционных потоков и развития транспортной инфраструктуры в контексте проблем регулирования пространственного развития страны, по пространственной организации информационного общества. Здесь в первую очередь следует выделить работы академиков А.Г. Гранберга и П.А. Минакира, докторов экономических наук В.Н. Лексина, А.Н. Швецова, Е.А. Коломак, д.г.н. Н.В. Зубаревич. Новый крупный цикл исследований по моделированию пространственных экономических систем и по теории межрегиональных взаимодействий был выполнен в ИЭОПП СО РАН под руководством академика А.Г. Гранберга, чл.-корр. РАН В.И. Суслова и д.э.н. С.А. Суспицына [26, 27]. Бурное развитие получили исследования по теории, методологии и практике регионального стратегического планирования (на эту тему автором статьи опубликованы две крупные монографии [21, 22]). Отличительной особенностью всех этих работ явился их междисциплинарный характер: они выполнялись на стыке региональной экономики и новой экономической географии, исследований экономических, социальных, экологических и научно-технических аспектов регионального развития, исследований в области экономической и институциональной теории.

В 2000-е годы был опубликован ряд крупных монографий по теории и практике региональных исследований (см., например, [28–32]). Результаты последних отражаются также в регулярно издаваемых

⁴ В монографии «Проблемы федерализма, местного самоуправления и территориального развития» [25] подробно рассмотрено состояние российской региональной науки в этот период. Авторы книги в целом дают достаточно высокую оценку российской регионалистике 1990-х годов, несмотря на реальные ограничения для ее развития и поддержки в условиях глубокого экономического кризиса.

журналах по региональной проблематике: «Регион: экономика и социология» (издается в Сибирском отделении РАН в Новосибирске, главный редактор д.э.н. В.Е. Селиверстов), «Пространственная экономика» (издается в Дальневосточном отделении РАН в Хабаровске, главный редактор академик П.А. Минакир), «Экономика региона» (издается в Уральском отделении РАН в Екатеринбурге, главный редактор академик А.И. Татаркин). СОПС с 2012 г. начал публиковать журнал «Современные производительные силы» (главный редактор чл.-корр. РАН Г.Г. Фетисов).

С 2010 г. издательством «Pleiades Publishing, Ltd.» и МАИК «Nauka/Interperiodica» издается на английском языке журнал «Regional Research of Russia» (распространяется издательством «Springer», главные редакторы академик РАН В.М. Котляков и проф. С.С. Артоболевский), учредителями которого являются российские журналы «Известия Российской академии наук. Серия географическая», «Известия Русского географического общества» и «Регион: экономика и социология». Этот зарубежный журнал фактически представляет собой дайджест названных трех авторитетных изданий, и в нем помещаются наиболее интересные для зарубежного читателя статьи⁵.

Консолидация российской региональной науки в этот период была осуществлена ее научным лидером академиком А.Г. Гранбергом, который инициировал формирование и финансирование крупной межинститутской программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». Данная программа выполнялась в 2009–2011 гг. и состояла из 13 крупных блоков, включая посвященные пространственным трансформациям российского общества; пространственной демографии и социальной среде; эволюции, модернизации и новому освоению экономического пространства; воздействию природной среды на социально-экономическое пространство; фундаментальным проблемам единого транспортного пространства; проблемам формирования и развития макрорегионов России и межрегиональной интеграции; научным основам совершенствова-

⁵ Автор является заместителем главного редактора журнала «Regional Research of Russia». – *Прим. ред.*

ния государственно-территориального устройства и создания системы территориального планирования. В разработку программы было вовлечено почти два десятка исследовательских институтов РАН, ряд университетов. В ходе ее реализации были получены новые интересные научные результаты по теории и практике региональной экономики и пространственного развития⁶. В рамках данной программы автор был руководителем проекта «Формирование многоуровневой системы стратегического планирования: методология, инструменты, институты (на примере Сибири)».

Кончина в 2010 г. лидера российской региональной науки академика А.Г. Гранберга ослабила ее, но не ликвидировала возможности усиления ее консолидации. Учитывая важность пространственных аспектов развития Российской Федерации, Президиум Российской академии наук в 2011 г. принял решение о новом крупном цикле исследований, которые были сконцентрированы в интеграционной программе на 2012–2014 гг. «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал». Руководителем программы стал директор Института географии РАН академик В.М. Котляков. Эта программа развивает предыдущий цикл исследований с учетом новых экономических и геополитических реалий и состоит из семи разделов (блоков), среди которых посвященные развитию экономического пространства на основе стратегии модернизации; развитию России в мировом и евразийском пространстве; институционально-правовым аспектам управления пространственным развитием. В данной программе автор является научным руководителем и исполнителем проекта «Государственное управление и регулирование пространственного развития России: от стратегического планирования к стратегическому управлению».

Таким образом, сегодня отечественная региональная наука в целом развивается в русле мировых тенденций, и ее результаты интегрируются в мировой фонд научных достижений. В последнее десятилетие она все в большей степени востребована практикой модер-

⁶ О результатах исследования по данной программе см. статью В.М. Котлякова, О.Б. Глезер и А.И. Трейвиша [33]. В ближайшее время выйдет монография с изложением основных результатов.

низационных преобразований в современной России. Мы считаем, что большой потенциал имеет организация международных научных проектов в области региональных исследований с участием российских ученых.

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Итак, федерализм и пространственное развитие современной России, проводимая в стране региональная политика имеют противоречивый характер. С одной стороны, в последнее десятилетие удалось преодолеть (или смягчить) ряд крайне опасных и негативных тенденций, возникших в период начала экономических и политических реформ российского постсоветского пространства. С другой стороны, модернизационные преобразования страны, осуществлявшиеся в последнее десятилетие, лишь в очень слабой степени были направлены на совершенствование пространственного развития и на государственную региональную политику, которая должна была обеспечивать такую модернизацию. До сих пор общегосударственная экономическая, социальная, научно-техническая политика России реализует «точечный подход» (по терминологии академика А.Г. Гранберга), т.е. отсутствует явный и очень четко продуманный учет пространственных факторов, условий и последствий в реализации этих управленческих политик. Осуществляемые федеральным центром меры по совершенствованию пространственной организации экономики и общества при всей их малозначительности к тому же бессистемны и лишены необходимой институциональной и правовой поддержки. Российский федерализм вплотную приблизился к черте, разделяющей унитарные и федеративные государства.

В название статьи мы вынесли почти риторический вопрос: что происходит с федерализмом и региональным развитием в России – модернизация или деградация? Официальные круги полагают, что первое, общество же склоняется ко второму варианту оценки. Думается, что правда, как всегда, посередине. Мы не склонны к алармистским оценкам российской перспективы (с позиций тенденций развития федерализма и пространственного развития страны). Как отмеча-

лось выше, все более отчетливо на российском экономическом пространстве видны новые точки роста, экономической активности, социального благополучия, инновационной экономики. Но в существенной степени их появление не связано с процессом, инициируемым и поддерживаемым «сверху», а есть результат осознанной политики «снизу» – со стороны местных правительств, местного бизнеса, местных сообществ. И это внушает сдержанный оптимизм.

Оценивая прошлые и настоящие тенденции, мы также должны задаться вопросом: являются ли отмеченные негативные стороны пространственного развития России чем-то уникальным, особой «национальной чертой» нашей страны или же это общемировые тенденции? Что касается отечественной специфики негомогенности экономического пространства – об этом мы уже кратко высказались выше. А как быть со второй, крайне важной особенностью – резкой дифференциацией российских регионов по тенденциям экономического и социального развития⁷?

Мировая практика показывает, что межрегиональные неравенства и диспаритеты, пространственная дифференциация присущи всем странам, и они тем сильнее, чем больше размеры страны и естественные природно-ресурсные различия входящих в ее состав регионов. Более того, эта же практика показывает, что усиление пространственной дифференциации – неизбежная цена всех экономических реформ, когда каждое национальное правительство в своей политике сталкивается с дилеммой: экономическая эффективность и экономический рост на этой основе или социальная (в нашем случае – пространственная) справедливость? Опыт Китая, Индии, Бразилии, других стран свидетельствует, что их бурный рост в последние десятилетия неизбежно сопровождался усилением поляризации в их региональном развитии.

Специфика России заключается не в самом наличии межрегиональных неравенств, а во-первых, в том, что они являются просто чрезмерными, нехарактерными для высокоразвитых государств,

⁷ Очевидно, что гомогенность экономического пространства любого государства и тенденции дифференциации в уровнях развития регионов связаны самым тесным образом.

и, во-вторых, в отсутствии (или слабости) государственной политики по их преодолению, в неготовности государства признать это приоритетной стратегической задачей.

Обратимся к опыту Китая. Феноменальный экономический рост этой страны на протяжении нескольких последних десятилетий сопровождался существенным усилением различий в уровнях и эффективности производства, в уровнях благосостояния, с одной стороны, южных (и ряда центральных) провинций, ставших мировыми центрами развития высокотехнологичных производств, электроники, легкой промышленности и т.д., и, с другой стороны, северных и северо-восточных провинций. В результате доля трех северо-восточных провинций (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин) в промышленности Китая сократилась с 16,2% в 1980 г. до 9,6% в 2000 г.

В начале нового тысячелетия руководство КНР выдвинуло задачу «подтягивания» этих отстающих регионов до уровня передовых на основе реструктуризации производства и реализации здесь мощных инфраструктурных проектов (в первую очередь в области транспортного строительства). Основным инструментом государственной политики в выравнивании уровней развития китайских провинций стали крупные государственные программы, реализуемые на принципах государственно-частного партнерства.

Так, с 2003 г. успешно осуществляется Программа модернизации старопромышленной базы Северо-Востока Китая, адаптированная к структурным особенностям этого региона (высокая доля добывающих отраслей, тяжелой промышленности, машиностроения, нефтедобычи и т.д.) и к исторической специфике (значительная часть этой старопромышленной базы создавалась с помощью СССР и на советском оборудовании, которое сильно устарело и нуждалось в массовой замене). В результате реализации этой программы темпы экономического роста на северо-востоке КНР стали устойчиво превышать среднекитайские, с 2004 по 2011 г. ВРП этого макрорегиона увеличился в 3 раза. Получили развитие новые прогрессивные отрасли (автомобилестроение, авиастроение и др.), на качественно новой основе стало развиваться сельское хозяйство, существенно снизился (до 4,3%) уровень официально зарегистрированной безработицы.

Аналогичные преобразования происходят в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Очевидно, что такие государственные программы по выводу северных и северо-восточных провинций КНР на более высокие позиции в стране реализовывались в существенной степени с учетом стратегических и геополитических приоритетов государства. Характерно, что в КНР взят курс на последовательное укрепление приграничного сотрудничества и системы межрегиональных экономических и политических взаимодействий во всей Северо-Восточной Азии, и здесь Китай не без основания претендует на роль лидера⁸. Все эти преобразования находятся в резком диссонансе с развитием российского Дальнего Востока и с реализацией аналогичной российской Государственной программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Байкальского региона (а также ее предшественниками – чисто «дальневосточными» программами).

Опыт Китая в принципе доказывает достаточно высокую эффективность традиционных для СССР (и для современной России) централизованных методов и механизмов государственного регулирования территориального развития на основе использования крупномасштабных государственных программ. Для России поучителен китайский опыт не только официального признания выравнивания уровней регионального развития в качестве приоритетной и стратегически важной задачи государства, но и реального выполнения этих лозунгов – осуществления масштабных инвестиций, перераспределения ресурсов, институциональной поддержки (и, естественно, поддержки по линии правящей партии).

Другой, полярный пример целенаправленных действий по сокращению межрегиональных неравенств показывает объединенная Европа. Европейская политика регионального развития базируется на политическом принципе, в соответствии с которым более богатые страны и регионы должны проявлять солидарность с более бедными, а также на экономическом принципе, в соответствии с которым более

⁸ Так, ежегодно в Харбине проводится международный форум «Региональное развитие и сотрудничество в Северо-Восточной Азии». В 2013 г. прошел уже шестой такой форум (автор является их постоянным участником).

низкие объемы производства в бедных странах-участниках и регионах, т.е. странах и регионах с высокими уровнями безработицы, представляют собой потерю потенциала и возможностей для Европейского союза в целом [34, 35]. Снижение отсталости в уровнях развития регионов стало ключевой стратегической целью ЕС с момента его формирования, и самое главное – на эти цели тратится около 40% общеевропейского бюджета.

Европейская региональная политика направлена также на максимизацию вертикальной и горизонтальной интеграции. В рамках системы вертикального управления различные уровни наднациональных (ЕС в целом), национальных, региональных и местных органов власти стимулируются с помощью специализированных планов и программ. В рамках системы горизонтального управления компании, социальные группы и институты гражданского общества активно участвуют в реализации региональной политики ЕС и его органов управления; у них есть возможность влиять на стратегии регионального развития и формировать свои стратегии в собственных секторах и сферах.

Региональная политика ЕС периодически корректируется, чтобы обеспечить ее адаптацию к внешней среде, в которой происходят быстрые изменения. Последняя реформа в этом сегменте наднационального управления, проводившаяся в 2006 г., была ориентирована на развитие в регионах «экономики знаний», на децентрализацию управления и финансового контроля и т.д. Важнейшим инструментом европейской региональной политики были и остаются так называемые «структурные фонды», в которых концентрировались колоссальные ресурсы для решения целевых и наиболее острых проблем регионального развития в Европе (например, борьба со структурной безработицей).

Европейский опыт реализации региональной политики показал, что позитивные изменения в региональном развитии в конкретных странах – членах ЕС происходили только в тех случаях, когда, во-первых, освоение фондов ЕС было основано на последовательной структурной политике, осуществляемой в течение ряда лет, и, во-вторых, региональная политика концентрировалась не на своих традиционных направлениях (например, на поддержке развития инфраструкту-

ры, способствующей «сближению» регионов), а на мобилизации современных движущих сил пространственного развития (поддержка инновационного развития в отстающих регионах и развития там бизнес-услуг, новые подходы к организации промышленного и сельскохозяйственного производства и к развитию человеческого потенциала на местном уровне и т.д.). И наконец, европейская региональная политика показывала свои позитивные результаты лишь при последовательном использовании принципа субсидиарности и софинансирования программных мероприятий, когда ЕС в целом, национальные правительства и региональные власти делили между собой финансовое бремя и ответственность за поддержку конкретных направлений регионального развития.

Для России важны и некоторые негативные результаты европейской региональной политики. Так, те депрессивные и отсталые регионы, которые строили свою политику лишь на ожидании крупного финансирования со стороны ЕС и не предпринимали усилий по мобилизации собственных ресурсов и новых региональных точек роста, не смогли улучшить свои позиции в общеевропейском экономическом пространстве (это особенно отчетливо проявилось в новых членах ЕС – странах Центральной и Восточной Европы).

Таким образом, европейская региональная политика использует более «тонкие» и более современные методы, инструменты и институты по сравнению с теми, что демонстрирует, например, китайский опыт государственного регулирования пространственного развития. Но она, в свою очередь, требует и более зрелого уровня развития демократии, гражданского общества, ментальности как элит, так и отдельных социальных групп. Поэтому не случайно, что в последнее десятилетие европейская региональная политика трансформировалась в «политику сплочения» (Cohesion Policy), – здесь название говорит само за себя: это политика осознанной «дискриминации» более «богатых» регионов Европы в пользу «бедных» ради единства и сплочения всего европейского пространства с помощью специальных «фондов сплочения» [36]. Как отмечалось в материалах Европейской комиссии, средства европейских «фондов сплочения» будут распространяться на сферы, стимулирующие рост экономики и уровня занятости

в регионах ЕС, т.е. это не будет простым перераспределением финансовых ресурсов. Среди основных приоритетов нынешней программы «политики сплочения» Еврокомиссия называет инвестиции в сферу науки и технологического развития; информационно-компьютерные технологии; развитие малых и средних предприятий; развитие общего и профессионального обучения. В целом указанные направления корреспондируют с целями Лиссабонской стратегии, ориентированной на содействие росту ВВП и занятости в ЕС путем создания наукоемкой и конкурентоспособной экономики.

Очевидно, что региональная политика постсоветской России и «невнятная», т.е. официально не артикулируемая, парадигма пространственного развития страны слабо вписываются в современные мировые тенденции. Фактически только в настоящее время региональная политика в нашей стране начинает постепенно формировать свои черты с учетом как мирового опыта, так и российской специфики. Ниже в тезисном порядке представлена позиция автора относительно ее основных условий и требований.

1. Цели и задачи региональной политики должны тесно смыкаться с целями и задачами совершенствования российского федерализма, и во многих случаях механизмы реализации региональной политики лежат в плоскости бюджетного федерализма и межбюджетных отношений. Региональная политика связана с реализуемой в федеративном государстве моделью федерализма (как отмечалось выше, наши исследования показали, что Россия пошла по пути копирования модели «конкурентного федерализма», вместо того чтобы использовать преимущества модели «федерализма сотрудничества»). Государственная региональная политика и региональное развитие должны базироваться не на конкурентной борьбе конкретных регионов за федеральные ресурсы и федеральную поддержку, а на повышении реальной конкурентоспособности регионов, городов и муниципалитетов на самом широком фронте (в развитии бизнеса, социальной сферы, общественной инфраструктуры, экологической безопасности территорий и т.д.).

2. Даже в том случае, когда конкретная акция региональной политики направлена на решение проблем конкретного региона (или груп-

пы регионов), такое решение в обязательном порядке должно учитывать экономические и социальные последствия для других субъектов Федерации. Хотя региональная политика представляет собой осознанную «дискриминацию» одних регионов в ущерб другим, такая «дискриминация» должна иметь своим следствием рост общего эффекта в системе межрегиональных взаимодействий и не приводить к тому, чтобы «дискриминация» в отношении конкретного региона носила хронический характер и способствовала возникновению здесь новых проблемных ситуаций.

3. Региональная политика России не должна рассматриваться как патерналистская политика центра по отношению к регионам (хотя федеральный центр и расходует на эти цели федеральные ресурсы). Она предполагает наличие активной обратной связи «регионы – центр» и развитой системы горизонтальных взаимодействий. В таком контексте формирование и реализация эффективной региональной политики непосредственно связаны со стимулированием и усилением интеграционных процессов на экономическом и правовом пространстве России, с инициированием новых форм и механизмов межрегиональной интеграции и взаимодействия регионов с федеральным центром.

4. Региональная политика России должна избавиться от рецидивов чрезмерной «политизированности», когда федеральная поддержка конкретным регионам доставалась в результате «торга» (преференции в обмен на политическую лояльность и этнонациональную стабильность). Она не должна превращаться из важнейшей управленческой политики в «политиканство». Ограниченные финансовые ресурсы региональной политики не должны концентрироваться на реализации суперпроектов имиджевой направленности.

5. В основе региональной политики должна быть четкая **социальная направленность**, а также такие принципы, как справедливость и равенство. При этом ориентация региональной политики на выравнивание условий социально-экономического развития регионов, уровня и качества жизни их населения ни в коей мере не означает механического нивелирования региональных различий: это и невозможно, и неэффективно. Экономические решения в рамках региональной политики являются способом решения социальных проблем. Регио-

нальная политика не должна напрямую оперировать категориями бизнес-проектов, реализуемых в регионах (это прерогатива структурной, инвестиционной и инновационной политики государства). Ее основная задача – *создание условий* для гармоничного развития регионов и их социальных систем, для сокращения межрегиональных неравенств, для поддержки как региональных точек роста, так и проблемных регионов.

6. Совершенствование региональной политики России должно сопровождаться усилением ее институтов и институциональных структур. Целесообразно сосредоточить внимание на формировании на межрегиональном, региональном и местном уровнях специальных агентств (корпораций) регионального развития как специализированных институтов региональной политики, соединяющих интересы власти, бизнеса и населения. Опыт региональной политики, реализуемой в различных странах, показал эффективность функционирования таких агентств.

7. С учетом особой сложности развития «национальных окраин» России (республики Северного Кавказа, национальные республики и автономные национальные округа Сибири и Дальнего Востока) ее региональная политика должна разрабатываться и реализовываться в интеграции с национальной политикой страны.

8. Региональная политика современной России как никакая другая управленческая политика связана с процессами демократизации и построения открытого общества. В контексте усиления ее социальной направленности региональную политику целесообразно рассматривать не просто как политику органов государственной власти страны, но как политику России, реализуемую органами государственной власти в тесном контакте с бизнесом (на принципах государственно-частного партнерства) и институтами гражданского общества.

9. Региональная политика, основанная на межрегиональном перераспределении государственных ресурсов, должна быть прозрачной, сопровождаться сильным мониторингом эффективности использования ресурсов, выделяемых на ее основные цели, и контролем общества за их расходованием. Должен быть достигнут общественный консенсус как по поводу стратегических приоритетов региональной

политики, так по поводу масштабов средств, выделяемых на те или иные ее проблемные зоны⁹.

10. Генезис региональной политики России неизбежно должен привести к ее трансформации в политику, аналогом которой является «политика сплочения» ЕС, однако это потребует изменений в самой модели российского федерализма и его переориентации на «федерализм сотрудничества».

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Сравнивая современное состояние федеративных отношений, пространственное развитие России и состояние ее региональной политики и фиксируя отставание в этой области от мировых трендов как в концептуально-идеологической и правовой основе, так и в практическом осуществлении, следует признать, что подобного разрыва не наблюдается, если сравнивать современное состояние российской и мировой регионалистики. Безусловно, здесь также существуют обширные лакуны, нуждающиеся в научном наполнении, ряд исследовательских коллективов работают «по старинке», в формате советских исследований развития производительных сил. Но в целом качество публикаций российских ученых-регионалистов, докладов на

⁹ Так, широко распространенный в российской общественной среде лозунг «хватит кормить Кавказ» порожден, с одной стороны, слабой информированностью общества о реальных и очень сложных социально-экономических проблемах этой территории, с другой – широко известными фактами, когда депрессивные и отстающие северокавказские субъекты Федерации живут явно не по средствам. Например, в интервью агентству «Интерфакс» 19 августа 2013 г. министр финансов РФ А. Силуанов отметил, что траты бюджета на содержание госслужащих в кавказских республиках значительно выше, чем в среднем по России. Здесь также существенно больше количество служебных автомобилей на одного чиновника (например, в Чеченской Республике число автомобилей на балансе государственных органов составляет 0,27 единицы на одного сотрудника, тогда как в среднем по стране тот же показатель равен 0,06). Центр Грозного украшают мечеть «Сердце Чечни», одна из самых больших в мире, и «Грозный-Сити» – комплекс пустующих современных высотных зданий. Это и прямое, и косвенное доказательство непрозрачности российской региональной и межбюджетной политики.

различных международных форумах находится на высоком уровне мировых научных стандартов (особенно это касается теоретических и фундаментальных проблем пространственной экономики, моделирования пространственного развития и межрегиональных взаимодействий, пространственной эконометрики).

Возникает естественный вопрос: в какой мере российская региональная наука работает «сама на себя» (ради поиска новых научных знаний) и в какой мере – на реальную практику экономических преобразований в стране?

Здесь ситуация не вполне однозначная. С одной стороны, есть очень сильные практические региональные разработки, выполненные институтами РАН (вузовская региональная наука пока в целом уступает академическим исследованиям). В монографии, выпущенной в 2013 г. [22], мы приводим примеры таких разработок по сибирской проблематике, осуществленных в ИЭОПП СО РАН (Стратегия социально-экономического развития Сибири, Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области и др.). Аналогичные примеры сильной практической направленности региональных исследований есть в других институтах РАН (Институт экономики УрО РАН, Институт экономических исследований ДВО РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Институт проблем региональной экономики Санкт-Петербургского научного центра РАН), в Совете по изучению производительных сил, в МГУ, в НИУ «Высшая школа экономики» и в других научных и учебных институтах.

С другой стороны, в России сформировался обширный рынок консалтинговых услуг, выполняемых частными консалтинговыми компаниями, специализирующимися в том числе на региональных разработках (региональные и муниципальные стратегии и программы, схемы территориального планирования и т.д.). Этот рынок сильно монополизирован, и в условиях действующего законодательства (Федеральный закон № 94-ФЗ) научным институтам системы РАН зачастую трудно конкурировать с этими фирмами и компаниями исключительно по формальным причинам (хотя уровень и качество их разработок может быть выше).

Но главный вывод заключается все-таки в другом. Серьезные и независимые научные разработки и экспертизы попросту не востребованы реальной практикой государственного управления ни на федеральном, ни на региональном уровне. Иным трудно объяснить то, что разработка важнейших инициатив в области государственного регулирования территориального развития осуществляется кулуарно, ведущие российские эксперты к этим работам не привлекаются. Яркий пример – разработка проекта формирования Государственной корпорации развития Сибири и Дальнего Востока: к этой работе не был привлечен ни один из известных российских ученых-регионалистов.

Поэтому заявления идеологов кардинальной реформы РАН о том, что эта реформа наконец даст возможность российской науке выполнять ее важнейшую функцию – научную экспертизу крупных проектов и программ, проникнуты лукавством. Что мешало организовывать эти экспертизы раньше? Если же под такой экспертизой понимать выполнение научных исследований по заказу «сверху» и на принципах и в формате «чего изволите», то на самом деле современная независимая Российская академия наук таких исследований и заказов на выполняла и выполнять не будет¹⁰. Лишение РАН независимости и подчинение ее институтам федеральному правительственному агентству

¹⁰ Пример независимой научной региональной экспертизы рассмотрен нами в монографии [22]. Это научная экспертиза проекта переброски части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию, выполненная в ИЭОПП СО АН СССР в 1980-х годах с участием автора. В ИЭОПП в сотрудничестве с другими институтами был подготовлен научный доклад по перспективам развития «Срединного региона» (меридиональный макрорегион, включающий районы Сибири, Казахстана и Средней Азии) с акцентом на последствия реализации проекта переброски части стока сибирских рек. Было доказано, что реализация данного проекта в существовавших в то время условиях окажет серьезное негативное воздействие на экономику ряда районов СССР (в первую очередь Сибири), показано, что существуют альтернативные сценарии решения проблемы водообеспечения среднеазиатских республик и Казахстана, представлены конкретные способы и направления таких работ. Этот доклад и его резюме были направлены руководству ЦК КПСС, АН СССР, в союзные министерства. В результате работы по реализации проекта были приостановлены и начатое строительство прекращено. Безусловно, это было связано не только с активной научной позицией и исследованиями ИЭОПП. Но именно научные разработки этого института расставили все на свои места.

в принципе расчищает путь для подобных конъюнктурных экспертиз и разработок с заранее заданным «сверху» результатом. Но подобный путь попросту означает, что на российской регионалистике нужно будет поставить крест. Очевидно, что в таких условиях наиболее пострададут фундаментальные и теоретические исследования пространственных систем, межрегиональных взаимодействий и т.д., т.е. наиболее конкурентоспособный по мировым меркам сегмент отечественной регионалистики. Остается лишь надеяться, что очередная реформа, грозящая России, все-таки не позволит ее идеологам в полной мере реализовать свои замыслы.

Литература

1. **Лексин В.Н., Швецов А.Н.** Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРСС, 1997. – 372 с.
2. **Лексин В.Н.** Федеративная Россия и ее региональная политика. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 352 с.
3. **Швецов А.Н.** Совершенствование региональной политики: концепции и практика. – М.: КРАСАНД, 2010. – 320 с.
4. **Лексин В.Н., Швецов А.Н.** Реформа и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 1024 с.
5. **Гранберг А.Г.** Региональная политика в программах экономических реформ (уроки разработки и реализации) // Федерализм и региональная политика: Проблемы России и зарубежный опыт / Под ред. В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1995. – Вып. 1. – С. 7–52.
6. **Гранберг А.Г.** Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.
7. **Кулешов В.В.** Экономическая модернизация территории Сибири // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4 (76). – С. 90–110.
8. **Кулешов В.В.** О модернизации экономики Сибири // Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – С. 96–130.
9. **Зубаревич Н.В.** Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.
10. **Валентей С.Д.** Федерализм: российская история и российская реальность. – М.: ИЭ РАН, 1998. – 132 с.

11. **Артоболевский С.С.** Российская региональная политика: модернизация или деформация пространства? // Современные производительные силы. – 2012. – № 0. – С. 77–85.
12. **Трейвиш А.И.** Город, район, страна и мир. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.
13. **Проблемы** пространственного развития: методология и практика исследования / Под ред. Г.Г. Фетисова. – М.: СОПС, 2012. – 252 с.
14. **Селиверстов В.Е.** Современные проблемы региональной политики и федерализм в России // Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 1995. – Вып. 2. – С. 36–52.
15. **Селиверстов В.Е.** Федерализм и региональная политика в России в условиях укрепления вертикали власти // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 1. – С. 26–56.
16. **Селиверстов В.Е.** Региональная политика России: выбор новой модели // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 4. – С. 15–40.
17. **Селиверстов В.Е.** Мифы и рифы территориального развития и региональной политики России // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 194–224.
18. **Селиверстов В.Е.** Новая концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 4. – С. 3–14.
19. **Селиверстов В.Е.** Две модели региональной политики // ЭКО. – 2008. – № 4. – С. 88–92.
20. **Селиверстов В.Е.** Трансформации федерализма и региональной политики в России на рубеже веков // Оптимизация территориальных систем / Под ред. С.А. Суспицына. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – С. 300–318.
21. **Селиверстов В.Е.** Стратегические разработки и стратегическое планирование в Сибири: опыт и проблемы / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – 495 с.
22. **Селиверстов В.Е.** Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 436 с.
23. **Seliverstov V.** Regional development, regional policy and regional studies in post-soviet Russia // Territorial Cohesion in Europe: Int. Conf. for the 70th Anniversary of the Transdanubian Research Institute. Pecs, 27–28 June 2013 / Ed. I.P. Kovacs, J. Scott, Z. Gal; Inst. for Regional Studies, Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Acad. of Sciences. – Pecs, 2013. – P. 482–493.
24. **Зубаревич Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независ. ин-т соц. политики, 2010. – 160 с.

25. **Проблемы** федерализма, местного самоуправления и территориального развития в России: Научные исследования, прикладные проекты, библиография за 1990–1999 гг. / Под ред. В.Н. Лексина и А.Н. Швецова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 584 с.

26. **Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицын С.А.** Многорегиональные системы: экономико-математическое исследование. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. – 370 с.

27. **Оптимизация** территориальных систем / Под ред. С.А. Суспицына. – Новосибирск, ИЭОПП СО РАН. – 2010. – 632 с.

28. **Минакир П.А.** Экономика регионов: Дальний Восток. – М.: Экономика, 2006. – 848 с.

29. **От идеи** Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / Под общ. ред. А.И. Татаркина, В.В. Кулешова, П.А. Минакира; ИЭИ ДВО РАН, ИЭОПП СО РАН, ИЭ УрО РАН, РАН. – Екатеринбург, 2009. – 1227 с.

30. **Проект** Тасис «Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии» / Под ред. В.Е. Селиверстова, Д. Юилла. – Москва; Новосибирск: Экор; Сибирское соглашение, 2000. – 549 с.

31. **Сибирь** в первые десятилетия XXI века / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. – 788 с.

32. **Стратегии** макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под ред. А.Г. Гранберга. – М.: Наука, 2004. – 720 с.

33. **Котляков В.М., Глезер О.Б., Трейвиш А.И.** Новая программа фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 2 (74). – С. 24–44.

34. **Хорват Д.** Вызовы регионального развития и территориальной политики в Европе в начале XXI века // Современные проблемы пространственного развития. – М.: СОПС, 2012. – С. 87–98

35. **Horváth Gy.** Regionalization in Eastern and Central Europe: obstacles and perspectives // Geography, Environment, Sustainability. – 2012. – V. 5, No. 2. – P. 4–17.

36. **Territorial Cohesion in Europe:** Int. Conf. for the 70th Anniversary of the Transdanubian Research Institute. Pecs, 27–28 June 2013 / Ed. I.P. Kovacs, J. Scott, Z. Gal; Inst. for Regional Studies, Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Acad. of Sciences. – Pecs, 2013. – 516 p.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 27.08.2013 г.

© Селиверстов В.Е., 2013

СТРАТЕГИИ ПОБУЖДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

С.А. Суспицын

ИЭОПП СО РАН

*Работа выполнена при финансовой поддержке Программы
фундаментальных исследований Президиума РАН № 31
«Роль пространства в модернизации России: природный
и социально-экономический потенциал» (проект «Моделирование
и анализ трансформации экономического пространства
в сценариях модернизации экономики России»)*

Аннотация

Предложена концепция структуризации экономического пространства России на основе создания контрастных кластеров агентов национальной экономики. Выделены драйверы экономической активности в кластерах, обоснованы процедуры построения матрицы оценок значимости присутствия драйверов в кластерах. Разработаны методики формирования сводных индексов драйверов, обобщающих частные оценки их активности в разных кластерах, и сводных индексов кластеров, интегрирующих частные оценки разных драйверов. Предложены и оценены по сводным индексам теоретические стратегии побуждения экономической активности в экономике: стратегии государственного патернализма, рыночного романтизма, панрегионализма, идеального универсализма. Построены варианты таких стратегий для оценки последствий эшелонированного побуждения экономической активности. Вариант методики применен для анализа инвестиционной активности в регионах РФ. Анализ инвестиционных процессов в экономике с использованием предложенных методик показал,

что в России доминируют идеологизмы «чистого рынка», что недостаточно присутствие государства в экономике и недостает эффективных компетенций регионов.

Ключевые слова: модернизация экономики, стратегии экономического роста, кластеры, драйверы экономической активности, баланс интересов

Abstract

The paper offers a concept of how the Russian economic space could be structuralized on the base of building contrast clusters of the national economic agents. We describe the major drivers of economic activity in clusters and also present the procedures of how to arrange an estimator of driver matrix for clusters and techniques to arrange the consolidated indices of drivers which integrate partial estimates of their activities in different clusters as well as consolidated indices of drivers which integrate partial estimates of different drivers. We offer and assess by consolidated indices the theoretical incentive strategies for economic activity (strategy of public paternalism, market romanticism, pan-regionalism, and perfect universalism). The variants of such strategies are presented to assess the impacts of echeloned incentives towards economic activity. The variant of the technique is applied to analyze the investment activity in RF regions. Our analysis of investment processes made by such techniques shows that the concepts of «pure market» – a lack of the governmental intervention and effective regional competences – dominate in Russia.

Keywords: modernization of the economy, economic growth strategies, clusters, drivers of the economic activity, balance of interests

С первых перестроечных дуновений прошло без малого 30 лет. За такой срок многие страны, вставшие на путь глубоких экономических и общественных преобразований, во многом их завершили и достигли заметных успехов в социально-экономическом развитии. У России же, как всегда, все еще впереди, и это светлое будущее нам является в многочисленных программных документах, таких как Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации [1], стратегии прорыва [2] и модернизации всего и вся [3]. Далеко не очевидно, что наконец-то мы обречены на успех. Осознавая наше глубокое отставание от развитых стран, экспертное сообщество

и окол властные структуры с маниакальным упорством ищут чудо – драйверы экономического развития России и предлагают разные рецепты полного оздоровления тяжело больного, вплоть до экзотических – типа «обогнать, не догоняя». Власть же, действуя в реальном масштабе времени часто несистемно и невпопад, тем не менее, формирует общий вектор развития, благодаря которому страна заметно меняется от периода к периоду. Россия 2000-х годов не похожа на Россию 1990-х, а ее современный облик уже не тот, что в докризисные годы.

Находясь в постоянном движении, социально-экономическая система России (включая объекты и субъекты управления, законы, правила, институты функционирования и взаимодействия агентов экономики) в настоящее время представляет многомерную мозаичную структуру с элементами всех цветов и конфигураций. В ней соседствуют и какие-то ростки экономики знаний, и современные финансовые институты, и сельхозпредприятия, недалеко ушедшие в своей основе от хозяйств середины прошлого века (а где-то и начала) [4, 5], и промышленность с полной гаммой позавчашних, вчерашних, сегодняшних и даже завтрашних технологий (последние, правда, можно разглядеть лишь при сильном увеличении) [6]. А что говорить про «надстройку», которой до сих пор милее и ближе порядки «эпохи первоначального накопления капитала», чем цивилизованные экономические отношения! Из этой мозаики по желанию можно сложить любые красивые или, наоборот, безобразные и хаотичные картины, которые возможно использовать в сколько угодно продвинутых обобщениях в любом направлении – и как основания для самых пессимистических прогнозов, и как плацдарм для весьма радужных оценок. И тем более – для бесконечных промежуточных интерпретаций и интерполяций.

Возможность проведения сколько-нибудь системного анализа тормозится многими факторами: сложностью самой системы, исключительной подвижностью ее структурообразующих факторов, включая изменения в мирохозяйственной системе в целом; объективной необходимостью изменения каких-то частей анализируемой системы на ходу, с постоянными, в силу этого, конфликтными столкновениями «вчерашних» и «завтрашних» атрибутов функционирования; непродуктивностью часто практикуемых попыток аналитиков получать об-

щую картину суммированием отдельных частных оценок; зачастую сомнительной (и это еще мягко сказано) квалификацией таких интерпретаций, не говоря уже о возможной их политической ангажированности. Своеобразным апофеозом отказа от системных исследований процессов экономического развития являются все громче звучащие заявления о кризисе экономической теории вообще, о полной непредсказуемости возможного хода событий, о грозящей мировой экономике катастрофе и тому подобные «страшилки».

Было бы неправильным и нечестным не замечать прогресса в развитии страны и большинства регионов в период после 2000 г., напрямую связанного с той социально-экономической политикой, которая проводилась и проводится федеральным центром и транслируется региональным администрациям. Но каков общий итог этих изменений? Не сохраняются ли или даже не усиливаются ли опасные диспропорции, белые пятна и неоднородности в экономическом пространстве страны? Всегда ли задуманные преобразования идут широким фронтом, или они реально затрагивают лишь малую часть субъектов экономики? Кто основные драйверы экономического развития и каков спектр их интересов, мотиваций и реальных действий?

СТРУКТУРИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА И ЗАДАЧ АНАЛИЗА

В национальной экономике выделяются несколько групп участников экономических отношений, основными из которых являются бизнес-структуры, регионы и федеральный центр.

Бизнес-структуры представляют собой основополагающие элементы рыночной экономики, взаимодействующие и конкурирующие между собой и с другими агентами на рынках ресурсов, товаров и услуг. Они различаются масштабами и эффективностью функционирования, что во многом определяет их место среди им подобных, а также степень интереса к ним федеральных и региональных властей. Сложившиеся крупные корпорации, как правило надрегионального масштаба, вполне устойчивы, успешны и креативны. Частные бизнес-структуры вместе с государственными корпорациями, организованными в основных секторах экономики, образуют несущий скелет

хозяйственного комплекса страны. Уже одно это обстоятельство объясняет неослабевающий интерес федерального центра к их устойчивому функционированию. А многие инициативы правительства появляются не только в силу лоббистских возможностей крупных структур, но и в силу объективных совпадений корпоративных и государственных интересов по ряду позиций. Внимание федерального центра к интересам среднего и малого бизнеса не столь ярко выражено и далеко не в равной мере распределено по всему спектру таких структур: во-первых, их гораздо больше и они намного разнообразнее; во-вторых, они действуют, как правило, на более мелких рынках; в-третьих, из-за масштаба они более подвержены факторам риска в развитии экономики.

Все *российские регионы* естественным образом разделяются на три группы: регионы-лидеры, регионы-аутсайдеры и все остальные. Группы формируются по уровню развития регионов, по масштабам сборов в них налогов, по степени участия в них государства с его ресурсами развития. В распределении последних можно выделить две части. Первая часть задается территориальным распределением исполнения федеральных компетенций и в определенном смысле постоянна в плане участия федерального центра в экономических процессах развития регионов. Вторую часть задают мотивации, мобилизующие центр на более активное проявление себя в регионах. Сложившаяся в России практика государственно-регионального партнерства в регионах разного типа проявляется по-разному. Слабым регионам необходима прямая поддержка государства в виде безвозвратных финансовых поступлений, которые зачастую являются основным источником средств для их развития. «Середнячки», как правило, пользуются такой поддержкой по остаточному принципу. Сильным регионам часто достаточно создания благоприятных условий для развития. Более того, сами институциональные реформации часто проводятся с оглядкой на сильные регионы, которые более других способны их эффективно использовать в своем развитии. Если учесть то обстоятельство, что такие регионы являются основными донорами федерального бюджета, то именно их можно определить как регионы – фавориты межуровневых отношений в системе «регионы – федеральный центр».

Федеральный центр наиболее разнообразно участвует в экономической жизни страны: устанавливает правила функционирования предприятий и организаций разных форм собственности и собирает налоги; поддерживает и развивает государственный сектор экономики; реализует федеральные программы по развитию приоритетных направлений экономики, важнейших сфер обороны и государственного управления, инфраструктуры и социальной сферы; инициирует и финансирует имиджевые для власти крупные проекты. Он проводит дифференцированную политику по стимулированию экономической активности крупных, средних и малых бизнес-структур, по созданию условий для повышения уровня жизни и роста экономики в регионах с разным ресурсным и экономическим потенциалом и по многим другим направлениям.

Таким образом, среди основных игроков в экономическом пространстве России можно выделить три крупных кластера:

кластер *A* – креативный: центр + крупный бизнес + регионы-фавориты;

кластер *B* – срединный: центр + «крепкий» средний бизнес + регионы-«середняки»;

кластер *B* – миноритарий деловой активности: центр + средний и малый бизнес + регионы-аутсайдеры.

В каждом кластере федеральный центр представлен, естественно, какой-то своей частью, функции которой позволяют наиболее полно обеспечивать связи с участниками кластера.

Итак, кластер *A* составляют крупные игроки в российском экономическом пространстве: федеральный центр, крупный бизнес (транснациональные и надрегиональные корпорации, высокодоходные представители малого и среднего бизнеса) и регионы – фавориты государственной социально-экономической политики. Являясь мажорантом государственной экономической политики, этот кластер образует ядро национальной экономики. В нем сосредоточен основной потенциал и производится большая часть продукции, товаров, услуг, добавленной стоимости и налоговых поступлений в государственную казну.

Другой полюс – кластер *В* образуют игроки-аутсайдеры (слабодходные бизнес-структуры, регионы-аутсайдеры), а также федеральный центр в части, прямо связанной с этой группой игроков. Экономическое взаимодействие федерального центра с другими агентами данного кластера состоит в явно выраженной их поддержке (прямой и косвенной).

В промежуточный, срединный, кластер *Б* входят остальные регионы и бизнес-структуры со средними параметрами экономической активности. Федеральный центр также входит в этот кластер, но без особых интересов и без особой же активности помимо реализации в ряде регионов проектов государственной значимости (имиджевых, оборонных, проекций федеральных программ и т.п.). Регионы этого кластера вынуждены обеспечивать ресурсы для своего развития с минимальной поддержкой со стороны федерального центра.

Деловая и экономическая активность в кластерах поддерживается системой институтов и организационно-экономическими механизмами государственного, регионального и корпоративного управления. Над распределением игроков по кластерам можно построить распределение эффективных компетенций основных драйверов экономической активности: федерального центра, бизнес-структур, региональных администраций (обозначаемых далее как Центр, Бизнес, Регион). Это распределение также образует специфичную систему кластеров, но уже не в физическом пространстве объектов экономической деятельности, а в пространстве субъектов (агентов) деловой активности.

По самому построению кластеров соотношение эффективных компетенций введенных драйверов в кластерах может быть различным. Для представления оценок значимости присутствия основных драйверов в кластерах можно использовать трехуровневую шкалу. Экспертно определенные ранговые различия значимости агентов в разных кластерах по состоянию на начало текущего десятилетия приведены в табл. 1.

В развитии кластера-миноранта *В* наибольшие возможности имеются у государства, затем – у региональных властей. На последнее место поставлен бизнес (представленный здесь в основном низкоэф-

Таблица 1

Оценки значимости присутствия основных драйверов в кластерах

Кластеры	Драйверы		
	Центр	Бизнес	Регион
<i>A</i>	2	3	1
<i>B</i>	1	2	3
<i>B</i>	3	1	2

фективными малыми и средними предприятиями), обладающий слабыми возможностями саморазвития.

В серединном кластере *B* участие федерального центра, как было сказано выше, менее заметно, бизнес еще не созрел до критической массы, необходимой для эффективного саморазвития, тем не менее он уже активно функционирует. Наибольший по значимости для кластера вес имеют усилия региональных администраций.

В креативном кластере *A*, где бизнес успешен и самодостаточен, его возможности в отношении генерации экономической активности наиболее значимы в сравнении с возможностями государства и, тем более, регионов. Возможности последних, волей случая и предьстории оказавшихся в этом кластере, следуют за возможностями контрагентов, и, значит, в сопоставлении с ними у регионов меньше шансов влиять на экономическую активность в кластере.

По частным оценкам табл. 1 (U_{ij}) можно построить сводные индексы драйверов развития (S_j , $j=1, 2, 3$), обобщающие активность однотипных агентов в разных кластерах, и сводные рейтинги кластеров (R_i , $i=1, 2, 3$), интегрирующие оценки активности в них разнотипных агентов. Эти системы оценок взаимосвязаны и выражаются одна через другую:

$$S_j = \sum_i R_i \cdot U_{ij} \text{ и } R_i = \sum_j U_{ij} \cdot S_j.$$

Формальная методика расчета этих оценок состоит в серии поочередных уточнений их промежуточных значений до стабилизации значений на соседних итерациях.

Таблица 2

Уточнения сводных оценок деловой активности в кластерах и эффективных компетенций драйверов экономической активности

Драйверы и кластеры	Итерации				
	0	1	2	3	4
<i>Индексы эффективных компетенций драйверов экономической активности</i>					
Центр	50,0	34,7	33,4	33,3	33,3
Бизнес	30,0	33,1	33,3	33,3	33,3
Регион	20,0	32,2	33,3	33,4	33,4
<i>Индексы экономической активности в кластере</i>					
Кластер А	–	35,0	33,5	33,3	33,3
Кластер Б	–	28,3	32,9	33,3	33,3
Кластер В	–	36,7	33,6	33,4	33,4

В примере, построенном на данных табл. 1, стабилизация сводных индексов достигается уже на четвертой итерации (табл. 2). Процесс сходится к одним и тем же значениям индексов независимо от начального приближения (данные нулевой итерации в табл. 2). При этом согласованная система расчетных оценок может сильно отличаться от начальных значений (см. столбцы 0 и 4 в табл. 2).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Парадигмы развития кластеров выделяются по признаку доминирования направлений активизации экономической деятельности в них. Универсальные теоретические схемы основываются на однотипном порядке их влияния на выделенные кластеры креативных игроков, «среднячков» и аутсайдеров. В принятом масштабе представления агентов выделяются четыре возможные схемы организации «сцены» их действия: 1) универсальный патернализм; 2) рыночный романтизм; 3) панрегионализм; 4) идеальный универсализм.

В таблицах 3–6 представлены как локальные оценки значимости присутствия основных драйверов в кластерах, так и сводные индексы распределения экономической активности по кластерам (последний столбец) и сводные индексы драйверов экономической активности (последняя строка), рассчитываемые по предложенной выше методике.

Стратегия универсального патернализма. Основным драйвером экономической активности во всех кластерах является федеральный центр. Инициативы бизнеса и регионов проявляются в наименьшей степени и для чистоты эксперимента приняты равными между собой (см. табл. 3). Естественно, что унификация подходов к разным типам кластеров порождает равные сводные оценки кластеров, а доминирование федерального центра в генерировании экономической активности определяет и максимальную для него сводную оценку эффективных компетенций.

Стратегия рыночного романтизма. Построенный по такому же принципу пример доминирования рыночных начал в генерации экономической активности в кластерах приводит к тем же общим выводам: сводная оценка бизнеса как основного драйвера развития максимальна; кластеры получают одинаковые сводные оценки (см. табл. 4).

Стратегия панрегионализма. Эта стратегия не имеет прототипов в теориях развития национальной и региональных экономик (с на-

Таблица 3

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в стратегии универсального патернализма

Кластеры	Драйверы			<i>R</i>
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	3,0	1,5	1,5	33,33
<i>B</i>	3,0	1,5	1,5	33,33
<i>B</i>	3,0	1,5	1,5	33,33
<i>S</i>	50,0	25,0	25,0	

Примечание: в таблицах 3–6, 9, 13–15 сводные оценки кластеров округлены до второго знака после запятой.

Таблица 4

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в стратегии рыночного романтизма

Кластеры	Драйверы			<i>R</i>
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	1,5	3,0	1,5	33,33
<i>B</i>	1,5	3,0	1,5	33,33
<i>B</i>	1,5	3,0	1,5	33,33
<i>S</i>	25,0	50,0	25,0	

Таблица 5

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в стратегии панрегионализма

Кластеры	Драйверы			<i>R</i>
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	1,5	1,5	3,0	33,33
<i>B</i>	1,5	1,5	3,0	33,33
<i>B</i>	1,5	1,5	3,0	33,33
<i>S</i>	25,0	25,0	50,0	

Таблица 6

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в стратегии идеального универсализма

Кластеры	Драйверы			<i>R</i>
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	2,0	2,0	2,0	33,33
<i>B</i>	2,0	2,0	2,0	33,33
<i>B</i>	2,0	2,0	2,0	33,33
<i>S</i>	33,33	33,33	33,33	

тяжками, видимо, можно привести здесь пример государства с конфедеративным устройством). Но из соображений полноты и системности проводимого анализа в табл. 5 представлен третий тип чистого доминирования генерации экономической активности. Выводы по табл. 5 симметричны предыдущим.

Таким образом, чистые стратегии стимулирования экономической активности в кластерах характеризуются равенством сводных рейтингов кластеров и наибольшим индексом основного для каждой стратегии драйвера.

Стратегия идеального универсализма. Пример формализации этой стратегии представлен в табл. 6. Ее основные отличия от предыдущих стратегий состоят в дополнении принципов равного по кластерам стимулирования экономической активности правилом равного распределения таких усилий между федеральным центром, бизнесом и регионами. Отдельные примеры такого подхода можно, кстати, увидеть в методиках солидарного финансирования проектов из федерального и региональных бюджетов, в приемах понуждения регионов к расходам по каким-то направлениям обещаниями со стороны федерального центра также вложиться в них, в проектах частно-государственного партнерства и т.п. Доведенная до абсолюта подобная практика и послужила поводом для формирования стратегии идеального универсализма.

Принцип «всеобщего равенства» стирает грани между кластерами, между возможностями и между мотивациями разных драйверов к стимулированию экономической активности в разных кластерах (об этом свидетельствуют окаймляющие итоги табл. 6). Равнонапряженность усилий разных драйверов в каждом кластере и равномотивированность каждого драйвера к участию в развитии всех кластеров – это ли не признак гармоничного и сбалансированного экономического развития и не главная задача совершенствования всей системы государственного и корпоративного управления.

Как теоретическая схема эта стратегия имеет право на существование только при обнаружении тенденций к сближению качественных характеристик кластеров, с одной стороны, и мотиваций основных драйверов – с другой. Но вместе с тем демонстрируемая этой стратегией

идиллия «кластерного мира и гармонии драйверов» задает направление поиска других, более реалистичных стратегий, в которых также наиболее полно реализуется баланс интересов и компетенций.

РАННЯЯ СТАДИЯ СТРАТЕГИЙ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Выделение кластеров с разной интенсивностью экономической активности позволяет проследить системные последствия эшелонирования активизации процессов развития с помощью разных механизмов. Будем изучать ситуации, когда теоретические стратегии применимы к агентам только креативного кластера, а «жизнь» в других кластерах продолжается в достигнутом состоянии. Иными словами, в первую строку табл. 1 будем последовательно подставлять данные, содержащиеся в первых строках табл. 3–6. Ожидаемые общие выводы анализа должны в этом случае в каждой стратегии снизить оценки главных драйверов и изменить сводные индексы по кластерам в направлении неоднородности суммарных воздействий драйверов на кластеры (табл. 7).

Результаты расчетов таких индексов по всем стратегиям, модифицированным указанным способом, представлены в табл. 8. По ним можно сделать два общих вывода.

Во-первых, во всех стратегиях кластеры стали различаться по совокупным оценкам экономической активности, обобщающим частные оценки отдельных драйверов. Хотя ограниченные стратегии касаются возможных изменений в источниках стимулирования экономической активности только в креативном кластере *A*, общие оценки экономической активности меняются и в других кластерах. Диапазон изменений таких оценок в кластере *A* составил 32,7–34,1%, в кластере *B* – 31,7–34,2%, в кластере *B* – 32,2–34,6%.

Во-вторых, по сравнению с чистыми теоретическими стратегиями в каждой ограниченной стратегии снизились оценки генеральных драйверов: с 50 до 39,4% – драйвера Центр в стратегии ограниченного патернализма; с 50 до 33,4% – драйвера Бизнес в стратегии ограниченного рыночного романтизма; с 50 до 44,6% – драйвера Регион в стра-

Таблица 7

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в ограниченных вариантах теоретических стратегий стимулирования экономической активности

<i>Ограниченный патернализм</i>				<i>Ограниченный рыночный романтизм</i>			
Кластер	Центр	Бизнес	Регион	Кластер	Центр	Бизнес	Регион
<i>А</i>	3,0	1,5	1,5	<i>А</i>	1,5	3,0	1,5
<i>Б</i>	1,0	2,0	3,0	<i>Б</i>	1,0	2,0	3,0
<i>В</i>	3,0	1,0	2,0	<i>В</i>	3,0	1,0	2,0

<i>Ограниченный панрегионализм</i>				<i>Ограниченный рыночный универсализм</i>			
Кластер	Центр	Бизнес	Регион	Кластер	Центр	Бизнес	Регион
<i>А</i>	1,5	1,5	3,0	<i>А</i>	2,0	2,0	2,0
<i>Б</i>	1,0	2,0	3,0	<i>Б</i>	1,0	2,0	3,0
<i>В</i>	3,0	1,0	2,0	<i>В</i>	3,0	1,0	2,0

Таблица 8

Сводные индексы кластеров и драйверов в ограниченных стратегиях стимулирования экономической активности

Кластеры и драйверы	Стратегии			
	Ограниченный патернализм	Ограниченный рыночный романтизм	Ограниченный панрегионализм	Ограниченный универсализм
<i>Индекс экономической активности в кластере</i>				
Кластер <i>А</i>	33,7	33,2	34,1	32,7
Кластер <i>Б</i>	31,7	34,2	33,7	33,6
Кластер <i>В</i>	34,6	32,6	32,2	33,7
<i>Индекс эффективных компетенций драйверов экономической активности</i>				
Центр	39,4	30,3	30,3	33,3
Бизнес	24,8	33,4	25,1	27,8
Регион	35,8	36,3	44,6	38,9

тегии ограниченного панрегионализма. В стратегии ограниченного универсализма в стимулировании экономической активности лишь федеральный центр сохранил оценку чистой стратегии идеального универсализма на уровне 33,3%. Вес драйвера Бизнес упал до 27,8%, а драйвера Регион – увеличился до 38,9%.

Интегральной характеристикой каждой ограниченной стратегии является обобщенный коэффициент K различий сводных индексов как приемников импульсов экономической активности (кластеров), так и драйверов таких импульсов. Формально он определен следующим образом:

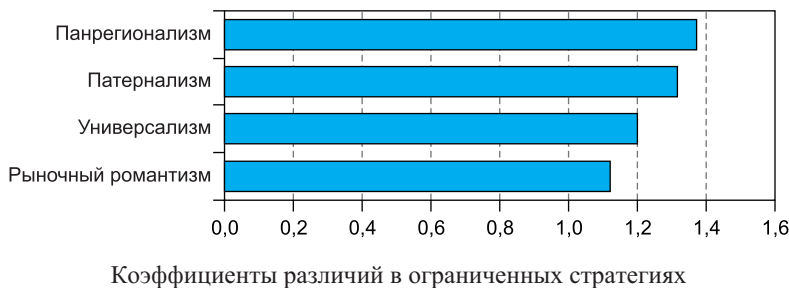
$$K = \sqrt{T_1 \cdot T_2}, \text{ где } T_1 = \max(S_j) / \min(S_j), T_2 = \max(R_i) / \min(R_i).$$

Наибольшие небалансы отмечаются в стратегии ограниченного панрегионализма, наименьшие – в стратегии ограниченного рыночного романтизма (см. рисунок).

Коэффициенты различий сводных индексов в первых трех чистых (теоретических) стратегиях стимулирования экономической активности (см. табл. 3–5) совпадают между собой и равны примерно 1,4 (точнее, $2^{1/2}$), что заметно больше, чем в ограниченных стратегиях.

Возникает вопрос: существуют ли стратегии распределения эффективных компетенций в стимулировании экономической активности, обеспечивающие «кластерный мир и гармонию драйверов»? Иными словами, возможны ли и если возможны, то при каких условиях единичные значения коэффициентов различий сводных индексов?

Примером стратегии с коэффициентом различий сводных индексов, равным 1, как следует из табл. 6, является стратегия идеального

универсализма. В соответствии с нею «мир» (экономическое пространство) для каждого драйвера не делится на любимых, менее любимых и совсем нелюбимых «детей», и в каждом кластере все драйверы в равной степени мотивированы на стимулирование экономической активности. Безусловно, такие послышки не имеют ничего общего с реалиями, концептуально более верно искать другие, смешанные стратегии, выводящие на «баланс сил» в целом по кластерам и по драйверам. Вполне естественно для такого поиска воспользоваться в качестве ориентиров характеристиками стратегии идеального универсализма, в которой, как отмечалось, не только соблюдаются общие балансы интересов, но и выровнены мотивации драйверов по всем частным позициям.

Неожиданным примером стратегии с искомыми свойствами оказалась стратегия, описанная в табл. 1 и интерпретируемая выше как близкая к современной российской действительности, если ее представить в терминах статьи. Эта стратегия близка к стратегии ограниченного рыночного романтизма, но характеризуется более заметным участием федерального центра в усилении экономической активности в кластерах (с укреплением его позиций в креативном кластере и сохранением их в остальных). Рассчитанные на данных табл. 1 по предложенной выше схеме сводные индексы драйверов и кластеров оказались равны $1/3$ (табл. 9). Равная мотивированность драйверов экономической активности, с одной стороны, и равный по кластерам общий потенциал их побуждения к экономической активности – с другой, со-

Таблица 9

Кластерный мир и гармония драйверов

Кластеры	Драйверы			<i>R</i>
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	2,0	3,0	1,0	33,33
<i>B</i>	1,0	2,0	3,0	33,33
<i>B</i>	3,0	1,0	2,0	33,33
<i>S</i>	33,33	33,33	33,33	

здают основу баланса интересов всех субъектов экономического пространства страны.

ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ОСНОВНЫХ ДРАЙВЕРОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Предложенную выше методику можно применить к оценке активности в регионах потенциальных инвесторов. Информационную основу составили данные по 80 субъектам Федерации за 2010 г., содержащиеся в статистических сборниках «Регионы России». В агрегированном виде эти данные представлены в табл. 10.

Инвестиции в регионах осуществляются за счет федерального и региональных бюджетов и прочих источников финансирования. Не будет большой натяжкой последнюю статью связать с частными инвестициями и тем самым навести соответствие указанных источников с используемыми выше терминами для обозначения драйверов экономической активности («Центр», «Регион», «Бизнес»).

Данные табл. 11 свидетельствуют о высокой доле корпоративных и частных инвестиций – на уровне 80% от общих инвестиций. Государство участвует в финансировании инвестиций только на 10%. Лишь в Северо-Кавказском округе и на Дальнем Востоке инвестиционная активность федерального центра заметно выше среднего по стране уровня. Используемые возможности регионов и того меньше. Только в Московском регионе и на Северном Кавказе они заметно выше среднероссийских.

Сформируем три региональных кластера, включая в них регионы с соответствующим уровнем душевого ВРП. Серединный кластер образуют регионы с показателями душевого ВРП, отличающимися от среднего по РФ не более чем на 25%. В кластер лидеров (аутсайдеров) вошли регионы с душевым ВРП выше правой (соответственно, ниже левой) границы диапазона возможных значений этого показателя в серединном кластере. Сводные характеристики построенных таким образом кластеров приведены в табл. 12. Иными словами, в кластер лидеров включены регионы с душевым ВРП выше 327,1 тыс. руб./чел., к аутсайдерам отнесены регионы с душевым

Таблица 10

Территориальная структура населения, ВРП и инвестиций в 2010 г.

Макрорегион	Население, тыс. чел.	ВРП, млрд руб.	Инвестиции, всего, млрд руб.	В т.ч. феде- ральный бюд- жет, млрд руб.	Региональные бюджеты, млрд руб.	Прочие источники, млрд руб.
Россия	142905,3	37398,5	8392,2	865,4	824,6	6702,2
В том числе, %:						
Москва и Московская обл.	13,0	27,3	11,6	9,1	19,3	11,0
Остальная часть ЦФО	13,9	8,5	10,9	14,0	9,2	10,7
С.-Петербург и Ленин- градская обл.	4,6	5,8	7,7	9,5	9,7	7,2
Остальная часть СЗФО	4,9	4,6	4,8	3,1	4,0	5,2
Южный ФО	9,7	6,1	9,5	11,2	7,2	9,5
Северо-Кавказский ФО	6,6	2,4	3,4	9,2	5,6	2,4
Поволжье	10,8	8,1	9,3	6,9	9,7	9,5
Остальная часть ПФО	10,2	7,0	6,5	5,8	6,9	6,5
Тюменская обл.	2,4	8,8	12,5	0,4	11,6	14,2
Остальная часть УрФО	6,1	4,8	4,5	5,1	3,6	4,6
Юг Западной Сибири	7,8	5,6	5,3	4,3	5,6	5,4
Остальная часть СФО	5,7	5,4	5,3	6,1	3,2	5,5
Юг Дальнего Востока	3,4	4,1	6,7	12,5	2,7	6,4
Остальная часть ДВФО	1,0	1,6	2,0	2,8	1,9	1,9

ВРП ниже 196,3 тыс. руб./чел. (средний по стране душевой ВРП в 2010 г. был равен 261,1 тыс. руб./чел.).

По данным табл. 10–12 были получены частные оценки инвестиционной активности драйверов в выделенных кластерах (табл. 13). Для бизнеса все кластеры оказались сравнимо привлекательными (см. третий столбец табл. 13). На фоне маломасштабного инвестиционно-

Таблица 11

Индикаторы развития и структура инвестиций по источникам

Макрорегион	Индикаторы			Структура инвестиций, %		
	Душевой ВРП	Плотность инвестиций	Доля инвестиций в ВРП	Федеральный бюджет	Региональные бюджеты	Прочие источники
Россия	261,7	58,7	22,4	10,3	9,8	79,9
Москва и Московская обл.	548,1	52,5	9,6	8,1	16,3	75,6
Остальная часть ЦФО	159,6	46,1	28,9	13,3	8,3	78,4
С.-Петербург и Ленинградская обл.	331,6	98,2	29,6	12,7	12,4	74,9
Остальная часть СЗФО	246,3	57,7	23,4	6,6	8,1	85,3
Южный ФО	165,5	57,3	34,6	12,2	7,5	80,3
Северо-Кавказский ФО	93,5	30,2	32,3	27,6	16,0	56,4
Поволжье	197,8	50,6	25,6	7,7	10,2	82,1
Остальная часть ПФО	180,3	37,6	20,8	9,2	10,4	80,4
Тюменская обл.	969,9	309,6	31,9	0,3	9,1	90,6
Остальная часть УрФО	206,6	43,8	21,2	11,7	7,8	80,5
Юг Западной Сибири	187,9	40,1	21,4	8,4	10,4	81,2
Остальная часть СФО	246,1	54,5	22,1	11,8	5,9	82,3
Юг Дальнего Востока	316,5	116,8	36,9	19,2	3,9	76,9
Остальная часть ДВФО	394,3	110,7	28,1	15,0	9,5	75,5

го присутствия в кластерах других драйверов это явилось основным фактором сближения сводных оценок кластеров по показателю инвестиционной активности в них. Но сводные оценки самих драйверов существенно различаются. Оценки мажорирующего драйвера оказались заметно выше, чем в чистых стратегиях экономической активности, различающихся доминантным присутствием в кластерах генерального драйвера. Оценки других драйверов (Центр и Регион) оказались близкими между собой на довольно низком уровне.

Таблица 12

Показатели развития регионов РФ в 2010 г. в разрезе кластеров

Показатель	Лидеры	«Середняки»	Аутсайдеры
<i>Территориальные структуры</i>			
Численность населения, %	17,6	30,5	51,9
ВРП, %	42,1	28,4	29,5
Инвестиции в основной капитал, %	31,8	32,4	35,8
В том числе:			
федеральный бюджет	19,7	32,4	47,9
бюджеты регионов	32,2	33,5	34,3
прочие источники	41,1	23,6	35,3
<i>Индикаторы развития</i>			
Душевой ВРП, тыс. руб./чел.	626,1	243,1	149,0
Плотность инвестиций, тыс. руб./чел.	106,2	62,4	40,5
Доля инвестиций в ВРП, %	17,0	25,7	27,2

Таблица 13

Матрица инвестиций (млн руб.) и сводные оценки инвестиционной активности драйверов и кластеров (%)

Кластеры	Драйверы			<i>R</i>
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	170747,5	2161434,0	338921,5	32,2
<i>B</i>	280441,7	2244793,6	194597,7	33,3
<i>B</i>	414190,7	2296007,8	291098,4	34,5
<i>S</i>	10,4	79,8	9,8	

Сравнения с теоретическими стратегиями побуждения экономической активности в кластерах можно продолжить, если перевести табл. 13 в формат трехуровневой качественной шкалы предпочтений оцениваемых показателей. В этой шкале образ матрицы частных

Таблица 14

Частные и сводные оценки инвестиционной активности в трехуровневой шкале

Кластеры	Драйверы			<i>R</i>
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	1,0	3,0	2,0	32,8
<i>B</i>	2,0	3,0	1,0	33,6
<i>B</i>	2,0	3,0	1,0	33,6
<i>S</i>	27,9	50,0	22,1	

предпочтений драйверов в кластерах принимает вид центральной зоны табл. 14 (без столбца *R* и строки *S*), в которой сглажены непринципиальные детали различий частных оценок табл. 13. В расчетах с ее использованием проявились «видовые» характеристики теоретической стратегии рыночного романтизма с доминантным драйвером Бизнес и менее заметным присутствием других драйверов (см. табл. 4).

Можно оценить некоторые характеристики перехода от неравнозначного участия разных драйверов в инвестиционном процессе в регионах к паритету их присутствия в разных кластерах с сохранением равной инвестиционной привлекательности всех кластеров. Приведение к такому балансу задает следующую стратегию мотиваций драйверов к инвестированию (табл. 15). По сравнению с исходным прообразом

Таблица 15

Оценки значимости инвестиционной активности в стратегии баланса мотиваций драйверов и приоритетности кластеров

Кластеры	Драйверы		
	Центр	Бизнес	Регион
<i>A</i>	1,15	1,93	2,92
<i>B</i>	2,42	2,04	1,54
<i>B</i>	2,43	2,03	1,54

(см. табл. 14) в ней усиливаются инвестиционные компетенции федерального центра, еще более заметно возрастают позиции регионов. Роль бизнеса относительно снижается во всех кластерах, а в менее развитых (*Б* и *В*) он перестает быть доминантным фактором. В креативном кластере *А* лидирующие позиции в инвестиционном процессе отводятся драйверу Регион с очевидными потенциями обеспечения устойчивых условий для саморазвития по крайней мере в сильных регионах.

* * *

Уместно сделать несколько выводов по итогам статьи.

Процесс укрепления государственности и ее экономического базиса в России очевиден, неоднороден и самобытен. Система, построенная к настоящему времени, не менее оригинальна, чем китайская модель, или более ранние модели «азиатских тигров», или модели арабских султанатов, выросших на нефти, но обустроивших у себя определенный уровень гармонии и процветания. Во многом российская модель базируется на исторически сложившемся авторитаризме власти, что, впрочем, не противоречит очевидным постулатам теории самоорганизующихся систем, определяющим высшим приоритетом их развития расширенное воспроизводство «себя любимых». Там, где дистанция между властью и обществом, властью и страной значима и достигает пороговых значений, расширенное воспроизводство целого (страны) подменяется расширенным воспроизводством его части (власти и обеспечивающего ее экономического базиса). Проявления именно такого положения дел заметны в современной экономической системе России.

К настоящему времени власть обустроила себя: установила приоритеты развития, наработала механизмы мобилизации ресурсов для их достижения, упрочила фундамент (в терминах статьи – креативный кластер) и, самое главное, на наш взгляд, определилась концептуально, взяв курс на создание сильного государства, родовым атрибутом которого является сильная центральная власть. Для России (впрочем, как и для многих других стран) сочетание укрепления государственности и заботы о своих гражданах, внешне имеющее вид двуединой и крепко сбитой формулы целеполагания, в реалиях не столь уж и мо-

нолитно соединяет эти начала. Многое из того, что государство делает для себя, можно (и у него это хорошо получается) выдавать за первоочередную заботу о своих гражданах. Забота о слабых – это тоже прежде всего забота государства о себе. На деле она осуществляется в скромных масштабах, не решает проблемы по существу, но и не создает особой нагрузки на ресурсы государства прямым участием в их судьбе. Скорее всего, это своеобразный «макияж» на лице власти, призванный сделать его более привлекательным. Не создавая основы для реального роста потенциала и укрепления возможностей саморазвития аутсайдеров, такие действия центральной власти постоянно воспроизводятся в ежегодно повторяемых дотациях бюджетам регионов-аутсайдеров или в виде очередных «косметических примочек» малому бизнесу.

Креативный кластер обустроен благодаря тому, что федеральный центр подчиняется инстинкту укрепления самовоспроизводства, столетиями вырабатывавшемуся высшей властью России и являющемуся простым следствием общей теории систем. Этот кластер – главная опора власти и именно потому предмет ее внимания. Скрепляет власть и агентов этого кластера выстроенная система взаимовыгодных отношений.

Экспертные оценки частных мотиваций основных драйверов экономической активности в разных по уровню развития кластерах (см. табл. 1) интерпретируются выше как характеристики современного состояния социально-экономической системы России и порождают равновесные (точнее, квазиравновесные) сводные оценки драйверов и кластеров. Что-то здесь не так. Возможно одно из двух: либо неверны исходные интерпретации, либо имеющаяся в оценках «гармония интересов и компетенций» условна, локально равновесна и обеспечивается латентными механизмами тотального доминирования главного игрока – государства, которое вполне устраивает сложившаяся ситуация. С другой стороны, используемые принципы построения кластеров и драйверов носят «долгоиграющий» характер и, следовательно, создают объективную основу для интерпретации таких состояний как близких к равновесным. Вполне вероятно, что в анализе не хватает еще одного измерения, например размера кластера. В этом случае воз-

можно перемещения игроков между кластерами, общая картина станет более реалистичной, но поиск особых состояний в трехмерном пространстве окажется существенно сложнее, чем в его двумерных проекциях типа «кластеры – драйверы». Изучение проблемы стимулирования экономической активности в других проекциях этого пространства («размеры – драйверы» или «размеры – кластеры») может приблизить построение общей картины.

Из рассмотренного в настоящей статье примера обустройства инвестиционных процессов вполне очевидно следует вывод о том, что в России доминируют идеологизмы «чистого рынка», что в экономике мало государства и недостает эффективных компетенций регионов. Без преодоления этих проявлений невозможно гармонизировать социально-экономическую систему страны, сблизив при этом мотивации присутствия основных драйверов экономической активности в разных кластерах, а не только в креативных, и тем более невозможно сблизить кластеры, хотя бы в обобщающих оценках восприятия такой активности драйверов.

Литература

1. **Концепция** долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. – М.: Минэкономразвития России, 2008. – 115 с.
2. **Глазьев С., Фетисов Г.** Новый курс: стратегия прорыва: Научный доклад. – М.: Российская академия наук; Совет по изучению производительных сил; Национальный институт развития, 2012. – 48 с.
3. **Стратегия** модернизации российской экономики / Отв. ред. В. Полтерович. – М.: Алетейл, 2010. – 424 с.
4. **Калугина З.И.** Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 186–197.
5. **Калугина З.И.** Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 115–135.
6. **Гильмуллин В.М.** Промышленная политика России: состояние и проблемы // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 104–117.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 19.06.2013 г.

© Суспицын С.А., 2013

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 61–94

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ОПЫТ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

А.Н. Пилясов

СОПС

В.В. Кулешов, В.Е. Селиверстов

ИЭОПП СО РАН

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 12-32-06001)*

Аннотация

Представлены результаты исследований формирования арктических политик и арктических стратегий различных стран в условиях процессов глобализации, климатических изменений и с учетом геополитических и экономических трендов. Рассматриваются ресурсные и инновационные аспекты развития арктических территорий, их риски и неопределенности, новые драйверы арктического социально-экономического развития. Анализируются проблемы суверенитета и национальной безопасности стран Арктического бассейна и возможности снижения рисков, неопределенности и нестабильности развития циркумполярных территорий на основе международного сотрудничества. Особый акцент сделан на экономических аспектах развития российского Севера и Арктики в контексте глобальной нестабильности, рисков и угроз.

Ключевые слова: Арктика, ресурсы, Северный Ледовитый океан, арктическая политика, национальные арктические стратегии, глобализация, риски, неопределенность, международное сотрудничество, национальная безопасность, социально-экономическое развитие

Abstract

The paper analyzes how different countries developed their Arctic policies and strategies in the context of the globalization processes, climate changes, and geo-political and economic trends. We also analyze the innovation aspects, resources, risks and uncertainties, and new drivers of their Arctic development; problems of their sovereignty and national security; and feasibility to make such risks, uncertainties and instability less through international cooperation. A special focus is on the economic aspects of the Russian North and Arctic in the context of the global instability, risks and threats.

Keywords: Arctic, resources, Arctic Ocean, Arctic policy, national Arctic strategies, globalization, risks, uncertainty, international cooperation, national security, socio-economic development

Мы являемся свидетелями динамичных социальных и природных изменений, происходящих в арктической зоне мира. По этой причине очень быстро устаревает запас ранее накопленного знания о социальных и природных процессах в Арктике. Парадоксально, но сегодня нередко его основная ценность состоит в том, чтобы признать, что ранее, в последние десятилетия XX в., ничего подобного современным событиям в циркумполярной зоне мы не могли наблюдать.

Перестали работать прежние, выверенные годами модели и представления о взаимоотношениях арктических государств, об экстремальности и недоступности арктических территорий в сравнении с районами умеренной зоны, о характере и типе климатической динамики. Происходит радикальная трансформация многих понятий и тем, ранее широко используемых в социально-экономических исследованиях Севера и Арктики. Например, популярная прежде тема зарубежного опыта освоения Севера: в советское время десятки исследователей отдали ей дань, теперь же в общем потоке североведческой литературы ей по-

священы лишь отдельные публикации. Все меньше работ по опыту освоения Севера и Арктики отдельных полярных стран, все больше работ по международному сотрудничеству, по совместным исследованиям, по обмену передовой практикой и опытом при изучении и освоении глобальной арктической зоны. Да и сам уровень страны-государства при анализе опыта освоения полярных территорий перестает быть достаточным. Ведь за последние десятилетия в Арктике и на Севере появилось много других экономически и политически очень влиятельных игроков в виде транснациональных корпораций, межгосударственных организаций, глобальных некоммерческих организаций, которые непосредственно вовлечены в процессы освоения и развития мировой Арктики и Субарктики.

Так чей зарубежный опыт теперь нужно изучать? Пятерки прибрежных арктических государств? Или полярной восьмерки, входящей в Арктический совет? Или ресурсных корпораций «Total S.A.», «British Petroleum», «Exxon», «Statoil», активно работающих сегодня на арктическом шельфе и на суше? Или международной природоохранной организации WWF, которая ежегодно реализует в Арктике десятки проектов? Или организаций коренных малочисленных народов Севера – эскимосов, североευропейских саамов и др.?

Приведем еще один пример. Вопросы экологической политики в Арктике в 1970–1980-е годы нередко рассматривались в аспекте конфронтации стран НАТО и Варшавского договора. А теперь те же самые вопросы часто рассматриваются в контексте конъюнктуры глобальных рынков и перспектив освоения нефтегазовых месторождений арктического шельфа.

Под влиянием нескольких событий, произошедших в мировой арктической зоне в конце 1980-х годов, во всей Арктике был сломан эффект колен – инерционной зависимости от траектории прошлого развития и исчезли многие ограничения, связанные с прошлым опытом, прежними представлениями и убеждениями ключевых участников развития этих территорий. Как ни в какой другой природной зоне Земли в Арктике в начале 1990-х годов возникли абсолютно новые и уникальные возможности для институциональных экспериментов.

Подчеркнем, что произошедшие в Арктике изменения никем не были предсказаны. Все совершилось абсолютно неожиданно для мирового сообщества, для самих полярных государств и жителей Арктики и Севера. По историческим меркам очень быстро, меньше чем за десятилетие, и всего через несколько лет после распада СССР и окончания холодной войны оформился новый макрорегион активного международного сотрудничества, что было юридически закреплено созданием в 1996 г. Арктического совета. А еще через одно десятилетие была осознана реальность исключительно быстро происходящих в Арктике климатических изменений, которые радикально меняют весь природный контекст человеческой деятельности в этой зоне.

Если попытаться обозначить результирующую преобразований в Арктике на протяжении последних двух десятилетий, то это будет феномен нарастающей природной, социальной и экономической неопределенности, которая становится естественным состоянием всей мировой арктической зоны и теперь в существенной степени детерминирует действия и поведение основных субъектов ее освоения и развития. Зарубежный опыт освоения Арктики и формирования национальной арктической политики полярного государства должен рассматриваться как инструмент борьбы, инструмент противостояния неопределенности, которая генерируется природной и социальной динамикой в Арктике. Соответственно, институциональные, организационные, технологические инновации также должны оцениваться с позиций того, насколько эффективно они работают на уменьшение неопределенности и повышение предсказуемости процессов в мировой Арктике и на Севере. И такое понимание процесса новейших изменений в Арктике будет абсолютно созвучно идеям Нобелевского лауреата по экономике Д. Норта [1].

ОБЩИЙ КОНТЕКСТ ОСВОЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ МИРА: ПОЗИЦИИ СТРАН-ИГРОКОВ

Для общего понимания среды развертывания современных процессов развития арктической зоны, которые характеризуются исключительной неопределенностью, используем треугольный индекс бо-

гатства арктических наций¹. Он состоит из 45 индикаторов. Каждый из трех блоков сводного индекса описывается 15 показателями (табл. 1). Внутри ресурсного блока пять индикаторов характеризуют состояние возобновляемых ресурсов Арктики, четыре – невозобновляемых, шесть описывают состояние природной среды. Внутри инфраструктурного блока шесть показателей оценивают положение инфраструктурных объектов, четыре – положение информационных систем, пять – положение систем управления. Внутри блока «Общество» четыре индикатора характеризуют население, пять – сферу образования и здравоохранения и шесть индикаторов оценивают экономические параметры развития территории.

Треугольный индекс богатства характеризует не только три основных драйвера развития полярных территорий мира, но и то, в какой степени они сбалансированы между собой. Наиболее устойчивой является ситуация равностороннего треугольника – т.е. когда блоки ресурсов, инфраструктуры и общества имеют сопоставимую степень развитости. Понятно, что в этом случае и риски несбалансированного развития минимальны. Сорок пять исходных показателей, сгруппированных по трем сторонам треугольного индекса богатства, после процедуры нормирования позволяют дать как ранговую, так и совокупную балльную оценку богатства арктических наций (табл. 2).

Восьмой ранг среди всех полярных стран означает максимальное богатство по данному блоку показателей, первый – минимальный уровень богатства среди восьмерки полярных стран. Неудивительно, что Россия занимает приоритетный восьмой ранг по уровню ресурсного богатства. Однако по уровню развития инфраструктурных систем и социальной сферы ее позиции существенно скромнее. Природное богатство не гарантирует стране высокое место в совокупном рейтинге. Важнее именно устойчивые передовые позиции одновременно по всем сторонам треугольника. Именно они обеспечили лидерство Норвегии среди всех полярных стран.

¹ Треугольный индекс богатства арктических наций, разработанный в Университете Тафтса (Бостон, США), оценивает природное богатство, способность его использовать и социальные структуры, созданные странами в своем секторе Арктики.

Таблица 1

Индикаторы, формирующие сводный треугольный индекс богатства арктических наций*

Ресурсный блок	Инфраструктурный блок	Блок «Общество»
<i>Подблок возобновимых ресурсов</i>	<i>Подблок физической инфраструктуры</i>	<i>Подблок населения</i>
Морские рыбные ресурсы	Всепогодные аэропорты и морские порты	Численность населения
Киты	Протяженность трубопроводов	Удельный вес коренного населения
Лес	Протяженность автомобильных дорог	Уровень безработицы
Питьевая вода	Кол-во арктических ледоколов	Государственные субсидии на одного жителя
Источники возобновляемой энергии	Кол-во команд поиска и спасения	<i>Подблок образования и здравоохранения</i>
<i>Подблок невозобновляемых ресурсов</i>	Кол-во основных буровых вышек для добычи нефти и газа	Продолжительность жизни
Нефтяные ресурсы шельфа и суши	<i>Подблок информационной инфраструктуры</i>	Уровень грамотности
Газовые ресурсы шельфа и суши	Развитие телекоммуникаций	Число больничных коек на 1000 чел. населения
Ресурсы угля	Число исследовательских станций	Удельный вес детей школьного возраста, обучающихся в школах
Ресурсы минерального сырья (цинк, медь, платина и др.)	Проникновение Интернета	Число учеников на одного учителя
<i>Подблок среды</i>	Проникновение радио	<i>Экономический подблок</i>
Площадь сухопутной территории	<i>Подблок управления</i>	ВРП и темпы роста ВРП
Площадь морской акватории	Число экологических соглашений (двух- и многосторонних)	Подушевой доход (по паритету покупательной способности, долл.)

Окончание табл. 1

Ресурсный блок	Инфраструктурный блок	Блок «Общество»
Виды животного мира, находящиеся под угрозой исчезновения	Число спорных, нерешенных случаев в использовании природных ресурсов	Инвестиции, % от ВРП
Основные экологические катастрофы с 2000 г.	Самоопределение коренных народов (советы, НКО и др.)	Международная торговля
Доля природоохранных земель	Подотчетность власти	Арктический туризм, % от ВРП
Доля территории с вечной мерзлотой	Индекс коррупции	Простота создания малых предприятий и работы в малом бизнесе

* Источники получения данных по каждому индикатору приведены в работе [2].

Таблица 2

Нормализованные ранги арктических стран по блокам треугольного индекса

Страна	Ресурсы	Общество	Инфраструктура	Общий ранг (оценка)
Россия	8	2	2	4 (162)
Канада	7	1	4	3 (158)
США	6	3	5	6 (163)
Норвегия	5	8	6	8 (178)
Гренландия	4	5	1	2 (150)
Исландия	3	7	3	1 (149)
Швеция	2	6	8	7 (169)
Финляндия	1	4	7	5 (162)

Максимально сбалансировано распределение богатства внутри всех трех блоков – «Общество», «Ресурсы» и «Инфраструктура» в американском штате Аляска и в Норвегии. А самое несбалансированное распределение богатства внутри треугольника у России и Исландии: при относительной развитости одного блока в обоих случаях

катастрофически «проваливаются» два других. По совокупной балльной оценке своего богатства российская Арктика занимает срединное четвертое место, уступая Норвегии, Швеции и американской Арктике, где природная, инфраструктурная и социальная составляющие развиты более равномерно и, соответственно, графическая картина богатства ближе к ситуации равностороннего треугольника.

О чем свидетельствует данный индекс в аспекте новых рисков и неопределенности, возникших в арктической зоне с начала 1990-х годов, и какие уроки могут быть извлечены из этого для России? Во-первых, очевидно, что страны Северной Европы накопили полезный опыт формирования эффективных общественных институтов, способных гасить часть арктических рисков и неопределенностей – как природных, так и социальных. Во-вторых, все крупные, а также островные полярные территории, в том числе входящие в состав канадской и российской федераций, имеют объективные ограничения, связанные с трудностями развития инфраструктурных систем в Арктике. Только штату Аляска удалось их отчасти преодолеть и выйти на почти сопоставимый со странами Северной Европы уровень инфраструктурного богатства. Инфраструктурные системы российской Арктики не могут так же эффективно справляться с вызовами арктических рисков и неопределенностей, прежде всего природных, как системы скандинавских стран и Аляски. В-третьих, есть определенная связь между позицией страны по треугольному индексу богатства и уровнем инновационного развития ее полярных территорий. Так, инновационный лидер глобальной Арктики Норвегия оказывается лидером и по треугольному индексу богатства. Совокупные позиции стран в общем «треугольном» рейтинге богатства дают представление и об их позициях по инновационному развитию полярных территорий.

Можно увидеть также сопряжение между позициями полярных стран в этом рейтинге и направленностью национальных арктических стратегий. Так, у лидера рейтинга Норвегии арктическая стратегия имеет отчетливый инновационно-ориентированный характер, а у замыкающей рейтинг Исландии стратегия нацелена исключительно на приоритеты международного сотрудничества в арктической зоне.

Несмотря на специфичные для каждой из полярных стран риски развития, у них существуют общие сильные риски и неопределенности, возникшие в недавнее время. Эти риски реализовались в результате появления абсолютно новых факторов развития циркумполярной зоны в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

НОВЫЕ ДРАЙВЕРЫ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ АРКТИКИ

В 1990-е годы, когда один из авторов работал начальником отдела Арктики Госкомсевера России, еще абсолютно не было ощущения того, что в развитии циркумполярной зоны появились новые силы. На рабочих и пленарных совещаниях по-прежнему обсуждались исключительно темы секретности, национальных интересов России в Арктике, необходимости наращивания атомного ледокольного флота и т.д., унаследованные еще с советского времени. Однако с начала 2000-х годов на международных, а позднее и на российских конференциях по Арктике начали проговариваться абсолютно другие сюжеты, которые отразили действие совсем новых драйверов развития арктической зоны в новую эру – эру завершения холодной войны и военного противостояния сверхдержав в Арктике.

Одной из главных тем глобальной озабоченности для арктических государств с нарастающей активностью становятся вопросы *климатических изменений*. Сотни исследователей по всему миру отмечают быстрое уменьшение ледового покрова в Арктике, в том числе исчезновение и истончение не только однолетнего, но и самого толстого многолетнего льда. В 2007 г. впервые в новейшей истории освободился ото льда Северо-Западный проход – морской путь через Канаду по 36 тыс. островов арктического архипелага. Биологи отмечают сдвиг в полярные широты экосистем умеренной зоны – миграции рыбных популяций, представителей животного мира на север, в Арктику. Типичные для умеренной зоны сельскохозяйственные культуры (например, картофель) теперь начинают выращивать в некоторых ареалах арктической зоны (например, в Гренландии).

Ожидается, что если наблюдаемые климатические тенденции сохранятся, то температура в полярных широтах за столетие повысится

в 2 раза больше, чем в среднем на Земле (примерно на 3–5 °С). Самый сильный эффект потепления в Арктике придется на зимние месяцы, которые будут существенно более снежными, чем раньше. Это приведет к большему стоку северных рек и большей частоте наводнений, чем в предыдущем веке. В связи с тем, что самый сильный эффект потепления в Арктике проявится в Северном Ледовитом океане, навигационная активность здесь существенно возрастет (и это будет не столько транзит, сколько внутреннее судоходство в самой Арктике). Это обеспечит большую доступность арктических прибрежных территорий. С другой стороны, ввиду сокращения сроков работы зимников доступность отдаленных внутренних полярных территорий станет существенно меньше [3].

Исследователи отмечают, что мы вступили в длительный, сроком в несколько десятилетий или даже столетие, период климатической турбулентности в Арктике, когда неожиданные природные явления, которые ранее считались аномалиями, теперь станут практически регулярными. Это означает, что прежние модели климатической динамики, которые были настроены на инерционные ряды многолетних показателей с постепенными изменениями, перестают работать в условиях растущей амплитудности колебаний и частых локальных природных катастроф. Причем согласно прогнозам на основе большинства моделей, именно в полярных широтах климатические изменения будут наиболее сильными.

Все это означает, что важнейшей задачей для всего сообщества полярных государств на долгую перспективу станет защита от усиливающихся природных рисков и климатической неопределенности [4, 5]. Внезапные климатические изменения будут оказывать очень глубокое воздействие на основные экономические и политические институты полярных государств. Потребуется и разработка абсолютно новых общественных институтов (как на национальном, так и на международном уровне) для обеспечения большей устойчивости развития в условиях усиливающейся природно-климатической нестабильности. Накопленный опыт и новые институты, наработанные одной страной, будут быстро осваиваться и в других.

Другой важнейший драйвер преобразований арктической зоны связан с *возрастающей экономической активностью*, прежде всего в морской Арктике. Тысячи кораблей ежегодно регистрируются в мировой арктической зоне. Около миллиона туристов из различных стран каждый год участвуют в арктических круизах, используя летние, свободные ото льда маршруты навигации. Развитые постиндустриальные экономики США, Западной Европы, Канады и экономики бурно развивающихся новых индустриальных стран – Китая, Индии, Вьетнама предъявляют возрастающий спрос на ресурсы углеводородов, значительная часть которых (около четверти, по данным геологической службы США) расположена на арктическом шельфе. Неудивительно, что практически во всех стратегиях арктических государств отмечается необходимость совместимого с экологическими требованиями устойчивого ресурсного развития арктических шельфа и суши. Для Норвегии арктический шельф уже стал в последние десятилетия, по сути, новым промышленным районом. Для России арктический шельф становится таковым – новым морским промышленным районом нефтегазового освоения.

Рост ресурсной, навигационной и туристической активности в Арктике усиливает риски аварий и антропогенных катастроф, и связанные с ними издержки могут быть выше, чем в умеренной зоне, – просто из-за меньших знания и компетентности участников, не говоря уже о большей уязвимости арктических экосистем. При этом бремя таких издержек может оказаться вовсе не на виновнике, а на третьей стороне.

Беспрецедентный по сравнению с эпохой холодной войны уровень взаимозависимости полярных государств порождает угрозы негативных экстерналий. И так же как в ситуации климатической турбулентности, у отдельных стран и восьмерки арктических государств в целом возникает необходимость выработки институтов защиты от новых социальных рисков и нестабильности.

Еще один драйвер, который с возрастающей силой оказывает воздействие на мировую арктическую зону, – это процесс *глобализации*. Несмотря на то что даже в национальных арктических стратегиях факторы глобализации, как правило, недооцениваются или игнорируются [6], их давление проявляется на всех уровнях – от отдельного арктичес-

кого домохозяйства, которое сталкивается теперь с условиями глобальной конкуренции на арктических рынках труда, до уровня арктических стран, экономическое благосостояние которых зависит от конъюнктуры мировых ресурсных рынков и экономических условий добычи нефти, газа, алмазов, золота и других стратегических ресурсов на альтернативных месторождениях умеренной, тропической и экваториальной зон. Первый доклад о социально-экономическом развитии Арктики, подготовленный по заказу Арктического совета в 2004 г., не имел даже раздела по глобализации [7]. В докладе, который выходит в 2014 г., уже есть специальная глава, посвященная глобализации.

Сегодня невозможно рассматривать развитие арктической зоны мира и отдельных стран вне контекста ее усиливающихся миграционных, товарных, финансовых связей с остальными территориями. Констатация этого стала уже общим местом. Например, освоение Штокмановского нефтегазового месторождения на шельфе Баренцева моря было в очередной раз отложено под влиянием «сланцевой революции» в добыче газа, которая трансформировала мировой рынок этого энергоносителя. Другой пример: один из сценариев развития Арктики как глобализированного фронта исходит из целесообразности масштабного экспорта к середине XXI в. свежей воды из Канады и России в страны ее хронического дефицита [8].

Феномен крепнущих связей Арктики с неарктической частью мира отразился в том, что сразу несколько новых стран – Китай, Япония, Сингапур, Италия получили статус постоянных наблюдателей в Арктическом совете на его последнем заседании в Кируне в мае 2013 г. Некоторые неарктические страны, например Англия и Франция, являются штаб-квартирами для крупных ресурсных корпораций, которые давно работают в Арктике. Так, французская «Total» получает ежегодно около 12 млрд евро прибыли, в том числе от своей арктической деятельности, и платит 1,2 млрд евро в бюджет своей страны (данные 2011 г.) [9].

Важнейшим результатом процессов глобализации Арктики являются растущие риски от индуцирования внешней нестабильности. Конечно, и отдельные полярные страны, и в целом арктическое сообщество восьмерки государств стремятся защититься от них, «вылепливая» новый институциональный каркас, включающий новые эле-

менты политической структуры, структуры прав собственности и социальной структуры. Результатом становится существенное усложнение институтов арктического управления как на национальном (о чем свидетельствует анализ большинства арктических государственных стратегий), так и на международном уровне.

Вместо относительных определенности и упорядоченности, которые были характерны для арктической зоны в эпоху военного противостояния стран НАТО и Варшавского договора, в последние 20 лет постепенно формируется ситуация постоянных, непрерывных изменений [10]. Неопределенность становится естественным состоянием и природных, и социальных систем Арктики. Теперь как никогда ранее природные и социальные риски определяют поведение основных субъектов экономического развития Арктики – при их общей потребности в большей предсказуемости.

РИСКИ, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И НОВАЯ ТРАКТОВКА БЕЗОПАСНОСТИ

Именно по причине растущих природных и социальных рисков и неопределенности в арктической зоне мира радикальную переинтерпретацию (расширение) претерпевает трактовка безопасности. Безопасность в Арктике все меньше становится делом только военных. Во все большей степени она увязывается с экономической деятельностью, природно-климатической (экологической) динамикой и интересами основных арктических игроков, в том числе в обеспечении собственной и глобальной энергетической безопасности. Именно такая широкая трактовка арктической безопасности вводится в контекст многих национальных арктических стратегий, принятых в последние семь лет. Ключевое отличие новой, широкой трактовки арктической безопасности от прежней, времен холодной войны состоит в том, что раньше выигрыш одного участника в уровне безопасности оборачивался проигрышем другого, тогда как сегодня и в будущем выигрыш одного участника (в силу не конфронтационной, а кооперативной зависимости между ними) является выигрышем для всех. Это связано с тем, что взаимная зависимость стран Арктического Средиземно-

морья стала значительно сильнее, чем в период холодной войны. Другое отличие связано с тем, что раньше решения по уменьшению рисков военного противостояния искали на национальном или межгосударственном уровне, а теперь – внутри самой арктической зоны, среди полярных государств и территорий.

Представляется, что длительные неудачи с российским законопроектом по Арктической зоне РФ (за последние 20 лет были подготовлены как минимум три его версии, и ни одна не прошла утверждения) как раз связаны с тем, что не был найден идейный стержень нового базового арктического закона. Одновременно старый идейный стержень советской арктической политики в виде субсидирования и государственной поддержки северных и арктических территорий исключительно по их географическому признаку уже неоправдан в новых условиях государственно-рыночной экономики. Нам представляется, что сегодня идейным стержнем нового российского Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации» может стать идея арктической безопасности – на уровне отдельного домохозяйства, местного сообщества, региона и страны, безопасности энергетической, продовольственной, военной, научной, экологической и др.

Практика последних двух десятилетий показывает успешное создание российских и международных институтов в сфере арктической безопасности. В качестве примеров таких международных институтов можно упомянуть соглашение о международном сотрудничестве в поиске и спасании в воздушных и морских пространствах Арктики, заключенное на уровне Арктического совета, национальных (российских) – создание станций МЧС по трассе Северного морского пути.

ЗАЩИТА ОТ РИСКОВ В СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ

Максимальные усилия по защите от рисков в последние годы предпринимаются в отношении морской деятельности в Арктике. Именно здесь формируются многие новые арктические институты. И это неудивительно, ведь здесь концентрируются основные неопределенности современного развития Арктики: спорные вопросы, каса-

ющиеся определения границ зон шельфа в национальной юрисдикции, вопросы регулирования судоходства в условиях растущей доступности морской Арктики, вопросы экологической безопасности при неизбежно расширяющейся шельфовой нефтегазодобыче и т.д. В этих вопросах природные и социальные риски нередко аккумулируются и в итоге провоцируют ситуацию еще большей неопределенности для участников. Например, в вопросах транзита по Северному морскому пути совмещаются физические риски собственно навигационной безопасности и сезонной ледовой обстановки, связанные с отсутствием надежной навигационной и портовой инфраструктуры, а также институциональные риски от неопределенности, связанные с деятельностью российских регулирующих ведомств, с ограничениями по водоизмещению, регламентом сезонной доступности и др. Именно по причине этих высоких арктических рисков при явном выигрыше по времени судоходства в сравнении с маршрутом через Суэцкий канал Северный морской путь не может рассматриваться в качестве его конкурента, а скорее, будет использоваться как дополнительный транзитный путь.

Ответом на морские арктические риски стали системные усилия всего арктического сообщества в создании новых институтов, регулирующих морскую деятельность в Арктике исходя из новых реалий: уменьшения ледового покрова полярных морей и Северного Ледовитого океана и растущего хозяйственного, рекреационного и научного присутствия в морской Арктике в последнее десятилетие. В 2009 г. было принято международное руководство по арктической шельфовой нефтегазодобыче. В 2011 г. под эгидой Арктического совета принято Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. Готовится соглашение по предотвращению нефтяных разливов в арктических морях. Кодекс полярного мореплавания (Международный кодекс безопасности судов в полярных водах), работа над которым идет в рамках Международной морской организации, должен быть одобрен в 2015 г. Предстоит принять обший регламент по добыче нефти и газа в полярных широтах.

Эксперт в области арктического права О. Янг считает, что для защиты от арктических морских рисков и неопределенностей эффектив-

нее идти именно путем одобрения отдельных специфичных норм и правил морской деятельности, а не путем создания единого всестороннего соглашения по морской Арктике, как это было сделано в случае Антарктиды². Первый путь обеспечивает бóльшую гибкость и простоту ратификации всеми участниками.

Среди неопределенностей морской Арктики особое значение имеет проблема неразграниченных морских пространств шельфовой акватории. Практически все приморские арктические страны в последние годы оказались вовлечены в исключительно дорогостоящий процесс картирования арктического морского дна и его геологических структур с целью обозначения своих прав собственности на ресурсы арктического шельфа. В морской Арктике эта процедура «столбле-ния» своих прав собственности стоит беспрецедентно дорого (миллиарды долларов) ввиду необходимости кропотливо собирать доказательную базу.

СУВЕРЕНИТЕТ ПОЛЯРНЫХ СТРАН И ИХ УСИЛИЯ ПО ЗАЩИТЕ ОТ РИСКОВ СПОРОВ ПО ПРАВАМ СОБСТВЕННОСТИ

Парадоксально, что никогда во времена холодной войны полярные страны не поднимали вопросы своего суверенитета над пространствами акватории, суши и воздушными пространствами Арктики. В период военного противостояния сверхдержав вопросы арктического суверенитета были коллективной ответственностью блока НАТО и стран Варшавского договора, а не отдельного государства. В последние два десятилетия все изменилось. Практически все крупные полярные страны исключительно остро ставят в своих национальных арктических стратегиях вопросы прав собственности на арктические морские, сухопутные, а нередко и воздушные пространства [11]. Та-

² Аналогия Арктики и Антарктиды оказывается здесь контрпродуктивной ввиду разной природы сравниваемых феноменов: Арктика представляет собой общую морскую акваторию, которая окружена сушей, состоящей из полярных территорий разных государств, с разной плотностью заселения, а Антарктида – это суша, окруженная морской акваторией и практически не заселенная.

кая постановка проблемы, с привлечением при этом авторитета международных институтов, например Конвенции ООН по морскому праву, есть стремление уменьшить риски неопределенности в принадлежности обширных арктических пространств, которые динамично меняются под влиянием новых климатических трендов.

В результате возникают риски переопределения ранее не всегда четко очерченных прав собственности на обширные арктические морские, сухопутные и воздушные ареалы. Каждая страна в качестве доказательной базы в отношении своих прав помимо международных институтов использует и свои собственные. Например, Канада для доказательства своего суверенитета над обширными арктическими пространствами ссылается на аборигенные народы – первопоселенцев этой территории. Россия обращается к историческому опыту заселения Сибири, Севера и Арктики поморами, казаками и вольными крестьянами. США в качестве аргумента приводят нацию, которая осваивает фронт (с этого начинается декларация президента Б. Обамы, предваряющая недавно принятую национальную арктическую стратегию). И практически все полярные страны используют потенциал экспедиционных исследований, наземного и космического мониторинга состояния арктической природной среды для укрепления знания о своих арктических территориях, а через знание – и своего суверенитета над ними.

ИНСТИТУТЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СНИЖЕНИЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АРКТИКЕ

В последние два десятилетия начался масштабный мировой эксперимент по созданию в арктической зоне абсолютно новых общественных институтов, призванных уменьшить значительные природные и социальные риски при любой современной экономической деятельности в Арктике. В циркумполярной зоне беспрецедентно быстро возникло более десятка новых политических и экономических структур, главной задачей которых является налаживание интенсивной коммуникации между основными субъектами арктической экономики и политики для формирования более предсказуемой и дружественной среды принятия решений. Как правило, эти институты имеют демократи-

ческий (небюрократический) характер, опираются на научные экспертизы и предварительные исследовательские проработки, предполагают равенство всех участников независимо от их политического и экономического веса в мире, стремятся обеспечить более предсказуемое будущее для Арктики. Особое место среди новых международных институтов занимает Арктический совет как главный инструмент «мягкого» воздействия на ситуацию в мировой Арктике. Совет не имеет отношения к вопросам эксплуатации природных ресурсов, военной безопасности и обороны. Он был создан для обсуждения и решения вопросов, связанных прежде всего с устойчивым развитием арктических территорий в условиях возрастающих природных и социальных рисков и обострения экологических (природоохранных) проблем.

Идея создания Арктического совета была выдвинута еще в 1989 г., когда геополитическая обстановка в Арктике только начинала меняться. Потом, в начале 1990-х годов, было опубликовано несколько научных работ о целесообразности создания такого органа. Однако первоначально в 1991 г. была создана Арктическая экологозащитная стратегия (Arctic Environmental Protection Strategy, AEPS) – организация, которая имела мандат только на обсуждение экологических вопросов. Спустя пять лет восемь арктических государств подписали в Оттаве декларацию о создании Арктического совета, который получил мандат на существенно бóльшую повестку – обсуждение и решение вопросов экономического и социального развития, природопользования, развития транспорта, связи, туризма и здравоохранения на арктических территориях. В 2011 г. был создан постоянный секретариат Арктического совета в г. Тромсё (Норвегия).

Арктическому совету удалось снизить риски хозяйствования и жизнеобеспечения в мировой Арктике в результате регулярных обсуждений этих проблем, а по самым критичным из них – принимая конкретные решения. Конечно, это институт «мягкой» политики, который некоторые арктические эксперты, например О. Янг, называют «беззубым». Многие специалисты отмечают, что современная Арктика, вошедшая в долговременный период нестабильного развития, нуждается в более крепком институте для защиты региона и его жителей от новой экономической деятельности, возникающей здесь в ре-

зультате неожиданной доступности [12] из-за таяния льда Северного Ледовитого океана и арктических морей.

Следует отметить, что Россия пока не в полной мере использовала возможности своего членства в Арктическом совете. Так, не был реализован потенциал председательства России в этом органе в 2004–2006 гг., с тем чтобы инициировать ряд важных арктических инициатив, способных поднять престиж нашей страны в арктическом сотрудничестве.

Представляется, что вызовы, связанные с новыми рисками и неопределенностью, потребуют формирования в Арктике как «жестких» институтов в виде подписанных соглашений с подробными протоколами по отдельным приоритетным направлениям (как, например, Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании 2011 г.), учреждения новых организаций по управлению Северным Ледовитым океаном в зонах за пределами национальных юрисдикций, так и «мягких» институтов по обеспечению гармонизации экологических и технических стандартов прибрежных государств в ключевых секторах (судоходство, рыболовство, исследование и добыча углеводородов) и реализации новых инициатив для трансграничных морских экосистем морей Баренцева, Бофорта и Берингова. В зависимости от различных сценариев Арктический совет в будущем может стать договорной организацией или получить от стран-участниц новые полномочия.

АРКТИЧЕСКОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ РИСКОВ

После окончания холодной войны арктические государства, а также негосударственные структуры, вовлеченные в развитие полярных территорий мира, демонстрируют беспрецедентную активность в международном сотрудничестве. Этот феномен нельзя объяснить простым преодолением наследия холодной войны. Его причины заключаются в том, что в новых условиях – исключительно динамичных природных и социальных изменений в Арктике и связанных с этим новых рисков международное сотрудничество оказывается эффективным инструментом снижения неопределенности.

Яркой спецификой международного сотрудничества в Арктике является то, что оно либо собственно научное, либо в существенной степени опирается на результаты научных исследований и экспедиций. Трудно найти другой пример опоры международного сотрудничества на интеллектуальный компонент. И это абсолютно закономерно, потому что арктическая наука, как и международное сотрудничество в Арктике в целом, ориентирована на уменьшение значительных рисков для основных участников процесса развития полярных территорий мира.

Современная арктическая наука (и это подтвердили исследования, выполненные в рамках Международного полярного года) в существенной степени имеет экологический, природоохранный характер. Она нацелена на получение нового знания, на формирование новых идей о закономерностях развития полярных экосистем в условиях активных климатических изменений и о новых, совместимых с экологическими ограничениями формах арктического природопользования.

Международное арктическое сотрудничество имеет узкий (двухсторонний), широкий (многосторонний) и сверхширокий (с вовлечением всех полярных стран и множества негосударственных участников) форматы. Оно развивается одновременно на нескольких уровнях: между участниками и наблюдателями в Арктическом совете; внутри макрорегиональных организаций Баренц-региона, Совета стран Северной Европы; как двухстороннее сотрудничество арктических и неарктических стран; между неправительственными организациями. Оно обеспечивает оперативную взаимопомощь, обмен информацией и передовой практикой, планирование совместных действий по предотвращению последствий природных катастроф и т.д.

Сверхзадачей арктического сотрудничества является формирование новых и совершенствование существующих институтов управления арктической зоной мира в условиях новых рисков [13]. Уже очевидно, что для решения этой задачи мало интеллектуальных, материальных и финансовых ресурсов только пятерки береговых арктических государств. Недостаточно и усилий восьмерки полярных стран. Для решения задачи такого масштаба потребуется привлечение ре-

сурсов как арктических, так и неарктических государств, обладающих необходимыми интеллектуальными, финансовыми ресурсами, компетенциями и технологиями.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ: В ЧЕМ ПОЛЯРНЫЕ СТРАНЫ ВИДЯТ ЗАЩИТУ ОТ РИСКОВ ПРИРОДНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Анализ национальных арктических стратегий позволяет выявить специфику борьбы с новыми рисками, которую ведет каждая страна. Документ каждой страны (табл. 3) акцентирует внимание на тех ограничениях развития, которые государства хотят преодолеть, чтобы расширить свои области свободы в Арктике (сначала хотя бы на уровне официальных деклараций, а потом уже и на практике).

Количество рассматриваемых сюжетов во всех документах ограничено, и они во многом повторяются, но при этом каждая страна формирует свою арктическую стратегию исходя из особенностей национальной истории и традиций, из специфики освоения ею Арктики и с учетом места арктической экономики в своей внутренней и внешней политике. Эти факторы определяют специфику институтов борьбы с арктическими рисками.

Как правило, крупные полярные страны возлагают больше надежд на технологические способы нейтрализации арктических рисков, создавая соответствующие инфраструктурные объекты, новые полярные станции арктического мониторинга, информационные сети обмена данными и т.д. Малые же полярные страны, в которых арктические территории относительно благополучны по инфраструктурной оснащенности, больший акцент делают на институциональных механизмах защиты от рисков.

Крупные страны чаще используют двухстороннее международное сотрудничество для нейтрализации арктических рисков, а малые больше полагаются на широкое многостороннее сотрудничество. Арктические федерации основные надежды в защите от арктических рисков связывают с внутренним потенциалом самой страны, а малые страны – с сообществом арктических государств и мировым сообществом.

Таблица 3

Национальные арктические стратегии

Страна (группа стран)	Название	Кол-во страниц	Время принятия
Норвегия	The Norwegian Government's High North Strategy. Norwegian Ministry of Foreign Affairs	76	2006
	New Building Blocks in the North. Norwegian Ministry of Foreign Affairs		2009 (обновленная версия)
Дания	Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark. Strategy for the Arctic 2011–2020	58	2011
Канада	Canada's Northern Strategy. Our North, Our Heritage, Our Future. Government of Canada	48	2009
США	National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25)	6	2009, 9 января
	National Strategy for the Arctic Region	13	2013, 10 мая
Россия	Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утверждены Президентом РФ	7	2008, 18 сентября
	Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ	26	2013, 8 февраля
ЕС	European Union. Commission of the European Communities. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council: The European Union and the Arctic Region (COM 2008)	14	2008, 20 ноября
	The Inventory of Activities in the Framework of Developing a European Union Arctic Policy. Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: Progress since 2008 and Next Steps. Brussels. SWD (2012). European Parliament 2012.	45	2012, 26 июня
Исландия	A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy. Approved by Althingi at the 139th Legislative Session	11	2011, 28 марта
Финляндия	Finland's Strategy for the Arctic Region. Prime Minister's Office Publications	98	2010
Швеция	Sweden's Strategy for the Arctic Region. Government Offices of Sweden	52	2011

Крупные страны более чувствительно реагируют на социальные риски (например, риски утраты суверенитета над морскими трассами), связанные с взаимодействием различных игроков в мировой Арктике. Малые полярные страны (Швеция, Норвегия, Дания) чаще в своих документах как самые приоритетные упоминают риски климатических изменений.

Арктические страны по-разному оценивают потенциал технологических новшеств в борьбе с арктическими рисками. Например, Стратегия правительства Норвегии в отношении Крайнего Севера делает основной акцент в нейтрализации арктических рисков на новом знании. В документе отмечается роль арктических университетов (Тромсё, Киркенеса) и колледжей (Нарвика и Бодо) как центров специфических арктических компетенций. С другой стороны, в исландском документе вообще практически нет упоминания об использовании потенциала инноваций в защите от природных и социальных рисков в Арктике.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ, РИСКОВ И УГРОЗ

Безусловно, что все отмеченные выше тенденции формирования и реализации арктических политик в различных странах, а также мировой контекст глобальной нестабильности оказывают и будут оказывать существенное влияние на становление новой арктической политики России. Пока она формируется в значительной мере под влиянием советского опыта освоения северных и циркумполярных широт, и важно понять, во-первых, в какой мере и насколько эффективно может быть использован принцип стратегической преемственности в освоении российского Севера и Арктики и, во-вторых, как здесь избавиться от рудиментов советской эпохи и тяжелого груза последствий провальных реформ 1990-х годов.

Весь период существования СССР реализовывалась достаточно жесткая государственная политика по освоению северных и арктических территорий, в которой доминантой являлись добыча и переработка

ка богатейших природных ресурсов этого региона, а социальные и экологические аспекты отходили на второй план. С распадом СССР в новой России изменились формы и методы государственной поддержки северных и арктических территорий. Во-первых, в условиях политического и экономического кризиса 1990-х годов практически исчезла возможность финансирования циркумполярных проектов за счет прямых государственных инвестиций. Во-вторых, в условиях перехода к рынку и начавшегося процесса приватизации собственности освободившуюся нишу в освоении Севера заняли частные компании, проводящие не государственную, а корпоративную политику на Севере и в Арктике. В-третьих, в условиях процессов демократизации и повышения национального самосознания активизировались коренные малочисленные народы Севера. В результате в составе Российской Федерации были образованы по национальному признаку несколько северных автономных округов как самостоятельные субъекты Федерации; коренные малочисленные народы Севера начали объединяться в общины и ассоциации и стали серьезной общественно-политической силой. В-четвертых, в условиях широкого распространения концепции устойчивого развития особое значение стали приобретать вопросы сохранения окружающей среды северных территорий и культурного наследия проживающих там коренных народов.

Все эти процессы в современной России проходят небезболезненно. Частные компании, работающие на Севере, практиковали сокрытие своих доходов, уводили приватизированную собственность в сектор теневой экономики, недоплачивали налоги, не соблюдали требования экологической безопасности, нарушали права коренных малочисленных народов. Региональные власти были фактически лишены рычагов управления и финансовых ресурсов для реализации социальных программ, для поддержки бюджетных организаций и объектов жилищно-коммунального хозяйства. Федеральная власть, ликвидировав принцип «двух ключей» в недропользовании и изменив порядок распределения налоговых платежей от добычи нефти, газа и заготовок леса, значительно снизила потенциальные возможности северных и арктических территорий самостоятельно решать социально-экономические проблемы. Поэтому в предстоящий период освоение рос-

сийского Севера и Арктики в контексте реалий мировой экономики и политики неизбежно потребует реализации новой арктической политики, базовыми элементами которой должны быть обеспечение условий для расширенного воспроизводства социально-экономического развития на этих территориях, для формирования новых стандартов хозяйственной деятельности и качества жизни в районах Крайнего Севера. Очевидно, что в мировой экономике первое двадцатилетие XXI в. станет новым этапом освоения Арктики, своеобразие которого будет состоять как в масштабном вовлечении в экономический оборот биологических и минеральных ресурсов морей Северного Ледовитого океана, так и в выполнении международных обязательств по ликвидации загрязнения окружающей среды и сохранению экологического равновесия в Арктике. Насколько Россия готова к таким переменам? Рассмотрим несколько важнейших моментов, касающихся формирования новой арктической политики.

1. Новая северная и арктическая доктрина России и соответствующая политика должны быть многомерными – в этом будет залог их реалистичности и эффективности. Пока они в лучшем случае двумерны и ориентированы в основном на решение проблем национальной безопасности и освоения ресурсов. Не отрицая колоссальную значимость вопросов национального суверенитета и незыблемости российских границ, контроля над российским ресурсами, отметим, тем не менее, что социальные, этнические, экологические, научно-технические, инфраструктурные аспекты освоения Севера и Арктики пока не стали доминантами российской арктической политики. С этим связано другое требование к ней – требование комплексности и системности. Арктическая политика должна быть связана с главными управленческими политиками страны, и ее основные направления должны рассматриваться не как отдельные разрозненные акции, а в «пакетном» режиме (т.е. в единстве геополитических, экономических, социальных, экологических и других аспектов, в единстве экономических, правовых и институциональных инициатив и решений). Новая северная и арктическая политика должна стать важнейшей составляющей модернизации экономического пространства России, совершенствования пространственной организации российских экономики и об-

щества и существенным компонентом новой стратегии пространственного развития страны. В условиях, когда такая целостная стратегия отсутствует, общество не имеет сигналов о стратегических территориальных (пространственных) приоритетах современной России, т.е. о том, какие макрорегионы страны и сегменты их экономики и социальной сферы нуждаются в приоритетной поддержке государства, как во времени и в какой пространственной очередности должны эшелонироваться соответствующие крупномасштабные акции, каким при этом должно быть соотношение, с одной стороны, использования фондов и механизмов государственной поддержки и, с другой стороны, усилий и инвестиций частного бизнеса. Очевидно, что сегодня российский бюджет не выдержит одновременной крупномасштабной поддержки Северного Кавказа, Дальнего Востока, Севера, Арктики и экономической и политической «российской витрины» – Москвы и Санкт-Петербурга.

2. Важнейшим требованием к северной и арктической политике России должно быть требование ее интеграционности по вектору север – юг, т.е. она должна обеспечивать экономическую, социальную, инфраструктурную, научно-инновационную, рекреационную межрегиональную интеграцию. Например, нужна целостная концепция формирования в центральных районах Красноярского края тыловых баз освоения северных территорий с самым широким спектром действия; необходима крупная научная программа (мегапроект) работы Сибирского отделения РАН в интересах освоения Севера и Арктики; нужна программа развития новых сегментов отечественного машиностроения для производства техники и транспортных средств в северном исполнении и т.д.

3. В связи с резко усиливающимися в последнее время требованиями об ответственности стран Арктического бассейна за недопущение вредных выбросов в океан и атмосферу должны быть пересмотрены экологические стандарты функционирования крупных российских предприятий и производств в циркумполярной зоне, и это также должно быть важным направлением новой арктической политики России. В первую очередь речь идет о Норильском ГМК. Безусловно, наличие особо крупных производств и крупных городов за Северным поляр-

ным кругом – чисто российская специфика. Но помимо того, что это предмет гордости³, это и сосредоточение проблем, которые выходят за национальные рамки. Очевидно, что в современных условиях Россия не может, как раньше, игнорировать требование мирового сообщества относительно сокращения вредных выбросов в Арктике. И это требование не стоит воспринимать как давление на Россию, – это правило цивилизованного ведения бизнеса с учетом интересов сопредельных стран.

4. Новые северные и арктические доктрина и политика России должны задействовать новые элементы и механизмы государственно-частного партнерства и социальной ответственности бизнеса. Во-первых, преобладающая в настоящее время на российском Севере практика применения принципов социальной ответственности бизнеса (в западной терминологии – корпоративной социальной ответственности) не отвечает в достаточной степени местным реалиям, таким как повышенное воздействие промышленного производства на местную окружающую среду и условия жизни населения и большая степень их уязвимости по отношению к этому воздействию, доминирующая роль крупных корпораций в региональной экономике и т.д. Во-вторых, российская интерпретация принципов государственно-частного партнерства и социальной ответственности бизнеса не обеспечивает достаточную прозрачность, что может породить коррупцию, нецелевое использование средств и иные злоупотребления. В-третьих, на российском Севере и в Арктике отсутствуют регулятивная база и наилучшие нормы и стандарты для социальной ответственности бизнеса. В-четвертых, участие гражданского общества в практической реализации принципов государственно-частного партнерства и социальной ответственности бизнеса в северных и арктических регионах Российской Федерации явно недостаточно. В отношении механизмов государственно-частного партнерства на Севере и в Арктике особо тщательно следует изучать и использовать элементы зару-

³ Премьер-министр Канады П.Э. Трюдо во время посещения Норильска в мае 1971 г. заметил: «То, что совершили здесь, несомненно, стало одним из современных чудес света – таким чудом, которое является примером для всех других стран в обживании Крайнего Севера» [14, с. 5].

бежного опыта. Так, например, в Канаде уже длительное время действует программа «Продукты – почтой», смысл которой заключается в круглогодичном обеспечении населения отдаленных северных территорий свежими и качественными продуктами питания (в том числе овощами и фруктами) по ценам, не намного превышающим те, что действуют в центральных провинциях страны. С этой целью государство субсидирует частные авиационные компании и фирмы, занимающиеся подготовкой и специальной упаковкой продуктов для их последующей регулярной доставки на отдаленные северные территории. Очевидно принципиальное отличие таких инициатив от практики советского (и российского) «северного завоза».

5. Возможно, что усилия государства по реализации новой северной и арктической политики следует облечь в новую институциональную инициативу. Например, в виде формирования и осуществления приоритетного национального проекта «Российский Север и Арктика в условиях глобальных вызовов XXI века» как важнейшей акции государства по реализации новых подходов к освоению ресурсов Севера и Арктики, новых интеграционных проектов (транспортных, энергетических, социальных) в северной и циркумполярной зонах на принципах ресурсно-экономического взаимодополнения хозяйственных комплексов северных и арктических регионов европейской и азиатской частей России, взаимодействия северных и южных территорий (в том числе на основе решения проблемы модернизации и переспециализации экономики регионов); по государственной поддержке Севера; по решению проблем коренных народов и т.д. И наконец, с учетом стратегической важности северных и арктических проблем в России следовало бы воссоздать правительственный орган – Государственный комитет по делам Севера и Арктики.

Нам представляется, что в России не существует экономической дилеммы по поводу того, осуществлять ли на Севере и в Арктике новые ресурсные проекты. Этому фактически нет альтернатив⁴. Главный вопрос состоит в другом: как это сделать с максимальной эф-

⁴ В то же время имеет место и другая позиция. Хотя богатства Арктики сегодня притягивают внимание всего мира, ряд зарубежных экспертов предостерегают,

фективностью при минимально возможном использовании людского потенциала в исключительно суровых природно-климатических условиях и с максимально возможными природоохранными мероприятиями.

Северно-арктическая проблематика стала существенной составляющей ряда важных стратегических документов. Например, в Стратегии социально-экономического развития Сибири на период до 2020 года, утвержденной Правительством РФ в июле 2010 г., при рассмотрении пространственного каркаса будущего развития Сибири особо остро поставлен вопрос об освоении ресурсов и самой территории сибирской части российской Арктики. Будущее этой самой северной широтной зоны Сибири определено следующим образом: «это индустриальные комплексы нового поколения: металлургический и нефтегазовый с освоением нефтегазовых шельфов Российской Арктики, сохраненный природно-экономический потенциал традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, модернизированная энергетика и транспортно-коммуникационные системы, адекватные требованиям постиндустриального общества. Развитая транспортная инфраструктура на новом технологическом базисе, арктическая авиация, система поселений с высоким качеством и надежностью систем жизнеобеспечения, сочетающая базовые города и мобильные вахтовые поселки, укомплектованные постоянно проживающими в южных регионах Сибири специалистами» [15]. Очевидна связь такой постановки вопроса с особой ролью Арктики в резко усилившейся в последние годы межстрановой конкуренции за право эксплуатации ее уникальных природных ресурсов и с защитой российских интересов в этой сфере.

Осуществляются и другие важные инициативы. Например, в мае 2011 г. Госдума Российской Федерации провела слушания, где были обозначены преференции для зарубежных инвесторов, которые рискнут вложить десятки миллиардов долларов в новые газовые месторождения Ямала, Сибири и шельфа Арктики. Министерством природ-

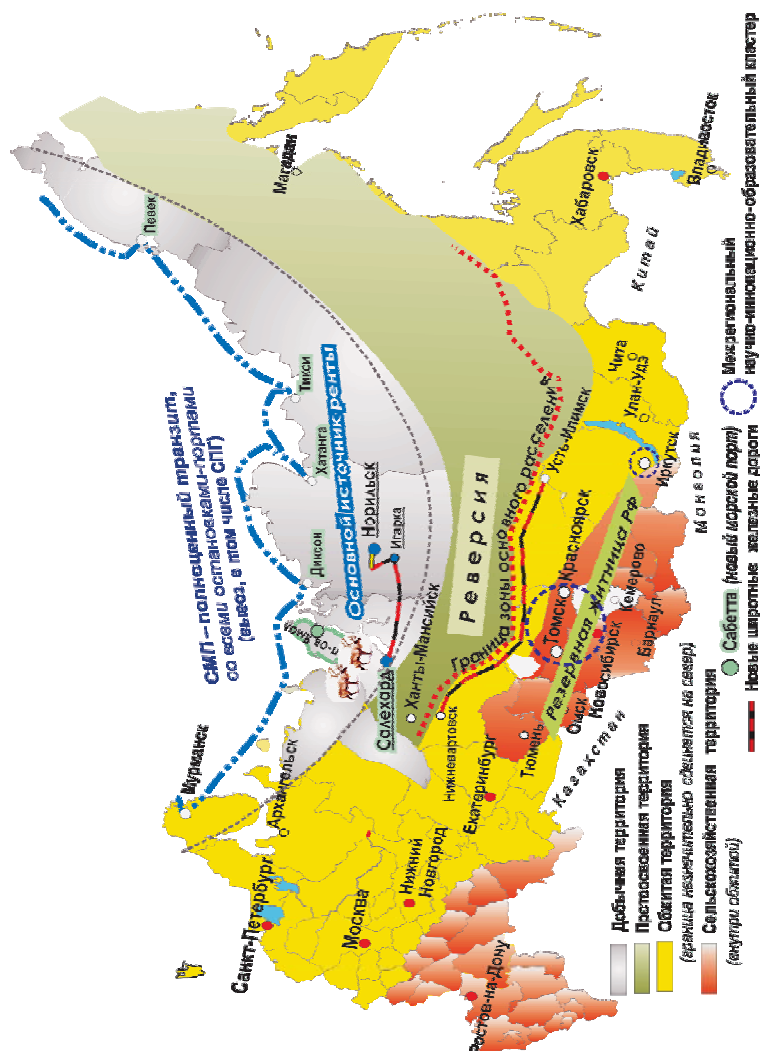
что с добычей углеводородов на арктическом шельфе торопиться не следует, так как в мире пока не использован менее дорогой углеводородный потенциал, где при добыче меньше рисков и ниже затраты на защиту окружающей среды.

ных ресурсов и экологии РФ подготовлен проект государственной программы по разведке континентального шельфа и разработке его минеральных ресурсов на период 2012–2030 гг. За этот срок в реализацию проекта будет вложено, по разным сценариям, от 4,8 до 6,4 трлн руб. Согласно плану, к 2030 г. на шельфе ежегодно станут добывать 40–80 млн т нефти (8–16% от нынешнего уровня всей добычи) и 190–210 млрд куб. м газа (32–35%).

Ожидается, что для освоения минерально-сырьевых ресурсов российской Арктики будут создаваться крупные интегрированные транспортные и энергетические сети (особенно в пределах Ямало-Ненецкого автономного округа и севера Красноярского края). Добыча газа на Ямале в течение ближайших 20 лет должна возрасти до 360 млрд куб. м. Концептуальной новацией является акцент на развитии производства сжиженного природного газа в субарктических условиях. При этом для освоения месторождений Ямала потребуются беспрецедентные по меркам новейшей России инвестиции. Только для запуска Бованенковского месторождения и строительства сопутствующей инфраструктуры необходимо 100 млрд долл. США (это примерно в 15 раз больше, чем вложения в разработку Ванкорского месторождения). Общие же затраты оцениваются в 200 млрд долл.⁵

И безусловно, большие надежды в новой арктической политике возлагаются на возрождение Северного морского пути. Потенциал грузопотоков по СМП оценивается в долгосрочной перспективе в объеме от 50 млн т в год. Ожидается принятие федерального закона о Северном морском пути, и таким образом Россия закрепит статус СМП как национальной транспортной магистрали. К 2020 г. должно быть закончено строительство трех новых двухсадовых атомных ледоколов. Выделенный на строительство этих ледоколов бюджет составит около 90 млрд руб.

⁵ Прогнозируется строительство уникальных транспортных и инфраструктурных объектов. Так, железнодорожный мост через р. Юрибей – это единственный в мире железнодорожный мост в Заполярье, длина которого составит 4 км. Общая масса моста превысит 3 тыс. т, мост должен лежать на 110 опорах, которые будут забурены на 70 м в вечную мерзлоту.

Модернизация пространства Востока России в период до 2030–2040 гг. (фрагмент проблемного зонирования)

Под реверсией подразумеваются реабилитация природной среды, решение проблем моногородов, эксплуатация «мелких» месторождений, глубокое бурение и т.д.

Обсуждаются и начинают реализовываться и другие северно-арктические инициативы: эксплуатация экологически чистых биоресурсов Севера и Арктики, развитие арктического туризма, осуществление кроссполярных перелетов по маршруту Красноярский край – Манитоба (Канада). Особой и очень серьезной инициативой должна быть реализация новой концепции вовлечения коренных народов Севера в активную экономическую деятельность при сохранении их традиционного природопользования и традиционного жизненного уклада. Все это вписывается в концепцию модернизации экономического пространства Востока России, которая будет опираться на новую специализацию и новые функции широтных экономических зон (см. рисунок).

Несмотря на важность этих инициатив и крупных инвестиционных проектов, реализуемых в циркумполярных широтах, пока они слабо увязаны друг с другом и носят, как правило, корпоративный или ведомственный характер. Именно поэтому нужны новые системные решения и новые управленческие технологии, воплощенные в целостной стратегии развития Севера и Арктики России и в соответствующей государственной политике⁶.

* * *

Совместное воздействие таяния ледового покрова арктических морей и Северного Ледовитого океана, расширения экономического присутствия в мировой арктической зоне и глобализации привели к нарастанию природных и социальных рисков для основных субъектов арктической экономики и политики. В этих условиях их естественной реакцией является выработка новых механизмов защиты от неопределенностей. При прочих равных условиях преимущества имеют те страны, которым удалось обеспечить сбалансированное развитие ресурсного, инфраструктурного и социального блоков, –

⁶ Эти проблемы обсуждались на Российско-канадской конференции «Сибирский Север и Арктика в условиях глобальных вызовов XXI века» (Красноярск, ноябрь 2011 г.). Авторы статьи были в числе основных организаторов этой конференции и докладчиков.

эта ситуация характеризуется моделью равностороннего треугольника в треугольном индексе богатства арктических наций.

Как следует из анализа арктических национальных стратегий, федеративные и унитарные полярные страны по-разному воспринимают арктические риски и разрабатывают различные институты для защиты от них. Крупные федерации видят основные риски в угрозе утраты суверенитета в отношении участков арктической акватории и морских транзитных трасс, малые страны – в климатических изменениях. Крупные страны основные надежды в защите от арктических рисков связывают с материальными активами и технологическими новшествами, малые – с институциональными инновациями. В борьбе с арктическими рисками крупные федерации больше полагаются на потенциал двухстороннего международного сотрудничества, а малые страны – на многостороннюю кооперацию.

Важнейший прорыв в арктическом институциональном строительстве, направленном на защиту от новых рисков, связан с созданием Арктического совета и формированием новых международных институтов, регулирующих хозяйственную деятельность и навигацию в морской Арктике. Уроки, которые можно извлечь из опыта борьбы с новыми природными и социальными рисками, накопленного другими арктическими государствами, для России состоят в необходимости возродить на федеральном уровне структуру, ответственную за выработку государственной арктической политики (аналог Госкомсевера России 1990-х годов); укрепить федеральное арктическое законодательство, и прежде всего принять Федеральный закон «Об Арктической зоне Российской Федерации», стержнем которого станет новая концепция безопасности в российской Арктике; активнее использовать потенциал многостороннего сотрудничества и международных организаций, в первую очередь Арктического совета и его рабочих групп, для создания новых механизмов и инструментов борьбы с арктическими рисками.

Уникальные условия российского Севера и Арктики (самая протяженная в мире арктическая граница, наличие особо крупных запасов природных ресурсов) требуют разработки новой северной и арктической политики России, учитывающей как специфику нашей страны, ее

стратегические интересы и требования национальной безопасности, так и необходимость более активного включения России в систему мировых северных и арктических экономических и политических взаимодействий и стратегических инициатив.

Литература

1. **Норт Д.** Понимание процесса экономических изменений. – М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 254 с.
2. **Snow C., Jr.** The Wealth of Arctic Nations: Arctic Triangle Index. 2012. – 8 p.
3. **Smith L.C.** The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future. – L.: Plume Book, 2011. – 320 p.
4. **Порфирьев Б.Н., Катцов В.М., Рогинко С.А.** Изменения климата и международная безопасность. – М.: РАН, Отд-ние обществ. наук, 2011. – 290 с.
5. **Порфирьев Б.Н.** Фактор климатических рисков в инновационной стратегии развития // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 193–213.
6. **Heininen L., Southcott C.** Globalization and the Circumpolar North. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2010. – 315 p.
7. **Arctic Human Development Report.** – Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2004. – 242 p.
8. **Brigham L.** Thinking about the Arctic's future: Scenarios for 2040 // The Futurist. – 2007. – Sept.-Oct. – P. 27–34.
9. **Plouffe J.** Thawing ice and french foreign policy: a preliminary assessment // Arctic Yearbook. – 2012. – P. 50–77.
10. **Young O.** Governing the Arctic: from cold war threats to mosaic of cooperation // Global Governance. – 2005. – V. 11. – P. 9–15.
11. **Селин В.С., Башмакова Е.П.** Приоритеты современных государственных стратегий развития арктических регионов // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 3–22.
12. **Koivurova T.** Limits and possibilities of the Arctic Council in a rapidly changing scene of Arctic governance // Polar Record. – 2010. – V. 46, No. 2. – P. 146–156.
13. **Young O.** Arctic tipping points: governance in turbulent times // Ambio. – 2012. – V. 41, No. 1. – P. 75–84.
14. **Моуэт Ф.** Следы на снегу. – М.: Мысль, 1985. – 240 с.
15. **Стратегия** социально-экономического развития Сибири до 2020 года. – URL: <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php> (дата обращения 01.09.2013).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 09.09.2013 г.

© Пилясов А.Н., Кулешов В.В., Селиверстов В.Е., 2013

УДК 336.02+336.143

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 95–112

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА: СУБФЕДЕРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Т.В. Сумская

ИЭОПП СО РАН

Аннотация

Анализируется возможность бюджетной децентрализации в свете формирования и функционирования системы местного самоуправления. Выявлены факторы, определяющие соотношение централизации и децентрализации. Особое внимание уделено принципам разграничения расходных полномочий, проблемам закрепления налоговых доходов и вариантам корректирования вертикального и горизонтального дисбалансов в бюджетной системе государства. Рассмотрена роль местного самоуправления как основополагающего звена федеративного государственного устройства. Предложена структура доходных источников на уровне регионального и местного бюджетов, а также сформулированы положения, на основании которых необходимо выстраивать систему местного налогообложения.

Ключевые слова: федерализм, бюджетная децентрализация, вертикальный и горизонтальный дисбалансы, доходы и расходы бюджета, местное самоуправление, местный бюджет, межбюджетные отношения

Abstract

The paper analyzes whether a budgetary system could be decentralized in the process of current building and operating of local governments. It presents

key factors which define a centralization/decentralization ratio. A special focus is on the principles of distinction between budget expenditures and revenues, and variants of correcting vertical and horizontal misbalances in the national budgeting system. We show the role which a local government plays as a key link in a federal form of governance. We offer the structure of the regional and local budget revenues and our recommendations how a local taxation should be built.

Keywords: federalism, budget decentralization, vertical and horizontal misbalances, revenue and expenditure budget, local governance, local budget, intergovernmental relations

Суть федеративного устройства государства может быть сведена к возможности для его субъектов принимать самостоятельные решения на автономных началах в рамках единого государственного целого. Тем самым обеспечиваются достижение и сохранение государственного единства и относительной самостоятельности субъектов федерации при их юридическом равенстве в отношениях с федеральным центром. Федеративное государство предлагает наиболее устойчивый и гибкий механизм согласования интересов центра и регионов, заинтересовывая субъекты федерации в сохранении государственного единства.

Федеративное устройство предполагает соблюдение ряда ключевых требований, к числу которых относятся

- разграничение полномочий центра и регионов в финансовой, бюджетной, налоговой, внешнеэкономической и иных сферах хозяйственной деятельности;
- суверенность федерального и регионального уровней регулирования экономических процессов в рамках конституционно и законодательно закрепленных полномочий;
- обеспечение равенства субъектов федерации как частей единого хозяйственного пространства в реализации их полномочий в экономической и социальной сферах.

Федерализм – это принцип, режим и форма государственного устройства, позволяющие обеспечить единство и разделение государственной власти в условиях ее территориальной организации на не-

скольких уровнях. В свою очередь, федерация – это форма территориальной децентрализации всех ветвей государственной власти с конституционным наделением общегосударственных и субфедеральных органов власти самостоятельными и совместными компетенциями и необходимыми для их ответственного осуществления ресурсами. Преимущества федерализма перед любой иной формой государственного устройства определяются только эффективным использованием потенциала децентрализации власти (в идеале – вплоть до ее самоорганизации на местном уровне), т.е. переносом предметов ведения и ответственности с малоподвижного центра на более мобильные региональные структуры. Такие преимущества реализуемы только если региональная власть располагает соответствующими административными, финансовыми и имущественными ресурсами [1]. Федерализм создает предпосылки также для эффективной организации и функционирования финансов на различных уровнях власти, включая бюджетный процесс. Практику ведения государственных финансов в государстве с несколькими бюджетными (фискальными) уровнями принято называть бюджетным федерализмом, суть которого состоит в организации эффективного функционирования и взаимодействия бюджетов всех уровней при условии учета интересов всех участников бюджетного процесса.

В мировой практике существует несколько моделей бюджетного федерализма, в основе которых лежит принцип децентрализации. Он находит отражение в форме государственного устройства, в структуре федерального, регионального и муниципального права, в схемах разграничения предметов ведения и полномочий между органами власти разных уровней и в построении единых, но многоуровневых бюджетно-налоговых систем.

Децентрализация, в широком ее понимании, предполагает передачу более значительных полномочий органам власти на местах, с тем чтобы они могли самостоятельно принимать решения по формированию доходов, расходов и нормативно-правовому регулированию. Местные власти ближе к населению, лучше знают его нужды и потому способны удовлетворять его потребности лучше, чем центральная власть. Близость местных властей к населению также спо-

способствует усилению гражданской активности, повышению прозрачности деятельности властей и увеличению их подконтрольности населению [2].

Другим важным аргументом в пользу децентрализации служит тот факт, что различные общественные блага имеют неодинаковый охват. Так, услугами по национальной обороне пользуются все граждане страны, а польза от наличия внутренних водных путей или леса достается только жителям конкретных регионов. Коммунальные услуги, такие как сбор и вывоз мусора, уличное освещение и т.д., адресованы жителям конкретных населенных пунктов, и потребности в них будут неодинаковыми в разных регионах. Поскольку центральное правительство не может учесть такое разнообразие предпочтений в каждом регионе или местности, производство различных общественных благ должно возлагаться на разные уровни власти. Это значит, что за самым нижним уровнем власти должны закрепляться все налоговые (доходные), расходные полномочия и полномочия по нормативно-правовому регулированию, за исключением тех полномочий, относительно которых могут быть представлены убедительные доказательства того, что закрепление их за самым нижним уровнем власти неэффективно. Предоставление общественных благ только силами учреждений, подведомственных центральному правительству, сопряжено со значительными издержками: при единообразном подходе ко всем территориям на одних территориях будет перепроизводство общественных благ, на других – их недопроизводство [2–4].

Важным преимуществом децентрализации является также то, что близость местных властей к населению и частое взаимодействие между ними позволяют сформировать каналы коммуникаций, посредством которых граждане могут выражать свои интересы. Административная автономия создает предпосылки для обучения, для поиска новых подходов, для повышения общего качества управления. Децентрализованные системы способны обеспечить большую стабильность, поскольку местные автономии ограничивают возможности центра проводить фискальную или монетарную политику по своему усмотрению. Реальная децентрализация, предполагающая жесткость бюджетных ограничений и выборность местных органов власти, при-

водит к снижению бюджетного дефицита. Децентрализация способствует сохранению рынков и их развитию. Наконец, децентрализованный процесс принятия решений позволяет оценивать разные их варианты, стимулируя распространение передового опыта. При этом исключительно важно, чтобы полномочия передавались на тот уровень, который реально способен провести те или иные необходимые мероприятия и заинтересован в их результатах.

Местные власти, обладая определенной самостоятельностью (следовательно, и ответственностью), с одной стороны, получают больше стимулов к увеличению доходов в рамках своей компетенции, но при этом не могут переступить определенные границы аккумуляции ресурсов в силу открытости экономики. С другой стороны, они более рационально расходуют средства, поскольку зависят от налогоплательщика, способны более точно определять местные потребности в общественных благах и рационально использовать накопленный инфраструктурный потенциал.

В целом, эффективное функционирование бюджетного федерализма возможно, если, во-первых, децентрализованно принимаются решения, относящиеся к поставке тех общественных благ, выгоды от которых в основном локализируются на данной территории; во-вторых, локализация выгод в существенной степени совмещается с территориальной локализацией издержек; в-третьих, предпочтения, относящиеся к локальным общественным благам, в большей степени различаются между регионами, чем внутри регионов.

Среди ключевых проблем организации системы финансов в федеративном государстве – распределение расходных полномочий между уровнями бюджетной системы. Один из основоположников исследований в области федерализма А. Токвиль более ста лет назад выдвинул гипотезу, что федеративная система возникла как результат желания совместить в одном государстве многие преимущества, которыми располагают нации, проживающие на различных территориях. С точки зрения бюджетных взаимоотношений гипотезу Токвиля можно понять как предположение о том, что наличие нескольких уровней государственного управления обеспечивает возможность централизации процесса принятия решений в тех областях экономи-

ки, где необходима общенациональная политика, а также возможность принятия решений на местном уровне там, где это оказывается наиболее эффективным.

Позже Р. Масгрейв конкретизировал гипотезу Токвиля, сформулировав основные принципы разделения расходных обязательств между уровнями государственной власти. Он, на наш взгляд, справедливо утверждал, что бюджетный федерализм основывается на том, что политика в области предоставления государственных услуг должна дифференцироваться между различными субнациональными административно-территориальными образованиями, в то время как цели государственной политики в области перераспределения доходов и макроэкономической стабилизации требуют закрепления этих функций за центральными органами власти.

Сформулированные Масгрейвом принципы распределения полномочий сохранили свою актуальность и сегодня. Так, общепризнано, что функции разработки и проведения макроэкономической политики должны быть максимально централизованы: практически во всех странах мира полномочия по проведению денежно-кредитной политики принадлежат центральным монетарным властям. Кроме того, стимулирование совокупного спроса на региональном уровне имеет ограниченные возможности вследствие большой степени открытости региональных экономических систем. С другой стороны, поскольку внешние макроэкономические воздействия имеют различное значение для разных регионов, субнациональные органы власти могут более эффективно осуществлять экономическую политику на своей территории, так как имеют возможность принимать решения более гибко и с учетом региональной специфики.

Помимо проблемы распределения расходных функций между различными уровнями власти одним из основных вопросов теории бюджетного федерализма является распределение доходных полномочий. С одной стороны, изучение международного опыта построения вертикальной структуры налоговых полномочий показывает, что не существует доминирующей стратегии закрепления тех или иных доходных полномочий за определенными уровнями власти. С другой стороны, теоретические исследования в этой области показывают, что некото-

рые формы распределения налоговых полномочий могут привести к значительным издержкам, которые понесет общество, как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения эффективности. В целом, существует три варианта закрепления налоговых полномочий за субнациональными органами власти [5]:

1) закрепление полномочий по регулированию всех налогов, поступающих с территории, находящейся под юрисдикцией субнациональных властей. При этом устанавливается та часть доходов, которая передается на высший уровень бюджетной системы для удовлетворения расходных обязательств федерального уровня. На наш взгляд, такой вариант не представляется наиболее эффективным методом мобилизации государственных ресурсов, так как может снизить эффективность межтерриториального перераспределения доходов, помешать фискальной стабилизации, а также создать неадекватные стимулы для местных органов власти в отношении финансирования федеральных расходных обязательств;

2) закрепление всех налоговых полномочий за национальным правительством и последующая передача средств нижестоящим органам власти путем разного рода трансфертов, а также путем установления нормативов отчислений доходов по всем или отдельным налогам в бюджеты нижестоящего уровня. Слабой стороной такой системы является отсутствие связи между уровнем власти, на подведомственной территории которого собираются те или иные налоги, и уровнем принятия расходных решений. Без подобной взаимосвязи невозможно создание эффективной системы межбюджетных отношений. Возникает так называемый риск «фискальной иллюзии», т.е. риск избыточного финансирования местных расходных потребностей. Наряду с этим вероятность частого и необоснованного снижения объемов финансовых ресурсов, передаваемых на нижние уровни бюджетной системы, может привести к невозможности создания стабильной системы финансирования государственных услуг на местном или региональном уровне;

3) закрепление определенной части налоговых полномочий за местными или региональными органами власти, а в случае необходимости – компенсация недостающих доходов путем закрепления долей

от регулирующих налогов либо путем перечисления трансфертов в местный бюджет. Реализация данного варианта распределения доходов возможна при четком закреплении определенных налогов за региональными и местными органами власти, а также доли федеральных налогов, которая зачисляется в территориальные бюджеты. В случае закрепления за нижними уровнями власти налоговых полномочий местные органы власти руководствуются соображениями типа «затраты – выгоды», что приводит к повышению экономической эффективности. При этом решение проблемы распределения налоговых доходов не сводится к полному закреплению конкретных налогов за местным, региональным или федеральным уровнем власти, а результатом ее решения является спектр различных схем закрепления налоговых доходов и налоговых полномочий.

С точки зрения распределения налоговых доходов мировой опыт дает три основных подхода к решению данной проблемы: разграничение полномочий по взиманию налогов и закрепление последних за определенным уровнем власти; совместное использование базы налогообложения; долевое распределение налогов. Как правило, реальные бюджетные системы государств со сложным территориальным устройством формируются путем комбинирования всех трех указанных подходов. Это обеспечивает устойчивость и надежность функционирования данных систем, достижение компромиссов между общенациональными и территориальными интересами.

Ключевыми проблемами бюджетного федерализма, разрешение которых определяет его результативность, считаются следующие.

1. Закрепление бюджетных полномочий (закрепление расходов), а именно, распределение расходных полномочий между федеральным и региональными бюджетами и далее между органами местного самоуправления в пределах региона.

В основу разграничения расходных полномочий между уровнями бюджетной системы обычно закладывается ряд принципов:

- территориального соответствия. Бюджетные услуги закрепляются за тем уровнем власти, подведомственная территория которого в основном охватывает всех потребителей данных услуг;

- субсидиарности. Обеспечивается максимально возможное приближение к тем территориальным образованиям, в интересах населения которых осуществляются бюджетные услуги. То есть рассмотрение вопроса о закреплении тех или иных расходов должно начинаться с самого низкого уровня бюджетной системы, поскольку органы власти на местах лучше знают потребности в бюджетных услугах у населения, проживающего на подведомственной им территории;
- соразмерности. Обеспечивается соответствие расходных полномочий финансовым ресурсам тех или иных уровней бюджетной системы;
- экономии масштаба. Ряд расходов намного выгоднее осуществлять крупными порциями, при этом предоставление бюджетных услуг закрепляется за тем уровнем власти, который может наиболее эффективно обеспечивать реализацию соответствующих услуг;
- учета внешнего эффекта. Возможности для централизации расходов тем больше, чем выше заинтересованность общества в целом в должном выполнении отдельными регионами/муниципалитетами своих обязательств или чем выше общий ущерб от их возможного невыполнения.

Очевидно, что для принятия решений по разграничению расходных полномочий необходим комплексный подход, учитывающий все названные принципы.

2. Закрепление доходов, т.е. определение источников бюджетных поступлений (прежде всего налогов) в соответствии с расходной частью бюджета определенного уровня, а также обеспечение каждого уровня, ответственного за предоставление услуг населению, адекватными источниками доходов, чтобы он был в состоянии их предоставлять.

Разделение налоговых полномочий между бюджетными уровнями базируется на следующих принципах:

- налоговые полномочия федерального уровня должны быть достаточными для регулирования общенациональной экономики

и поддержания на всей территории страны единого экономического и налогового пространства;

- за каждым уровнем власти должны закрепляться такие налоги на доходы, которые получены благодаря усилиям этого уровня власти. В частности, доходы, генерируемые национальной экономикой в целом, должны облагаться федеральными налогами;
- за более высоким уровнем бюджетной системы должны быть закреплены наиболее мобильные и менее распределенные элементы налоговой базы, а также наименее стабильные источники доходов, зависящие в большей степени от макроэкономической ситуации, чем от усилий конкретных территорий;
- чем труднее обеспечить уплату налога по месту фактической деятельности, тем выше должен быть уровень данного налога;
- региональные и местные налоги не должны препятствовать перемещению капиталов, рабочей силы, товаров и услуг;
- возможность или невозможность экспорта налогового бремени в другие регионы (муниципалитеты) обусловлена необходимостью финансирования бюджетных услуг за счет тех, кто ими пользуется.

3. Организация движения средств между бюджетами различных уровней (трансферты), объективное и прозрачное распределение финансовой помощи регионам в целях выравнивания их бюджетной обеспеченности.

Это возможно при выработке единых принципов и механизмов регулирования межбюджетных отношений, при недопущении индивидуальных льгот, привилегий и согласований по вопросам разграничения расходных полномочий, доходных источников и распределения финансовой помощи. Соответственно, требуются разработка обоснованных и многообразных форм селективной поддержки отдельных регионов, определение и правовое закрепление критериев организации межбюджетных и налоговых потоков (с учетом территориальной структуры расходов и сводного финансового потенциала территорий).

В результате должны быть созданы стимулы для проведения на местах рациональной и ответственной бюджетной политики, для расширения собственной доходной базы, для эффективного исполь-

зования общественных финансовых средств в интересах местного населения.

Одним из факторов, обеспечивающих такую политику, являются межбюджетные трансферты. Их роль в межбюджетных отношениях, на наш взгляд, не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Представляется, что в данном вопросе нужна некая «золотая середина». То есть, с одной стороны, надо максимально использовать возможности трансфертов в регулировании межбюджетных потоков между уровнями власти и обеспечить эффективность расходования средств при соблюдении принципов равенства и справедливости. Это, в свою очередь, может быть достигнуто посредством сочетания значительных налоговых полномочий на верхних уровнях власти и соответствующих, обеспеченных средствами расходных обязательств низших уровней. С другой стороны, такое сочетание требует усиления прозрачности и ответственности в предоставлении общественных благ и формирования адекватной налоговой базы местных бюджетов.

4. Обеспечение территориальной прозрачности бюджетно-налоговых отношений, разработка и правовое закрепление обязательности полного территориального разреза федерального бюджета (по доходам и расходам), отражающего как прямые межбюджетные и налоговые потоки, так и территориальное распределение всех классификационных позиций федерального бюджета по всем субъектам федерации.

5. Обеспечение устойчивости бюджетно-налоговой системы, что требует, во-первых, разработки и правового закрепления процедур оценки и учета бюджетно-налоговых последствий проектов законов и постановлений правительства, во-вторых, наличия механизмов контроля за соблюдением федерального законодательства и, в-третьих, финансовой дисциплины.

Одной из центральных проблем бюджетного федерализма является бюджетное выравнивание. Различают вертикальную и горизонтальную сбалансированность. Вертикальное выравнивание трактуется как процесс достижения сбалансированности между объемом обязательств каждого уровня власти по расходам и потенциалом его доходных ресурсов. Вертикальное выравнивание должно сочетаться с горизонтальной сбалансированностью бюджетов, означающей про-

порциональное распределение налогов между субъектами федерации для снижения неравенства в налоговых возможностях различных территорий. При горизонтальном выравнивании бюджетной обеспеченности необходимо принимать во внимание дифференциацию населения по уровню денежных доходов и существенные региональные различия в прожиточном минимуме, денежных доходах и денежных расходах населения. Важно отметить, что распределение финансовой помощи должно осуществляться после четкого разграничения расходных полномочий и доходных источников.

В целом, возможны три варианта государственной политики в области межбюджетных трансфертов для устранения вертикального и горизонтального дисбалансов [6]:

1) применение отдельных механизмов недопущения вертикального и горизонтального дисбалансов. Выравнивание дефицита субнациональных бюджетов осуществляется путем разделения налоговых доходов и выделения трансфертов из национального бюджета, в то время как выравнивание фискального потенциала производится посредством направления горизонтальных платежей из регионов с высокой бюджетной обеспеченностью в низкообеспеченные регионы. Подобная система применяется в Федеративной Республике Германии;

2) комплексная система выравнивающих трансфертов. Как вертикальный, так и горизонтальный дисбалансы устраняются с помощью единой системы выравнивающих трансфертов и специальных грантов. Подобный подход используется в бюджетных системах Австралии и Канады;

3) устранение только вертикального дисбаланса бюджетной системы. Как и при использовании первого варианта бюджетной политики, субнациональные бюджетные дефициты выравниваются с помощью закрепления регулирующих налогов и выравнивающих трансфертов, но не принимаются отдельных мер по устранению горизонтального дисбаланса. В этом случае миграция капитала и рабочей силы возникает как результат разницы в доходах в субнациональных образованиях, а также как результат чистой фискальной выгоды в регионах (чистой выгоды от государственных расходов и уплаченных налогов). При таком варианте бюджетной политики возможно выде-

ление специальных грантов, которые среди прочих целей могут иметь цель обеспечить горизонтальный выравнивающий эффект. Подобный подход широко распространен в США.

Практика построения и функционирования бюджетных систем в условиях федеративного устройства государства свидетельствует о том, что система распределения трансфертов должна удовлетворять следующим основным критериям [6].

Во-первых, необходимо избегать ситуации, когда выравнивающие трансферты просто покрывают разрыв между доходами и расходами субнациональных бюджетов. Система распределения трансфертов должна быть построена таким образом, чтобы субнациональные власти не имели возможности влиять на размер трансферта своими решениями в области расходной политики, налоговой политики и налогового администрирования.

Во-вторых, применение системы выравнивающих трансфертов не должно сопровождаться значительными издержками на сбор и обработку исходной информации.

В-третьих, к разработке методики распределения трансфертов необходимо привлекать представителей региональных органов власти для достижения политического консенсуса в этой области, без которого система будет неэффективной. Вследствие этого возможно поэтапное изменение принципов вертикального и горизонтального выравнивания, с тем чтобы избежать резких колебаний бюджетной ситуации в регионах.

В результате должны быть созданы стимулы для проведения на местах рациональной и ответственной бюджетной политики, для расширения собственной доходной базы, для эффективного использования общественных финансовых средств в интересах местного населения.

Создание и функционирование эффективной системы межбюджетных отношений в конечном счете нацелены на

- повышение уровня жизни, обеспечение населению социальной защищенности и равного доступа к общественным (бюджетным) услугам и социальным гарантиям на всей территории страны;

- обеспечение устойчивого экономического развития при оптимальном использовании налогового и ресурсного потенциала отдельных территорий и страны в целом;
- упрочение государственного устройства и территориальной целостности страны, предотвращение появления центробежных тенденций и конфликтов между властями разных уровней по поводу распределения и использования ресурсов национальной бюджетной системы, создание предпосылок для становления гражданского общества.

Таким образом, целью межбюджетных отношений является обеспечение соответствия между доходами и расходами бюджетов разного уровня в тех случаях, когда собственных доходов недостаточно для покрытия необходимых бюджетных расходов. Для того чтобы субнациональные власти обладали независимостью в бюджетных вопросах, они должны иметь доступ к достаточному объему налоговых полномочий и налоговых доходов и возможность определять объем собственного бюджета.

Неотъемлемым звеном общественного устройства во многих странах является местное самоуправление. В круг его компетенции обычно входят реализация основной доли социальных функций государства, обеспечение общественного порядка, благоустройство территорий, содействие развитию предпринимательства и т.п. В последние годы местный уровень власти получил значительную самостоятельность (это отражено в Европейской хартии местного самоуправления и других документах) и в ряде случаев стал независимым от институтов государственного управления.

Система местного самоуправления как основополагающее звено федеративного государственного устройства призвана обеспечивать сочетание общегосударственных интересов и интересов каждой отдельно взятой территории. Поэтому развитое и эффективно организованное местное самоуправление является неотъемлемым элементом государственной власти, позволяя последней сконцентрироваться на решении общегосударственных проблем, способствуя тем самым оптимизации всей системы государственного управления. Органы местного самоуправления заняты прежде всего выполнени-

ем задач местного значения и созданием условий для обеспечения повседневных потребностей населения. Очевидно, что для эффективного осуществления возложенных на них функций и полномочий органы местной власти должны иметь достаточную экономическую и финансовую базу [7].

Сегодня в России наблюдается усиление централизации управления, в том числе в сферах бюджетной политики и в целом государственной региональной политики. В определенной мере это было оправданно при решении задач преодоления острейшего кризиса и при проведении основных рыночных реформ. Однако в настоящее время централизованная модель исчерпала свои конструктивные возможности и становится тормозом для территориального развития [8]. Сохранение подобной тенденции в будущем чревато дальнейшим обострением накопившихся проблем в региональном развитии. Одним из наиболее актуальных путей преодоления этих проблем представляется децентрализация бюджетной системы, включая децентрализацию ресурсов и полномочий, самостоятельное принятие решений, конкуренцию и стратегический маркетинг.

В соответствии с вышеизложенным предлагается ориентироваться на формирование следующей структуры доходных источников на уровне регионального и местного бюджетов:

- налоги, поступления от которых резко сокращаются в периоды экономического спада и растут в условиях экономического подъема (например, налог на прибыль предприятий), следует закрепить за региональным бюджетом, а местным бюджетам оставить наиболее стабильные налоговые источники;
- налоги, базы которых распределены крайне неравномерно (налоги на некоторые природные ресурсы и т.п.), необходимо закрепить за региональным бюджетом;
- налоги, база которых легко может быть перенесена в другое муниципальное образование (путем перерегистрации головного предприятия и т.п.) или бремя которых может быть переложено на население другого муниципального образования (акцизы на водку, взимаемые с производителя, и т.п.), необходимо сконцентрировать в региональном бюджете;

- налоги, взимаемые с немобильной базы (налоги на имущество), следует закреплять за местными бюджетами;
- поступления от налогов, непосредственно зависящих от уровня благосостояния налогоплательщиков, зарегистрированных или проживающих на данной территории (подходный налог, налог с продажи потребительских товаров и т.д.), следует зачислять в местные бюджеты;
- сборы за бюджетные услуги (пошлина, административные платежи) должны поступать в бюджет органов власти, предоставляющих эти услуги.

Обобщая сказанное, можно сформулировать положения, опираясь на которые следует выстраивать систему местного налогообложения.

1. Налоговые поступления должны в основном покрывать потребности местного бюджета. Если местная автономия является экономической и политической целью, то местные органы власти не должны, по возможности, зависеть от дотаций вышестоящих властей. Налоги, взимаемые самими местными властями, представляют собой более надежную базу долгосрочного планирования и развития, особенно в отношении расходов. Система местного налогообложения не должна быть единственным источником местного бюджета. Есть много нетипичных расходов (особенно в муниципалитетах, выполняющих функции региональных центров), которые должны компенсироваться за счет дотаций общего назначения.

2. Местные власти должны обладать правом устанавливать ставки одного или двух главных налогов. Это дает им возможность определять свою расходную программу в соответствии с желанием населения платить налоги. Финансовая автономия местных властей имеет преимущество в том, что налогоплательщики могут санкционировать их действия путем голосования на выборах и контролировать решения и деятельность местных выборных органов и административных подразделений.

3. Налоги должны быть прозрачными, понятными для граждан и предприятий, которые несут налоговое бремя. Такая прозрачность является необходимой предпосылкой для эффективного распределе-

ния ресурсов в соответствии с индивидуальными требованиями. В конечном счете она позволяет людям «голосовать ногами», приняв решение о переезде на основе разницы в местном налогообложении, что характерно для высокоразвитых стран.

4. Обеспечение роста доходов населения и удовлетворение его растущих потребностей невозможны без установления соответствия между экономическим развитием и поступлениями от местных налогов. Кроме того, поступления от налогов не должны быть напрямую связаны с цикличностью деловой активности на территории. С формальной точки зрения эластичность налоговых поступлений должна равняться единице. Основанием для такого требования является то, что соотношение расходов и доходов местных властей должно быть стабильным во времени. Политика стабилизации входит в обязанности центрального правительства вследствие того, что она оказывает внешнее воздействие, и вследствие требований в отношении гибкости в расходах и доходах. Если есть необходимость содействия политике стабилизации, проводимой местными властями, то желательно поощрить их с помощью дотаций специального назначения. На положительное отношение граждан и предприятий к местным властям влияет распределение налогового бремени между местным населением и деловым сектором, хотя боязнь загрязнения окружающей среды часто заставляет местные власти выступать против создания новых промышленных предприятий. Однако система местного налогообложения должна быть нейтральной в отношении «перетягивания каната» населением и предприятиями. Это правило получило название «принцип уравнивания интересов».

5. Требуется установление определенного равновесия между потреблением местных услуг на территории и распределением налогового бремени. Такое равновесие не только положительно воздействует на распределение ресурсов, но и сопровождается политическими преимуществами, поскольку обязанность распределять налоговое бремя среди всех потребителей общественных услуг не допускает эксплуатации определенных групп посредством политических решений.

6. В муниципалитетах, примерно равных по размеру, разница в поступлениях от местных налогов на душу населения не должна быть значительной. В противном случае необходимо активно осуществлять меры, направленные на создание для местных властей равных условий, гарантирующих недопущение нарушений их финансовой автономии. Поскольку различия в налоговых поступлениях часто связаны с неравенством регионов, несоблюдение данного принципа построения системы налогообложения усугубляет это неравенство еще больше.

Литература

1. **Лексин В.Н., вецов А.Н.** Общероссийские реформы и территориальное развитие. Региональная Россия начала I века: новая ситуация и новые подходы к ее исследованию и регулированию // Российский экономический журнал. – 2004. – № 4. – С. 3–23.
2. **Сильва Де К., Мигара О., Курлянская Г.В.** Медбюджетные отношения в России: тенденции, противоречия, пути реформирования // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – Т. 2, вып. 7. – С. 9–29.
3. **Oates . .** Fiscal Federalism. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
4. **Tan i .** Fiscal Federalism and Decentralization: A Review of Some efficiency and acroeconomic Aspects // Annual World Bank Conference on Development co - nomics. 295316. – Washington, D.C.: The World Bank, 1996.
5. **Клиторин В.И., Сумская Т.В.** Роль института местного самоуправления в развитии федеративных отношений // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 1. – С. 58–74.
6. **Баткиев С., Качников П., Луговой О. и др.** Оценка налогового потенциала регионов и распределение финансовой помощи из федерального бюджета // Совершенствование межбюджетных отношений в России. – М.: ИЭПП, 2000. – С. 83–237.
7. **Сумская Т.В.** Основные направления укрепления местных бюджетов // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 1. – С. 235–254.
8. **вцов А.Н.** Децентрализация фискальной политики // Федерализм. – 2006. – № 4. – С. 5–26.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 2 .05.2013 г.

© Сумская Т.В., 2013

УДК 330.368.656+332

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 113–133

СТРУКТУРНАЯ РЕФОРМА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА РОССИИ: ОТ ТОЧЕЧНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ К РЕГИОНАЛЬНЫМ

Е.Б. Кибалов, А.А. Кин

ИЭОПП СО РАН

С.А. Быкадоров, И.С. Катунин

Сибирский государственный университет путей сообщения

Аннотация

Выявлены стратегические ошибки, совершенные на стадии разработки концепции реформы российского железнодорожного транспорта. Доказывается, что региональная декомпозиция железнодорожной сети России является фактором, стратегическая значимость которого будет возрастать во времени. Для подтверждения правильности вывода проведен кластерный анализ грузопотоков по сети железных дорог России. Приведены аргументы в пользу классификации Транссибирской железнодорожной магистрали как естественного монополиста. Теоретически демонстрируемые способы горизонтального дробления ОАО «РЖД» указывают на реальные резервы повышения уровня выгодной для государства конкуренции между естественными монополистами на внутреннем рынке железнодорожных перевозок. Системный анализ этих выгод в сопоставлении с выгодами от единства железных дорог под иерархически устроенным управлением ОАО «РЖД» позволяет принять обоснованное институциональное решение и вывести структурную реформу железных дорог из институциональной ловушки, в которой она сегодня находится.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт России, реформа, естественный монополизм, распределение Ципфа, многомерная структура Акоффа, вектор Шепли

Abstract

The paper discusses strategic defects of a concept of the railway transportation reform. We prove that a regional decomposition of the Russian railway network will be a factor of a strategic importance in time. To prove this thesis, we use a cluster analysis of Russian railway traffic flows. We present our arguments for the Trans-Siberian Railway to be classified as a natural monopolist. Theoretical variants of the Russian Railway Company decomposition show that we would benefit at the national level due to competitiveness between natural monopolists on a domestic railway market. A system-oriented analysis of such benefits and those obtained by a united and hierarchically governed railway system would allow making reasonable institutional decisions on how the railway reform could get away from the current institutional trap out.

Keywords: Russian railway transportation, reform, natural monopolism, Zipf distribution, Ackoff multidimensional organization, Shapley vector

Структурная реформа железнодорожного транспорта, на наш взгляд, находится в так называемой институциональной ловушке. Согласно теории вопроса, развитой в работах В.М. Полтеровича, под институциональной ловушкой понимается неэффективный, но устойчивый институт (норма) [1]. Другими словами, институциональная ловушка – «это равновесие по Нэшу, не являющееся Парето-оптимальным» [2]. То есть теоретически современное состояние железнодорожного транспорта России устойчиво по критерию Нэша, но неэффективно по критерию Парето. Возникает ряд вопросов. Обеспечивает ли пореформенная система управления железнодорожным транспортом, оцениваемая по двум вышеуказанным критериям, конкурентоспособность отечественных перевозчиков грузов и пассажиров на внутреннем и внешнем транспортных рынках в среднесрочном и долгосрочном периодах? И следовательно, гарантирована ли выживаемость ОАО «РЖД» как субъекта управления технологическим ядром сети российских железных дорог – федеральными дорогами общего

пользования? И если нет, то какие существуют альтернативы и какова их сравнительная общественная эффективность?

Охарактеризованная выше проблема относится к числу сложных – многоаспектных и слабоструктуризованных. Это означает, что ее полное или хотя бы удовлетворительное разрешение возможно лишь на уровне междисциплинарном с обязательным учетом фактора неопределенности при формировании и оценке предлагаемых альтернатив. Использование при этом современных информационных и экспертных технологий предполагается по умолчанию.

И последнее, что мы считаем необходимым оговорить, до того как приступим к изложению наших предложений. Поставленная выше проблема применительно к России очень обострена, имеет многолетнюю историю обсуждения и попыток разрешения посредством реформирования железнодорожной отрасли. По теме есть обширная литература (отечественная и зарубежная), известны, а также более или менее объективно оценены результаты прошлых и нынешней реформ (см., например, [3]). Определенный вклад в оба процесса внесли и авторы настоящей статьи (см., например, [4, 5]). Тем не менее региональный фактор в институциональном контексте в обсуждениях и документах, регламентирующих структурную реформу железных дорог страны, если и упоминался, то детально не обсуждался. Именно поэтому в рамках реформы (с подачи ее инициаторов-либералов) железнодорожный транспорт страны с самого начала рассматривался «точечно» с упором на экстерриториальность и декомпозицию *по видам деятельности* модели управления им, т.е. не учитывался тот факт, что к моменту запуска реформы действующая модель была *территориально-функциональной* и достаточно успешной с точки зрения не только коммерческой, но также социально-экономической и военно-стратегической эффективности. Представляется, что в этом состоит первая стратегическая ошибка, совершенная еще при разработке концепции реформы.

Вторая стратегическая ошибка на старте реформы концептуально была следствием первой. Если железнодорожная отрасль в части пространственно рассредоточенной сети дорог общего пользования понимается как единая и неделимая «точка», то гигантская корпорация

РЖД – субъект управления ею и есть естественный монополист, опять же в единственном числе. Но размер имеет значение, и хотя теоретически чем больше масштабы деятельности корпорации, тем ниже ее удельные средние издержки на единицу продукции или услуг, государственное регулирование такого многомерного гиганта в интересах государства (в силу известного кибернетического закона об адекватности объекта и регулятора) требует создания такого же по сложности и профессионализму аппарата чиновников на стороне правительства, как и аппарат управления РЖД. Как бороться с ростом транзакционных издержек и «асимметрией» информации, неизбежно возникающими при таком институциональном «раскладе» – этим никто не озаботился. Хотя западный опыт, по рецептам которого задумывалась реформа железнодорожного транспорта России, однозначно свидетельствовал, что эффект масштаба не всегда работает, нужно тщательно анализировать технологические детерминанты и не назначать (как у нас), а выявлять естественных монополистов в результате глубокого экономического анализа и взвешивания альтернатив. В результате отсутствия чего-либо подобного (с нашей точки зрения) при использовании западного опыта институт естественного монополизма на законных основаниях ныне работает против механизма конкуренции, а чиновники РЖД создают «легальный» картель с государством и в отдельных случаях, будучи регулируемы, осуществляют «захват» регулятора [5].

Начнем с рассмотрения первой стратегической ошибки – перехода от территориально-функциональной модели управления железнодорожным транспортом к модели управления по видам деятельности. В рамках указанного перехода была произведена колоссальная ломка организационной модели Министерства путей сообщения РФ, сложившейся в дореформенный период и являвшейся прямым потомком модели МПС СССР. Прежняя модель МПС была классической дивизиональной с децентрализацией управления железнодорожной деятельностью по регионам при сохранении руководящей функциональной роли центрального аппарата, дислоцированного в Москве. Что получилось в результате ее реформирования – демонстрируют модели организационной структуры ОАО «РЖД», приводимые на рис. 1 и 2,

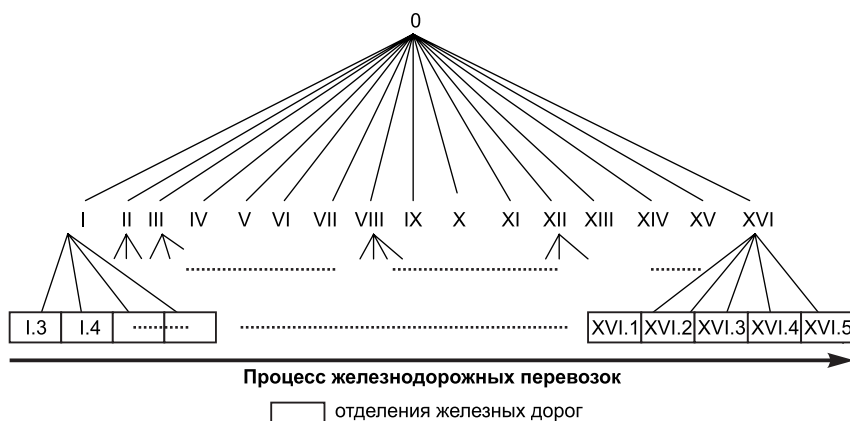

Рис. 1. Территориально-дивизиональная организационная структура управления ОАО «РЖД» (2003 г.)

0 – центральный аппарат ОАО «РЖД»; I, II, ..., XVI – аппараты управления железных дорог

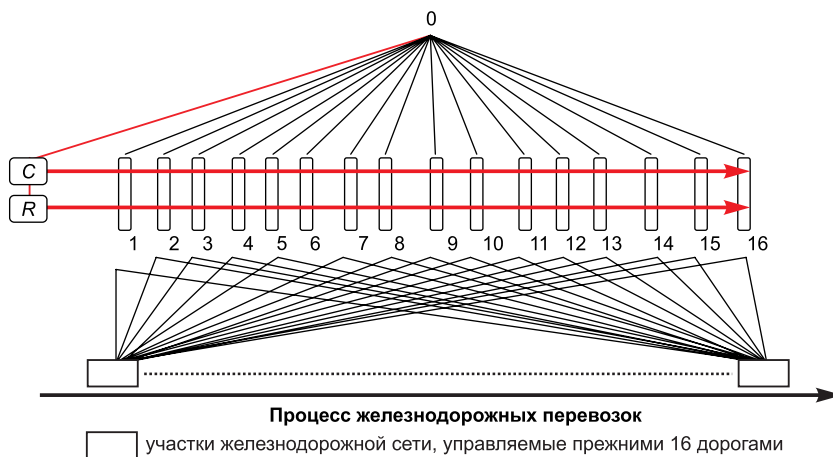

Рис. 2. Организационная структура управления ОАО «РЖД» функционально-матричного типа (2012 г.)

0 – центральный аппарат ОАО «РЖД»; 1, 2, ..., 16 – дирекции по видам деятельности;
C – департаменты, управления, структурные подразделения корпоративного центра ОАО «РЖД»; R – региональные корпоративные центры (железные дороги – филиалы ОАО «РЖД»)

дающие представление о том, как было и как стало [6] в результате «пересадки» на отечественную почву многомерной структуры корпорации Р. Акоффа [7], взятой, как будет показано ниже, за образец.

Теоретическим достоинством многомерной структуры Акоффа (рис. 3) в общем случае является ее повышенная адаптивность, т.е. способность к структурным модификациям в широком диапазоне. Соответствие по форме внедряемой ныне организационной структуры ОАО «РЖД» структуре Акоффа, несмотря на ее плоскостное (двумерное) отображение (см. рис. 2), многомерному оригиналу (см. рис. 3) нам представляется очевидным. Действительно, блоки 1–16, С и R в организационной структуре РЖД суть отечественные железнодоро-

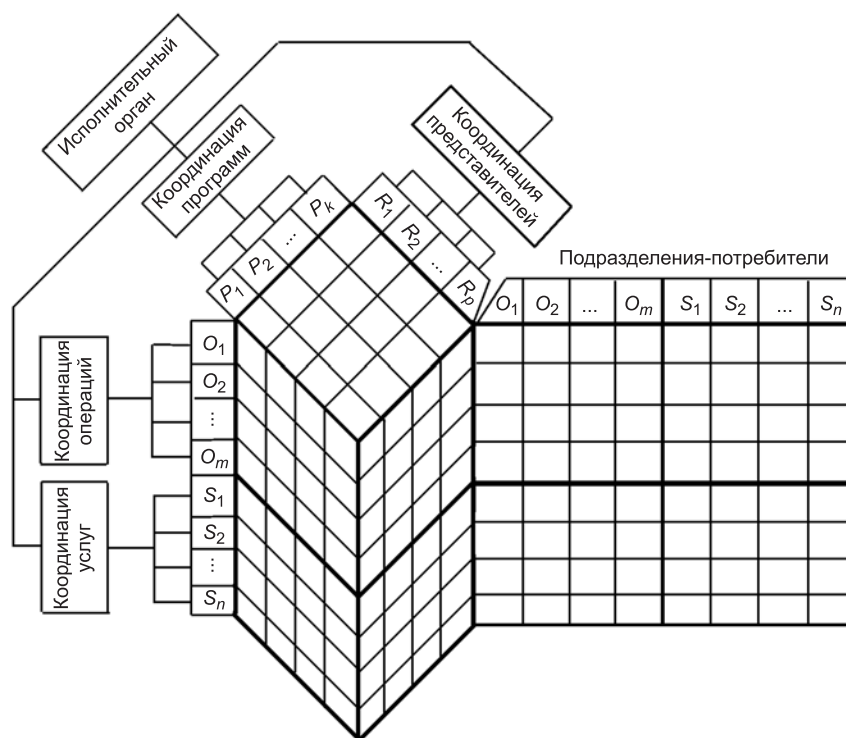

Рис. 3. Организационная структура Акоффа [7]

рожные эквиваленты блоков $S_1 \dots S_n - O_1 \dots O_m$, а также блоков $P_1 \dots P_k$ и $R_1 \dots R_p$ в структуре Акоффа. Содержательно это означает, что деятельность функциональных дирекций ОАО «РЖД» координируется на двух уровнях: департаментами, управлениями, структурными подразделениями корпоративного центра (блок С) и региональными корпоративными центрами, т.е. аппаратами бывших железных дорог, лишенных субъектности и именуемых ныне филиалами ОАО «РЖД».

Получившейся организационной структуре РЖД нельзя отказать в оригинальности хотя бы в части отображения ее фактически трехмерной структуры в двумерной системе координат. Однако дело не в «архитектурно-организационных» приемах отображения многомерности модели управления, уникальной по объемам и пространственной рассредоточенности деятельности железнодорожной корпорацией. Р. Акофф, автор модели-оригинала, синтезирует корпоративную иерархию, построенную на вертикальных субординационных связях, и рыночную сеть, работающую на сделках купли-продажи между подразделениями корпорации и внешними экономическими агентами. Получившийся комбинированный механизм является двигателем функционирования и развития многомерной корпорации. Классик системного анализа подчеркивает, что для успешной работы механизма необходимо обеспечить партисипативный характер многомерной организации и однородность критериев эффективности для всех ее структурных элементов (включая высшие эшелоны менеджмента) в виде максимизации прибыли. Акофф специально делает акцент на том, что при несоблюдении названных условий многомерная организация превращается в матричную типа изображенной на рис. 2, и предупреждает об опасности возникновения в этом случае так называемой «матричной шизофрении», а затем тщательно оговаривает отличие матричной (двумерной) организации от многомерной в его понимании.

Есть основания полагать, судя по рис. 2, что интерпретация многомерной корпорации применительно к отечественным железным дорогам не учитывает указаний и оговорок классика, и данное обстоятельство приведет к неэффективности и бюрократизации управления важнейшей инфраструктурной системой страны, еще большим, чем было

в МПС СССР и МПС России. Действительно, во всех публичных выступлениях топ-менеджмента ОАО «РЖД» принцип партисипации даже не упоминается. А принцип максимизации разницы между результатами и затратами бизнес-единиц как некий единый критерий эффективности их деятельности хотя и декларируется, но, как следует из публикации [6], руководством, например, Центральной дирекции инфраструктуры в новой модели просто не понимается. Так, руководитель важнейшей сквозной «бизнес-вертикали» думает (и пишет), что его подразделение – «это производственная единица, первостепенная задача которой состоит в том, чтобы обеспечить высокий уровень технической и технологической готовности объектов инфраструктуры» [6]. Все перечисленное, конечно, обеспечивать необходимо, но где обобщающий, единый (по Акоффу) для всех подразделений показатель максимизации прибыли ключевого бизнес-блока корпорации?

Представляется, что указанные выше неувязки между организационным оригиналом (многомерной корпорацией по Акоффу) и его воплощением в форме новой организационной структуры ОАО «РЖД» суть следствие стратегической ошибки при реформировании железнодорожного транспорта России, допущенной изначально, в программе структурной реформы [8], когда была регламентирована ориентация модели управления крупнейшей железнодорожной компанией мира на функционально-территориальный принцип вместо принципа регионально-дивизионального, многие годы относительно эффективно работавшего в МПС. Причины такого резкого структурного поворота обсуждались до принятия указанного решения, и многие эксперты – бывшие министры железнодорожного транспорта и прежние руководители железных дорог МПС выступали категорически против и указывали на негативные последствия намечаемой трансформации. Тем не менее точка зрения оппонентов была проигнорирована, и без должных технико-экономических обоснований, со ссылкой на эфемерные, на наш взгляд, опасения относительно регионального сепаратизма при территориальной модели управления железными дорогами, крупномасштабный институциональный проект по переходу на управление по видам деятельности был принят к исполнению. В результате базовые структурные единицы железнодо-

рожного транспорта – территориально локализованные дороги и аппараты управления ими как достаточно автономные объекты и субъекты системы управления были ликвидированы и превращены в бесправные филиалы – региональные корпоративные центры управления (РКЦУ), по определению являющиеся креатурами корпоративного центра (см. рис. 2).

Созданная суперцентрализованная система управления отечественными железными дорогами не имеет аналогов в мировой практике. Сопоставимая с российской по протяженности и объемам перевозочной деятельности железнодорожная система США управляется по регионально-дивизиональному принципу, фактически отвергнутому в России, а деятельность частных американских железных дорог – региональных дивизионов внутренне вертикально интегрирована. Если перевозки осуществляются региональными железнодорожными компаниями по «чужим рельсам», то они регулируются в рамках жесткой контрактной системы под наблюдением межштатных и федеральных органов власти. В этой связи выглядит удивительным отказ российских реформаторов учитывать опыт американцев по организации и реорганизации железнодорожной деятельности (в 80-х годах XX в.), которые позволили существенно увеличить экономическую эффективность американских железных дорог и еще больше по этому показателю оторваться от уровня эффективности дорог российских.

Недавний сбой в работе отечественных железных дорог вследствие тотальной приватизации вагонного парка, приведшей к неуправляемости вагонопотоков, который едва не закончился общим коллапсом железнодорожных сообщений, есть, на наш взгляд, следствие рассмотренной стратегической ошибки – разрушения полноценного регионального уровня управления в угоду ложно трактуемому принципу организационно-технологического единства железных дорог. Кстати, управление экономикой СССР как одним большим заводом, когда точно-отраслевой подход превалировал над региональным, было одной из причин провала социалистического проекта в целом, и если данный урок не усвоен реформаторами железнодорожного транспорта и ошибка «суперцентрализации» при формировании мо-

дели управления им по видам деятельности не будет устранена в той или иной институциональной форме, то рецидив неизбежен*.

Перейдем к рассмотрению второй стратегической ошибки, допущенной на старте структурной реформы железнодорожного транспорта. Указание на эту ошибку не является каким-то открытием. Так, еще на раннем этапе структурной реформы Б.М. Лапидус, ныне председатель Объединенного ученого совета ОАО «РЖД», в лекции для студентов МИИТа заявил: «...Когда мы анализируем работу российских железных дорог с точки зрения монопольного права, то должны иметь в виду, что само отнесение всех железнодорожных перевозок к системе естественных монополий на сегодняшний момент является некорректным и неправильным. Оно должно быть изменено» [9]. Поясняя свою мысль, Б.М. Лапидус указывает, что по ряду высокодоходных перевозок, например нефтепродуктов и контейнеров, ОАО «РЖД» находится в конкурентной ситуации и, следовательно, монополистом не является. И это действительно так: трубопроводный и автомобильный транспорт на внутреннем рынке успешно конкурирует с железнодорожными перевозками, а международный контейнерный транзит через Россию из-за наличия мощных зарубежных конкурентов никак не удастся довести до уровня, который был в СССР. Однако доля нефтепродуктов в структуре грузов, перевозимых ОАО «РЖД» внутри страны, составляет не более 21%. Если к этой доле добавить проценты грузов всех видов, «отнятых» у железнодорожников отечественными конкурентами-автомобилистами, то при любом способе расчетов РЖД вместе с «дочками» принадлежит не менее 60% рынка грузовых перевозок, что по любым критериям есть монополизм. Иное дело – естествен ли он?

* Когда статья готовилась к печати, из-за неисправности пути произошел сход с рельсов поезда «Новосибирск – Адлер». По мнению специалистов МВД, расследовавших причины аварии, среди потенциальных вариантов причин произошедшего – технический фактор, предположительно искривление рельсов из-за высокой температуры, установившейся в регионе. Если это так (а официальные комментарии ОАО «РЖД» пока отсутствуют), то причину, на наш взгляд, следует искать прежде всего в ослаблении контроля за состоянием пути вследствие ослабления его региональной составляющей.

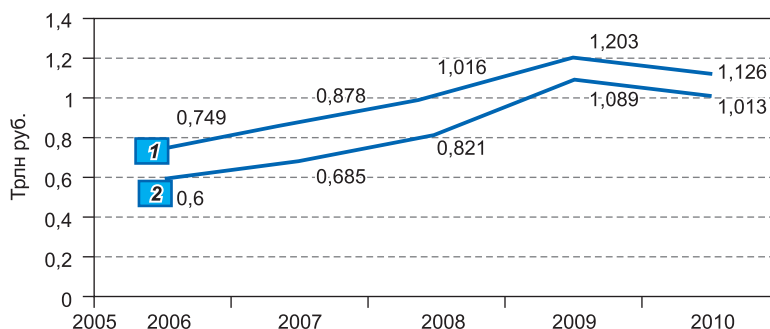

Рис. 4. Выручка (1) и операционные затраты (2) ОАО «РЖД» в 2005–2010 гг.

Проведенные нами расчеты дают отрицательный ответ на поставленный вопрос. На рисунке 4 показаны траектории изменения выручки, операционных затрат и прибыли, исчисленные нами по аналитической таблице «Финансовые показатели РЖД по МСФО в 2005–2010 годах» [10]. Из сопоставления траекторий видно, что с ростом объемов выручки, свидетельствующим об увеличении масштабов деятельности РЖД, операционные затраты растут по практически параллельной (если абстрагироваться от искажающего влияния ценового фактора) траектории. Значит, средние удельные затраты тоже растут, хотя у монополиста естественного, как следует из Федерального закона «О естественных монополиях», они должны падать. По этой причине если эффект масштаба не имеет места, такого монополиста в общественных интересах необходимо дробить, а продукты дробления помещать в конкурентную рыночную среду, которую, если ее нет, следует целенаправленно формировать.

Возникает вопрос: как это делать? И ответ на него неоднозначен. Вертикальное дробление бывшего МПС России по европейской модели пока не дало отчетливых положительных результатов. «Ползучее» горизонтальное псевдодробление с выделением дочерних компаний-грузоперевозчиков под крышей холдинга ОАО «РЖД» является паллиативом, и при полном отделении первой и второй грузовых компаний от компании материнской они превратятся в олигополистов на рынке железнодорожных перевозок. В сочетании с монопольным вла-

дением государством (в лице ОАО «РЖД») железнодорожной инфраструктурой будет получен организационный симбиоз, обеспечить эффективность которого для национальной экономики будет проблематичным. Не ясно, сумеет ли железнодорожный холдинг, руководимый по функционально-иерархическому принципу, стать общественно эффективным.

Таким образом, проблема, которая стоит сегодня перед ОАО «РЖД» в его взаимоотношениях с государством, экономически формулируется просто: если средние издержки ОАО «РЖД» падают при росте масштаба деятельности, то, в соответствии с российским законодательством, перед нами монополист естественный и дробить корпорацию нецелесообразно. Если же средние издержки растут вслед за увеличением масштаба деятельности, то ОАО «РЖД» – монополист и дробить его необходимо.

Однако ответ на этот вопрос сложен даже чисто теоретически, потому что видимая простота ответа есть следствие несовершенства закона «О естественных монополиях», его несоответствия современным достижениям мировой экономической науки. Западное антимонопольное законодательство, из которого российские реформаторы заимствуют разные понятия для использования при разработке отечественных регуляторных моделей, ведет свою историю с позапрошлого века. Оно развивалось эволюционно, и, кстати, американские железные дороги были одними из первых объектов государственного регулирования. Сейчас регуляторные механизмы достигли высокой степени зрелости, и «дилемма регулирования» естественных монополий, например железных дорог США, решается удовлетворительно.

В работе Н.И. Белоусовой и Е.М. Васильевой [11] детально рассмотрены западные подходы к идентификации, структурному, ценовому и контрактному регулированию естественных монополий и с системных позиций критически проанализирован отечественный опыт. Показано, в частности, что для отнесения того или иного рынка к естественно-монопольному недостаточно, как это предлагается в упомянутом выше отечественном законе, фиксации существенного понижения по мере роста выпуска средних издержек производства. Но и это не все.

Как учит современная теория, при некоторых типичных условиях либо наличие экономии от масштаба вообще не является основанием для отнесения рассматриваемого монополиста к естественным, либо критерий экономии от масштаба не является основным.

Исследования, проведенные в развитых странах Запада в последней трети прошлого века, показали, что базовым индикатором при идентификации естественной монополии служит отраслевая многопродуктовая функция издержек, тестируемая на субаддитивность. Если субаддитивность, понимаемая как уменьшение издержек на фиксированный выпуск у монополиста по сравнению с суммарными издержками фирм, являющихся продуктами расщепления монополиста и обеспечивающих тот же выпуск, имеет место, то тогда и только тогда анализируемый монополист естественный. Как замечает У.Дж. Баумоль, «субаддитивность как фундаментальное понятие не является аналитически простым эквивалентом понятия экономии от масштаба, а также не может быть аппроксимировано и каким-либо другим известным понятием, которое было бы доступно для непосредственного анализа» [12]. Далее этот автор указывает на комбинаторные трудности решения задачи тестирования многопродуктовой функции издержек и на сложности получения релевантной информации.

Если умозрительно спроецировать достижения мировой экономической мысли на проблему регулирования естественного (по российскому закону) монополиста ОАО «РЖД», то в свете вышесказанного менять нужно прежде всего закон. С учетом ментальности нынешнего депутатского корпуса и склонности правительственных структур к реставрации централизованных методов управления экономикой России шансы на корректировку закона «О естественных монополиях» минимальны. Представить же, что ОАО «РЖД» открыло доступ независимым и неангажированным исследователям к информации, необходимой для тестирования многопродуктовой функции издержек корпорации на субаддитивность, невозможно даже гипотетически. Поэтому для усиления доказательной базы относительно правомерности утверждения, что ОАО «РЖД» в целом естественным монополистом не является, но у него имеется естественно-мо-

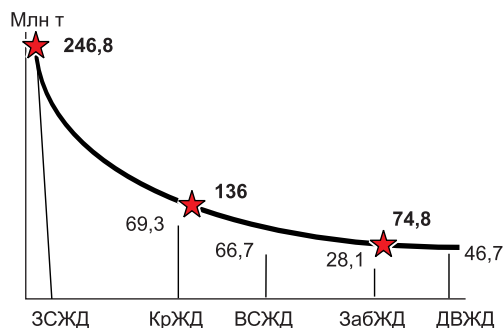

Рис. 5. Объемы погрузки по фрагменту Транссиба от Омска до Владивостока, разделенному на пять дорог [13]

нопольное ядро, далее используются только открытые статистические данные и топологические методы анализа слабоструктуризованной информации.

С использованием статистики погрузки в разрезе бывших железных дорог МПС России (ныне территориальных филиалов ОАО «РЖД») за январь–ноябрь 2012 г. нами был построен рис. 5, отражающий погрузку по фрагменту Транссиба от Омска до Владивостока, разделенному на пять дорог. Если, обращаясь к этому графику, сложить объем погрузки по Красноярской и Восточно-Сибирской железным дорогам, то получим 136 млн т, а если сложить объем погрузки по ЗабЖД и ДВЖД, то получим 74,8 млн т. Нанеся полученные агрегаты на график и соединив соответствующие точки (звездочки) плавной кривой, получаем гиперболу. Приблизительно, с точностью, достаточной для прикидочных расчетов, $246,8 \times 1 \approx 136 \times 2 \approx 74,8 \times 3$, т.е. распределение погрузки подчиняется в первом приближении к закону Ципфа, когда порядковый номер (1) одного железнодорожного узла, где погрузка наибольшая, умножается на объем погрузки в этом узле, порядковый номер (2) другого железнодорожного узла, следующего за первым по объему погрузки, умножается на объем погрузки в этом узле и т.д. Следовательно, выделенный фрагмент на Транссибе есть **связная**, достаточно автономная (зипфовская [14]) железнодорожная система с четко фиксированным входом со стороны европейской же-

железнодорожной сети России через Омск и независимыми (от европейской сети) выходами на морские порты Приморья и Хабаровского края, а также на железнодорожные станции вдоль границы с Китаем. Все это является первым шагом на пути доказательства правомерности постановки вопроса о естественности монополизма Транссиба.

Перейдем к аргументам в пользу классификации Транссибирской железнодорожной магистрали как естественного монополиста с помощью методов топологического анализа. С этой целью обратимся к рис. 6. В основу анализа положим рассмотрение регионального аспекта железнодорожной сети общего пользования. Именно территориальная декомпозиция сети была и, на наш взгляд, остается фундаментальным принципом структуризации объекта управления, доставшегося ОАО «РЖД» от МПС России. Централизация и цефализация модели управления этим уникально сложным социотехническим объектом с общетеоретических позиций, конечно, суть абсолютизация точно-централистского подхода в ущерб декомпозиционно-региональному. Представляется, что изначальная ошибочность подхода будет постепенно преодолеваться. Упомянутая выше угроза коллапса процесса железнодорожных перевозок была первым, но, как полагаем, не последним сигналом, требующим активизации процесса регионализации отраслевой модели управления. Действительно, институциональным ответом Минтранса и ОАО «РЖД» на проявления кризиса были, во-первых, введение штрафов за содержание невостребованных вагонов на инфраструктуре ОАО «РЖД» и, во-вторых, решение принимать к перевозке порожние грузовые вагоны только при наличии заявки на погрузку на станции назначения.

Но эффективно проконтролировать выполнение данных правил на местах, в регионах могут только структуры, трансформированные из 16 бывших региональных железных дорог, в прошлом полноправные юридические лица, а ныне именуемые региональными корпоративными центрами (РКЦ), реализующие теперь в пределах ареалов, показанных схематически на рис. 4, делегированные им функции корпоративного центра. Эти функции носят чисто административный характер: привлекать к дисциплинарной ответственности руководителей

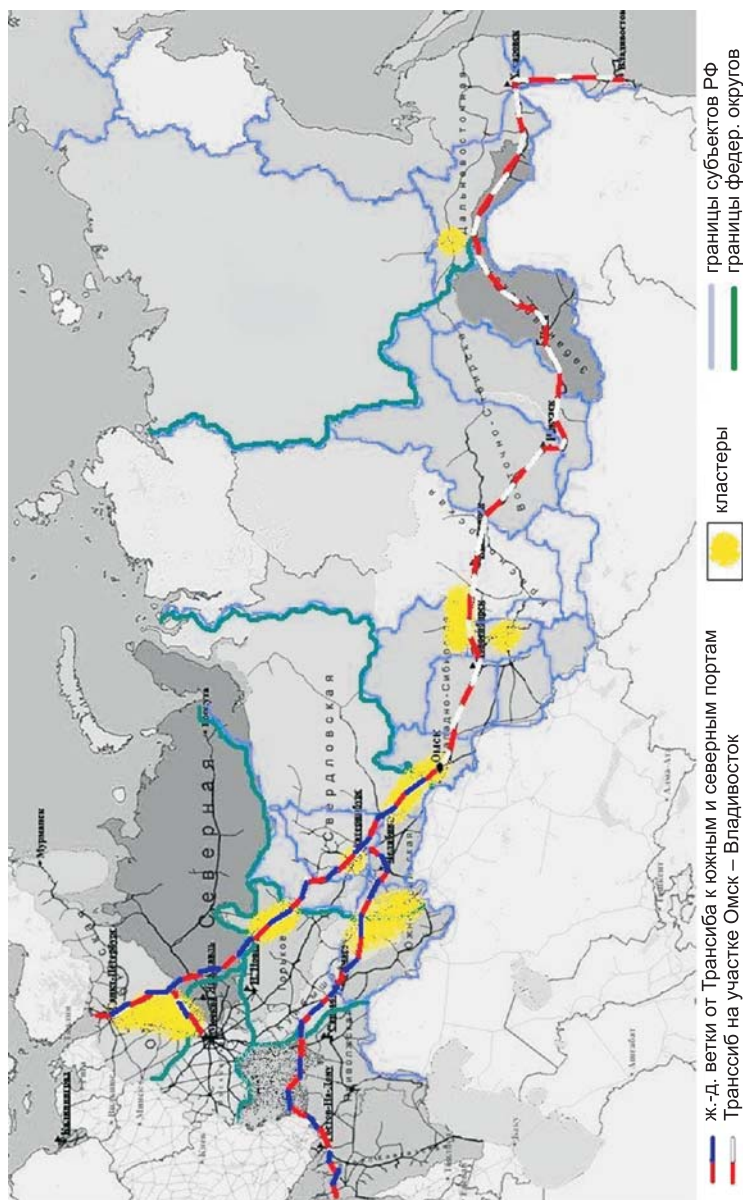

Рис. 6. Ареалы ответственности 16 бывших железных дорог МПС России и Транссиб

региональных подразделений функциональных дирекций и приостанавливать их решения, контролировать бюджеты руководимых ими филиалов. Кроме того, в обязанности РКЦ входит организовывать мероприятия в чрезвычайных условиях с привлечением всех необходимых ресурсов и подразделений и руководить их выполнением [15]. Указанные мероприятия, естественно, влекут за собой экономические последствия, нести ответственность за которые РКЦ, расплачиваясь из собственного «кармана», по новому порядку не может, так как «живет» по смете, спущенной сверху.

Станет ли выбранная система управления эффективной и будет ли она работать вообще – покажет время, и достаточно быстро. Наш же дальнейший анализ нацелен на долгосрочную перспективу, поэтому региональную декомпозицию железнодорожной сети России мы считаем базовой. На фоне попыток реализовать применительно к ОАО «РЖД» модель управления по видам деятельности из единого центра как современной корпорацией, действующей в рыночной среде [15], именно региональная декомпозиция играет роль латентной переменной, стратегическая значимость которой будет возрастать во времени.

Для доказательства правильности последнего утверждения нами был проведен кластерный анализ грузопотоков по сети железных дорог России. В качестве исходных данных использовались материалы Стратегии развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 года, которые сравнивались с проектировками бывшего Института комплексных транспортных проблем Госплана СССР. На рисунке 6 желтым цветом показаны транспортно-логистические кластеры, полученные в результате обработки стандартным пакетом SPSS первичных данных о прошлой и будущей (прогнозируемой) деятельности железных дорог России в территориальном разрезе. Оказалось, что потенциальные кластеры пунктирно располагаются на фрагменте Транссиба от его пересечений с АЯМом на востоке и с Турксибом на западе. Далее начиная с южно-уральского кластера происходит ветвление грузопотоков по двум направлениям: на северо-запад к прибалтийским портам и на юго-запад к портам черноморским,

а кластеры в европейской части сети располагаются на выделенных ветвях. Данный результат свидетельствует, во-первых, о правомерности постановки вопроса о пересмотре ареалов ответственности региональных железных дорог, рассматриваемых как организационные ячейки. Во-вторых, он указывает на одновариантность входа через Транссиб в европейскую сеть железных дорог России и дает возможность рассматривать последний в качестве локального естественного монополиста.

К сказанному необходимо добавить некоторые теоретические, но, как представляется, важные для практики государственного регулирования деятельности железнодорожного транспорта соображения. Для чего, собственно, государство осуществляет регулирование естественного монополиста? Чтобы извлечь для общества пользу, проистекающую от эффекта увеличения масштаба деятельности и в то же время не позволить монополисту подавить своих конкурентов и назначать монопольную цену на выпускаемые продукты или оказываемые услуги. С этой целью регулятор-государство с разной степенью успешности пытается имитировать конкурентный рынок и заставить естественного монополиста работать в нормативно спроектированной рыночной среде.

Существует теория, о фундаментальности которой свидетельствует Нобелевская премия по экономике «За теорию стабильного распределения и практики устройства рынков», присужденная в 2012 г. американским экономистам Э. Роту и Л. Шепли. «Сочетание базовой теории Шепли и эмпирических исследований Рота, эксперименты и практическое проектирование породили бурно развивающуюся область научных исследований и улучшили показатели работы многих рынков, – говорится в заявлении Королевской академии наук Швеции. – В 2012 году премия вручается за выдающийся пример экономического проектирования» [16].

Попытаемся в свете сформулированных в настоящей статье предположений использовать нобелевские результаты для рекомендаций в части совершенствования проекта регуляторной модели государства в отношении ОАО «РЖД». Для этого обратимся к монографии, принад-

лежащей перу также Нобелевских лауреатов, но включенных в состав нобелиантов раньше – Дж. Харшаньи и Р. Зельтена [17]. Будем, следуя им, трактовать в рыночной логике взаимоотношения регулятора (государства) и естественного монополиста (ОАО «РЖД») как игру *одного* продавца услуг по регулированию с *одним* покупателем этих услуг соответственно. Ценой игры станем считать, например, размер излишка потребителя, который государство стремится увеличить, снижая тарифы на железнодорожные перевозки до уровня «справедливой» цены и одновременно субсидируя естественного монополиста. Понятно, что игроки стремятся максимизировать свою выгоду. Государство – посредством максимизации излишка потребителя через снижение железнодорожных тарифов до уровня социально приемлемых, а субсидии выдавая по минимуму. В свою очередь, ОАО «РЖД» стремится увеличить тарифы до уровня коммерчески эффективных.

Анализ, проведенный нобелиантами Дж. Харшаньи и Р. Зельтенем, показывает, что исчисление вектора Шепли для случая игры одного продавца (государства) с одним покупателем (ОАО «РЖД») менее выгодно, чем для случаев с двумя, тремя и более естественными монополистами. Оценку уровня выгоды продавца-государства в зависимости от числа покупателей пакета его услуг дают компоненты вектора Шепли, определяемые по формуле [17]

$$U_s = 100k / (k + 1),$$

где U_s – уровень выгоды государства от продажи пакета услуг по регулированию; k – число приобретателей пакета; 100 – количество единиц полезности, получаемой покупателем от обладания пакетом.

Спроецируем эту формулу на наш случай и на основе элементарных расчетов покажем, как работает вектор Шепли:

Число k приобретателей пакета	Компоненты вектора Шепли для продавца U_s
1	50,00
2	66,67
3	75,00
4	80,00

Содержательная интерпретация этих данных позволяет заключить, что если естественный монополист вроде ОАО «РЖД» один, то компонента вектора, характеризующая выигрыш продавца (государства) минимальна. Если же естественным монополистом признается Транссиб, а ОАО «РЖД» остается в прежнем качестве естественного монополиста на европейской части железных дорог России (т.е. в приведенной выше формуле $k = 2$), то выгода от такого дробления для государства повышается. Продолжая выявление и обособление других естественных монополистов, например на основе указанных выше ходов от Транссиба к балтийским и черноморским портам, видим, что по мере роста k выгоды государства увеличиваются.

* * *

Таким образом, теоретически демонстрируемые способы горизонтального дробления ОАО «РЖД» указывают на реальные резервы повышения уровня выгодной для государства конкуренции между естественными монополистами на внутреннем рынке железнодорожных перевозок. Системное рассмотрение этих выгод в сопоставлении с выгодами от единства железных дорог России под иерархически устроенным управлением ОАО «РЖД» и нахождение оптимального по Парето компромисса между этими выгодами позволят вывести структурную реформу железных дорог из институциональной ловушки, в которой, как представляется, она сегодня находится. При этом специально подчеркнем: предполагается, что целостность железнодорожной системы России сохранится на стратегически необходимом уровне, а коммерческая эффективность повысится до социально приемлемого уровня.

Литература

1. **Полтерович В.М.** Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, вып. 2. – С. 1–37.
2. **Балацкий Е.В.** Институциональные и технологические ловушки: калейдоскоп идей. – URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/202594> (дата обращения 07.07.2013).

3. **Красковский А.Е., Фортунатов В.В.** Прорывные управленческие технологии на железнодорожном транспорте. – СПб.: Петербург. гос. ун-т путей сообщения, 2012. – 340 с.
4. **Кибалов Е.Б.** О конечных целях и средствах реформирования железнодорожного транспорта России // ЭКО. – 2012. – № 7. – С. 4–16.
5. **Кибалов Е.Б., Кин А.А.** К вопросу о проблемах реформирования железнодорожного транспорта России // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 252–274.
6. **Новая** система управления // Куйбышевский железнодорожник: Спец. прил. – 2012. – 5–11 окт.
7. **Акофф Р.** Планирование будущего корпорации / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. В.И. Данилова-Данильяна. – М.: Прогресс, 1985. – 327 с.
8. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 18 мая 2001 г. № 384 «О программе структурной реформы на железнодорожном транспорте» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2366.
9. **Стенограмма** публичной лекции «Стратегия развития ОАО «РЖД» до 2015 года», прочитанной старшим вице-президентом ОАО «РЖД» Б.М. Лапидусом для студентов железнодорожных вузов (9 октября 2006 г., Москва, МИИТ). – URL: <http://ooo-radoneg.ru/36051/394217> (дата обращения 11.11.2006).
10. **Финансовые** показатели РЖД по МСФО в 2005–2010 гг. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Российские_железные_дороги (дата обращения 12.07.2013).
11. **Белоусова Н.И., Васильева Е.М.** Вопросы теории государственного регулирования и идентификации естественных монополий. – М.: КомКнига, 2006. – 320 с.
12. **Баумоль У.Дж.** Детерминанты отраслевой структуры и теория состязательных рынков. – URL: <https://sites.google.com/site/seinstitutespb/otraslevaa-struktura> (дата обращения 11.06.2013).
13. **Гудок.** – 2012. – 24 дек.
14. **Трус Л.С.** Имитационное математическое моделирование миграции населения в зипсофском регионе: Дисс. ... канд. геогр. наук. – М.: Ин-т географии АН СССР, 1979.
15. **Морозов В.** К новой структуре управления // Пульс управления. – 2011. – № 1. – С. 5–9.
16. **Рот** и Шепли получают Нобелевскую премию по экономике за теорию ответственности. – URL: <http://www.inosmi.ru/world/20121016/201007844.html> (дата обращения 21.06.2013).
17. **Харшанья Дж., Зельтен Р.** Общая теория выбора равновесия в играх / Пер. с англ. под ред. Н.А. Зенковича. – СПб.: Экономическая школа, 2001. – 424 с.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 26.07.2013 г.

© Кибалов Е.Б., Кин А.А., Быкадоров С.А., Катунин И.С., 2013

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Н.А. Кравченко

*ИЭОПП СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

А.В. Кузнецов

ИЭОПП СО РАН

*Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН № 34
«Прогноз потенциала инновационной индустриализации экономики России»*

Аннотация

Рассматриваются результаты первого этапа реализации Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г. с позиции формирования инновационной системы. Проводится сравнение ожидаемых и фактических целевых показателей инновационного развития Сибири и отдельных субъектов Федерации Сибирского федерального округа. На примере крупнейших проектов показаны проблемы реализации инновационного варианта развития Сибири.

Ключевые слова: регионы Сибири, стратегия развития, инновационное развитие, инновационные проекты

Abstract

The article considers what results the first steps of the Social and Economic Development Strategy for Siberia 2020 contributed to building a regional inno-

vation system. We compare expected and actual targets of the innovation development in Siberia and several subjects of the Siberian Federal District. Having analyzed several major projects, we show the problems the innovation development variant for Siberia may face in its implementation.

Keywords: Siberian regions, development strategy, innovation development, innovation projects

ЦЕЛИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Знаковым событием в области регионального управления стала разработка Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года [1], в которой в качестве главной цели определено обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа. В целевых установках и задачах Стратегии развития Сибири, а также в стратегиях развития субъектов Федерации СФО в качестве наиболее привлекательного варианта развития и главного приоритета установлено инновационное развитие региона.

Стратегию предполагалось реализовать в три этапа (2010–2011, 2012–2015 и 2016–2020 гг.), которые различаются по степени зрелости инновационной системы региона. Так как первый этап (2010–2011 гг.) уже пройден, мы считаем важным выявить основные достижения и проблемы в развитии инновационной системы. Задачи государственной политики в области развития инновационной сферы на этом этапе состояли в следующем:

- завершение процесса формирования инновационной инфраструктуры и инфраструктуры поддержки инновационного предпринимательства;
- создание единой межрегиональной системы информационного обеспечения процессов разработки и коммерциализации технологий;
- стимулирование потребительского спроса на инновационную продукцию и услуги;
- поддержка межрегионального и международного сотрудничества;

- совершенствование нормативной правовой базы в сфере инновационной деятельности.

Главными достижениями прошедшего периода можно считать постепенное преодоление последствий мирового кризиса и выход на предкризисный уровень инновационной активности. Этот период сопровождался также ростом количества законодательных инициатив, направленных на запуск институциональных изменений: на преодоление разрывов между наукой, образованием и реальной экономикой, на стимулирование кооперационных связей между участниками инновационной системы, на создание системы государственных институтов развития, на формирование долгосрочных стратегических целей и приоритетов и т.д. В числе таких инициатив – разработка и утверждение в декабре 2011 г. Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, принятие в сентябре 2010 г. Федерального закона № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”», принятие в августе 2009 г. Федерального закона № 217-ФЗ о создании малых предприятий при вузах и научных учреждениях и Постановления Правительства РФ № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства», поддержка развития инновационных территориальных кластеров, требования разработки и реализации программ инновационного развития крупных компаний с государственным участием, разработка и утверждение ряда других законодательных и нормативных актов.

На региональном уровне также активизировалась законодательная и нормотворческая деятельность, направленная на поддержку инновационного развития. Значительные усилия были предприняты федеральной и региональной ветвями власти для развития инфраструктуры инновационной деятельности, в том числе для создания и развития технопарков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, центров коллективного пользования и др.

Особое внимание на региональном уровне уделяется стимулированию спроса на инновации, что включает государственные закупки инновационной продукции или услуг, прямую поддержку производ-

ства инновационной продукции и использование других инструментов региональной политики. Крупнейший государственный институт развития – ОАО «РОСНАНО» подписало соглашения о сотрудничестве в области стимулирования спроса на нанотехнологическую продукцию с Новосибирской и Томской областями, разрабатывается комплексная программа стимулирования спроса на нанотехнологическую продукцию в Красноярском крае.

Сибирские регионы активно участвуют в развитии пилотных инновационных кластеров. Из 13 отобранных на конкурсной основе территориальных инновационных кластеров, которые получают субсидии в 2013 г., три кластера находятся в Сибири. Это кластер инновационных технологий в г. Железногорске Красноярского края, инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий в Новосибирской области и кластер фармацевтики, медицинской техники и информационных технологий в Томской области.

В то же время на фоне позитивных качественных изменений в сферах законодательства, институциональной среды, инфраструктуры инновационной деятельности мы видим далеко не радужную картину с точки зрения достижения целевых индикаторов развития инновационной системы Сибири. То есть на уровне измеримых статистических показателей стратегические цели в области инновационного развития не вполне достигнуты. Это демонстрирует табл. 1, составленная на основе показателей, включенных в приложение к Стратегии развития Сибири. В таблицу вошли только те индикаторы, по которым осуществляется статистическое наблюдение [2].

Как видно из данных табл. 1, существуют расхождения между ожидаемыми и фактически достигнутыми результатами. Подчеркнем, что развитие было серьезно замедлено глобальным кризисом, что отодвигает достижение стратегических целей на два-три года. Статистические данные демонстрируют, что инновационная активность сибирских предприятий и организаций немного выросла, но еще не достигла заложенной в стратегии величины. Более того, достигнутый уровень пока ниже среднего по России.

Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров и оказанных услуг в СФО в 2011 г. достигла 2,2%, что больше

Таблица 1

Ключевые показатели достижения целей инновационного развития Сибири*

Показатель	2008, факт	2011, план	2011, факт	% дос- тижения	2015	2020
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	53956	57300	52794	92	59000	61000
Кол-во патентов на изобретения, ед.	2163	2700	1861	69	3600	4200
Кол-во созданных передовых производств. технологий, ед.	93	138	126	91	200	340
Внешнеторг. оборот (экспорт и импорт) технологий и услуг тех. характера, % от показателя по РФ	5,7	8,3	5,4	65	9,0	12,0
Уд. вес орг-ций, осуществляющих технол. инновации, % от общего кол-ва орг-ций	7,7	11,0	8,8	80	От 12,0 до 15,0	От 20,0 до 25,0
Численность студентов на 10 тыс. чел. нас.	488	494	462	94	496	520
Доля инновационной продукции в общем объеме отгружен. товаров и оказан. услуг, %	2,1	5,0	2,2	44	8,0	От 10,0 до 15,0

* Всего в Стратегии в качестве целевых указано 14 показателей, но статистические данные доступны только по половине из них.

уровня 2008 г. (2,1%), но меньше величины, запланированной на 2011 г. (5%), и меньше средней по РФ (6,3%).

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций в 2011 г. достиг 8,8%, что больше уровня 2008 г. (7,7%), но меньше запланированного на 2011 г. (11%) и меньше среднего по РФ (10,4%). Увеличилось также количество созданных передовых производственных технологий: в 2011 г. их стало 126, что больше уровня 2008 г. (93), но меньше количества, запланированного на 2011 г. (138).

Остальные четыре показателя, вошедшие в табл. 1, имеют значения не только меньше запланированных в стратегии, но и ниже стартового уровня 2008 г. Это внешнеторговый оборот технологий (2008 г. – 5,7%, 2011 г. – 5,4%), количество патентов на изобретения (2008 г. – 2163, 2011 г. – 1861), численность персонала, занятого исследованиями и разработками (2008 г. – 53956 чел., 2011 г. – 52794 чел.), численность студентов на 10 тыс. населения (2008 г. – 488 чел., 2011 г. – 462 чел.).

Если величина внешнеторгового оборота и количество патентов отражают особенности текущей ситуации, то сокращение численности исследователей и студентов формирует угрозу будущему развитию. Человеческий капитал в инновационной сфере – главный фактор развития, и абсолютное сокращение числа работающих сегодня и потенциальных исследователей демонстрирует неадекватность современной политики в области науки и образования. Отметим, что абсолютное сокращение численности исследователей и студентов характерно и для России в целом, а не только для Сибири, что делает ситуацию еще более удручающей.

В целом разрыв между желаемым и действительным составил от 6% (число студентов на 10 тыс. населения) до 54% (доля инновационной продукции в общем выпуске).

Таблица 1 отражает ситуацию с инновационным развитием в целом по Сибирскому федеральному округу, однако на уровне отдельных субъектов РФ в составе округа динамика развития инновационных процессов имеет разную направленность (табл. 2).

Таким образом, Сибири пока не удалось достичь среднероссийского уровня показателей инновационного развития. Однако, хотя не все целевые показатели, отражающие успешное выполнение задач первого этапа реализации Стратегии развития Сибири, достигнуты, отдельные субъекты РФ, входящие в состав СФО, демонстрируют положительную динамику инновационной активности. Томская и Новосибирская области имеют более высокие по сравнению со среднероссийскими показатели численности исследователей и студентов. По абсолютным объемам инновационной продукции традиционно лидируют Новосибирская область (16 млрд руб. в 2011 г.), Омская область (14,8 млрд руб.), Красноярский край (11,7 млрд руб.) и Томская об-

Показатели инновационной деятельности регионов

Регион	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.			Кол-во патентов на изобретения, ед.			Кол-во созданных патентов, ед.		
	2009	2010	2011	2009	2010	2011	2009	2010	2011
Республика Алтай	156	158	172	1	2	3	—	—	—
Республика Бурятия	969	952	1144	43	43	43	—	5	—
Республика Тыва	425	416	415	—	2	2	2	—	1
Республика Хакасия	166	149	148	6	1	2	—	—	—
Алтайский край	2054	1955	2182	243	197	162	2	3	4
Забайкальский край	335	322	313	38	29	31	1	—	—
Красноярский край	6299	6475	6748	435	383	329	16	6	33
Иркутская обл.	4919	4912	5075	220	176	183	8	10	7
Кемеровская обл.	1336	1258	1231	285	216	224	5	7	14
Новосибирская обл.	21622	21615	21569	566	505	404	25	23	53
Омская обл.	6622	6125	5002	234	205	177	7	4	8
Томская обл.	8560	8687	8795	375	331	301	4	6	6
СФО в целом	53463	53024	52794	2446	2090	1861	70	64	126

ласть (11,1 млрд руб.). Настоящий прорыв совершил Забайкальский край, у которого объем инновационной продукции после 0,4 млрд

Таблица 2

Сибирского федерального округа за 2009–2011 гг.

Внешнеторг. оборот (экспорт и импорт технологий и услуг тех. характера), % от показателя по РФ	Уд. вес орг-ций, осу- ществляющих технол. инно- вации, % от общего кол-ва орг-ций			Численность студентов на 10 тыс. чел. на- селения			Объем инноваци- онных товаров, ра- бот, услуг, млн руб.			Доля иннова- ционной про- дукции в об- щем объеме отгружен. то- варов и оказан. услуг, %		
	2009	2010	2011	2009	2010	2011	2009	2010	2011	2009	2010	2011
...	5,5	6,5	22,1	240	269	257	–	112	226	–	2,8	3,9
...	6,0	11,0	11,8	421	506	497	973	138	4017	2,0	0,2	4,8
...	12,5	13,0	6,8	188	197	203	25	45	7,1	0,7	0,8	0,1
...	5,3	5,4	5,6	340	368	331	12	32	736,9	0,0	0,0	0,9
–	7,6	8,2	11,0	332	380	364	5484	5741	5831	4,0	3,4	2,5
...	4,4	6,7	4,0	352	333	373	497	447	15184	1,1	0,8	19,4
3,032	12,2	10,0	10,2	419	444	430	3896	4957	11695	0,6	0,5	1,1
1,068	7,5	8,7	6,5	492	526	506	1282	2283	4888	0,4	0,5	1,0
0,179	4,8	5,9	6,4	364	368	349	1140	3882	4244	0,2	0,6	0,4
0,581	5,6	5,5	8,2	579	622	577	9402	14106	16069	4,2	5,1	5,4
0,519	6,0	7,3	7,1	475	553	535	5913	9783	14824	4,5	6,2	3,0
0,001	15,3	18,4	15,7	858	837	788	4668	5365	11144	2,8	2,7	4,2
5,380	7,3	8,2	8,8	449	481	435	33291	46890	88866	1,5	1,5	2,2

руб. в 2010 г. достиг в 2011 г. величины в 15,2 млрд руб. По числу созданных производственных технологий первенство у Новосибирской

области (53 технологии в 2011 г.), далее идет Красноярский край (33) и на третьем месте – Кемеровская область (14). В отношении использования передовых технологий ситуация другая: на первом месте – Омская область (2632 технологии в 2011 г.), на втором – Новосибирская (2457) и далее следуют Красноярский край (1979), Кемеровская (1926) и Томская (1902) области. Такой разрыв по числу созданных и используемых технологий демонстрирует высокую зависимость сибирской экономики от импорта технологий, что, собственно, и подтверждается данными статистики. В целом объем импорта технологий и услуг технического характера по СФО превышает объем экспорта в 2,7 раза. Единственный регион, в котором доходы от экспорта превышают доходы от импорта, – это Новосибирская область, причем в 2011 г. экспорт здесь превысил импорт в 17 раз.

Отметим, что лидерство регионов устойчиво и сохраняется на протяжении последних лет [3], однако сравнительные преимущества у регионов разные: генерация знаний сосредоточена в регионах с высоким научно-образовательным потенциалом (численность студентов, численность исследователей, численность исследователей с научными степенями, количество созданных технологий, затраты на НИОКР), а производство и освоение инноваций – в регионах с высокой концентрацией промышленности. Наиболее сбалансированы инновационные системы в Новосибирской и Томской областях, но и на этих территориях спрос на инновации довольно низок.

КРУПНЕЙШИЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

Стратегия развития Сибири является межрегиональной, она предполагает совместное и согласованное долгосрочное планирование и координацию действий органов власти и управления, бизнеса, науки и образования, населения различных субъектов РФ в составе СФО. По статусу стратегия развития макрорегиона занимает промежуточное положение между федеральным уровнем и уровнем субъектов РФ, однако ее реализация не обеспечивается собственными ресурсами, наличием специального организационного механизма и органа управления, наделенного необходимыми полномочиями. Как отмечается в ра-

ботах [4, 5], в отличие от стратегий отдельных субъектов РФ для реализации стратегии развития макрорегиона существует лишь ограниченное количество механизмов, среди которых главную роль играют проекты, отражающие интересы широкого круга участников и оказывающие влияние на развитие не только данного субфедерального образования, но и других субъектов Федерации за его пределами. Такие проекты реализуются на принципах государственно-частного партнерства и являются формой прямой государственной поддержки инновационных процессов.

При утверждении Стратегии развития Сибири в ее состав были включены 27 приоритетных инвестиционных проектов, среди которых три проекта, непосредственно направленных на инновационное развитие. Крупнейший российский институт развития – ОАО «РОСНАНО» также поддерживает инновационные проекты на территории Сибири как через механизмы прямых инвестиций, так и привлекая соинвесторов. В таблице 3 приведена информация об этих инновационных проектах.

Оценка фактического состояния приоритетных проектов базируется на данных мониторинга Министерства регионального развития РФ [6], а оценка проектов РОСНАНО – на отчете Счетной палаты РФ [7] и на информации портфельных компаний [8]. Приведем краткие сведения о ходе реализации этих инновационных проектов.

Проект *«Создание производства современных литий-ионных батарей»* реализуется в Новосибирской области с 2010 г. и к настоящему времени оценивается как завершенный. Инвесторами проекта выступили ОАО «РОСНАНО», «Thunder Sky Group, Ltd.» (Гонконг), кредитной организацией является ОАО «Сбербанк России». Проектом предусмотрено создание завода с производственной линией литий-ионных аккумуляторов высокой емкости. В технологии производства используется наноструктурированный катодный материал литий-железо-фосфат (LiFePO_4). Этот материал позволяет достигать наилучших характеристик аккумуляторов при их промышленном производстве. Важнейшие характеристики данного вида аккумуляторов – высокая плотность энергии, широкий температурный диапазон, длительный срок эксплуатации, экологичность и безопасность. Аккумуляторы предназначены

Таблица 3

**Инвестиционные проекты, реализуемые в инновационной сфере Сибири,
поддержанные ОАО «РОСНАНО»**

Субъект РФ	Проект	Сроки реализации	Объем инвестиций, млрд руб.	Фактическое состояние (стадия проекта)
Новосиби- рская обл.	Производство литий-ионных батарей	2010–2015, проект входит в число приоритетных	13,8	Запущено производство
Новосиби- рская обл.	Создание технологической инфраструктуры Технопарка новосибирского Академгородка	2008–2014, проект входит в число приоритетных	11, 7	Успешно реализуется по плану
Краснояр- ский край	Развитие коллаген-хитозановых наноконплексов	2010–2011, проект входит в число приоритетных	0,76	Планирование и разработка, низкий уровень реализации
Новосиби- рская обл.	Наноструктурированная керамика	2011	2,44	Запуск производ- ства
Новосиби- рская обл.	Производство наночернил и оборудования для высокотехнологичной цифровой печати	2010	1,36	Действующий завод
Новосиби- рская обл./ Томская обл.	Создание нанотехнологического центра «СИГМА»	2010	0,423	Нет данных
Томская обл.	Производство технологических линий для нанесения наноструктурных покрытий	2010	0,355	Действующий завод
Иркутская обл.	Производство поликристаллического кремния	2009–2013, перенос сроков с 2013–2016	29,1	Низкий уровень реализации

для использования в качестве накопителей энергии, и в частности для установки на все типы электротранспорта.

Несмотря на то что строительный цикл и организация производства завершены, проект не является в настоящее время успешным. Согласно первоначальному бизнес-плану основными потребителями продукции завода должны были стать предприятия гражданских отраслей (российские и зарубежные) и Министерство обороны РФ. Построенный завод испытывает трудности с реализацией своей продукции, главным образом из-за отсутствия государственной поддержки отрасли и мер по стимулированию развития электрического транспорта как в России, так и в большинстве стран, в которых разрешена коммерциализация производимой проектной компанией продукции. То есть потенциальный рынок был существенно переоценен. По заключению независимых экспертов, в среднесрочной перспективе только Китай будет основным рынком сбыта аккумуляторов, так как там реализуются меры по развитию электрических и гибридных транспортных средств.

Данные обстоятельства привели к тому, что в течение 2012 г. продукция завода реализовывалась по цене в 2 раза ниже, чем ее себестоимость, и завод зафиксировал по итогам года убыток в размере 2036,6 млн руб.

Проект *«Создание технологической инфраструктуры Технопарка новосибирского Академгородка»* реализуется в Новосибирской области с 2008 г. при участии Минкомсвязи России, правительства Новосибирской области и находится на высокой стадии выполнения. Инвесторами и партнерами проекта являются ООО «Техноспарк Инвест», Технопарк новосибирского Академгородка (Новосибирск), ОЭЗ ТВТ (Томск), администрация Новосибирской области, администрация Томской области, Сибирское отделение РАН, ЗАО «НПФ «Микран», ООО «Элекард Девайсез», ХК «НЭВЗ-Союз», ООО «Международный научный центр по теплофизике и энергетике».

По состоянию на 1 января 2013 г. введены в эксплуатацию Центр наноструктурированных материалов, Центр технологического обеспечения, комплекс лабораторно-производственных зданий компаний-резидентов, комплекс зданий ИКТ-кластера, включая Центр обработки данных. Ведется строительство здания Центров коллективного пользования Технопарка.

Количество резидентов Технопарка по состоянию на июнь 2013 г. – 247, количество инновационных проектов – 633, площадь построенных объектов – 58 тыс. кв. м., годовая выручка за 2012 г. составила около 12 млрд руб.

Проект **«Развитие коллаген-хитозановых наноконплексов»** направлен на получение линейки инновационных биодеградируемых раневых покрытий, использование которых позволит эффективно решать вопросы реконструкции тканей человека при их полной или частичной утрате. Предполагается промышленный выпуск раневого покрытия «Коллахит». Проект предусматривает расширение имеющихся производственных мощностей в г. Железногорске Красноярского края и значительное увеличение ассортимента выпускаемой продукции. Инициатор проекта – ООО «Коллахит», участниками являются ОАО «РОСНАНО», правительство Красноярского края, Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого. Проект должен был реализовываться в 2010–2011 гг.

В настоящее время Министерство регионального развития РФ оценивает степень реализации проекта производства коллаген-хитозановых наноконплексов как низкую. В материалах мониторинга 2012 г. указано, что главной проблемой в осуществлении проекта является отсутствие частного соинвестора, который должен обеспечить паритетное финансирование. Общие затраты оцениваются в 688 млн руб., в том числе 344 млн руб. выделит бюджет через ОАО «РОСНАНО». Начало реализации проекта перенесено с 2010 на 2013 г. За оставшееся время и планируется найти компанию, которая осуществит софинансирование. Ожидается также, что производство ООО «Коллахит» будет размещено на базе промышленного парка в г. Железногорске в рамках кластера космических и ядерных инновационных технологий. Если все пойдет благополучно, нанопродукцию в больших масштабах начнут выпускать с 2016 г. Пока же организован опытный цех с объемами реализации 0,5 млн руб. в месяц.

Правительством Красноярского края в июне 2012 г. направлено письмо в адрес заместителя Полномочного представителя Президента

РФ в Сибирском федеральном округе с предложением исключить проект из перечня первоочередных.

Проект **«Наноструктурированная керамика»** реализуется ЗАО «НЭВЗ-КЕРАМИКС», в состав учредителей которого входят ОАО «РОСНАНО» и ОАО «НЭВЗ-Союз». Инвестиционная фаза проекта началась в 2011 г., привлеченные в проект инвестиции составили около 2,4 млрд руб. В настоящее время начато производство наноструктурированной керамической продукции, которая представлена изделиями из неметаллических неорганических материалов с различными добавками. Продукция предназначена для промышленных потребителей в энергетике, радиоэлектронике, машиностроении, химической и нефтехимической промышленности. Предполагается также производство изделий из биосовместимой медицинской нанокерамики для травматологии и ортопедии.

Продукцией завода являются, в частности, керамические изоляторы для электроэнергетики, элементы запорной арматуры для нефтегазовой промышленности, бронекерамические изделия, используемые при производстве экипировки для защиты личного состава и панелей для бронетехники, керамические подложки для полупроводниковых приборов (в том числе светодиодов) и термоэлектрических модулей, керамические имплантаты, применяемые при хирургических и стоматологических операциях, и др.

В 2012 г. объем продаж продукции ЗАО «НЭВЗ-КЕРАМИКС» составил 169 млн руб., по результатам 2013 г. ожидается 230 млн руб. В 2017 г. предполагается достичь объема продаж продукции в 3,6 млрд руб.

Проект **«Модернизация и расширение производства наночернил и оборудования для высокотехнологичных видов цифровой печати»** реализуется инновационной компанией «САН». ЗАО «ИК САН» – российский производитель и экспортер печатного оборудования и наночернил. Уникальная разработка САН – технология печати на основе светодиодов, которая отличается экологичностью, энергоэффективностью и позволяет наносить изображения на любые материалы. Компании САН удалось создать инновационную систему цифровой ультрафиолетовой печати, которая по своим характеристикам пре-

восходит существующие мировые аналоги. Принтеры, произведенные по такой технологии, в отличие от традиционных позволяют наносить изображение не только на полиграфическую продукцию, но и практически на любые поверхности. У компании накоплен уникальный опыт производства чернил для ультрафиолетовой и сольвентной печати, а также выпуска широкоформатных УФ-принтеров.

В своем развитии компания столкнулась с трудностями: произошел конфликт между акционерами, основателя компании лишили управляющих должностей в ней, объем продаж оказался значительно меньшим, чем ожидалось, увеличилась долговая нагрузка. Предполагалось, что выручка САН по итогам 2012 г. составит 700 млн руб., однако план был выполнен только на треть. К маю 2013 г. долг по кредитам ЗАО «Инновационная компания САН» (управляющей группы компаний САН) составил около 355 млн руб. В четырех дочерних компаниях группы САН введено внешнее управление в рамках осуществления процедуры банкротства.

В настоящее время группа компаний САН утвердила новую стратегию развития, реализация которой позволит улучшить финансовые показатели и даст возможность в ближайшем будущем увеличить долю на рынке.

Проект *создания мультидисциплинарного нанотехнологического центра «СИГМА»* стал одним из четырех победителей первого конкурса по отбору проектов создания подобных центров, проведенного в 2010 г. Наноцентр включает в себя следующие направления специализации: «приборостроение» (реализуется совместно с компанией «Унискан» на базе Технопарка новосибирского Академгородка) и «наномодифицированные материалы». В ближайшем будущем планируется создание еще двух направлений: «наноэлектроника» и «биотехнологии и фармакология». Развитие наноцентра натолкнулось на ряд проблем, связанных с трудностями согласования интересов различных участников проекта. В частности, в феврале 2012 г. в проекте произошли структурные изменения: доля ОАО «РОСНАНО» осталась неизменной, а вместо ЗАО «СИГМА» новым соинвестором проекта стала компания «Техноспарк Инвест». В настоящее время ситуация с деятельностью наноцентра не вполне определенная.

Проект **«Производство технологических линий для нанесения пористых наноструктурных неметаллических неорганических покрытий на алюминий, магний, титан и цирконий»** реализуется с 2010 г. Для его реализации создана проектная компания ЗАО «МАНЭЛ». Акционерами портфельной компании являются ОАО «РОСНАНО», ЗАО «ЭлеСи», Томский государственный университет. В рамках проекта производятся технологические линии, позволяющие наносить на поверхность металлов неметаллические неорганические покрытия на основе технологии микродугового оксидирования. Основными отраслями применения продукции являются строительная отрасль, приборостроение, производство нефтяного оборудования, автомобиле- и машиностроение. Детали из алюминия, магния, титана и циркония после нанесения покрытия приобретают улучшенные свойства по износостойкости, сопротивлению коррозии, термостойкости, декоративные свойства, а сам процесс нанесения является экологически чистым.

В настоящее время проект выполнен. Предприятие осуществляет поставку технологических линий – начиная от проектирования установки и заканчивая ее пусконаладкой на объекте заказчика, оптимизирует технологию под конкретные производственные задачи, производит гарантийное сервисное обслуживание поставленного оборудования.

Проект **по промышленному производству поликристаллического кремния** – самый крупный инновационный проект в Сибири. Его реализация началась в 2009 г. Высокотехнологичный производственный комплекс по выпуску поликристаллического кремния (сырья для солнечных батарей) – ООО «Усолъе-Сибирский Силикон» создается на базе предприятий компании НИТОЛ, расположенных в г. Усолъе-Сибирское Иркутской области. Новое производство создаст сырьевую базу для дальнейшего развития российской микроэлектроники, а также станет существенным шагом на пути формирования новой отрасли российской промышленности – солнечной энергетики. Участниками проекта являются ОАО «РОСНАНО», ООО «Группа НИТОЛ», ОАО «Сбербанк России», Евразийский банк развития.

Основными потребителями продукции ООО «Усолъе-Сибирский Силикон» должны были стать европейские и азиатские компании по

производству модулей и панелей для солнечной энергетики. Однако за время, прошедшее с начала реализации проекта, китайские производители построили несколько заводов по производству поликремния, а также увеличили свою долю на рынке солнечных батарей с 15% в 2007 г. до 57% в 2011 г. В результате падения мировых цен на поликремний (в период с 2008 по 2012 г. цена упала с 300–400 до 16 долл. США за килограмм) реализовать такие проекты стало труднее, предприятия терпят колоссальные убытки и останавливают производство.

После многочисленных перипетий (остановки производств, задержки финансирования, протесты работников, вмешательство администрации и т.д.) многострадальный «Усолъе-Сибирский Силикон» сегодня переходит на новую бизнес-модель, предусматривающую производство, монтаж и дальнейшее обслуживание солнечных электростанций.

Анализ фактического состояния крупнейших инновационных проектов, запланированных на территории Сибири, показывает, что их реализация наталкивается на следующие проблемы:

- недостаточный учет возможных инновационных рисков, связанных как с незрелостью инновационных технологий, так и с неопределенностью рыночной конъюнктуры в отношении новых продуктов;
- слабая проработка альтернативных вариантов реализации инновационных проектов в условиях отсутствия или недостаточного развития внутреннего рынка инноваций;
- низкая готовность частных инвесторов к принятию высоких рисков, связанных с инновационными проектами, в условиях неразвитости механизмов страхования и хеджирования такого рода рисков;
- недостаточная гибкость инструментов и механизмов государственной поддержки и откладывание на длительные сроки начала предоставления государственной поддержки, что приводит к затягиванию времени выхода проектов на запланированную мощность.

Обращает на себя внимание тот факт, что сроки реализации многих проектов затягиваются на несколько лет. За это время могут ради-

кально измениться рыночные условия, уровень рыночной конкуренции и мировые цены на аналогичные инновационные продукты.

Выделение государственной поддержки обременено множеством процедур и регламентов, в результате чего выделенные средства поступают значительно позже, чем предполагали инициаторы проекта, что приводит либо к росту долговой нагрузки компании, либо вообще к остановке проекта.

* * *

Проблемы реализации инновационного варианта развития Сибири являются комплексными. Значительная их часть имеет инерционный характер и отражает исторически сложившиеся диспропорции расселения населения и размещения производств, ориентированных в значительной степени на добычу и первичную переработку природных ресурсов. Мировой кризис, который примерно на два-три года затормозил инновационное развитие сибирских территорий, продемонстрировал уязвимость нашей экономики по отношению к глобальным шокам. Доминирование в сибирской экономике традиционных отраслей и высокая доля естественных монополий не способствуют формированию спроса на инновации. Низкий внутренний спрос на инновации мы считаем главной проблемой, тормозящей формирование в Сибири инновационной экономики. В то же время низкий спрос на инновации со стороны бизнеса можно считать лишь видимой вершиной айсберга проблем, которые включают также дисбаланс между спросом на отечественные инновационные разработки и их предложением, недостаточную технологическую зрелость инновационных предложений, недостаток квалифицированных инженерных и рабочих кадров, физически и морально устаревшие основные производственные фонды, особенности системы и культуры управления предприятиями и многое другое.

В Стратегии развития Сибири отмечается, что условием ее успешной реализации является комплексное, системное и синхронное взаимодействие государства, бизнеса и общества на принципах государственно-частного партнерства в реализации ключевых инвестицион-

ных проектов. Достичь такого взаимодействия довольно трудно, как показывает опыт реализации крупнейших инновационных проектов – реципиентов государственной поддержки.

Стратегия отражает долгосрочные цели и приоритеты, которые должны поддерживаться последовательной инновационной политикой, согласованной как по вертикали (федеральный уровень – уровень федеральных округов – субъекты Федерации – муниципальный уровень), так и по горизонтали (межрегиональное и трансрегиональное сотрудничество). Пока наблюдаются отсутствие целостной системы стратегических документов, их слабые согласованность и координация. Сохраняется низкий уровень взаимодействия различных участников инновационного развития, прежде всего науки, бизнеса и государства.

Первый этап реализации стратегии, направленный на создание базовых элементов инновационной системы макрорегиона Сибирь, продемонстрировал поступательное движение, однако оно идет медленнее, чем предполагалось. По официальным статистическим материалам, за прошедший период имел место определенный прогресс, но фактические результаты оказались меньше запланированных. Безусловно, существует много причин, объясняющих наблюдаемое отставание. Это ошибки прогнозирования (от них не свободен ни один прогноз), не заложенный в сценарии мировой кризис, проблемы самого процесса стратегирования.

Бóльшие успехи достигнуты в формировании инфраструктуры инновационной деятельности, меньшие – в создании новых инновационных производств и модернизации традиционных отраслей сибирской экономики. Инвестиции в создание и развитие инфраструктуры инновационной деятельности имеют долгосрочный характер, они необходимы для обеспечения будущего устойчивого развития, однако отдача от таких инвестиций наступает нескоро. Субъекты РФ в составе СФО различаются по типу и уровню инновационного развития, лидерами являются Новосибирская область, Томская область и Красноярский край. Но если заявленные проекты будут реализованы, расстановка сил изменится, и в инновационных лидерах окажутся регионы, осуществляющие масштабное производство инновационных продуктов.

В настоящее время на территории Сибири имеются предпосылки для формирования макрорегиональной инновационной системы, соединяющей преимущества отдельных территорий. Более того, имеется большой опыт успешного межрегионального сотрудничества в сфере инноваций, опирающийся на систему институтов СО РАН. Однако требуются значительные усилия всех участников и последовательная инновационная политика как на уровне Российской Федерации, так и на уровне субъектов РФ, входящих в состав СФО, для того чтобы инновационный вариант развития Сибири осуществился.

Литература

1. **Распоряжение** Правительства Российской Федерации от 05.07.2010 г. № 1120-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 33. – Ст. 4444.
2. **Регионы России: Социально-экономические показатели** – 2012. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm (дата обращения 25.06.2013).
3. **Инновационное** развитие Сибири: теория, методы, эксперименты / Отв. ред. В.И. Суслов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2011.
4. **Кравченко Н.А., Анохин Р.Н.** Инвестиционные приоритеты развития сибирской экономики // ЭКО. – 2011. – № 7. – С. 5–13.
5. **Селиверстов В.Е., Мельникова Л.В.** Анализ состояния стратегического планирования в регионах Сибирского федерального округа // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 3–21.
6. **Мониторинг** хода реализации приоритетных инвестиционных проектов федеральных округов по состоянию на 1 апреля 2013 г. – URL: http://www.minregion.ru/Priorit_invest/Monitorin_invest/ (дата обращения 02.07.2013).
7. **Отчет** о результатах контрольного мероприятия «Проверка эффективности использования ОАО “РОСНАНО” средств федерального бюджета, полученных в 2007–2012 годах, и соответствия расходования средств установленным целям деятельности». – URL: <http://www.ach.gov.ru/userfiles/loadfiles/201305rosnano.pdf> (дата обращения 02.07.2013).
8. **Портфельные** компании РОСНАНО в Сибирском федеральном округе. – URL: <http://www.rusnano.com/regions/sfo> (дата обращения 01.07.2013).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 21.07.2013 г.

©Кравченко Н.А., Кузнецов А.В., 2013

УДК 325.1
ББК 65.240.7

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 154–173

ПРИГРАНИЧЬЕ ВОСТОКА РОССИИ: МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Т.Ю. Богомолова

*ИЭОПП СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

И.П. Глазырина

*Институт природопользования, экологии и криологии СО РАН,
Забайкальский государственный университет*

Н.Л. Сидоренко

Забайкальский государственный университет

*Исследование выполнено в рамках междисциплинарного
интеграционного проекта СО РАН № 146 «Трансграничные отношения
в азиатской части России: комплексная оценка преимуществ и угроз»
и задания Министерства науки и образования РФ (проект 1.2.12)*

Аннотация

В статье рассмотрены миграционные настроения студенческой молодежи в Забайкальском крае в контексте реализуемости целей и задач Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкаль-

ского региона на период до 2025 года. Эмпирическим объектом исследования выступили студенты Забайкальского государственного университета. Результаты исследования показывают, что из региона уже в ближайшие годы может уехать значительная часть молодых специалистов, получивших здесь высшее образование. В условиях межрегиональной конкуренции за человеческие ресурсы цели и задачи Стратегии вряд ли могут быть реализованы без мер по созданию в ближайшие годы исключительно благоприятных условий для работы образованной молодежи в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона, студенты, Забайкальский государственный университет, миграционные настроения, работа для молодых специалистов

Abstract

The paper considers attitudes of the student-age population in the Zabaykalsky Krai towards migration and whether they are feasible within the objectives and goals of the Socio-Economic Development Strategy for the Russian Far East and Baykal Region 2025. An empirical subject of our study is the students of the largest university in the Zabaykalsky Krai – Zabaykalsky State University. We can conclude that a significant share of young specialists being educated here may leave the region as early as in the years to come. In the context of a regional human resource competition, the Strategy goals could be likely achieved with no measures aimed at building favorable conditions in the years to come in order the educated youth would be able to find jobs in regions of Siberia and the Far East.

Keywords: Development Strategy for the Far East and Baykal Region, students, Zabaykalsky State University, attitudes towards migration, work places for young specialists

Численность населения, проживающего на Востоке России, постепенно сокращается на протяжении последних 20 лет. Данные Росстата дают основания утверждать, что в последние годы это происходит не столько за счет естественной убыли, сколько за счет миграционного оттока. Трудно не согласиться с мнением, что «сегодня все проблемы Сибири и Дальнего Востока, на которые приходится 60% территории страны, можно выразить одним словом: уезжают»

[1]. Ситуация усугубляется тем, что среди тех, кто еще не уехал, судя по социологическим опросам, существенна доля тех, кто собирается это сделать [2].

Обезлюдение восточных районов страны как следствие широкого спектра десятилетиями не решаемых насущных для населения проблем было осознано государственной властью как потенциальная угроза безопасности страны. В Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года сформулирована масштабная цель, предполагающая кардинальное изменение и темпов, и направлений пространственного развития Востока России: «На территории Дальнего Востока и Байкальского региона должны быть созданы мощные экспортно-ориентированные высокотехнологичные производства на уровне мировых стандартов, крупные исследовательские центры. Необходимо уделить особое внимание развитию производств высокой степени переработки, инвестициям в образование, в науку, в образование крупных научных центров в целях создания собственной базы для развития высоких технологий» [3].

Не в последнюю очередь из-за мирового финансово-экономического кризиса конкретный инструмент реализации этой стратегии – Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» была утверждена только 29 марта 2013 г. В ней среди множества других задач обозначена задача «обеспечить миграционный прирост населения макрорегиона за счет прекращения оттока коренных жителей и притока населения из других регионов России» [4].

Забайкальский край является одним из субъектов Федерации, включенных в названную программу. Особенности его геополитического положения, природно-ресурсный потенциал, значимость природных систем для обеспечения экологического баланса в бассейнах Амура и Байкала позволяют выбрать эту территорию в качестве одного из модельных объектов для изучения социо-эколого-экономических процессов на Востоке России. В настоящей статье рассмотрен вектор миграционных настроений молодежи Забайкальского края в контексте реализуемости целей и задач стратегии и государственной программы развития крупного региона востока страны. Для выявле-

ния факторов, создающих риски для реализации этой программы (в частности, способствующих оттоку из приграничных регионов образованной молодежи), было проведено социологическое исследование среди студентов Забайкальского государственного университета (ЗабГУ)¹. В статье анализируются материалы фрагмента исследования, где в совокупности опрошенных преобладают студенты младших курсов. В этом случае жизненная ориентация молодежи в значительной степени зависит от локальных традиций, опыта, сложившегося в период проживания в регионе, и результаты анализа могут отражать в большей степени желания и предпочтения респондентов, чем их осознанные (к концу обучения в вузе) возможности. Этот аспект является очень существенным, так как в нем проявляется оценка респондентами качества жизни в данном регионе на базе опыта семьи и отражаются жизненные устремления – то, чего хотелось бы в идеале.

ТЕОРИЯ ЭНДОГЕННОГО РОСТА И МОЛОДЕЖЬ ЗАБАЙКАЛЬЯ: КТО БУДЕТ СОЗДАВАТЬ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КРАЯ?

Развитие теории эндогенного роста на основе работ П. Ромера [5] и Р. Лукаса [6, 7] в значительной мере повлияло на характер пространственных исследований в мировой регионалистике. Поскольку ключевыми факторами роста современной экономики, согласно модели Ромера – Лукаса, являются приращение знаний и повышение качества человеческого капитала, в свою очередь, способствующие генерированию эффекта возрастающей отдачи, постольку особое внимание стало уделяться исследованиям динамики различных факторов, связанных с человеческим капиталом, в том числе поведению на рынке

¹ Опрос был осуществлен в мае 2012 г. Производился случайный отбор студенческих групп, чтобы в совокупности опрошенных студентов (N = 350) были представлены все факультеты университета. Авторы благодарят к. филос. н. М.К. Кириллову за предоставленную возможность включить в инструментарий опроса ряд вопросов, отработанных ранее в исследованиях молодежи, проводившихся под ее руководством в Норильском промышленном районе.

труда и миграционным процессам [8]. Очевидно, что в свете целей и задач, стоящих перед нашей страной в отношении развития ее восточных районов, эти аспекты с учетом низкой плотности населения, а также его непрерывного оттока являются чрезвычайно важными. Требуют пристального изучения миграционные настроения молодежи, получающей в вузах профессию, потому что качество молодежи станет одним из определяющих факторов развития региона в ближайшие десятилетия. Ранее проведенные исследования миграционных намерений молодежи сибирских регионов показывают, что среди молодых доля желающих покинуть свои регионы достаточно высока [9, 10].

Наше исследование не стало исключением: среди студентов ЗабГУ, опрошенных в мае 2012 г., только 25% планируют после окончания вуза остаться в Забайкальском крае, а 38% предполагают уехать за его пределы. Даже с учетом большого количества «неопределившихся» это весьма тревожный результат. Причем какой срез объективных характеристик студентов ни возьми, статистически значимых различий в миграционных намерениях выделяемых групп не наблюдается и доля ориентированных на отъезд, как правило, попадает в промежуток 33–43%. Девушки немного чаще, чем юноши, демонстрируют намерение уехать из региона; чем больше лет обучения за спиной у студента, тем выше вероятность его ориентации на отъезд. Студенты трех из четырех факультетов, профиль которых непосредственно связан с реальной экономикой края, лидируют либо по доле не определившихся в миграционных намерениях (факультет технологии, транспорта и связи, горный факультет), либо по доле планирующих уехать (энергетический факультет) (табл. 1).

Среди опрошенных студентов девять из десяти родились в Забайкальском крае, практически у всех (96%) здесь проживают родители, среди которых подавляющее большинство (более чем у 70% студентов) сами родились на территории края. Все это свидетельствует о достаточно высокой степени территориальной укорененности данной совокупности опрошенных студентов, и тот факт, что лишь меньшинство из них планируют по окончании вуза остаться в крае, болезненно симптоматичен. Между тем разные аспекты территориальной укорененности неодинаково проявляют себя как факторы, дифферен-

Таблица 1

Миграционные планы по завершении обучения в вузе в разных группах студентов (доля в группе, % по строке)

Характеристика студента	Миграционные планы по завершении обучения в вузе		
	Остаться	Уехать	Еще не решил(а)
Пол:			
мужской	26,2	35,6	38,2
женский	23,1	41,2	35,7
Год/курс обучения:			
1-й	30,3	34,5	35,2
2-й	21,1	40,8	38,1
3–5-й	20,0	41,7	38,3
Факультет:			
экономики и управления	28,0	30,5	41,5
горный	20,7	34,5	44,8
строительства и экологии	28,6	33,3	38,1
энергетический	23,6	43,1	33,3
технологии, транспорта и связи	21,2	33,3	45,5
юридический	16,7	62,5	20,8
социально-политических систем	29,6	37,0	33,4

цирующие миграционные намерения студентов. На рисунке 1 видно, что место рождения отца и матери практически не влияет на планы студента по окончании вуза, а вот собственное место рождения сказывается заметно: родившиеся в другом регионе страны более решительно настроены на отъезд. Это аргумент в пользу того, что региональную политику надо ориентировать на создание благоприятных условий для закрепления на территории края прежде всего коренного населения, ведь чтобы удержать приезжих, придется приложить существенно больше усилий.

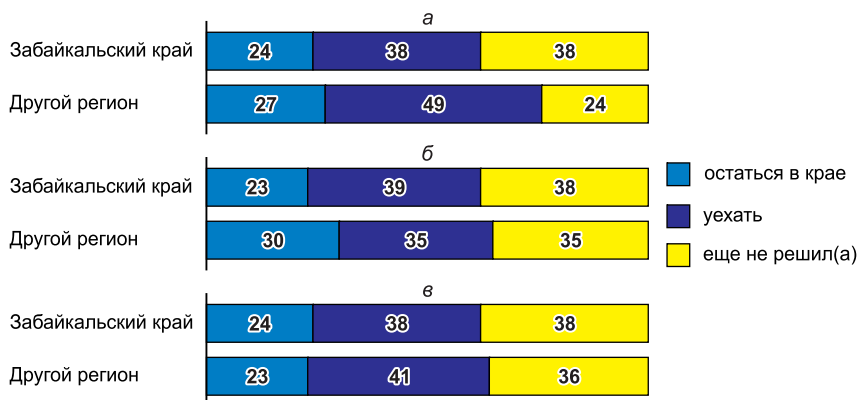

Рис. 1. Миграционные планы студентов в зависимости от разных аспектов их территориальной укорененности, %

а – место рождения студента; *б* – место рождения матери студента; *в* – место рождения отца студента

Мало кто из опрошенных студентов (менее 10%) не разделяет точку зрения, что ЗабГУ дает хорошую подготовку по выбранной ими специальности; столь же массово респонденты отмечают и свою заинтересованность обучением по этой специальности. Но степень заинтересованности обучением, а также самооценка студентом своей успеваемости, опять же при отсутствии статистически значимой связи с миграционными намерениями, позволяют обнаружить следующее: наиболее заинтересованные обучением чаще, чем остальные, сообщают об определенных миграционных планах, и среди них самая большая доля имеющих намерение уехать; те, кто указали, что учатся на «четыре» и «пять», менее всех остальных склонны остаться в Забайкальском крае после окончания вуза (табл. 2).

Полученные результаты говорят о критической ситуации в контексте теории эндогенного роста. Существует реальная опасность, что около 40% молодых образованных людей – тех, кто уже через два-три года будут готовы начать свою профессиональную деятельность и могли бы кардинально изменить судьбу Забайкалья, навсегда покинут регион. При этом вероятность того, что среди них будет значительная

Таблица 2

Миграционные планы по завершении обучения в вузе в зависимости от оценки студентом степени своей заинтересованности обучением по выбранной специальности и успеваемости в вузе (доля в группе, % по строке)

Фактор	Миграционные планы по завершении обучения в вузе		
	Остаться	Уехать	Еще не решил(а)
Степень заинтересованности обучением по выбранной специальности*:			
высокая	27,0	41,6	31,5
средняя	20,0	39,2	40,8
низкая	39,3	25,0	35,7
Оценка студентом своей успеваемости в вузе:			
учусь на «удовлетворительно» и «удовлетворительно и хорошо»	29,1	39,5	31,4
учусь на «хорошо»	21,1	36,8	42,1
учусь на «хорошо и отлично» и «отлично»	19,0	39,5	42,0

* В группу с высокой степенью заинтересованности обучением включены те студенты, кто в отношении высказывания «мне интересно учиться по моей специальности» выразил полное согласие (52% опрошенных); в группу со средней степенью вошли те, кто с данным высказыванием скорее согласен, чем не согласен (34%). Как свидетельствующие о низкой степени заинтересованности были проинтерпретированы ответы студентов «скорее не согласен, чем согласен», «полностью не согласен».

часть самых подготовленных, целеустремленных, заинтересованных в прогрессе в своей профессиональной области, велика. Чем можно объяснить «краебежные» намерения забайкальских студентов?

МОТИВЫ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ

В фокусе внимания нашего исследования потенциальная миграция студентов. Будет ли осуществлена миграция в реальности, зависит от многих факторов. Но конкретное решение, как правило, являет-

Таблица 3

Наиболее часто упоминаемые студентами причины уехать или не уезжать из Забайкальского края (доля в совокупности отметивших ту или иную причину, %)

Причины уехать	Ранг	Причины не уезжать
Мало возможностей получить интересную работу, сделать карьеру (48%)	1	Семейные, дружеские связи и личные привязанности (79%)
Здесь недостаточно высокие заработки (35%)	2	Здесь меньше суеты (33%)
Просто хочу уехать из этих мест (25%)	3	Не готов(а) к самостоятельной жизни (25%)
Скучно, есть ощущение оторванности от мира (21%)	4	Здесь есть где и чему учиться (24%)
Возможный отъезд родителей или близких родственников (17%)	5	Здесь стабильнее, надежнее (18%)
Суровые климатические условия для жизни (14%)	6	Неопределенность трудоустройства в других местах (17%)
Хочу жить самостоятельно (14%)	7	Не отпускают родители (16%)

Примечание: остальные причины отметили менее 10% респондентов.

ся следствием взвешивания индивидом мотивов уехать и остаться, оценок плюсов и минусов сохранения территориального статус кво. Поэтому вопросы о том, с чем связано желание уехать из края, а также желание остаться здесь², задавались всем студентам вне зависимости от обозначенных ими миграционных намерений.

Самые распространенные аргументы за миграцию и против нее приведены в табл. 3. Можно видеть, что основные мотивы отъезда связаны с представлением о том, что в крае мало возможностей полу-

² Вопросы были сформулированы следующим образом: «Если у вас возникает желание уехать из Забайкальского края, то с чем оно связано?»; «Что удерживает вас в Забайкальском крае, если говорить в целом?». К каждому из вопросов предлагалось 13 вариантов ответов.

чить интересную работу, сделать карьеру, здесь низкий потолок доходов. Каждый четвертый опрошенный студент, не вдаваясь в детали, просто хочет уехать из этих мест, так сказать, по совокупности причин. Скучная жизнь в отрыве от остального мира выступает мотивом миграции для пятой части респондентов. Суровые климатические условия и желание жить самостоятельно замыкают перечень наиболее часто упоминаемых причин для отъезда. Пять из семи основных причин явно связаны с характеристиками территории и лишь «полторы» из них (климат и крайнее расположение) можно отнести к слабоуправляемым. Переезд в другой регион как радикальный способ обрести самостоятельность не является региональной особенностью забайкальской молодежи, как, впрочем, и зависимость от решения переехать в другой регион родителей или близких родственников. Эти мотивы естественны для молодежи как социально-демографической группы, находящейся на определенном этапе жизненного цикла, когда стремление к самостоятельности и зависимость от ближнего окружения тесно переплетаются.

Что же касается причин остаться в крае, то среди них на первом месте с большим отрывом от других причин оказываются семейные, дружеские связи и личные привязанности респондентов (79%) – все то, что формируется за рамками влияния региональной политики, скорее вопреки, чем благодаря ей. На втором месте обнаруживается неотъемлемое (для кого-то, может, и сомнительное) преимущество провинциальной жизни – отсутствие суеты (33%). Стремление к перемещению мест у четверти респондентов сдерживается осознанием неготовности к самостоятельной жизни. Практически столько же опрошенных не видят необходимости переезжать в силу того, что хорошее образование можно получить и в Чите. Упоминание двух следующих причин (практически одинаковое количество раз: «здесь стабильнее, надежнее» – 18%; «неопределенность трудоустройства в других местах» – 17%) можно расценить как нежелание идти на риск, ориентированность на «синицу в руках». На последнем месте в ряду основных удерживающих причин такой стабилизатор миграционных порывов молодежи, как родители. Фактически среди основных причин не уез-

жать только одна (достойная система образования) имеет отношение к региональному социально-экономическому потенциалу; остальные можно разделить на две группы: родственные социальные сети и личностная склонность к стабильности.

Хотя экологические условия не попали в разряд основных причин потенциальной миграции (только 8% респондентов хотели бы уехать из-за «плохой экологии»), обеспокоенность экологическими проблемами региона выразили более 80% участников опроса. Это отражает негативную динамику состояния окружающей среды, видимую не только профессиональным экологами [11], но и всему населению. Кроме того, это говорит о том, что молодежь равнодушна к экологической проблематике. Без мер по радикальному восстановлению окружающей среды края эта «второстепенная» причина легко может стать одной из основных, определяющих стремление покинуть регион.

Анализ показал, что именно оценка студентами возможностей Забайкальского края содействовать развитию их человеческого потенци-

Таблица 4

Доля согласных с оценкой Забайкальского края как места, подходящего для реализации жизненных планов, в группах студентов с разными миграционными намерениями, %

Оценка	Миграционные планы по завершении обучения в вузе		
	Остаться	Уехать	Еще не решил(а)
Забайкальский край – это подходящее место для получения хорошего образования	77,4	47,7	65,6
Забайкальский край – это подходящее место для того, чтобы устроиться на хорошую работу	60,7	27,1	44,8
Забайкальский край – это подходящее место для получения высокого дохода	38,1	24,5	39,5
Забайкальский край – это подходящее место для того, чтобы жить интересной, насыщенной событиями жизнью	67,5	31,6	41,3

ала объясняет различие их миграционных намерений: те студенты, которые считают край подходящим местом для реализации их жизненных устремлений, планируют остаться здесь после окончания вуза; те, кто думает иначе, ориентированы на отъезд. В группах студентов с разными миграционными намерениями существенно различается выраженность оценки края как подходящего для жизни места (табл. 4).

Рисунок 2, визуализирующий данные табл. 4, призван обратить внимание, во-первых, на то, что студенты с разными миграционными планами, сохраняя существенную дистанцию в оценках, наиболее оптимистично оценивают образовательную систему края, а наиболее пессимистично и с наименьшим разбросом в оценках – край как место, подходящее для получения высокого дохода. Не определившиеся с миграционными планами студенты в оценке возможности, оставаясь в крае, жить интересной, насыщенной событиями жизнью ближе к тем, кто планирует уехать, чем к тем, кто планирует остаться.

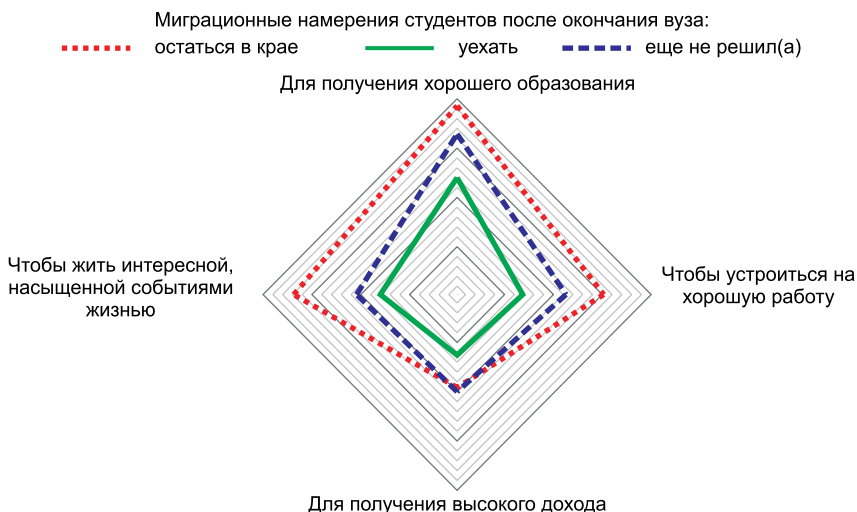

Рис. 2. Оценки Забайкальского края как подходящего места для реализации жизненных возможностей в группах студентов, различающихся миграционными намерениями (суммарная доля тех, кто ответил, что край «вполне подходящее» или «скорее подходящее» место)

Во-вторых, этот рисунок четко показывает, что группа студентов, не определившихся с миграционными планами, занимает промежуточное место по оценкам практически всех рассматриваемых сторон жизни в крае. Она являет собой резервуар для пополнения или восполнения рядов тех, кто уже сформировал миграционные планы. Можно предположить, что неопределившиеся способны более чутко, чем определившиеся, реагировать на изменения качества среды, а значит, даже первые признаки изменений в зависимости от их знака повлияют на то, группу с какими миграционными намерениями пополнят завтра сегодняшние неопределившиеся.

Юноши и девушки, выращенные Забайкальским краем в физическом и социальном смыслах, получающие здесь высшее профессиональное образование, ценящие сложившиеся родственные и дружеские связи, однако, в подавляющем большинстве не исключают реализации своего человеческого потенциала совсем не на той территории, где он был сформирован, так как в отношении экономики и рынка труда, разнообразия жизненных перспектив для населения край явно проигрывает, по их представлению, да и по данным государственной статистики, в конкуренции с другими регионами.

НАПРАВЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ

Среди планирующих уехать из Забайкальского края после получения высшего образования на Москву и Санкт-Петербург нацелена весьма скромная часть³ – меньше одной пятой (рис. 3). Самым часто упоминаемым (почти 40%) направлением переезда у наших респондентов оказались регионы страны, расположенные между столицами и Сибирью. В то же время больше четверти опрошенных с сибирской землей расставаться не планируют: они выразили намерение переехать в другие регионы Сибири или на Дальний Восток.

³ Скорее всего, это объясняется тем, что те, кто хотел и мог, уже уехали учиться в образовательные учреждения этих городов по окончании средней школы.

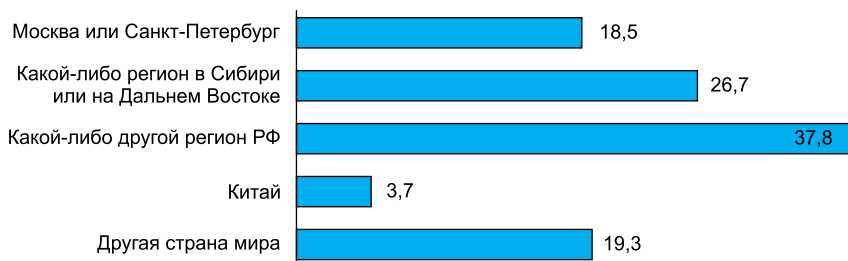

Рис. 3. Доли студентов – потенциальных мигрантов, указавших то или иное направление миграции, %

Очень мало кто из наших респондентов (около 4%) рассматривает как место для переезда соседний Китай, при том что другие страны мира указал почти каждый пятый. Это тем более примечательно, что в реальной территориальной подвижности опрошенных студентов именно поездки в Китай составляют львиную долю: из тех, кто за последние пять лет выезжал за пределы Забайкальского края (66% респондентов), почти 70% посещали Китай. То есть большинство студентов имели опыт посещения сопредельной страны и осознанно не рассматривают ее как место потенциальной миграции.

Наличие границы с Китаем, безусловно, оказывает значительное влияние на социально-экономические (и экологические) процессы в Забайкальском крае. Для многих семей это фактор, непосредственно влияющий на уровень благосостояния, стиль и качество жизни: возможность обеспечить семью относительно дешевыми товарами, недорого отдохнуть на морских курортах КНР, получить рабочие места на торговых площадках с преобладанием китайских товаров и т.д. С другой стороны, граждан беспокоят нелегальные рубки леса с целью вывоза в КНР, низкое качество многих китайских товаров, вытесняющих более качественную, в том числе российскую, продукцию, конкуренция на рынках труда, экологическая безответственность, характерная для многих сельскохозяйственных предприятий, которыми владеют и на которых работают граждане КНР, и т.д.

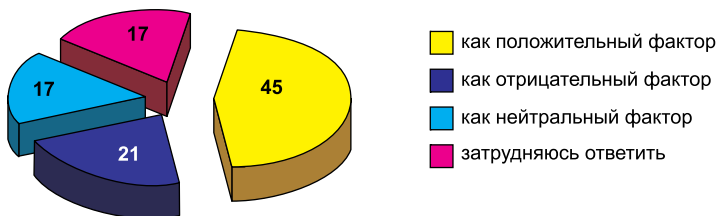

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как вы оцениваете приграничное положение Забайкальского края (близость с Китаем) для развития нашего региона?» (доля среди опрошенных, %)

Опрос показал, что молодежь неоднозначно оценивает приграничное положение Забайкалья (рис. 4). Меньше половины (45%) респондентов считают такое положение позитивным фактором для развития края, а более 20% – негативным. То есть несмотря на то что быстрорастущая экономика Китая могла бы стать мощным драйвером для развития сопредельных российских регионов и некоторые позитивные последствия приграничного положения видны невооруженным глазом, достаточно большая доля молодых людей воспринимают эту географическую близость отрицательно. Это, а также то, что давшие нейтральную оценку и затруднившиеся оценить в сумме составили больше трети опрошенных, похоже, объясняется тем, что приграничное положение по отношению к КНР не стало ни существенным фактором экономического роста в восточных районах России [12], ни фактором сокращения их отставания по социально-экономическим показателям от центральных регионов страны.

Надо отметить, что наличие или отсутствие опыта посещения Китая выступает статистически значимой переменной для объяснения различий в оценках приграничного положения края, и те студенты, которые бывали в Китае, заметно более склонны давать позитивную оценку фактору территориальной близости края к Китаю, чем те, что там не бывали (табл. 5). Трудно не воздать должное нашему восточному соседу за умение сформировать позитивное представление о себе при непосредственном знакомстве.

Таблица 5

**Оценка фактора территориальной близости с Китаем для развития
Забайкальского края в группах студентов, побывавших и не побывавших
в Китае, %**

Наличие опыта посещения Китая	Оценка			Затруднились с ответом
	положительная	отрицательная	нейтральная	
Есть	53,2	15,6	14,3	16,9
Нет	36,6	28,3	18,3	16,8

Опрос показал, что перспективы региона, связанные с его приграничным положением, студенты разных специальностей оценивают по-разному. Наиболее часто позитивные оценки дают студенты экономических и юридических специальностей, но и здесь доля положительных ответов лишь немного превышает 50%. Наибольшая доля отрицательных ответов приходится на студентов, специализирующихся в области строительства, природопользования, а также информационных технологий. Возможно, это связано с постоянным присутствием в регионе китайских строительных рабочих, с претензиями к качеству их работы. Судя по публикациям в СМИ, уже достаточно широкие слои населения края обеспокоены развитием горно-добывающей промышленности, ориентированной на экспорт сырья в Китай, при том что положительное влияние этих производств пока практически не ощущается, рабочих мест для местного населения создается мало.

* * *

Один из наиболее интересных выводов П. Ромера состоит в том, что экономика большой страны может генерировать более быстрый рост по сравнению с «малыми экономиками», потому что в большой стране объективно больше возможностей создать благоприятные условия для развития человеческого капитала и научных исследований. Возникающие – на первом этапе локально – идеи и инновации

могут дальше распространяться и развиваться в обширной интеллектуальной среде, формируемой за счет высокого качества человеческого капитала. Последнее, в свою очередь, может быть достигнуто за счет масштабных инвестиций в образование и науку, которые может себе позволить большая страна [5]. Поэтому Россия имеет этот потенциал, и ее восточные регионы, несмотря на небольшое население, в принципе могут быть бенефициарами этих процессов. Однако если продолжится массовый отток образованной молодежи в другие регионы (и за границу), то это неизбежно приведет к тому, что упомянутый потенциал останется нереализованным. Межрегиональная конкуренция проявляется не только в привлечении ресурсов, инвестиций, в стремлении разместить на своей территории приоритетные проекты. Один из ее наиболее существенных аспектов – конкуренция за человеческий капитал, особенно в условиях России. Наш анализ говорит о том, что в этой конкуренции такие регионы, как Забайкальский край, в настоящий момент проигрывают регионам европейской части страны. Эти проблемы характерны для всей Сибири [13], разница только в масштабах миграционных потоков.

В Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года декларируется, что «стратегической целью развития Дальнего Востока и Байкальского региона является реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека в субъектах Российской Федерации, расположенных на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития» [3]. Результаты нашего исследования говорят о том, что это будет непросто. Миграционные настроения у молодежи следует оценить как серьезный фактор, неблагоприятный для решения геополитических задач страны. Совершенно очевидно, что нужны кардинальные изменения в социально-экономической политике, способствующие повышению привлекательности проживания на Востоке России.

В целом, программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» предусматривает решение комплекса задач по развитию человеческого потенциала. Но временные рамки их решения или не определены, или слишком велики. Например, задача 2.3 – «обеспечить опережающие по отношению к среднероссийским темпы роста трудовых доходов на территории макрорегиона; добиться, чтобы к 2025 году уровень средней заработной платы на территории макрорегиона превышал среднероссийский показатель не менее чем на 30 процентов» [4]. Совершенно очевидно, что так долго ждать нельзя, что задача создания для образованной молодежи мощных стимулов к тому, чтобы оставаться в своих регионах, должна быть первоочередной и приоритетной. Это не только заработная плата и жилье, но и возможности самореализации в различных направлениях: в создании собственного бизнеса (необходимы особо благоприятные условия, ведь рядом активно развивающийся и поддерживаемый государством малый бизнес Китая), в проведении научных исследований. Это также развитие культурной среды, современной носферы. Однако судя по перечню проектов программы, первоочередным является «финансирование начиная с 2014 года за счет средств федерального бюджета мероприятий по развитию транспортной инфраструктуры, прежде всего по снятию к 2016 году ограничений пропускной способности Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, строительству, реконструкции находящихся в федеральной собственности участков автомобильной дороги Владивосток – Находка, аэродромов и морских портов» [4]. Все это важные задачи, но без инвестиций в человеческий капитал они не имеют смысла, потому что без «критической массы» образованного и креативно мыслящего населения невозможно создать и развивать современную экономику даже при наличии инфраструктуры.

Гигантские финансовые потоки, направленные на реализацию крупных проектов, – инвестиции в физический капитал на первом этапе создают лишь ограниченное количество качественных рабочих мест. Если эти инвестиции китайские, то опыт показывает, что значительную часть создаваемых рабочих мест занимают граждане КНР.

В условиях приграничья мультипликативный эффект этих проектов может оказаться значительно ниже ожидаемого вследствие нарастающей конкуренции с китайскими производителями практически всех товаров и услуг. К сожалению, надо констатировать, что российские регионы в этой конкурентной борьбе в настоящее время проигрывают «на всех фронтах». Положительные (потенциально) экстерналии сотрудничества с быстрорастущей китайской экономикой для российской стороны в значительной степени остаются нереализованными, и для преодоления этих тенденций необходимы кардинальные институциональные реформы и новые экономические механизмы стимулирования процессов развития.

Задача нашего исследования состояла не в том, чтобы выявить наличие миграционных настроений, – хорошо известно, что они есть. Мы стремились не столько получить количественные характеристики «масштабов бедствия», сколько показать «качественную» сторону миграции в будущем: уже в ближайшие годы значительная доля молодых специалистов, получивших в регионе высшее образование, ориентированных на социальное и экономическое продвижение, могут отсюда уехать. Стратегия первоочередных инвестиций в инфраструктуру и крупные проекты, предполагающая, что это даст мультипликативный эффект и затем будет стимулом для развития высокотехнологичной экономики, вряд ли оправдана при таком уровне миграционных настроений. Поэтому одним из первоочередных практических действий должны стать корректирование и дополнение программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» конкретными мерами по созданию в ближайшие годы исключительно благоприятных условий для работы и жизни в регионах Сибири и Дальнего Востока, и прежде всего для молодых специалистов. Ясно, что это будут меры с очень длительными «сроками окупаемости», но альтернатив в настоящее время уже нет: восточные регионы страны, и особенно приграничные территории, стремительно пустеют.

Литература

1. **Попов А., Чернышов С.** Мертвый восток: Сибирь и Дальний Восток все больше погружаются в демографическую и экономическую пропасть. – URL: <http://expert.ru/expert/2012/27/mertvyy-vostok> (дата обращения 20.07.13).
2. **Александрова Т., Глебова И., Дробышева И.** Пакуют чемоданы: Власти пока бессильны остановить миграцию населения из округа // Российская газета. – 2011. – 3 нояб.
3. **Стратегия** социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. – URL: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/ (дата обращения 05.04.2010).
4. **Социально-экономическое** развитие Дальнего Востока и Байкальского региона: Государственная программа. – URL: <http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/152/programma.pdf> (дата обращения 07.08.2013).
5. **Romer P.** Increasing returns and long run growth // Journal of Political Economy. – 1986. – V. 94, No. 5. – P. 1002–1037.
6. **Lucas R.** On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. – 1988. – V. 22, No. 1. – P. 3–42.
7. **Лукас Р.** Лекции по экономическому росту. – М.: Ин-т Гайдара, 2013. – 288 с.
8. **Проблемы** пространственного развития: методология и практика исследований / Под ред. Г.Г. Фетисова. – М.: СОПС, 2012.
9. **Данилова З.А.** Миграционные настроения населения Байкальского региона (по материалам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 3. – С. 115–118.
10. **Заусаев В.К., Сафронов М.Г., Кручак Н.А., Воробьева А.И.** Миграционные настроения на Дальнем Востоке: жить нельзя уехать // ЭКО. – 2013. – № 2. – С. 22–35.
11. **Помазкова Н.В., Кирилюк О.К., Фалейчик Л.М.** Геоэкологическая оценка воздействия разработок минерального сырья на экосистемы юго-востока Забайкалья // Устойчивое развитие горных территорий. – 2012. – № 3. – С. 156–167.
12. **Забелина И.А., Клевакина Е.А.** Эколого-экономические аспекты природопользования и проблемы приграничного сотрудничества в регионах Сибири // ЭКО. – 2011. – № 9. – С. 155–166.
13. **Ечевская О.Г.** Академическая мобильность и образовательные миграции в Сибири: проблемы и перспективы // Экономика: вопросы школьного экономического образования. – 2012. – № 3. – С. 3–10.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 30.09.2013 г.

© Богомолова Т.Ю., Глазырина И.П., Сидоренко Н.Л., 2013

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ И КАЗАХСТАНА: СТРАТЕГИИ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

О.Г. Ечевская

*ИЭОПП СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

*Исследование выполнено в рамках междисциплинарного
интеграционного проекта СО РАН № 146 «Трансграничные отношения
в азиатской части России: комплексная оценка преимуществ и угроз»
и экспедиционного проекта ИЭОПП СО РАН «Трансграничные
отношения в сибирских регионах: субъекты, формы и практики»*

Аннотация

Обсуждаются стратегии и формы осуществления международных образовательных программ в университетах России и Казахстана. На примере двух вузов – лидеров по показателям образовательной мобильности в своих регионах реализация программ международного сотрудничества рассмотрена на двух уровнях: на национальном (стратегия интернационализации высшего образования) и на уровне университета (конкретные программы в рамках стратегии). Выявлены и описаны стратегии интернационализации, реализуемые в системах высшего образования России и Казахстана, показаны ключевые риски их реализации (утечка кадров, асимметричность потоков образовательных миграций, региональная дифференциация). Сделан вывод о необходимости учета региональной дифференциации при разработке стратегических решений по развитию международного образования в России.

Ключевые слова: международное образование, академическая мобильность, трансграничные отношения, интернационализация высшего образования

Abstract

The paper considers the strategies and forms of international education programs realized by universities of Chita (Russia) and Almaty (Kazakhstan). We also consider how international cooperation programs are realized at the national level (a strategy for internationalization of higher education) and at universities (universities' programs) by two leading universities (according to educational mobility indicators). We describe the strategy for internationalization of higher education being realized by Russia and Kazakhstan and key risks of their realization (brain drain, asymmetric flows of educational migration, and regional differentiation). We can conclude that regional differentiation should be necessarily taken into consideration in making decisions on the development of international education in Russia.

Keywords: international education, academic mobility, trans-border relations, internationalization of higher education

Тематика мобильности и миграций в последние годы становится ключевым пунктом повестки дня в отечественных (см, например, [1]) и зарубежных социальных науках. Перемещение людей в пространстве – в поисках работы, образования, впечатлений, защиты, возможностей самореализации и т.д. – оказывается и важной частью повседневной жизни, и одним из ключевых ресурсов развития общества. А. Аппадурай [2] показывает, что в современных обществах важнейшими факторами социальных изменений становятся стремительно растущие масштабы мобильности (людей, идей, технологий, капитала, образов, перемещающихся сквозь границы государств), расширяющей границы жизненного пространства, а также новые медиа-формы, способствующие расширению границ мира, который можно увидеть и, не посещая, вообразить. Дж. Урри [3] предполагает, что современные виды мобильности «подрывают» социетальные границы и привычное (социологу) устройство общества, и предлагает манифест новой социологии, в фокусе которой различные виды мобильности и их

социальные последствия (а не социальные структуры и социальный порядок), для осмысления которых применяются различные метафоры движения, прежде всего «сети» и «потoki».

Хотя потоки людей, технологий, капитала, идей, образов легко пересекают территориальные и другие «привычные» границы, расширение пространства возможностей вовсе не означает их бесппроблемной реализации. Описывая состояние современных обществ, З. Бауман [4] отмечает, что ускорение социальных процессов, а также развитие средств, повышающих мобильность, делает «возможности перемещения» ключевым ресурсом и основным инструментом власти и доминирования. По мнению Баумана, растущая мобильность в современных обществах порождает как новые возможности, так и новые неравенства, и наиболее важными оказываются те из них, которые основаны на доступе к мобильности и на степени свободы перемещений в физическом и социальном пространствах.

Все сказанное в полной мере относится к академической мобильности и образовательным миграциям: открывшиеся возможности позволяют студентам и профессионалам выстраивать разнообразные образовательные траектории. Соответственно, растут интенсивность и разнообразие форм академической мобильности и образовательных миграций (индивидуальная мобильность и институциональные проекты по экспорту образования, долгосрочные и краткосрочные стажировки, совместные и модульные образовательные программы, сетевые формы академического взаимодействия и т.д.), и понимание современного образования уже невозможно без осмысления новых форм мобильности.

* * *

Государства сейчас оказываются в непростой ситуации, когда требуются осмысление и регулирование новых форм мобильности и занятости граждан, управление потоками людей и идей, а международное образование и академическая мобильность становятся залогом успешной интеграции в мировое научное и образовательное пространство, стратегическим ресурсом, но также и одним из ключевых рисков.

В социологической литературе доминируют две модели объяснения того, как организуются потоки международной образовательной мобильности: классическая экономическая модель выталкивания и притяжения и теория мировых систем [5]. Первая объясняет направления миграционных потоков в терминах установления равновесия между регионами с дефицитом рабочей силы и регионами, где существует ее избыток. Вторая предполагает, что направления потоков образовательных миграций определяются логикой организации мировой системы (ядро, полупериферия, периферия) и молодые люди, желающие получить хорошее образование, перемещаются с периферии в направлении ядра. Эти модели не противоречат друг другу и демонстрируют общую закономерность в направлениях образовательных миграций: лучшие кадры устремляются в поисках лучшего образования в более благополучные регионы, тем самым усиливая и без того существенный разрыв между благополучным ядром – центром притяжения молодых профессионалов и сравнительно неблагополучной периферией.

Однако анализ данных о фактических перемещениях студентов показывает недостаточность обеих моделей для объяснения образовательных миграций в современных обществах: некоторые устойчивые взаимосвязи и глубокие каналы¹ студенческой мобильности не объясняются полностью ни максимизацией прибыли агентами образовательного рынка, ни положением стран в мировой системе. Понятными они становятся в рамках историко-институциональной модели [6], в которой значимыми оказываются институциональная близость и старые колониальные связи между государствами. Как показывает М. Сафонова [5, 6], современные академические «империи» наследуют институциональную инфраструктуру старых политических образований, а культурная и институциональная близость между странами (созданная экспортом институциональных и культурных образцов)

¹ Глубокими называются те каналы, которые позволяют регулярно перемещаться большим потокам интернационально мобильных студентов. М. Сафонова [5] глубокими каналами международной студенческой миграции обозначает те, по которым перемещается не менее 30% всех интернационально мобильных студентов из страны-донора.

позволяет студентам сокращать транзакционные издержки на приобретение высшего образования. В таких условиях постсоциалистические государства оказываются встроенными и в сравнительно новую для себя среду стремительно развивающегося мирового образовательного рынка, и в систему старых взаимосвязей, унаследованную от «Советской империи». Россия оказывается и ядром, принимающим потоки студентов из бывших союзных республик (к примеру, по данным за 2007 г., 65% всех мобильных студентов из Казахстана и 57% – из Белоруссии учились в России), и полупериферией, экспортирующей большое количество студентов в страны ядра мировой системы (США, Великобританию, Германию, Францию и др.).

В фокусе настоящего исследования – стратегии интернационализации высшего образования и формы их реализации в международных образовательных программах университетов России и Казахстана. С одной стороны, между этими государствами существует множество взаимосвязей, выстроенных еще во времена «империи» и используемых сегодня для формирования единого экономического пространства. С другой стороны, оба государства заявляют о ключевом стратегическом приоритете образования вообще и международного образования в частности для собственного экономического, социального и культурного развития. Международное образование в таком контексте видится инструментом интеграции в мировое научное и образовательное сообщество, работает на повышение престижа страны на мировой арене и на формирование национальных элит, способствует накоплению человеческого капитала, который, в свою очередь, гарантирует государствам развитие «экономики знаний» в долгосрочной перспективе.

Процессы интернационализации высшего образования носят многоуровневый характер: глобальный, региональный, национальный, университетский, индивидуальный [7]. На глобальном уровне координация процессов интернационализации высшего образования осуществляется международными организациями. На региональном уровне регулятором интернационализации высшего образования является Болонский процесс. На национальном уровне интернациона-

лизация высшего образования регулируется государственными стратегическими и юридическими документами. Далее приоритеты, обозначенные в стратегических документах, проводятся в жизнь университетами, каждый из которых может разработать собственную схему осуществления стратегии, отраженную, как правило, в системе индикативных показателей.

В статье рассматриваются стратегии интернационализации высшего образования, принятые на национальном уровне, затем на данных эмпирических исследований анализируется реализация стратегий на уровне университетов. Полученные выводы представляют собой предварительные обобщения результатов исследований, проведенных в двух вузах – лидерах в своих регионах по показателям академической мобильности и международной деятельности: в Казахском национальном университете (КазНУ) им. Аль-Фараби и Забайкальском государственном университете (ЗабГУ)². Оба они являют собой позитивные примеры: в этих университетах международное образование входит в число приоритетных направлений развития, отделы международных связей и академической мобильности действуют эффективно, разработаны внутренние системы индикативных показателей, которые отражают различные измерения международной образовательной деятельности, большое число студентов участвуют в программах академической мобильности разного формата и длительности. В этом контексте основная задача статьи – показать на успешных (для своих регионов) примерах особенности, преимущества, риски реализации конкретных программ международной академической мобильности в рамках определенных стратегических задач.

В статье не ставится цели сравнить университеты или страны – и потому, что в отношении рассматриваемых кейсов трудно сказать,

² КазНУ (Алматы) является экспериментальной площадкой для внедрения образовательных инноваций. На момент проведения исследования он заключил 184 договора о сотрудничестве с иностранными университетами. ЗабГУ (Чита) реализует программы международного образования с 1970-х годов и имеет 80–90 договоров о сотрудничестве с университетами Китая, Украины, Беларуси, Казахстана, Вьетнама и других стран. С некоторыми из университетов выполняются совместные образовательные программы.

насколько каждый из них уникален или типичен для своей страны, и потому, что темы, затрагиваемые в интервью, касались как международной деятельности университета, так и ситуации в регионе в целом. Не имея возможности сравнивать кейсы, мы используем сравнительный взгляд для того, чтобы более ярко показать предмет исследования – взаимосвязь стратегий интернационализации высшего образования с формами и практиками реализации программ международного образования в университетах.

Информационная база исследования состоит из двух частей:

1) данных разведывательного исследования, проведенного в марте 2013 г. в КазНУ. Источниками информации послужили материалы экспертных интервью (со специалистами по международному образованию и академической мобильности – сотрудниками и руководителями соответствующих отделов в вузе, преподавателями, деканами факультетов и др.), а также индивидуальных интервью с выпускниками международных образовательных программ и групповых интервью со студентами вуза (старшие курсы);

2) материалов экспедиционного исследования, проведенного ИЭОПП СО РАН в Забайкальском крае в июне–июле 2013 г. Здесь также анализировались материалы экспертных интервью (со специалистами по международному образованию и академической мобильности ЗабГУ³ – сотрудниками и руководителями соответствующих отделов в вузе, преподавателями, проректором), а также данные индивидуальных и групповых интервью со студентами вуза.

В качестве дополнительных источников информации для анализа стратегий интернационализации высшего образования использованы стратегические и аналитические документы (стратегии развития образования, концепции образовательной и миграционной политики и др.).

³ На момент проведения исследования в ЗабГУ еще шел процесс формирования новой организационной структуры вуза вследствие его слияния 1 ноября 2012 г. с Забайкальским государственным гуманитарно-педагогическим университетом им. Н.Г. Чернышевского, поэтому международным образованием занимались два подразделения: отдел международного сотрудничества (гуманитарно-педагогический сегмент) и управление международных отношений («технический» сегмент).

* * *

Стратегии интернационализации выстраиваются с учетом ситуации, описанной выше (полупериферийная позиция страны на мировом образовательном рынке в сочетании с преимуществами «академического наследия империи»), и нацелены на то, чтобы по максимуму использовать преимущества и по возможности минимизировать риски, связанные с полупериферийным положением на мировом образовательном рынке. Применительно к высшему образованию в мировой практике выделяют четыре стратегии интернационализации [8].

1. **«Согласованный подход»** опирается на долгосрочные политические, культурные, академические цели развития страны. Такая стратегия реализуется через поддержку студенческой и академической мобильности – предоставление стипендий и осуществление программ академических обменов, а также программ, направленных на создание институциональных партнерств в сфере высшего образования. В основе подхода – международное сотрудничество, а не конкуренция.

2. **Стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы** направлена на привлечение избранных иностранных специалистов и талантливых студентов к работе в принимающей стране как средство обеспечения экономического развития и повышения конкурентоспособности страны в «экономике знаний». Основным инструментом в рамках данного подхода – система академических стипендий, дополненная активной программой продвижения системы высшего образования страны за рубежом в сочетании с принятием соответствующего визового и иммиграционного законодательства.

3. **Стратегия получения дохода** базируется на «согласованном подходе» и на стратегии привлечения квалифицированной рабочей силы, но в ее рамках образовательные услуги предлагаются на полностью платной основе и не предусмотрено предоставление государственных субсидий. Иностранные студенты дают дополнительный доход образовательным учреждениям (которые в таком случае действуют на мировом образовательном рынке как предприниматели), а правительства предоставляют вузам значительную автономию, обес-

печивают высокую репутацию отечественной системы высшего образования и высокую степень защиты иностранным студентам.

4. **Стратегия расширения возможностей** поощряет получение высшего образования за рубежом или в вузах – поставщиках иностранных образовательных услуг. Важными инструментами такого подхода являются: а) программы поддержки академической и профессиональной мобильности государственных служащих, профессорско-преподавательского состава, ученых и студентов (при условии возвращения специалистов после пройденного обучения и применения приобретенных навыков в своей стране); б) обеспечение иностранным вузам, участникам программ и преподавателям благоприятных условий для коммерческой образовательной деятельности в стране.

Анализ стратегических документов и международных образовательных программ показывает, что Россия и Казахстан осуществляют разные стратегии интернационализации: в России реализуется версия «согласованного подхода» (с приоритетом системы образования внутри страны), в Казахстане – стратегия расширения возможностей. Это во многом определяет и цели образовательных программ, и способы достижения результатов, и показатели результативности выполнения поставленных стратегических задач.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [9] поддержка и развитие академической мобильности определены в качестве отдельной приоритетной задачи. Выполнение этой задачи включает предоставление академических стипендий и поддержку мобильности отечественных ученых и студентов, привлечение иностранных студентов, создание трансграничных образовательных программ и институциональных партнерств. Мобильность студентов и профессионалов, согласно концепции, должна способствовать развитию человеческого потенциала, приносить дивиденды в виде доходов от экспорта образовательных программ или конкурентных преимуществ, получаемых благодаря привлечению квалифицированных кадров, и повышать престиж и привлекательность страны на международном образовательном рынке.

Описанная стратегия вполне укладывается в рамки «согласованного подхода», но в ее реализации имеются некоторые нестыковки.

Так, в настоящее время наблюдается асимметричность потоков образовательных миграций, а количество иностранных студентов в российских вузах и организациях среднего профессионального образования невелико. Сегодня в Российской Федерации обучается примерно 3% от общей численности иностранных студентов, обучающихся в организациях профессионального образования мира. Экспорт российских образовательных услуг падает и в настоящее время составляет менее 1% общемирового экспорта услуг такого рода [10]. Контингент иностранных студентов в российских вузах в существенной части формируется за счет студентов из бывших союзных республик («наследие империи»), а позиции России на мировом образовательном рынке пока выглядят весьма скромно.

Дисбаланс существует и на внутреннем рынке образовательных услуг. Исследования [11–13] демонстрируют, что неравномерность социально-экономического положения регионов Российской Федерации приводит к тому, что для одних регионов (по социально-экономическим показателям более привлекательных для жизни) образовательные миграции оказываются конкурентным преимуществом, для других – вызовом, усиливающим негативные последствия социально-экономического неравенства и способствующим его закреплению. В Сибирском регионе, в частности, наблюдается двойная асимметричность потоков студенческих миграций, которая ведет к удвоению потерь для региона⁴.

Можно сказать, что внутри страны воспроизводится микромодель «логики мировой системы», в которой движение квалифицированных кадров и молодежи, стремящейся получить хорошее образование, на-

⁴ Понятие двойной асимметрии описывает феномен «двойной утечки» кадров: через внутреннюю и внешнюю границы. Выпускники сибирских вузов по завершении образования уезжают в «центр» (Москву, Петербург), а иностранные студенты – граждане приграничных государств либо едут домой вскоре после получения диплома, поскольку приобретенный уровень образования позволяет иметь намного больше ресурсов и возможностей в своей стране, либо пополняют миграционный поток, направленный в столицу России. Таким образом, вузы Сибири постепенно превращаются в кузницу квалифицированных кадров «на экспорт», как для «центра» России, так и для приграничных стран. Подробнее об этом см. в работе [14].

правлено от периферии к центру, от менее развитых регионов к более развитым и тем самым способствует еще большему усилению центра и ослаблению периферии. Это признается и в Концепции государственной миграционной политики РФ: «Неблагоприятные тенденции наблюдаются во внутренних миграциях... Причины обусловлены большими издержками на переселение, неразвитостью транспортной сети, ограниченностью рынка арендуемого жилья, высокой стоимостью жилья и его аренды, низкими доходами большей части населения. Основным вектором межрегиональных внутренних миграций остается движение с Востока в Центр и в Московский регион, что усиливает дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации» [9].

В описании мероприятий по реализации целей концепции присутствуют общие формулировки о необходимости совершенствования законодательства и учета задач государственной миграционной политики при формировании региональных бюджетов. Вопрос о том, каким конкретно образом региональная специфика может быть учтена при высокой централизации механизмов принятия решения, остается пока открытым⁵. Но если ответ на него не будет найден, возможность эффективной реализации избранной стратегии развития образования на уровне страны в целом может быть поставлена под сомнение.

Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 гг. [16] в качестве приоритетных задач определяет развитие национальной системы высшего образования и интеграцию в европейскую зону высшего образования. Решение таких задач предполагает вхождение в ключевые мировые рейтинги (в частности, вхождение по меньшей мере двух вузов Казахстана в рейтинги лучших мировых университетов), увеличение числа публикаций профессорско-преподавательского состава вузов страны в международ-

⁵ В проекте государственной программы развития образования в РФ на 2013–2020 гг. также признается важность проблемы социально-экономического регионального неравенства, и в качестве инструмента решения этой проблемы предложена «поддержка региональных систем образования в обмен на обязательства по модернизации» (подробнее см. [15]).

ных журналах с импакт-фактором, повышение квалификации профессорско-преподавательского состава и т.д.

Подавляющее большинство задач программы нацелено на развитие внутреннего образовательного рынка и расширение образовательных возможностей внутри страны. Если в составе российских стратегических документов в сфере образования экспорту образовательных услуг посвящен отдельный подробный документ, то здесь «увеличение объемов и структуры экспорта образовательных услуг системы образования страны» присутствует только как задача из второй половины списка долгосрочных задач (реализация которых планируется к 2020 г.). Задачи же на ближайшую перспективу связаны с расширением внутренних возможностей образовательного рынка Казахстана, и первым среди ожидаемых результатов программы обозначен следующий: «к 2015 году... система образования Республики Казахстан по структуре, содержанию, механизмам управления и финансирования будет соответствовать модели развитых стран. По развитости системы образования Казахстан выйдет на лидирующие позиции среди стран СНГ⁶» [16].

Программные задачи и система мер для их выполнения, представленные в документе, позволяют сделать вывод о реализации в Казахстане четвертого из описанных выше подходов – стратегии расширения возможностей (внутренних). Международное образование в рамках такого подхода представляет собой прежде всего инструмент формирования национальных элит и повышения квалификации профессионалов и работников образования. Следовательно, важен не только сам факт включения студентов, выпускников вузов и преподавателей в программы международного образования, но также их возвращение в Казахстан по завершении обучения и применение ими полученных навыков в своей стране.

⁶ Для сравнения: в качестве основных результатов реализации программы развития образования в РФ для студентов прописаны гарантии трудоустройства для обучающихся по приоритетным направлениям подготовки, мотивация и стимулирование, возможность получить образование высшего качества в России благодаря созданию совместных программ с ведущими международными университетами [15].

То, насколько острой может быть проблема использования международного образования как канала мобильности «из страны», показала история реализации программы «Болашак». Программа была учреждена указом президента Республики Казахстан в ноябре 1993 г. и изначально нацелена на развитие образования в Казахстане. Эта программа позволяет студентам, отобранным на конкурсной основе, получить образование за рубежом за счет государства, но в соответствии с ее правилами выпускник после завершения обучения обязан вернуться на родину и приступить к непрерывной пятилетней трудовой деятельности в Казахстане⁷. В качестве гарантии возвращения стипендиаты оставляют в залог недвижимость (собственную или родителей/родственников); договор об обучении вступает в силу только после государственной регистрации договора залога недвижимого имущества⁸. Однако даже при таких серьезных требованиях гарантий организаторы программы столкнулись с проблемой утечки кадров.

В 2011 г. программа «Болашак» была серьезно реформирована, поддержка обучения в бакалавриате по программе прекращена и акцент смещен на подготовку магистров и докторов PhD. В официальных документах реформа обосновывается сменой стратегических приоритетов, но многие наши информанты связывают прекращение поддержки бакалавриата именно с высоким процентом «невозвращенцев». *«Бакалавриат по “Болашаку” сейчас закрыли, они же совсем молодые ехали, быстро привыкали к хорошей жизни, после чего вернуться их уже не заставить. Больше всего по бакалавриату была утечка. Сейчас только магистратура и другие программы, бакалавриат они должны закончить здесь, ну чтобы повзрослели немножко и на ноги встали в Казахстане и потом уже ехали дальше»* (фрагмент интервью с экспертом, отдел академической мобильности КазНУ).

В целом можно говорить о том, что программа «Болашак» в основном решает задачи, под которые она была создана. Несмотря на то что

⁷ Другой вариант занятости – работа в органах дипломатической службы Республики Казахстан за рубежом по специальности, полученной в рамках международной стипендии «Болашак».

⁸ Подробнее об условиях программы см. в работе [17].

для части стипендиатов программа оказывается каналом мобильности и инструментом построения карьеры за рубежом, большинство выпускников, обучавшихся по программе, выполняют свои обязательства перед государством⁹.

Ситуация с утечкой студентов в ЗабГУ выглядит едва ли не противоположной: отъезд студентов за рубеж не представляется серьезной проблемой – отчасти потому, что пока не наблюдается их массового оттока по каналам программ международной мобильности, отчасти потому, что намного серьезнее ощущается проблема нехватки абитуриентов, особенно на «непопулярных» специальностях (филология, педагогика и др.). *«Нехватка контингента чувствуется, все работают на контингент, в первую очередь на свой... Я семь лет работал в приемной комиссии и могу с уверенностью сказать, что лингвистическое направление самое востребованное – китайский, английский. А вот с филологией и европейскими языками всегда были большие проблемы, каждого абитуриента друг у друга выхватывали»* (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).

Более того, иногда имеющиеся примеры студентов, проходящих обучение за рубежом, оказываются сильным аргументом в борьбе за абитуриента «на месте» в условиях оттока городских школьников в другие вузы региона и России в целом. ***«В Казахстане нам много говорили о том, что студенты бакалавриата уезжают, быстро привыкают к хорошей жизни и вернуть их – большая проблема. А у вас... – А зачем их возвращать? Это, наверное, для ведущих вузов***

⁹ Цифры, озвученные в докладе министра образования Республики Казахстан в апреле 2013 г., позволяют (с определенными оговорками) оценить и эффективность программы, и масштабы утечки кадров. Так, с 1994 по 2013 г. всего предоставлено 9250 стипендий, выпуск составил 5714 чел., а в настоящее время 2796 стипендиатов проходят обучение в 33 странах мира [18]. Разница между числом предоставленных стипендий и количеством выпускников и нынешних стипендиатов составляет 740 чел. Вероятно, примерно таков масштаб утечки кадров, судя по официальным данным программы. Сегодня в госсекторе работают свыше 20% всех выпускников, в национальных компаниях и компаниях с государственным участием – 21%, в международных организациях и НПО – 4%, остальные – в частных компаниях [18].

проблема, а у нас нет проблемы такой, у нас проблема – рейтинг вуза... Когда я пришла [на эту должность], первая проблема была – деньги, вторая – поднять рейтинг вуза. Статус вуза в рейтинговых системах страны прежде всего... Для этого нам нужно было: центр превосходства, языковые кафедры и так далее. Ну и нужно было получить доступ к международным грантам и договорам... Я своим художникам [студентам художественно-графического факультета] говорю, что они все должны стать миллионерами – неважно где и потом 10% университету в фонд [эндаумент] отдать» (фрагмент интервью с экспертом, ректорат ЗабГУ).

«Обещание мобильности» оказывается конкурентным преимуществом для вузов, расположенных в регионах, менее привлекательных для жизни, особенно при наборе абитуриентов на «непопулярные» специальности. «...Они когда поступают, они уже знают, какие программы мы предлагаем, за какой счет они едут. Мы ищем им стажировки бесплатные, в магистратуре тоже, стипендиальный фонд расширяем. Это уже не те времена, что раньше, когда родители отпращивали, ситуация серьезно изменилась. И нам с такой репутацией легче конкурировать с другими вузами» (фрагмент интервью с экспертом, ректорат ЗабГУ)

Прежде чем перейти к рассмотрению того, как реализуются программы международного образования и академической мобильности на уровне университета, сформулируем промежуточные выводы относительно стратегий интернационализации высшего образования на национальном уровне.

Россия и Казахстан реализуют разные стратегии интернационализации высшего образования. Россия воплощает вариант «согласованного подхода», в рамках которого приоритетными задачами являются интеграция (в мировое образовательное сообщество, в том числе за счет экспорта российского образования), создание совместных программ и институциональных партнерств с ведущими университетами мира. В настоящее время контингент иностранных студентов в России велик благодаря «наследию империи», позиции же российского образования на международном рынке образовательных услуг пока

нельзя назвать лидирующими. Реализация «согласованного подхода» направлена на устранение этого дисбаланса.

Стратегия, осуществляемая Казахстаном, представляет собой версию стратегии расширения возможностей, и в числе приоритетных задач – те, которые направлены на развитие системы образования в самой стране, на повышение квалификации кадров (за счет стажировок профессорско-преподавательского состава и привлечения иностранных специалистов). Выбор такой стратегии является в каком-то смысле естественным, если принимать во внимание донорскую позицию Казахстана в системе «старой империи» (в отличие от России Казахстан не имел преимуществ, связанных с институциональным и культурным экспортом, и теперь систему образования страны приходится выстраивать с большими вложениями).

При претворении в жизнь стратегии расширения внутренних возможностей ключевой проблемой оказывается удержание молодых профессионалов на территории страны. В Казахстане эта проблема решается при помощи материальных и финансовых инструментов. Россия, реализуя вариант «согласованного подхода» в интернационализации образования, сталкивается с проблемами неравенства возможностей и дифференциации уровня жизни внутри страны, в ее регионах, что не позволяет обеспечить равный доступ к образованию как за пределами страны, так и внутри нее. Таким образом, успешное осуществление стратегии интернационализации образования невозможно без решения внутренних проблем, без создания эффективных механизмов учета региональной дифференциации при выработке и реализации стратегических решений.

* * *

В последние годы показатели международной деятельности становятся важной частью системы показателей качества образования в университетах в целом. Решение стратегических задач содействия международной образовательной мобильности в вузах находит отражение в системах индикативных показателей, которые, с одной стороны, задают приоритетные направления деятельности, с другой – поз-

воляют контролировать процесс выполнения стратегических задач и оперативно реагировать в том случае, если с каким-то из направлений что-то пойдет не так.

И Казахстанский национальный университет, и Забайкальский государственный университет имеют собственные системы показателей, самостоятельно разработанные, запатентованные, в разной степени детализированные, отражающие самые разные составляющие международной деятельности. В показателях отражены численность иностранных студентов разных категорий, студенческая и преподавательская мобильность, количество договоров о сотрудничестве с иностранными университетами, наличие совместных программ, экспорт образовательных услуг, количество публикаций в журналах, входящих в мировые системы цитирования, и т.д. Способы же реализации мероприятий, относящихся к международной деятельности, и выхода на выполнение плановых показателей в ЗабГУ и КазНУ различаются существенно. Рассмотрим их подробнее.

Международная деятельность в ЗабГУ началась еще в 1970-х годах, и существенная часть показателей по сотрудничеству с вузами других стран и сегодня достигается за счет контактов, выстроенных еще во времена «старых империй». *«Наш университет вообще впереди планеты всей по международному образованию, ну в регионе так точно. У нас вся эта деятельность началась, наверное, в 1970-х годах, когда никто еще не знал, что это и как это делать, а к нам приехала первая группа студентов из Монголии... Не было ни программ грантовых, ничего, а они такие связи выстроили, которые до сих пор работают»* (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).

Отчасти старые связи, отчасти специфика географического расположения и трансграничный характер региона задают набор стран, взаимодействие с которыми осуществляется наиболее плотно. *«...У нас обучалось до 280 студентов, это огромная цифра по региону. Безусловно, Китай – основной поставщик, ну и есть разовые – Корея, Вьетнам, Япония. Европейское направление не очень хорошо представлено ввиду географической отдаленности, никто особо не ездит: дороговато и далеко. Они предпочитают осесть где-то*

до центра России, на западе» (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).

Язык является и ресурсом, и барьером в выстраивании международной образовательной деятельности. С одной стороны, русский язык оказывается весомым аргументом в привлечении студентов как с постсоветского пространства, так и из других стран (прежде всего из Китая). Языковые курсы разной длительности позволяют университету и зарабатывать деньги, и демонстрировать стабильно высокие показатели численности иностранных студентов, обучающихся в университете. *«Если раньше мы обучали по программе “два и два” (два года здесь обучались, два года – там, получали два диплома), то теперь в структуре контингента число слушателей курсов увеличилось, – нам нужно было быстро заработать... И для этого нужно было их за месяц, три, шесть, девять месяцев быстро обучить [на языковых курсах]. Они потом сдают русский язык как иностранный и уезжают в другие города России либо возвращаются домой... Ну и в этом году этот контингент стал особо значим для определения эффективности вуза и поэтому в вузе для руководства стал необходим. Поэтому мы будем стремиться увеличивать их количество» (фрагмент интервью с экспертом, ректорат ЗабГУ).*

С другой стороны, уровень владения иностранными языками у самих преподавателей университета остается не самым высоким, что ограничивает возможности выхода на полноценное сотрудничество с европейскими университетами-партнерами. *«Европейское направление сотрудничества у нас слабо, конечно, представлено. Но и уровень знания французского, немецкого и вообще европейских языков у нас как-то в крае не очень хороший. Это связано, наверное, с политикой трансграничного региона и приоритетами лингвистического направления – китайским и английским. В техническом сегменте, к сожалению, с языками еще хуже» (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).*

Анализируя показатели международной деятельности Забайкальского госуниверситета, мы снова видим ситуацию, которую ранее обозначили как «микромодель мировой системы». Формально показатели академической мобильности студентов и профессорско-препода-

вательского состава вуза и численности иностранных студентов находятся на весьма высоком уровне, даже в сравнении с общероссийскими. Содержательно же оказывается, что спектр дисциплин и стран, по которым осуществляется исходящая мобильность студентов и преподавателей, широк, но контингент иностранных студентов, приезжающих учиться в университет, состоит отчасти из тех, кто приезжает по глубоким каналам, унаследованным от «старых империй», а в основном – из слушателей краткосрочных языковых курсов. *«Вот я смотрю на таблицу показателей и вижу, что вот за 2011 год показатели выполняются за счет, как вы говорите, “сторонних бизнес-процессов”: курсы русского как иностранного, и плюс академическая мобильность, презентация и разработка программ, презентация материалов на сайте... А показатели вовлеченности (в особенности иностранцев) в нашу жизнь оказываются занижены относительно ожидаемых... – Ну да, такой вот у нас пока перекос»* (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).

Привлечение иностранных специалистов затруднено с обеих сторон предполагаемого партнерства, и те контакты, которые в итоге складываются, вырастают в большинстве случаев из личных связей преподавателей. *«Да, получается, что европейская система предполагает, что есть предел, сколько часов преподаватель может работать, и больше они не возьмут. Получается, что кафедра сама должна быть обеспечена часами, а сами понимаете... Вот и получается, что все выстраивается на личных связях: преподаватели приезжают, и потом уже сюда, на долгих связях, приезжают люди из Франции, Германии... И вроде как надо повышать престиж наш, чтобы нас там знали, но и руководство неохотно идет навстречу партнерствам с Европой – то ли с дороговизной это связано, то ли с чем, я не знаю. Но надо это направление охватить. Понятно, что Китай Китаем, мы с ними работали и будем работать, потому что они сами заинтересованы. Но надо выходить и на европейский уровень тоже»* (фрагмент того же интервью).

Средние показатели по университету также формируются неравномерно: одни факультеты являются «поставщиками» статей в журналы, включенные в базы данных SCOPUS и Web of Science, другие – источником финансовых средств, третьи выполняют нормативы по преподаванию за рубежом, четвертые «поставляют» договоры о сотрудничестве с иностранными вузами. В настоящее время, отчасти благодаря слиянию двух вузов, начинается работа по ревизии существующих договоров и по содержательной оценке того, что кроется за усредненными статистическими показателями. Пока же общее впечатление о том, как функционирует международное образование в ЗабГУ, отражает следующая цитата: *«Институционально у нас ничего не решается, если денег нет... Сначала деньги, потом стулья. А так – все держится на людях, только на людях»* (фрагмент интервью с экспертом, ректорат ЗабГУ).

Казахстанский национальный университет демонстрирует пример очевидного, активного участия государства в развитии международного сотрудничества вуза. Стратегия расширения возможностей предполагает, что программы международного образования должны работать на развитие национальной системы образования, и в вузе существует множество программ академической мобильности, финансируемых государством. Вот только те из них, которые упоминаются практически в каждом интервью:

- программа «Болашак». Распространяется на магистрантов, докторов PhD и преподавателей;
- магистратуры по всем специальностям. Предполагают 10-дневную стажировку в зарубежном университете для каждого магистранта;
- программа PhD. Реализуется в формате «sandwich» (часть времени обучение проходит в зарубежном университете);
- программа УШОС (Университета Шанхайской организации сотрудничества, основное направление – Россия);
- система учета кредитов, полученных студентом во время стажировок в зарубежных университетах (краткосрочные стажировки по Болонской схеме на конкурсной основе);

- фонд поддержки студенческой и преподавательской мобильности, программа приглашения ведущих иностранных специалистов и т.д.

Проблемы развития международного сотрудничества в КазНУ во многом сходны с теми, что стоят перед ЗабГУ: сложности в подготовке публикаций на английском языке, дисбаланс потоков мобильности из университета и в университет, критичное и зачастую формальное отношение к индикативным показателям, приоритетность количества договоров о сотрудничестве, а не содержательного наполнения сотрудничества и т.д. В частности, к системе индикативных показателей высказывалось много претензий (она крайне детализирована – занимает более 10 страниц, отчетность по ней требует нескольких рабочих дней, а многие показатели формальны и не отражают содержательно-го продвижения в качестве образования). При этом информанты с неохотой признают, что плюсов в «индикативе» не меньше, чем минусов: *«Ну конечно, есть плюсы, конечно, хоть и трудно это, и времени требует, и не все справляются. Но индикативные показатели мотивируют и подстегивают. И программ сейчас стало много, преподаватели на стажировки стали ездить, договоры привозить, и статьи стараются писать. Это и для престижа университета хорошо, и для людей выгодно... А минус основной в том, что мы не можем сами для себя определять нормативы. Ну вот, например, я знаю, что по моей кафедре никто не напишет статью уровня SCOPUS, а в индикативных показателях есть строчка – надо ставить как минимум единицу, потому что там пишется то, к чему мы стремимся. А мы же не можем к нулю стремиться! А потом получается: нормативы не выполняем, на плановые показатели не выходим...»* (фрагмент интервью с экспертом, декан факультета, КазНУ).

При сходстве систем индикативных показателей логика их формирования и достижения плановых показателей в двух вузах противоположная. В одном случае многое в сотрудничестве с иностранными университетами-партнерами выстраивается на личных связях, инициируется «снизу» и держится на энтузиазме, в другом – основные направления международного сотрудничества предполагают государ-

ственное финансирование, формализованы, требуют гарантий и трудоемкой отчетности, но становятся все более доступными. Какая из стратегий окажется эффективнее – покажет время.

* * *

Масштабы международной мобильности студентов и преподавателей в современных обществах растут стремительно и в ближайшее время будут только увеличиваться. Соответственно, появляются и развиваются разные программы и формы реализации программ академической мобильности и международного образования, складываются различные стратегии взаимодействия государств на мировом образовательном рынке.

Мы рассмотрели две стратегии интернационализации образования на уровне государств – «согласованный подход» и стратегию расширения возможностей, показали основные риски, связанные с их реализацией. Для осуществления стратегии расширения возможностей в Казахстане основным вызовом является утечка кадров, в России для успешной реализации «согласованного подхода» необходимо решать проблемы региональной дифференциации и асимметричности потоков профессиональной и образовательной мобильности внутри страны (усиление центра, ослабление периферии, производство кадров на экспорт и т.д.).

На уровне университетов стратегии находят отражение в системах индикативных показателей, которые имеют как безусловные плюсы (стимулирование профессорско-преподавательского состава, возможность отслеживать различные направления деятельности и оперативно реагировать на изменения), так и очевидные минусы (формализм, негибкость, т.е. нечувствительность к специфике предмета, зачастую количественный подход в выполнении показателей при вторичной значимости качества и содержания деятельности).

Реализация стратегии расширения внутренних возможностей в Казахстане сопровождается развитием программ и мероприятий

академического сотрудничества, ориентированных на университеты мирового уровня и финансируемых государством.

Реализация «согласованного подхода» в России пока зачастую наталкивается на недостаток финансирования программ международного сотрудничества (речь здесь, разумеется, не идет о крупнейших вузах федерального значения). Исследование показало, что региональный университет, территориально отдаленный от мировых образовательных «империй», вынужден выстраивать международную деятельность на «наследии академической империи» и энтузиазме, используя личные связи и опираясь на заинтересованность приграничных государств. Такая ситуация напрямую связана с нерешенными внутренними проблемами страны, прежде всего с проблемами неравномерности социально-экономического развития регионов. В периферийных регионах одним из эффектов возрастающей мировой мобильности оказывается воспроизводство системных проблем, требующих комплексного и дорогостоящего решения. При всей сложности задачи поиск регионально специфических решений необходим, — только в таком случае регионы России получают возможность развиваться благодаря, а не вопреки академической мобильности и образовательным миграциям.

Литература

1. **Зайончковская Ж.А.** Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. — 2012. — № 4 (76). — С. 3–18.
2. **Фурс В.** Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. — 2003. — Т. 3, № 4. — С. 57–66.
3. **Урри Дж.** Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. — М.: ИД ВШЭ, 2012. — 336 с.
4. **Бауман З.** Глобализация: последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004. — 188 с.
5. **Сафонова М.** Институционально-исторические основания системы международной студенческой мобильности // Социология науки и технологий. — 2012. — № 1. — С. 98–121.
6. **Сафонова М.** Академическое наследие империй: куда текут потоки международной студенческой миграции? // Ab Imperio. — 2011. — № 2. — С. 261–299.
7. **Интернационализация** высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. — М.: Логос, 2010. — 280 с.

8. **Обзор** европейского опыта интернационализации высшего образования. – Харьков: Изд-во НУА, 2010. – 56 с.

9. **Концепция** государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/15635> (дата обращения 20.07.2012).

10. **Концепция** экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. // Вестник международных организаций. – 2010. – № 1. – С. 96–106.

11. **Гомбоева М.И., Новиков А.Н.** Трансграничная асимметрия: понятие и следствия // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия (теория трансграничья, сравнительное гражданское право, трансграничное образование, прикладные исследования). – Чита: Забайкальск. гос. гум.-пед. ун-т, 2010. – С. 9–16.

12. **Гомбоева М.И.** Высшее трансграничное образование: возможности, риски и перспективы // Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 308–316.

13. **Академическая** мобильность в условиях интернационализации образования. – М.: Университетская книга, 2009. – 460 с.

14. **Ечевская О.** Академическая мобильность и образовательные миграции в Сибири: проблемы и перспективы // Экономика. Вопросы школьного экономического образования. – 2012. – № 3. – С. 3–9.

15. **Государственная** программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. – URL: http://минобрнауки.рф/документы/3409/файл/2228/13.05.15-Госпрограмма-Развитие_образования_2013-2020.pdf (дата обращения 01.08.2013).

16. **Государственная** программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы. – RL: http://www.kgu.kz/doc/strateg_doc/5_GPRO_RK.pdf (дата обращения 31.07.2013).

17. **100** вопросов о программе «Болашак». – URL: http://shymkent.gov.kz/ru/images/bolimdermaterial/bolahak_2012.doc (дата обращения 01.08.2013).

18. **С начала** реализации программы «Болашак» в Казахстане присуждено более 9 тыс. стипендий. – URL: <http://www.primeminister.kz/news/show/22/s-nachala-realizatsii-programmy-%C2%ABbolashak%C2%BB-v-kazhastane-prisuzhdeno-bolee-9-tys-stipendij-mon-rk-/16-04-2013> (дата обращения 01.08.2013).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 01.10. 2013 г.

© Ечевская О.Г., 2013

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДОВ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА:
ОЦЕНКА ЭТНИЧЕСКИХ РИСКОВ В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ МИГРАЦИИ**

С.В. Соболева

ИЭОПП СО РАН

И.В. Октябрьская

Институт археологии и этнографии СО РАН

Е.В. Антропов

Музей города Новосибирска

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 12-03-00205)*

Аннотация

В статье дается характеристика этнодемографической ситуации в Сибирском федеральном округе в динамике в связи с миграционными процессами. Анализируются этнические аспекты в развитии человеческого потенциала городов СФО. Делается вывод о длительном сокращении численности народонаселения округа при сохранении «западного тренда» внутренней и внешней миграции и при отсутствии возможности компенсации демографических потерь за счет миграции. В округе происходит неэквивалентный миграционный обмен, в том числе рабочей силы. Авторы констатируют усиление этнической мозаичности в народонаселении СФО, большую вариативность этнокультурных стандартов, растущую конкуренцию

на рынке труда и в социокультурной сфере, в том числе и по этническому признаку, актуализацию интолерантных моделей поведения. Сегодня на-родонаселение СФО описывается совокупностью показателей, которые формируют проблемные перспективы развития. Миграция и вызванные ею этносоциальные и этнодемографические трансформации региональных, в том числе городских, сообществ СФО формируют зоны риска.

Ключевые слова: человеческий потенциал, Сибирь, этнодемографи-ческая структура, миграции, этносоциальные риски

Abstract

The paper analyzes the dynamics of the ethnic and demographic situation observed in the Siberian Federal District in connection with migration processes. We consider ethnic aspects of the human development in the SFD cities. We can conclude that a reduction of the population with a western trend of internal and external migrations has been observed in the SFD for a long time, and such demographic losses due to migration could not be compensated. An unequal migration exchange, including the labor migration, has taken place. We can also state that the more intensive character of mosaic structure of the SFD population as well as of variety of ethnic standards can be observed as well as higher competitiveness in labor markets and sociocultural spheres, including those by ethnic features and acceptance of intolerant behavior patterns. Currently, the indicators of the SFD population display the critical problems for its future development. The migration and migration-induced transformations taken place in the ethnic, social and demographic structure of the SFD regional communities, including urban ones, generate zones of risks.

Keywords: human potential, Siberia, ethnic and demographic structure, migra-tions, ethnic and social risks

Высокая значимость Сибири для экономического развития и со-хранения территориальной целостности страны ставит задачу поддер-жания человеческого потенциала сибирских регионов в разряд страте-гических приоритетов обеспечения национальной безопасности. Это особенно актуально в условиях усиления миграционных процессов на глобальном, национальном и региональном уровнях. Конкретизация исследований на уровне городов Сибирского федерального округа от-

носится к числу приоритетных задач. В рамках программы долговременных исследований ИЭОПП СО РАН, ориентированных на оценку человеческого потенциала региона, был осуществлен анализ его демографических и социально-экономических аспектов [1, 2]. Характеристика этнических факторов развития человеческого потенциала СФО в контексте миграционных процессов впервые осуществляется в рамках данной работы.

На начало 2012 г. в регионах СФО проживало 19261 тыс. чел., из них на долю горожан приходилось 72,2% всего населения (в РФ – 73,9%). В городах округа сосредоточен основной экономический и социокультурный потенциал региона. На территории СФО располагается три города-миллионника: Новосибирск, Омск и Красноярск. Максимальный уровень урбанизации в 2012 г. наблюдался в Кемеровской и Иркутской областях и составлял соответственно 85,4 и 79,6%. Республика Алтай, где доля городского населения достигла 28,7%, занимала по этому показателю последнее место в округе (рис. 1).

За межпереписной период 2002–2010 гг. численность городского населения в СФО сократилась на 409,4 тыс. чел. (2,9%): на естественный фактор пришлось 85% этого сокращения, на миграционный – 15%. При этом за общими средними показателями стоят весьма существенные различия. Так, численность городского населения в Омской области за обозначенный период сократилась на 1%, в Красноярском крае – на 3,8, в Алтайском – на 4,6, в Иркутской области – на 5,5 и в самой урбанизированной Кемеровской области – на 6,1%. Наиболее значительное сокращение произошло в Республике Хакасии – на 7,4%. Вместе с тем за счет высокого уровня рождаемости и положительного естественного прироста в таких субъектах, как Республика Тыва и Республика Алтай, где проживает коренное население СФО, численность городского населения выросла соответственно на 3,9 и 6,4%. Кроме того, при отрицательном естественном приросте только за счет миграции увеличилась численность городского населения в Новосибирской и Томской областях – соответственно на 1,9 и 3,8%.

Такая ситуация в округе сложилась за длительный период (с начала 1990-х годов) сокращения рождаемости, роста смертности и отри-

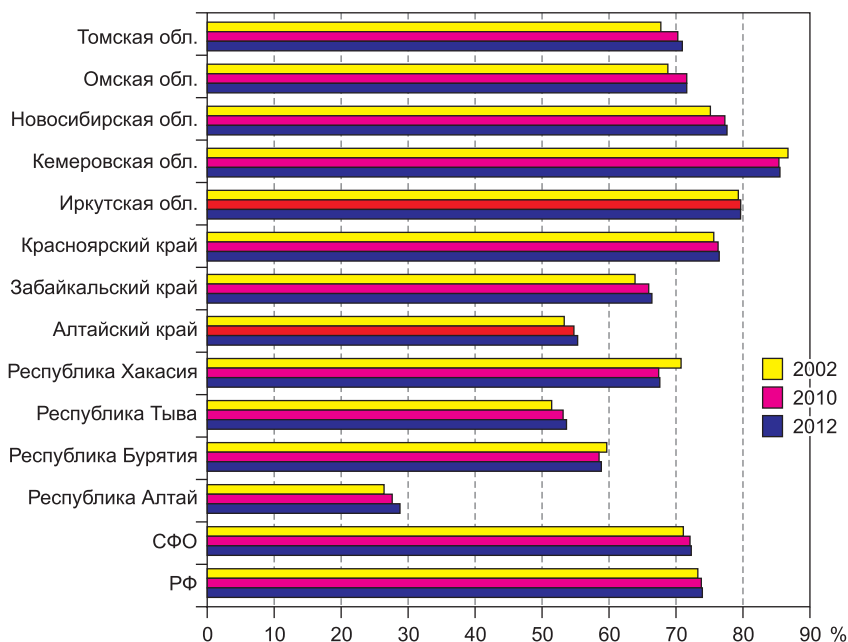

Рис. 1. Динамика уровня урбанизации в субъектах Сибирского федерального округа за 2002–2012 гг.

2002 и 2010 гг. – по итогам переписи населения, 2012 г. – данные на начало года

цательного естественного прироста населения как в городе, так и в селе. Наибольшими темпами за счет естественного фактора сокращалось население в регионах преимущественного проживания русских: в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской и Омской областях. Вместе с тем положительный естественный прирост населения за счет высокого уровня рождаемости происходит в таких субъектах, как Республика Тыва, Республика Алтай и Республика Бурятия.

Начиная с 2006 г. в СФО, как и в стране в целом, наблюдалась положительная динамика демографических показателей, что связано как с общим улучшением ситуации в результате оживления экономики, так и с повышенным вниманием, оказанным демографической и социальной сфере, а также со структурными факторами. Уже к 2007 г.

более половины регионов округа вышло на положительный естественный прирост.

В 2006 г. городское население прирастало за счет естественного фактора только в четырех субъектах СФО: в Республике Тыве, Республике Алтай, Республике Бурятия и Агинском Бурятском автономном округе. В 2007 г. к ним присоединились Читинская и Томская области, в 2008 г. – Республика Хакасия и Иркутская область, в 2009 г. – Красноярский край. Таким образом, в 2009 г. восемь из 12 субъектов СФО имели положительный естественный прирост городского населения, однако в целом городское население продолжало уменьшаться за счет естественной убыли, но уже гораздо более низкими темпами. Что касается сельского населения округа, то в это время происходил его положительный естественный прирост.

Общая численность городского населения СФО впервые за многие годы увеличилась в 2010 г. – полностью за счет начавшегося с 2007 г. положительного миграционного прироста, а в 2011 г. наконец был достигнут также и небольшой естественный прирост городского населения. В результате, по данным за 2011 г., естественная убыль в городских поселениях все еще сохранялась в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской и Омской областях, а общая численность городского населения продолжала снижаться только в Иркутской и Кемеровской областях.

При этом на фоне стабилизации численности населения городов меняется его социально-демографическая структура: уменьшается численность лиц трудоспособного возраста, сокращается мобилизационный потенциал. Только за 2002–2010 гг. численность городского населения трудоспособного возраста до 30 лет уменьшилась в СФО на 304,3 тыс. чел. (8,4%), а численность населения 30–44 лет – на 154,9 тыс. чел. (4,9%); одновременно численность населения в возрасте 45–54 (59) лет увеличилась на 44 тыс. чел. (1,8%). В результате позиции молодой возрастной группы снизились на 1,7 п.п., а старшей – выросли на 1,8 п.п. К началу 2012 г. в городах СФО численность населения трудоспособного возраста до 30 лет сократилась еще на 78,4 тыс. чел. (на 2,4%).

Таким образом, обозначилась тенденция снижения трудового потенциала городов Сибири не только за счет уменьшения численности населения в трудоспособных возрастах, но и за счет изменения возрастной структуры в сторону старения. К настоящему времени дефицит трудовых ресурсов в СФО обозначился в качестве главного лимитирующего фактора развития.

Сокращение численности населения трудоспособного возраста и его доли в общей численности населения позволяет прогнозировать рост демографической нагрузки и увеличение числа иждивенцев в расчете на одного трудоспособного жителя в городах СФО, рост социальных расходов на поддержку инфраструктуры, обслуживающей пожилое население. Следствием этого могут стать резкое увеличение налоговой нагрузки на экономику или реформа пенсионной системы. Важно отметить, что данные процессы в Сибири идут параллельно с аналогичными процессами во всей стране. По оценкам среднего варианта прогноза Росстата, демографическая нагрузка в России на 1000 трудоспособных увеличится с 638 чел. в 2012 г. до 700 чел. в 2015 г. и далее будет расти. При этом вклад пожилых в общую нагрузку будет составлять 55–60% и возрастет по сравнению с 1989 г. на 20–25%.

Такая демографическая ситуация при планируемом росте темпов экономического развития Сибири формирует дефицит трудовых ресурсов в регионе. По предварительным оценкам, при увеличении потребности в занятых только на 3 п.п. понадобится дополнительная рабочая сила в размере около 500 тыс. чел.

Один из вариантов решения проблемы компенсации дефицита трудовых ресурсов связан с актуализацией миграционного фактора. Если в 2002 г. большая часть субъектов СФО имели отрицательный миграционный прирост городского населения, то начиная с 2007 г. миграционный прирост в городах округа положителен и имеет тенденцию к увеличению (рис. 2). К 2011 г. в большинстве регионов, кроме Республики Тывы, Забайкальского края и Иркутской области, городское население прирастало за счет миграции.

Миграции исторически определяют характер этнодемографических трансформаций в Сибири с начала ее освоения. В ходе долговре-

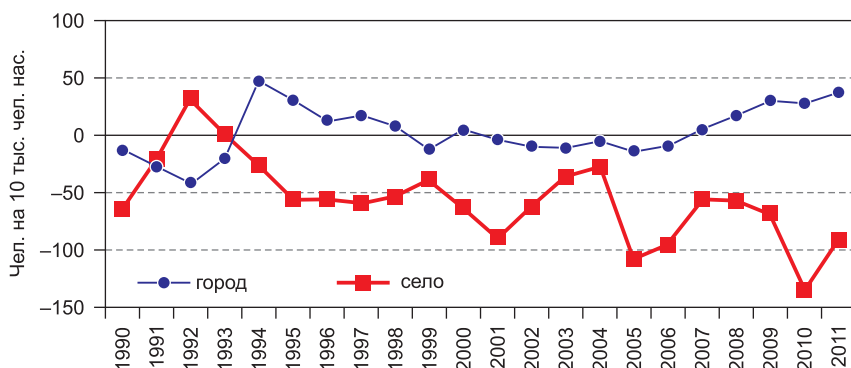

Рис. 2. Динамика коэффициентов миграционного прироста в Сибирском федеральном округе (город и село)*

менных миграций сформировалось дисперсное расселение пришлых жителей — представителей разных народов. Анализ официальной статистики дает представление о современной этнодемографической структуре населения СФО (табл. 1).

Современная этнодемографическая структура населения по регионам СФО имеет неоднородный характер (табл. 2). При существенных различиях в этнической структуре народонаселения по отдельным субъектам СФО для округа в целом характерны общие тенденции. К положительным следует отнести рост численности коренных жителей: алтайцев, тувинцев и бурят. Но, как и в Российской Федерации в целом, в СФО продолжается абсолютное и относительное сокращение численности русского населения, причем ускоренными темпами (см. табл. 1). За период 1989–2002 гг. численность русских в России уменьшилась на 4 млн чел., а за 2002–2010 гг. — на 5 млн чел. Численность русских в СФО за те же периоды сократилась соответственно на 3,4 и 5,6%. Среди субъектов округа выделяется Алтайский край, где численность русских уменьшилась на 6,8%, и Республика Тыва, где сокращение составило 20%.

* Начиная с 2005 г. представлены скорректированные данные на основе переписи населения 2010 г.

Таблица 1

**Динамика численности народов, проживающих на территории Сибирского
федерального округа, за 2002–2010 гг.**

Народ	2002		2010		2010, % к 2002
	Тыс. чел.	% к СФО	Тыс. чел.	% к СФО	
Русские	17531	87,4	16543	85,90	94,4
Буряты	428	2,13	443	2,30	103,5
Тувинцы	240	1,20	260	1,38	108,3
Украинцы	373	1,86	227	1,18	60,9
Татары	253	1,26	204	1,06	80,6
Немцы	309	1,54	198	1,03	64,1
Казахи	124	0,62	118	0,61	95,2
Алтайцы	66	0,33	73	0,38	110,6
Армяне	60	0,30	63	0,33	105,0
Азербайджанцы	60	0,30	55	0,28	91,7
Белорусы	82	0,41	48	0,25	58,5
Узбеки	17	0,08	42	0,21	2,6 раза
Чуваши	62	0,31	41	0,21	66,1
Таджики	17	0,09	32	0,17	1,9 раза
Киргизы	12	0,06	31	0,16	2,6 раза
Мордва	33	0,16	19	0,10	57,6
Китайцы	5	0,02	9	0,05	1,8 раза

Также ускоренными темпами продолжалось в 2002–2010 гг. абсолютное и относительное сокращение в СФО численности белорусов, украинцев и мордвы (около двух пятых от их общего числа), немцев и чувашей (около трети), татар (около одной пятой). К 2010 г. в этнодемографической структуре населения округа значительно возросло число представителей Средней Азии и Закавказья. Лишь казахи уменьшили свою совокупную численность – за 2002–2010 гг. на 5,6%,

Таблица 2

**Этнодемографический состав населения субъектов Сибирского
федерального округа в 2010 г., чел.**

Субъект СФО	Русские	Украинцы	Немцы	Татары	Казахи
Республика Алтай	114802	1010	700	414	12524
Республика Бурятия	630783	5643	1016	6746	685
Республика Тыва	49434	493	87	352	50
Республика Хакасия	427647	5039	5976	3095	363
Алтайский край	2234324	32226	50701	6794	7979
Забайкальский край	977400	6743	750	5857	570
Красноярский край	2490730	38012	22363	34828	1970
Иркутская обл.	2144075	30827	3725	22882	952
Кемеровская обл.	2536646	22156	23125	40229	1701
Новосибирская обл.	2365845	22098	30924	24158	10705
Омская обл.	1648097	51841	50055	41870	78303
Томская обл.	922723	11254	8687	17029	1705
Итого по СФО	16542506	227342	198109	204254	117507

причем уменьшение произошло в большей степени в Алтайском крае и Новосибирской области. В настоящее время Омская область, имея самую протяженную границу с Казахстаном, аккумулирует основную часть казахского населения – 78,3 тыс. чел., или 69,5% от численности всех казахов округа (см. табл. 2).

Численность армян и азербайджанцев, показавших по результатам переписи 2002 г. ее рост в СФО соответственно в 2,5 и 1,8 раза, в период 2002–2010 гг. либо прирастала значительно меньшими темпами (армяне), либо даже сокращалась (азербайджанцы) в целом по округу. При этом за последний межпереписной период в СФО в разы возросла численность узбеков, киргизов, таджиков, китайцев, а также увеличился их удельный вес в этнодемографической структуре населения (см. табл. 1).

При общих тенденциях изменений в этнодемографическом облике СФО существенно различаются процессы, происходящие в его субъектах. Наибольшая динамика характерна для областей с высоким уровнем урбанизации, промышленного производства и развитой социальной инфраструктурой. Города округа интенсивно стягивают к себе экономически активное население, во многом аккумулируют макрорегиональные тенденции и выступают зоной наибольшего риска.

Отдельного внимания заслуживают г. Новосибирск и Новосибирская область, расположенная в окружении субъектов СФО и одновременно имеющая южную международную границу. По показателям миграционного прироста область является абсолютным лидером на фоне остальных регионов округа. При этом масштаб, интенсивность, социально-демографические показатели современной миграции существенно отличаются от аналогичных показателей принимающего сибирского сообщества (табл. 3).

Таблица 3

Динамика этнодемографической структуры населения Новосибирской области с 1989 по 2010 г., тыс. чел.

Народ	1989	2002	2010	2010, % к 1989
Русские	2556,9	2504,1	2365,8	92,5
Немцы	61,5	47,3	30,9	50,2
Татары	29,4	27,9	24,1	82,0
Украинцы	51,0	33,8	22,1	43,3
Узбеки	2,2	2,0	12,6	572,7
Казахи	12,3	11,7	10,7	87,0
Таджики	0,7	2,8	10,0	1428,6
Армяне	2,3	7,8	9,5	413,0
Азербайджанцы	3,6	7,4	8,0	222,2
Киргизы	1,1	1,4	6,5	590,9

В постсоветские десятилетия для народонаселения Новосибирской области и СФО в целом характерно масштабное снижение численности народов, традиционно участвовавших в аграрном и индустриальном освоении Сибири. Значительная трансформация исторически сложившегося этнического баланса была вызвана центробежными тенденциями перераспределения населения на постсоветском пространстве и активной миграцией.

Согласно данным переписи 2010 г., в г. Новосибирске проживают представители 129 народов, из них русские составляют более 92% населения. Сходная ситуация характерна и для других городов СФО, хотя этническая структура их населения имеет ряд отличий.

В общей сложности в 2010 г., по данным Управления Федеральной миграционной службы России по Новосибирской области, по вопросам гражданства было принято 4356 положительных решений, в том числе в отношении русскоязычного населения – 51%. Кроме того, гражданство Российской Федерации приобрели 210 участников Государственной программы РФ по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, и 184 члена семьи соотечественников. В 2011 г. в Новосибирской области по разрешению на временное проживание находился 4561 чел. Наибольшее число лиц, желающих оформить разрешение на временное проживание, прибыли из Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Армении и Украины.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, в 2011 г. внешняя миграция составила 40,6%, в том числе миграционный оборот с регионами России – 34,8%, со странами СНГ – 5,2, с другими зарубежными странами – 0,6%. Положительное сальдо миграции в Новосибирской области обеспечивалось за счет внутрироссийского обмена (58%) и притока мигрантов из стран СНГ (42%).

В 2011 г. положительное сальдо миграции сложилось у области со всеми регионами, входящими в СФО, кроме Республики Алтай. Среди иммигрантов около 94% составляли бывшие жители стран СНГ, из них 87% – выходцы из Казахстана и Средней Азии.

В течение 2012 г. на территории СФО, по данным ФМС, находилось 1073 тыс. иностранных граждан. Более 104 тыс. чел. были зарегистрированы в 2012 г. как иностранные работники, и основную часть из них (около 76%) составляли граждане стран СНГ, а далее зарубежье было представлено преимущественно гражданами КНР.

Как показывает современная статистика, в большинстве городов СФО сохраняется абсолютное преобладание русскоязычного населения. Но нельзя не признать, что в ходе миграции усиливается этническая дробность. Расчет индекса полиэтничности (на основе подсчета количества условных этнических групп доминирующего численного состава) позволяет аналитикам констатировать, что в среднем по России он имеет довольно значительную величину – 7,4, но существенно различается по федеральным округам. Для Северо-Кавказского округа этот индекс составляет 10,5, для Южного и Дальневосточного он немного ниже 5, уровень полиэтничности в остальных округах, включая СФО, находится в диапазоне 3–4. [3].

Сибирские города являются привлекательными для многих мигрантов с точки зрения уровня жизни и возможности получения более высоких доходов. Кроме того, ситуация на рынке труда в Сибири характеризуется устойчивым спросом на дешевую рабочую силу и сохраняющимися возможностями занятости для мигрантов. Экономические характеристики, и в частности отраслевая структура, возможности для ведения предпринимательской деятельности, развитость и мультимодальность сибирских городов, при общей социальной стабильности и достаточно высокой толерантности в обществе являются важными факторами иммиграции.

Миграционная динамика в масштабах региона за последнее десятилетие отличается стабильно высокими показателями. Ее оценка, данная экспертами, варьирует в очень большом диапазоне: от признания экономической целесообразности до акцента на факторах риска.

По мнению одного из ведущих специалистов по этнополитической истории Сибири профессора М.Н. Шиловского, «пока социум может переваривать национальную диаспору, все нормально. Чем больше представителей нерусских этносов становится, тем плотнее почва

для конфликтов. Нынешняя ситуация... очень сильно напоминает период русской революции 1905 года. Тогда малые этносы начали выдвигать идею национального, культурного самоопределения. Тогда буряты, алтайцы, якуты заговорили об автономиях, обострился антисемитизм, и националистические настроения тогда были такими же распространенными» (цит. по: [4]).

Этнический риск, обозначенный в связи с развитием миграции, в формате прогноза на уровне экспертной оценки во многом отражает общественное мнение, сложившееся в регионе. Анализ статистики при этом приводит к более сдержанным оценкам. Характеризуя масштабы и значение миграции для современной России в целом и для ее отдельных регионов в частности, аналитики подчеркивают, что в разное время доля мигрантов достигала 7–10% трудовых ресурсов страны. Что касается производимого трудовыми мигрантами совокупного продукта, то он, согласно выводам одного из ведущих отечественных этнополитологов академика В.А. Тишкова, составляет от 7 до 10% ВВП России, что во много раз превосходит объем капиталов, отправляемых мигрантами в страны исхода [5].

В то же время в политической (предвыборной) риторике 2000-х годов, звучавшей на уровне глав регионов и комитетов Госдумы, речь шла о риске «миграционного давления» на инфраструктуру, об угрозе исторически сложившемуся межэтническому балансу и о возможной эскалации межэтнических конфликтов. В этой связи приводятся цифры, отражающие количество нелегальных (нерегистрируемых) мигрантов, которые, по разным оценкам, составляли в России от 2 до 12 млн чел. В 2000 г. для России в целом эксперты оценивали легальную составляющую занятости иностранцев на уровне 8–10% от общей численности иностранной рабочей силы, находящейся в стране [6].

По данным Федеральной миграционной службы, в 2010 г. в России находилось около 5 млн иностранных граждан, из которых на законных основаниях трудились около 1 млн чел. В официальных документах 2012 г. указывается цифра в 3,5 млн чел., экспертная консенсус-оценка представляет цифру в 2,4 млн чел. [5, 7].

Оценка численности миграционных сообществ лидерами диаспор существенно отличается от официальной статистики и экспертных заключений. Так, в Новосибирске, к примеру, декларируемая численность азербайджанцев составляет 70 тыс. чел. [8], что превышает их численность, официально зафиксированную в Новосибирской области на 2010 г., в 9 раз; численность армян составляет больше 40 тыс. чел., что выше официальной численности более чем в 4 раза [9]; постоянная численность таджиков оценивается в 15 тыс. чел. при 30–35 тыс. временных рабочих, что превышает учтенное в переписи число в 5 раз [10]; киргизская диаспора определяется числом в 50 тыс. чел., что дает превышение по области в 8 раз [11].

Неофициальные оценки косвенно свидетельствуют о доле сезонных и нелегальных мигрантов. Консенсус-оценка представителей всех диаспор в целом в Новосибирске держится на уровне 80–100 тыс. чел. Но сам факт завышения реальной численности самых больших диаспор города может говорить о тенденциях роста ожиданий их лидеров и укрепления диаспоральной инфраструктуры.

В отношении мигрантов оценка рисков развития человеческого потенциала связана с невозможностью реализации ими в полном объеме традиционной структуры идентичностей (включая культурный, языковой и конфессиональный компоненты) и их слабой интегрированностью в принимающее сообщество. На основе мониторинговых исследований федерального и регионального уровней можно говорить о повсеместном ограничении для мигрантов доступа к отдельным видам работ и о занижении заработной платы. Известно, что более половины мигрантов в России заняты низкоквалифицированным трудом. Образование, квалификация, профессиональные навыки мигрантов часто не востребованы на российском рынке труда. Социальные риски этой группы связаны с нисходящей трудовой мобильностью.

По данным экспертов, не менее 60% мигрантов работают в России незаконно. «Неформальная занятость» мигрантов (с нерегламентированными условиями труда) является следствием ее «выгодности» на теневом рынке при несовершенстве законодательства и его правоприменения.

менения. Иностранцы мигранты повсеместно испытывают ограничения при найме жилья и ценовую дискриминацию. Доступ к получению статуса постоянного жителя лимитирован. Наиболее серьезные риски в развитии человеческого потенциала мигрантов и вызовы политике интеграции, как правило, «сопряжены с ограниченным набором социальных прав (отсечением мигрантов от социальной защиты, неэффективностью социальных институтов, призванных обеспечить вторичную социализацию мигрантов), реализацией прав человека в отдельных сферах (в первую очередь доступа к здравоохранению, к правосудию и правовой защите, права на достойный труд), отторжением мигрантов принимающим обществом и ограниченными коммуникациями мигрантов с местным населением» [7, с. 26].

В принимающем сообществе, остро реагирующем на рост миграции, мигрантам предъявляют претензии в том, что они усиливают конкуренцию на рынке труда, отбирают рабочие места, тормозят повышение зарплат и развитие производства, способствуют развитию «теневой» экономики, коррупции и снижают поступления по налогообложению. Однако известно, что экономическая специализация мигрантов связана главным образом с низкоквалифицированной, низкооплачиваемой работой и непрестижными сферами деятельности. В СФО в целом и в его городах прежде всего мигранты заняты в торговле продовольственными товарами, в сфере услуг (общепит, ремонт жилья и дорог, ремонт и мойка автомобилей, ремонт одежды, торговно-посредническая деятельность), в аграрной сфере (выращивание тепличных овощей) и проч.

Как социальный феномен этническая специализация зависит от стажа миграции и от укорененности диаспоры в городской среде. Неквалифицированным трудом занимаются недавние приезжие, которые ориентируются на сетевые (этнические/земляческие) связи как форму и механизм адаптации. Этническая ориентированность бизнеса снижается по мере интеграции мигрантов в социально-экономическую инфраструктуру города. Многочисленные для Новосибирска азербайджанская и армянская диаспоры, которые формировались на протяжении последних 40 лет, вовлечены в сложную структуру городской

экономики. Специализация с низкой квалификацией характерна в настоящее время для большей части (при известных исключениях) таджиков, узбеков, киргизов. Это работа в ЖКХ, подсобные работы, кустарный пошив одежды и проч.

Риски, формулируемые принимающим сообществом относительно социально-экономической сферы, имели в прошлом гипотетический характер. Но нельзя не признать, что в ходе миграционного обмена происходит неуклонное ухудшение качественных характеристик трудовых ресурсов региона: снижается уровень образования, сокращается число высококвалифицированных специалистов, падает творческий потенциал общества.

По мере развития миграции и усиления конкуренции за доступ к ресурсам и сфере занятости можно говорить о нарастании конфликтности. Этнический фактор в этой ситуации может выступать катализатором социально-экономических противоречий, которые развиваются от риска к конфликту. Показателем роста напряженности в социально-экономической сфере является обострение криминальной ситуации, связанной с миграцией. Последний опрос ВЦИОМ выявил, что большинство (65%) граждан России негативно относятся к иммиграции, так как она увеличивает преступность и коррупцию в стране [12].

Начальник ГУ МВД России по СФО Ю.М. Прошалаыкин сообщил, что иностранные граждане в сибирских регионах стали чаще совершать преступления: за первое полугодие 2013 г. этническая преступность выросла примерно на 7%. В 2012 г. в округе 1127 иностранных граждан были привлечены к уголовной ответственности. Больше стало и иностранцев, ставших жертвами преступных посягательств, – около 500. Отмечено образование преступных групп, организованных по этническому принципу. Такие группы, равно как и смешанные, в которых задействованы местные жители, занимаются незаконным оборотом наркотиков, разбоями, кражами и т.д., а также совершают экономические преступления. Причем прогнозируется тенденция роста этого вида преступлений [13].

Помимо усиления этносоциальных противоречий значительный сегмент рисков в контексте миграции составляют этнокультурные проблемы, связанные со сферой образования, традиционной религией, доступом к информации на родном языке, к культурной инфраструктуре и т.д. При недостаточной эффективности декларированных Концепцией государственной миграционной политики России легитимных практик интеграции мигрантов продолжают сепарация и «капсулирование» населения по этническому признаку.

В городах СФО стихийно формируются «этнотауны», где во многом воспроизводятся традиционная социальная стратификация и традиционные культурные модели. Одновременно с развитием миграционных процессов фиксируется изменение этнического состава учащихся общеобразовательных учреждений городов округа. К примеру, в Новосибирске полиэтнический состав учеников имеют десятки школ. К настоящему времени в них отмечается не только увеличение количества классов с этнически смешанным составом, но и увеличение количества представленных среди учеников народов. Так, если в 2005 г. классы состояли из представителей двух-трех народов, то в 2011 г. появились классы, где учатся представители четырех-восьми народов [14]. Администрации школ вынуждены корректировать программы с учетом этнокультурной специфики: религиозных и календарных праздников и других традиций.

Школы с полиэтническим составом учащихся испытывают множество проблем, включая крайне слабое знание русского языка детьми мигрантов, сезонный характер посещения ими школы, отсутствие федеральных и региональных программ адаптации детей-мигрантов к системе среднего образования, отсутствие квалифицированных кадров, владеющих основами преподавания в полиэтнической среде, и т.д. Хотя опросы учителей и учеников в новосибирских школах с полиэтническим составом показывают относительно благоприятную ситуацию. Межнациональные отношения как дружеские оценили 48% экспертов, как благожелательные – 19%. Если сложить эти в целом положительные оценки, то они, несомненно, составляют подавляющее большинство (67%). Значительное количество экспер-

тов (23%) оценили межнациональные отношения как нейтральные, ровные. Отрицательных оценок оказалось небольшое количество: как терпимые оценили межнациональные отношения только 9% классных руководителей и как враждебные – 1%. И все же в 10% классов с межнациональным составом учеников отношения оцениваются как непростые [14].

В последние годы в школах Новосибирска и других городов СФО увеличивается численность категории учащихся, оторванных от привычной языковой и культурной среды, но в полной мере не интегрированных в принимающее сообщество. Связанная с ростом миграции конфликтность в сфере образования также имеет тенденцию к нарастанию. Она является показателем снижения качества человеческого потенциала, в том числе в связи со снижением качества и эффективности образования. Для нейтрализации рисков требуется (на государственном уровне) разработка специальных программ и методик адаптации иностранцев. Потребность в этих программах возрастает в связи с новыми законодательными инициативами, вводящими знание языка в качестве условия трудовой интеграции мигрантов. Школа, остро реагируя на процессы, происходящие в обществе, демонстрирует неоднозначность ситуации, связанной с оценкой рисков.

Не менее значимым показателем изменения этнокультурной ситуации в городской среде является конфессиональная динамика. Вслед за постепенным увеличением численности среднеазиатских и закавказских диаспор в городах СФО растет количество мусульманских мечетей и молельных домов. По данным имам-хатыба Соборной мечети Новосибирска Н. Шакирзянова, в 2010 г. отпраздновать окончание священного месяца Рамадан на ее территории собрались около 4 тыс. мусульман, в 2012 г. – около 5 тыс. Наиб-имам Новосибирской мусульманской общины оценивает общее число мусульман в Новосибирской области в 200–300 тыс. чел. Эксперты, высказывающиеся в СМИ, считают эту цифру завышенной. Председатель Новосибирского магометанского общества Р. Сулейманов уточняет оценку: по его данным, в области около 100 тыс. мусульман [15–17].

Религиозная консолидация, являясь одной из форм самоорганизации миграционного сообщества, актуализирует групповые формы культурной (этноконфессиональной) идентичности, но порождает специфические риски. Конфессиональные различия объективно становятся фактором сегментирования общества. В городской среде динамика межэтнических отношений часто развивается по линии увеличения этнокультурной дистанции. На уровне индивидуального сознания усиление неприятия связано с субъективной оценкой обычаев, нравов и форм поведения представителей другой культуры сквозь призму традиций и норм собственной. Проблему усугубляют незнание и стереотипные представления. Эти факторы являются препятствием на пути формирования культуры толерантности во всем региональном сообществе.

Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) выполнил исследования, посвященные отношению местного населения к мигрантам. Более чем в 40 субъектах Федерации опросили по 500 чел. с соблюдением всех требований к выборке респондентов.

Согласно опросу, проведенному ФОМ среди жителей Новосибирской области, более половины нетерпимо относятся к приезжим и требуют дать русским больше прав: 15% респондентов поддержали ультимативную формулировку «Россия – для русских», 53% согласились с утверждением, что Россия – «многонациональная страна, но русские должны пользоваться определенными преимуществами». Относительно толерантными можно назвать 20% жителей региона. Именно столько сторонников нашлось у утверждения «Россия – многонациональная страна, и все национальности должны пользоваться равными правами».

По данным ФОМ, рейтинг самых нежелательных мигрантов для новосибирцев возглавляют выходцы с Северного Кавказа (дагестанцы, чеченцы, черкесы и др.). Жить по соседству с кавказской семьей не хотели бы 56% респондентов. Второе место занимают мигранты из Азии (узбеки, киргизы, таджики, китайцы, вьетнамцы, корейцы), жить рядом с семьями которых не хотят 53% участников опроса. Сосуществовать с семьями выходцев из Закавказья (азербайджанцами, ар-

мянами, грузинами) не хотят 50% респондентов. Меньше негатива вызывает перспектива соседства с украинцами и молдаванами (16 и 23% соответственно) [4].

По данным опроса, проведенного на портале НГС, 18% респондентов считают, что русские должны пользоваться преимуществом при приеме на работу. Еще 13,5% опрошенных говорят о том, что у русских должно быть преимущество в получении образовательных и медицинских услуг. Почти 20% участников опроса уверены, что мигранты должны быть поражены в праве покупки жилья и праве выбора места проживания [4].

В Сибирском федеральном округе самым нетерпимым к мигрантам, по данным ФОМ, оказался Красноярский край, самыми толерантными – Омская и Иркутская области. Новосибирская область занимает срединную позицию вместе с Кемеровской областью и Республикой Хакасией. В целом по России самая сильная нетерпимость по отношению к мигрантам характерна для Москвы, Оренбурга и Калуги [4].

В СФО, как и в других регионах, эксперты все чаще говорят об эскалации мигрантофобии. Но при пристальном изучении настроений и оценок принимающего общества на региональном уровне это мнение экспертов может быть поставлено под сомнение: образ «этнического мигранта» на проверку оказывается обобщенным образом «чужого», аккумулирующим социальное недовольство. Однако нельзя не учитывать большой конфликтогенный потенциал этнических миграций.

Сегодня Россия формирует свое отношение к экономическим выгодам и этносоциальным рискам миграции. Нейтрализация рисков соответствует государственной стратегии перехода к единому гражданскому обществу с признанием необходимости интеграции. Но как свидетельствует опыт западных стран, интегрировать мигрантов в социальное, культурное, политико-правовое пространство принимающих территорий весьма непросто. С каждым годом в странах Европы растут число и вариативность этнокультурных моделей и одновременно усиливается отторжение принимающим обществом иммигра-

ционных общин. Признанные в 1990-е годы стратегия и практики мультикультурализма ставятся под сомнение и рассматриваются в связи с проблемой угрозы традициям и национальной целостности. Ощущение опасности усиливается с увеличением масштабов иммиграции. В странах мира формируется концепция интеркультурализма, предполагающая унификацию ценностей. Среди аналитиков утверждается мнение, что неконтролируемая иммиграция при сохранении этнокультурной сегментации может поставить под вопрос то обязательное качество нации, которое называется идентичностью.

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что изменения, произошедшие в России за последние десятилетия, оказали существенное влияние на качество человеческого потенциала Сибири. В городах СФО к настоящему времени сложились следующие тенденции, которые могут быть оценены с позиций риска:

- длительное сокращение численности городского населения при сохранении «западного тренда» внутренней и внешней миграции и при отсутствии возможности компенсации демографических потерь за счет миграции, имеющей неэквивалентный характер (в том числе по уровню образования и профессиональной подготовке мигрантов);
- усиление этнической мозаичности при доминировании «ориентализации» с большой вариативностью социокультурных, языковых и конфессиональных стандартов; в перспективе – растущая конкуренция на рынке труда (в том числе и по этническому признаку) и усиление давления на социокультурную инфраструктуру;
- эскалация напряжения в принимающем обществе как реакция на трудности адаптации социально-экономической структуры и инфраструктуры региона к стабильно высокой миграции, усиливающаяся политизация проблемы внешней (этнической, в значительной степени нелегальной) миграции, которая рас-

смачивается как фактор дестабилизации ситуации в России в целом и в ее отдельных регионах.

Подобные тенденции негативно влияют на развитие человеческого потенциала Сибири и ее городов. Длительное сокращение численности населения за счет высокой смертности и низкой рождаемости сопровождалось миграционным оттоком. Ухудшалась возрастная структура населения, происходил процесс его старения, уменьшалась численность трудоспособного населения. Одновременно ухудшались здоровье населения и качественные стороны его воспроизводства [18]. В результате замещающей миграции происходит неэквивалентный обмен, в том числе рабочей силы. Наблюдается нивелирование толерантных моделей поведения в рамках региональных сообществ. Миграция и вызванные ею этносоциальные и этнодемографические трансформации региональных, в том числе городских, сообществ СФО формируют зоны риска.

Этнические риски имеют сложную стратификацию, связанную с политическими, идеологическими и культурными ценностями мирового, национальных и региональных сообществ, в которых соединяются противоположные тенденции: групповой солидарности, основанной на религиозных, этнических и других идентичностях, с одной стороны, и политической консолидации и глобализации – с другой. Опасность этнических рисков заключается в том, что они способны усилить кризисные явления, осложнить социальные и экономические программы преобразований и тем самым негативно повлиять на развитие человеческого потенциала.

Литература

1. **Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.** Риски в формировании демографического потенциала Сибири // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 4. – С. 98–116.
2. **Калугина З.И.** Ресурсный дефицит развития человеческого потенциала как угроза модернизации // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 50–71.
3. **Этнополитическая** ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 513 с.

4. **Маковеев К.** Мигрантофобия. – URL: <http://news.ngs.ru/more/538457> (дата обращения 20.07.2013).
5. **Тишков В.А.** О чем забыл сказать кандидат в президенты, когда говорил о миграции // Миграция XXI век. – 2012. – № 1 (10). – С. 4–44.
6. **Красинец Е.С., Кубишин Е.С., Тюрюканова Е.В.** Нелегальная миграция в Россию. – М.: Академия, 2000. – 96 с.
7. **Мукомель В.** Интеграция мигрантов: Российская Федерация / CARIM-East RR 2013/01; Robert Schuman Centre for Advanced Studies. – San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. – 26 p.
8. **Интервью** с руководителем азербайджанской национально-культурной автономии Расимом Сахиб-оглы Бабаевым. – URL: <http://nsknews.info/news/126315> (дата обращения 12.08.2013).
9. **Интервью** с руководителем армянской национально-культурной автономии Фрунзиком Хачатряном. – URL: <http://vn.ru/index.php?id=24355> (дата обращения 12.08.2013).
10. **Интервью** с президентом национально-культурной автономии таджиков Новосибирска Минходждином Каримовым. – URL: <http://nsknews.info/news/127337> (дата обращения: 12.08.2013).
11. **Интервью** с мэром г. Ош Мелисбеком Мырзакматовым. – URL: <http://www.rg.ru/2013/07/04/reg-sibfo/melisbek.html> (дата обращения 12.08.2013).
12. **В Генпрокуратуре РФ** представили «этнический портрет» преступника. – URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/08/03/1160142.html> (дата обращения 12.08.2013).
13. **В Сибири** выросло число преступлений, совершенных иностранцами. – URL: <http://news.vtomske.ru/news/69197.html> (дата обращения 12.08.2013).
14. **Ушаков Д.В.** Возможности и перспективы гармонизации межэтнических отношений учащейся молодежи (по результатам социологического исследования в Новосибирске) // Россия – глазами народов Сибири. – Новосибирск, 2012. – С. 64–74.
15. **Новосибирские** мусульмане завершили священный пост. – URL: <http://news.ngs.ru/more/98267> (дата обращения 20.07.2013).
16. **Полумесяц** над «Родниками». – URL: <http://news.ngs.ru/more/677477/> (дата обращения 20.07.2013).
17. **Мусульманам** в Новосибирске пост дается легче, чем в Арабских Эмиратах. – URL: <http://sibkray.ru/news/2011-8-27/17584> (дата обращения 20.07.2013).
18. **Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.** Здоровье населения Сибири: риски и их измерители // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 2. – С. 223–241.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 14.08.2013 г.

© Соболева С.В., Октябрьская И.В., Антропов Е.В., 2013

УДК 330.15+338.27

ББК 65.9 (2Р5)

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 221–241

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
НЕФТЕГАЗОХИМИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ЯКУТИИ**

Н.И. Пляскина, В.Н. Харитонов, И.А. Вижина

ИЭОПП СО РАН

*Статья подготовлена в рамках междисциплинарного
интеграционного проекта Сибирского отделения РАН № 67
«Ресурсно-ориентированная экономика Азиатской России:
оценка исторического опыта модернизации
и перспективы на XXI век»*

Аннотация

Предлагается подход к разработке механизмов государственной поддержки инвестиционных проектов нефтегазохимических кластеров Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) с использованием сетевой и имитационной моделей оценки эффективности программы формирования ресурсного мегапроекта Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса. На основе ресурсно-календарного анализа согласованности инвестиционных планов добывающего и перерабатывающего секторов в различных сценариях мегапроекта разработаны варианты государственной поддержки реализации проектов создания нефтегазохимических кластеров

в рамках государственного Плана развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 г.

Ключевые слова: мегапроект, нефтегазохимический кластер, налоговые преференции, эффективность, сбалансированность, сетевая модель, Восточно-Сибирский нефтегазовый комплекс

Abstract

The paper proposes an approach how to develop the mechanisms of governmental support for investment projects being implemented by oil-and-gas chemistry clusters in Eastern Siberia and the Sakha Republic. The approach is based on the application of a network and simulation model for assessing efficiency of the East Siberian oil-and-gas megaproject. Having analyzed to what degree the investment resource and timing schedules for producing and processing sectors are coordinated within different megaprojects, we offer our variants of governmental support for the clusters within the framework of the State Development Plan for Gas-and-Oil Chemistry in the East of Russia 2030.

Keywords: megaproject, oil-and-gas chemical cluster, tax privileges, efficiency, balanced state, network model, Eastern Siberia oil-and-gas complex

В настоящее время идет интенсивное формирование нефтегазового сектора в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) и возрастает актуальность государственного стратегического планирования межотраслевого многорегионального ресурсного мегапроекта создания Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса для организации эффективного комплексного использования углеводородов и для реализации проектов создания Восточно-Сибирского и Дальневосточного нефтегазохимических кластеров как части государственного Плана развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 года. Важными условиями эффективности формирования названных кластеров являются консолидация усилий и ресурсов государства и участников мегапроекта для обеспечения синхронности и комплексности выполнения проектов развития разных отраслей, разработка системы взаимосвязанных механизмов государственного регулирования и мер го-

сударственной поддержки нефтегазохимических и сырьевых компаний в ресурсных мегапроектах¹. В ИЭОПП СО РАН с 2007 г. активно ведутся исследования по разработке методологии и инструментария стратегического планирования и управления формированием ресурсных мегапроектов [1, 2].

В данной статье предлагается подход к разработке стратегии государственного участия в реализации нефтегазохимических кластеров и разработке механизмов государственной поддержки их инвестиционных проектов в мегапроекте ВСНГК.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И КЛЮЧЕВЫЕ ЗАДАЧИ ПЛАНА РАЗВИТИЯ ГАЗО- И НЕФТЕХИМИИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ НА ПЕРИОД ДО 2030 г.

В настоящее время утвержден План развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 года, разработанный под руководством Минэнерго России [3]. Стратегическими целями плана являются выход России на уровень промышленно развитых стран по потреблению нефтегазохимической продукции, повышение конкурентоспособности российских нефтегазохимических производств на внутреннем и внешних рынках. Впервые планируется крупномасштабный экспорт продукции глубоких переделов нефтегазохимии на рынки АТР в ближайшие 15–20 лет в условиях благоприятной конъюнктуры.

Основная задача плана – обеспечить эффективное использование углеводородного сырья посредством создания региональных нефтегазохимических кластеров. Планируется организовать шесть кластеров: Западно-Сибирский, Волжский, Каспийский, Северо-Западный, Восточно-Сибирский, Дальневосточный. В мегапроекте ВСНГК предусматриваются создание Якутского и Амурского газохимических комплексов как части Дальневосточного кластера и формирование

¹ Мегапроекты представляют собой единый, системно организованный комплекс проектов развития взаимосвязанных отраслей, размещаемых на обширных территориях, охватывающих несколько субъектов Федерации, имеющих общегосударственное значение, большую стоимость и значительное количество участников.

Восточно-Сибирского нефтегазохимического кластера в Красноярском крае и Иркутской области.

Ключевые моменты государственного плана следующие:

- сбалансированность развития сырьевой базы, перерабатывающих мощностей и экспорта, гарантии обеспечения сырьем предприятий глубокой переработки углеводородов;
- государственная поддержка внутреннего рынка нефтехимической продукции путем реализации государственных программ в потребляющих отраслях;
- обеспечение доступности инвестиционных финансовых ресурсов для проектов газо- и нефтехимии.

Для успешного формирования нефтегазохимических кластеров федеральными органами исполнительной власти разработан план-график основных мер по поддержке инвестиционных проектов отрасли и стимулированию развития российского рынка нефтегазохимической продукции, в котором определен порядок взаимодействий Минэнерго России, Ростехнадзора, Минтранса России, Минрегиона России с отраслевыми компаниями.

Реализация Плана развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 г. позволит максимально эффективно использовать легкое углеводородное сырье, направив его преимущественно в переработку на нефтегазохимических мощностях в России. Важнейшим условием осуществления плана является согласованность стратегических интересов добывающих и перерабатывающих компаний относительно сбалансированного развития сырьевой базы, переработки и экспорта углеводородного сырья.

Быстро изменяющиеся экономические, институциональные условия и конъюнктура рынков предопределяют появление новых приоритетов у участников Плана развития газо- и нефтехимии. Согласование стратегических инвестиционных намерений участников проектов при создании кластеров требует адекватного маневренного инструментария государственной координации их интересов, формирования стратегии и механизмов государственного участия в создании нефтегазохимических кластеров.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ИНСТРУМЕНТАРИЙ РАЗРАБОТКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕГАПРОЕКТА ВСНГК

В условиях ограниченности инструментов прямого воздействия государства на инвестиционную политику компаний суть государственной координации инвестиционных намерений компаний, добывающих и перерабатывающих углеводородное сырье, состоит в оценке реализуемости стратегии развития нефтегазохимии при тех или иных внешних условиях, в корректировании направлений и форм государственного участия в создании нефтегазохимических кластеров.

Совокупность внешних условий и отраслевые стратегии освоения нефтегазовых ресурсов с учетом проектов компаний отражаются в сценариях формирования мегапроекта. Сценарии описывают целевые установки, структуру мегапроекта исходя из гипотез социально-экономического развития России и ее регионов, из динамики геополитических факторов, из тенденций конъюнктуры на внешнем и внутреннем рынках.

Оценка реализуемости стратегии развития нефтегазохимии представляет собой решение следующих задач:

- оценка согласованности во времени стратегических интересов государства, сырьевых и перерабатывающих компаний;
- обеспечение рациональности эшелонирования во времени проектов создания нефтегазохимических комплексов в региональных кластерах;
- выбор возможных вариантов интеграции и консолидации финансовых ресурсов компаний для достижения целей государственного плана развития нефтегазохимии;
- разработка предложений по предоставлению целевых государственных преференций компаниям – участникам мегапроекта ВСНГК;
- определение направлений государственной координации планируемых действий компаний при формировании газо- и нефтехимических кластеров в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) как части плана развития газо- и нефтехимии России.

Предлагаемый инструментарий представляет собой модельный комплекс, который состоит из сетевой модели инвестиционной программы мегапроекта и имитационной модели оценки эффективности вариантов программы при различных режимах государственного регулирования [4, 5]. Сетевая модель дает возможность отражения различных вариантов динамики используемых ресурсов и выпускаемой продукции в инвестиционных проектах добывающих и перерабатывающих отраслей и резервов времени как особого управленческого ресурса. Она позволяет согласовать во времени стратегические интересы бизнеса, функционирующего в различных отраслях, и государства.

Модель оценки эффективности вариантов программы предназначена для выявления приоритетных направлений согласования интересов государства и бизнеса, для выбора инструментов государственного регулирования формирования инвестиционной привлекательности проектов в области газо- и нефтехимии. Она основана на системе расчетов оценки эффективности для сырьевых и нефтегазохимических проектов при различных вариантах налогового и ценового регулирования. В результате согласования решений по сетевой и имитационной моделям находится интервал значений налоговых ставок, таможенных пошлин и др., при которых инвестиционный проект будет иметь приемлемые для инвестора показатели коммерческой эффективности. Тем самым можно определить управленческие решения государства, которые повысят инвестиционную привлекательность проектов для компаний.

Формирование допустимого множества вариантов господдержки состоит в разработке предложений – стратегических инициатив координирующего органа для федерального и регионального уровней власти по изменению налоговых режимов и государственных преференций для сырьевых и перерабатывающих отраслей, с тем чтобы обеспечить приемлемую для компаний коммерческую эффективность проектов, сбалансированность спроса и предложения углеводородного сырья, сконцентрировать инвестиционные ресурсы для формирования нефтегазохимических кластеров.

С целью координации инвестиционной деятельности компаний, участвующих в мегапроекте, предлагается использовать систему ин-

дикаторов качества управления: показатель сбалансированности проектов (межотраслевые невязки) для ресурсного управления и показатель эффективности режимов управления, применяемый для оценки мер косвенного регулирования принятия решений частными инвесторами как функции отклика участников мегапроекта на изменение регуляторов управления (налоговых ставок, таможенных пошлин, банковских процентов и др.).

Структура и масштабы государственных преференций для компаний – участников мегапроекта определяются на основе анализа результатов финансово-экономической оценки проектов компаний. Оцениваются выгоды предлагаемых форм и условий финансовой интеграции как для проблемных проектов в сырьевых и перерабатывающих отраслях, так и для их потенциальных инвесторов. Проекты, не попавшие в базовую совокупность, становятся предметом диалога координирующего органа с компаниями и регионами по поводу изменения институциональных условий. Координирующий орган предлагает коррекцию системы государственных преференций, формирует конкурентную стратегию и соответствующий ей благоприятный режим, обеспечивающий устойчивость реализации мегапроекта.

Разработка механизмов государственного регулирования мегапроекта основана на анализе денежных потоков его участников при реализации календарных планов инвестиционной программы ВСНГК и на оценке выгод государства и компаний при различных вариантах государственной поддержки инвестиционных проектов участников с позиций стратегических интересов государства и бизнеса в мегапроекте.

На первом этапе проводится анализ возможностей компаний в отношении самофинансирования проектов. Составляется баланс потребностей в заемных средствах и источников их покрытия в динамике. На основе сопоставления потребностей в капитальных вложениях, ожидаемой чистой прибыли от проекта и налоговых доходов участников мегапроекта определяется размер снижения дефицита финансовых ресурсов по периодам для реализации проекта за счет ожидаемых государственных доходов от него. Оцениваются различные варианты государственных преференций: налоговые каникулы, отмена экс-

портных пошлин, льготные налоговые и инвестиционные режимы для реализации проектов компаний. На этой стадии рассматриваются разные схемы участия федерального и региональных бюджетов в создании государственных преференций для проектов нефтегазохимических кластеров с учетом значимости налоговых поступлений от проекта для формирования бюджета.

На втором этапе разрабатываются механизмы государственного стимулирования интеграции финансовых ресурсов участников для реализации инвестиционной программы мегапроекта в заданные сроки. Анализируются денежные потоки компаний и выявляются возможные объемы перетока свободных финансовых средств добывающих компаний в проблемные проекты, испытывающие длительный дефицит инвестиций. Выявляются институциональные барьеры, препятствующие переливу капитала, и разрабатываются варианты создания благоприятных условий для реинвестирования относительно свободных финансовых ресурсов, прибылей компаний в другие отраслевые проекты.

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ НЕФТЕГАЗОХИМИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ

Стратегии реализации государственного Плана развития газовой и нефтехимии России на период до 2030 г. рассмотрены в рамках оптимистического и пессимистического сценариев (табл. 1). При построении сценариев осуществления мегапроекта ВСНГК применены принципы сбалансированности производства и потребления углеводородного сырья. Предусматривается создание крупных нефтегазохимических комплексов – Красноярского (Богучанского), Саянского, Южно-Якутского, а также комплекса в Приморском крае в соответствии с государственным планом развития нефтегазохимии. Схема технологических взаимосвязей в процессе разработки месторождений углеводородного сырья и создания газохимических комплексов в регионах, динамики производства полимеров базируется на исследованиях ИЭОПП СО РАН (см., например, [6, 7]).

Таблица 1

**Сценарии развития нефтегазового комплекса в Восточной Сибири
и Республике Саха (Якутия)**

Показатель	Оптимистический сценарий		Пессимистический сценарий	
	2015	2030	2015	2030
<i>Нефтяной сектор</i>				
Добыча нефти, млн т	50	80	25	50
Экспорт нефти, млн т	41	56	20	35
Объем нефтепереработки, млн т	9	24	5	15
<i>Газовый сектор</i>				
Добыча природного газа, млрд куб. м	60	120	60	120
Экспорт газа, млрд куб. м	—	—	25	35
Поставки газа на рынки Восточной Сибири и Дальнего Востока, млрд куб. м	8	10	10	10
Объем переработки природного газа, млрд куб. м	52	110	25	75
Производство этилена, млн т	2,0	3,4	0,5	1,2
Производство пластмасс, млн т	—	6,7	—	2,7
Производство полиэтилена, млн т	—	2,0	—	0,8
Производство полиолефинов, млн т	—	5	—	2
Добыча гелия, млн куб. м	180	212	108	150

Оптимистический сценарий основан на гипотезах реализации наиболее благоприятных факторов. К ним относятся, во-первых, устойчивый спрос на нефть и природный газ ВСНГК в Китае и Южной Корее после 2020 г., выход России на рынки стран АТР с продукцией нефтегазохимии; во-вторых, высокий спрос на полимеры и моторные топлива на внутреннем рынке благодаря осуществлению региональных стратегий модернизации индустриального развития в восточных регионах страны.

В пессимистическом сценарии экстраполируются следующие условия: фактически сложившиеся в 2011–2015 гг. темпы, объемы и результативность геолого-разведочных работ²; низкая подтверждаемость разведанных запасов нефти и, соответственно, сокращение масштабов развития нефтяной промышленности; геополитические риски на газовом рынке АТР в 2016–2020 гг., которые блокируют выход на внешний рынок продукции газохимии Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия). В результате при сохранении масштабов развития газодобывающей промышленности на уровне оптимистического сценария реализация государственного плана создания нефтегазохимических комплексов сдвигается за пределы 2020 г. и ВСНГК выходит на внешний рынок преимущественно с продукцией сырьевых отраслей. Доля экспорта газохимической продукции и гелиевого концентрата сократится до 30% от объема производства.

Ресурсно-календарный анализ согласованности инвестиционных планов добывающего и перерабатывающего секторов проведен на детерминированной сетевой модели ВСНГК. На основе вариантных расчетов эшелонирования инвестиционных проектов нефте- и газодобывающих секторов в Красноярском крае, Иркутской области и Якутии оценены стратегии развертывания во времени инвестиционных проектов компаний, обеспечивающие в динамике балансы производства и потребления углеводородного сырья в течение всего прогнозного периода до 2030 г.

Оценка инвестиционного спроса. Программа формирования мегапроекта ВСНГК потребует в период 2011–2030 гг. масштабных частных и государственных инвестиций – около 160 млрд долл. США. Из них более 34 млрд долл., или 20% от общего объема, приходится на создание нефтегазохимических комплексов (табл. 2).

Мегапроект ВСНГК является эффективным как для государства, так и для компаний: общественная эффективность инвестиций составляет 5,26 долл. США вновь созданной стоимости на 1 долл. инвестиций в оптимистическом сценарии и 4,26 долл. – в пессимистическом. Даже в условиях жестких инвестиционных ограничений в 2011–2015 гг.

² В настоящее время около 30% прогнозных ресурсов при дальнейшем их изучении переходят в категорию запасов.

Таблица 2

Финансово-экономические показатели мегапроекта ВСНГК в 2011–2030 гг.*

Показатель	Оптимистический сценарий	Пессимистический сценарий
Добыча нефти, млн т	1168,8	575,0
Экспорт нефти, млн т	818,16	402,50
Добыча газа, млрд куб. м	1331,6	1331,6
Экспорт газа, млрд куб. м	665,8	815,0
Мощность по переработке нефти, млн т/год	9,0	9,0
Мощность нефтехимического комплекса по потреблению нефти, млн т/год	15,0	6,0
Мощность по переработке газа на конец план. периода, млрд куб. м/год	110,0	75,0
Выручка от реализации продукции, млрд долл. США	1477,2	969,0
В том числе продукции нефтепереработ- ки и газонефтехимии	280,7	145,9
Выручка от экспорта продукции, млрд долл. США	627,2	367,0
В том числе продукции нефтепереработ- ки и газонефтехимии	166,2	43,2
Налоги и платежи в бюджет, млрд долл. США	404,6	227,0
В том числе предприятий нефтеперера- ботки и газонефтехимии	61,8	32,9
Чистая прибыль (ЧП), млрд долл. США	434,9	293,2
В том числе:		
добывающих компаний	392,8	271,3
компаний по нефтепереработке и газонефте- химии	42,1	21,9
Капитальные вложения, млрд долл. США	159,6	122,1
В том числе:		
в добывающие отрасли	125,5	99,6

Окончание табл. 2

Показатель	Оптимистический сценарий	Пессимистический сценарий
в нефтепереработку и газонефтехимию	34,1	22,5
Эффективность капитальных вложений (КВ) ВСНГК, долл. США ЧП/долл. США КВ	2,72	2,40
Эффективность КВ в добывающие отрасли, долл. США ЧП/долл. США КВ	3,13	2,72
Эффективность КВ в нефтепереработку и газо- нефтехимию, долл. США ЧП/долл. США КВ	1,23	0,97
Накопленная прибыль ВСНГК, млрд долл. США	275,3	171,1
Общественная эффективность ВСНГК	5,26	4,26

* Исходные цены и экспортные пошлины на нефть и газ приняты на уровне 2010 г. Цена нефти на российском рынке – 300 долл. США/т, экспортная цена на рынках стран АТР – 796 долл./т, экспортная пошлина – 26% от цены нефти на мировом рынке. Цена газа на российском рынке – 115 долл./тыс. куб. м, экспортная цена – 339 долл./тыс. куб. м., экспортная пошлина – 30% от цены газа на мировом рынке. В прогнозном периоде среднегодовые темпы роста цен нефти на внутреннем рынке до 2015 г. остаются на уровне 2012 г., темпы роста цен газа изменяются на 15% в 2012–2014 гг., на 7,5% в 2015 г. Для 2016–2030 гг. принят прогноз изменения цен внутреннего и внешнего рынков, выполненный ИНЭИ РАН.

и при реализации геоэкономических рисков пессимистического сценария в ВСНГК образуются объемы накопленной прибыли, достаточные для создания нефтегазохимических кластеров.

Нами рассмотрены две возможные стратегии финансирования инвестиционных проектов государственного плана развития нефтегазохимии в рамках оптимистического сценария. Первая стратегия – **самофинансирование** инвестиционных проектов, при этом нефтегазохимические компании являются самостоятельными участниками рынка и инвесторами нефтегазохимических комплексов. Анализ реализуемости инвестиционной программы мегапроекта ВСНГК на условиях самофинансирования отраслевых проектов компаний выявил высокие освоенческие риски в первое десятилетие. По нашим расчетам, капитал риска составит 44 млрд долл. США, причем около половины его образуется в нефтегазохимических проектах.

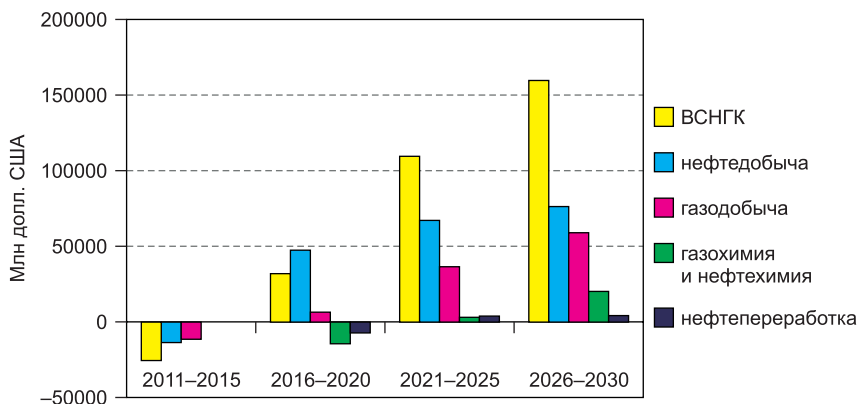

Рис. 1. Наличие/дефицит собственных средств компаний для инвестиций в ВСНГК (оптимистический сценарий)

Все компании испытывают дефицит собственных средств в периоды интенсивного создания основных фондов (рис. 1). Так, по нашим расчетам, мегапроект в целом будет испытывать дефицит собственных средств только в 2011–2015 гг. в размере 25,5 млрд долл. США даже при условии полного реинвестирования получаемой чистой прибыли.

Альтернативная стратегия финансирования проектов нефтегазохимии – **целевая интеграция инвестиционных ресурсов** добывающих и нефтегазохимических компаний для выполнения государственного плана в мегапроекте ВСНГК при создании условий и организационных механизмов консолидации и межотраслевого перелива свободных средств. Для реализации этой стратегии имеются объективные предпосылки: за прогнозный период в мегапроекте ВСНГК образуется накопленная чистая прибыль, в 1,7 раза превышающая потребности в инвестиционных ресурсах. Вместе с тем 98% накопленной чистой прибыли формируется в добывающих компаниях. С 2016 г. накопленная прибыль сырьевых компаний может стать потенциальным источником инвестиций для проектов создания нефтегазохимических кластеров в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия). В период до 2015 г. потребуется государственная поддержка реализации как

сырьевых, так и нефтегазохимических проектов, в 2016–2020 гг. – только проектов нефтегазохимических кластеров.

Варианты государственной поддержки инвестиционных проектов компаний в стратегии самофинансирования. Анализ индикаторов сбалансированности денежных потоков в *нефтяной промышленности и нефтепроводном транспорте* показал, что дефицит собственных источников инвестиций имеет место только в первые 5 лет, когда необходимо привлечь со стороны 13,5 млрд долл. США (табл. 3). Дефицит инвестиций у нефтяных компаний возможно устранить посредством отмены экспортных пошлин от продажи нефти и газа ВСНГК в период 2011–2015 гг. Возможен альтернативный вариант государственной поддержки – предоставление беспроцентного налогового кредита сроком на 5 лет с возвратом заемных средств в государственный бюджет путем повышения налоговых ставок на доходы нефтяных компаний в период 2016–2024 гг.

В газодобывающем комплексе и газопроводном транспорте налоговые преференции или налоговые каникулы в период 2011–2015 гг. не решат инвестиционных проблем пионерного этапа, когда дефицит собственных средств компаний достигает 11,2 млрд долл. США. Ожидаемые государственные бюджетные доходы за этот же период составляют лишь 0,56 млрд долл. С учетом высокой рыночной стоимости компании ОАО «Газпром» возможна государственная поддержка газовых проектов ВСНГК в виде предоставления государственных гарантий для внешних займов.

Анализ проектных денежных потоков по периодам выявил необходимость привлечения заемных средств в 2011–2015 гг. в размере 11,2 млрд долл. США сроком на 11 лет. Полностью удастся вернуть авансированные средства за счет накопленной чистой прибыли от добычи газа к 2022 г. Функционирование газодобывающих комплексов в 2026–2030 гг. обеспечит 58,9 млрд долл. накопленной чистой прибыли. Таким образом, финансовые ресурсы газового сектора после 2025 гг. могут стать устойчивым источником инвестиций для других проектов.

Альтернативный вариант государственного участия в реализации газовых проектов – сочетание предоставления государственных

Таблица 3

Меры государственной поддержки участников мегапроекта ВСНГК до 2024 г.

Участники мегапроекта	Дефицит инвестиций, млрд долл. США	Период дефицита, лет	Варианты государственной поддержки привлечения инвестиций компаниями
Нефтяные компании	13,5	5	Предоставление госгарантий для внешнего займа в 2011–2015 гг. в объеме 13,8 млрд долл. США на 5 лет; освобождение поставок нефти компаний от экспортной пошлины в размере 13,5 млрд долл. США в 2011–2015 гг.
Газовые компании	11,2	11	Предоставление госгарантий для внешнего займа в 2011–2015 гг. в объеме 11,2 млрд долл. США на 11 лет; или на 10 лет при снижении в 2 раза экспортной пошлины (до 4,9 млрд долл. США) в 2016–2020 гг.
Газохимические компании	14,6	15	Предоставление госгарантий для внешних займов в объеме 14,6 млрд долл. США на 7 лет в 2014–2020 гг.; налоговые льготы на 4 года в 2021–2024 гг. в объеме 7,6 млрд долл. США за счет снижения налоговых ставок в 4 раза; или бюджетный беспроцентный кредит на 15 лет в объеме 14,6 млрд долл. США в счет ожидаемых государственных доходов от функционирования ГХК в 2025–2030 гг.
Нефтеперерабатывающие компании	7,7	20	Предоставление госгарантий для внешних займов в объеме 7,7 млрд долл. США на 10 лет в 2011–2020 гг.; освобождение от налогов в 2011–2015 гг. в размере 0,8 млрд долл. США; налоговые льготы в объеме 6,9 млрд долл. США за счет снижения налоговых ставок и платежей в 2016–2020 гг. как минимум в 4,5 раза

гарантий для внешних займов в период 2011–2015 гг. и государственных преференций в виде снижения вдвое ставки экспортной пошлины на поставки природного газа в 2016–2020 гг., что позволит газовым компаниям получить дополнительно 4,9 млрд долл. США собственных средств от экспорта природного газа и тем самым уменьшить до 10 лет срок возврата заемных инвестиций.

В **газохимическом комплексе** выявлен крайне высокий дефицит собственных источников финансирования при проектных сроках строительства. В 2014–2024 гг. требуется 22,2 млрд долл. США заемных инвестиций для создания производственных мощностей (рис. 2).

Оценка динамики возврата авансированных средств за счет чистой прибыли компаний показала, что потребуется 10 лет, причем в 2021–2025 гг. существует возможность погашения только 20% займа в размере 2,7 млрд долл. США, а 80% долга будет погашено из прибыли 2026–2030 гг. Для снижения напряженности инвестиционного плана создания газохимических кластеров на условиях самофинансирования предлагается осуществить комплекс мер государственной поддержки в виде предоставления государственных гарантий для дол-

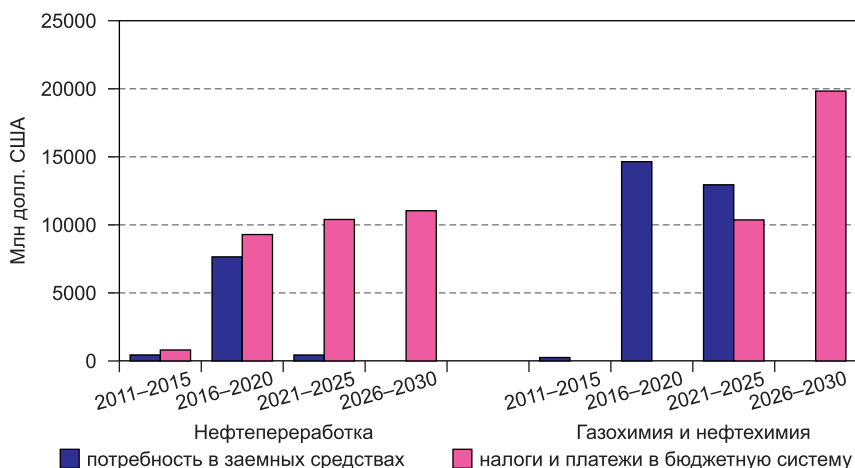

Рис. 2. Потребность в заемных средствах, налоги и платежи в бюджетную систему нефтегазоперерабатывающих компаний

госрочного займа на 7 лет в объеме 14,6 млрд руб. в 2014–2020 гг. и налоговых льгот в объеме 7,6 млрд долл. США сроком на 4 года в 2021–2024 гг. за счет снижения налоговых ставок на доходы от функционирования первых очередей ГХК в 4 раза. Другой формой государственной поддержки может быть долговременный бюджетный беспроцентный кредит на 15 лет в объеме 14,6 млрд долл. в счет возврата авансированных средств из ожидаемой чистой прибыли от функционирования ГХК в 2025–2030 гг.

В нефтеперерабатывающем комплексе выявился дискриминационный режим налогообложения доходов компаний. В структуре цены 40% составляют налоги и платежи в бюджетную систему, в результате объемы чистой прибыли вдвое ниже ожидаемых налоговых доходов государственного бюджета. В этих условиях проекты в области нефтепереработки практически не могут осуществляться в режиме самофинансирования. Для реализации проектов необходимо привлечение внешних инвестиций в размере 7,7 млрд долл. США на 20 лет при сохранении современной системы налогообложения доходов нефтеперерабатывающих предприятий.

Таким образом, при инвестиционном режиме самофинансирования реальна угроза отказа как от формирования в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) газохимических кластеров, так и от создания в этом регионе нефтеперерабатывающих заводов. Эффективность капиталовложений в отраслях, перерабатывающих углеводородное сырье, в 2–3 раза ниже, чем в добывающих отраслях, что объясняет низкую инвестиционную привлекательность их проектов. В целях реализации проектов, связанных с нефтеперерабатывающим комплексом, в заданные сроки понадобится не только мощная государственная поддержка этих проектов в первом десятилетии, но и ослабление налогового режима на весь прогнозный период. В целом государственная поддержка нефтегазохимического комплекса для обеспечения режима самофинансирования проектов компаний потребует предоставления налоговых льгот в размере 15,4 млрд долл. США, что практически означает отказ государства от налогообложения их доходов в 2013–2020 гг. Первоочередные меры – налоговые каникулы до 2015 г. и снижение налоговых ставок и платежей как минимум

в 4,5 раза на период 2016–2020 гг. Вместе с тем для обеспечения гарантированных поставок сырья нефтегазохимическим комплексам целесообразна государственная поддержка также проектов добывающих компаний в виде налоговых льгот в размере 18,3 млрд долл. В целом для реализации стратегии самофинансирования проектов ВСНГК затраты государства на их поддержку составят около 34 млрд долл., или 8% прогнозируемых государственных доходов от функционирования комплекса за период 2013–2030 гг.

Альтернативная стратегия государственного участия – *стимулирование интеграции инвестиционных ресурсов добывающих компаний ВСНГК для реализации проектов нефтегазохимических кластеров* существенно улучшит инвестиционный режим их создания. Так, уже в период 2016–2020 гг. чистая накопленная прибыль в нефтедобыче составит 47,6 млрд долл. США, и при надлежащих условиях она может стать источником инвестиционных ресурсов для покрытия дефицита в проектах создания нефтеперерабатывающих заводов (7,2 млрд долл.) и газохимических комплексов (14 млрд долл.) (см. рис. 2). В 2021–2025 гг. появится накопленная чистая прибыль в газодобыче в размере 35,8 млрд долл. Мобилизация трети этой прибыли в виде инвестиций в газохимические проекты позволит отказаться в этот период от долгосрочных займов в 11,9 млрд долл.

Возможность перелива капитала из добывающего сектора в перерабатывающий существует и в современных вертикально-интегрированных компаниях – операторах проектов ВСНГК. Тем не менее головные компании затягивают решения об инвестировании проектов создания нефтегазохимических кластеров по причине их низкой коммерческой эффективности. Поэтому необходимым условием мобилизации накопленной чистой прибыли добывающего сектора в развитие нефтегазохимии является выравнивание индикаторов коммерческой эффективности газо- и нефтехимических проектов и проектов в добывающих отраслях. Соответственно, механизмы стимулирования интеграции финансовых ресурсов состоят в ослаблении налогового режима для проектов создания нефтегазохимических кластеров и в предоставлении взаимосвязанных целевых государственных преференций сырьевым компаниям. Важнейшие среди них:

- отмена для сырьевых компаний экспортных пошлин от продажи нефти и газа в 2011–2015 гг. при условии их участия в финансировании проектов создания нефтегазохимических комплексов;
- создание благоприятного налогового режима на период освоения проектных мощностей: снижение вдвое ставок налогов на доходы для нефтеперерабатывающих проектов в 2016–2020 гг. и в 4,5 раза для газохимических проектов в 2021–2025 гг.;
- предоставление государственных гарантий для внешних займов участникам инфраструктурных проектов в рамках создания нефтегазохимических кластеров и добывающим компаниям ВСНГК в период 2011–2020 гг.

По нашим расчетам, снижение в 2 раза налоговых ставок и платежей в бюджет в проектах создания нефтеперерабатывающих заводов позволит увеличить их чистую прибыль в 2,5 раза – до 27,5 млрд долл. США и повысить показатели коммерческой эффективности инвестиций в нефтепереработку до уровня добывающих отраслей – 3,13 долл. чистой прибыли на 1 долл. инвестиций. И хотя прогнозируемые доходы государственного бюджета от функционирования НПЗ снизятся на 15,7 млрд долл., существенно возрастет вероятность реализуемости этих проектов.

С позиций повышения показателей коммерческой эффективности проектов создания газохимических кластеров целесообразна интеграция их участников с газодобывающими компаниями. Дело в том, что в операционных затратах газохимических комплексов высок удельный вес затрат на приобретение и транспортировку сырья. В интегрированных газовых компаниях, как правило, ниже транзакционные издержки, и это, по нашим расчетам, позволит снизить на 20% долю эксплуатационных затрат в стоимости их продукции. В результате интегрирования улучшатся показатели эффективности этих проектов: чистая прибыль и государственные бюджетные доходы в целом за прогнозируемый период возрастут в 1,7 раза – до 50,5 млрд долл. США, а коммерческая эффективность составит 2,3 долл. на 1 долл. инвестиций.

Такая интеграция позволит государству получить в 2026–2030 гг. дополнительные доходы от реализации газохимических проектов в оптимистическом сценарии в размере 15 млрд долл. США, а в песси-

мистическом – в размере 12,7 млрд долл. В результате повышения коммерческой эффективности проектов формирования нефтегазохимических кластеров создаются предпосылки для финансирования проектов государственного Плана развития газо- и нефтехимии в России за счет чистых прибылей добывающих компаний ВСНГК.

Проведенные исследования реализуемости проектов государственного плана создания нефтегазохимических комплексов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в рамках мегапроекта ВСНГК доказали эффективность интеграции добывающего и нефтегазохимических кластеров с учетом стратегических интересов участников мегапроекта. Система мер государственной поддержки интеграции оценивается в 24 млрд долл. США, а интеграционный эффект в целом для ВСНГК проявляется в виде дополнительных налоговых доходов и платежей в бюджетную систему государства в объеме 12,7 млрд долл., прироста чистой прибыли компаний на 47,7 млрд долл. и роста индикаторов эффективности проектов перерабатывающих отраслей до уровня проектов добывающих отраслей.

В целях реализации государственного плана развития газо- и нефтехимии в восточных регионах России необходима координация государством инвестиционных намерений нефтяных и газовых компаний в рамках ресурсных мегапроектов. Ресурсный мегапроект является эффективным объектом в структуре государственного стратегического управления для обеспечения динамических балансов добычи и переработки углеводородного сырья, для согласования механизмов государственной поддержки формирования нефтегазохимических кластеров, с тем чтобы достичь стратегических целей в заданные сроки.

Для управления инвестиционной программой мегапроекта целесообразно создать координирующий орган на уровне Правительства РФ с функциями разработки стратегических инициатив по корректированию механизмов государственного регулирования реализации сложных проектов, связанных с нефтегазохимическими кластерами, по обеспечению баланса интересов институциональных участников при интеграции финансовых ресурсов добывающего и нефтегазохимического комплексов.

Предложенный инструментарий координации инвестиционных решений компаний в программе ресурсных мегапроектов может служить аналитическим аппаратом разработки и оценки системных управленческих решений правительственного органа – координатора реализации государственного Плана развития газо- и нефтехимии в России на период до 2030 г.

Литература

1. **Пляскина Н.И., Харитонов В.Н.** Координация инвестиционных проектов в программе освоения Восточно-Сибирской нефтегазоносной провинции с использованием сетевых моделей // ГЕО-Сибирь-2008. Т. 2, ч. 2: Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью: Мат. IV Междунар. науч. конгр. «ГЕО-Сибирь-2008», 22–24 апр. 2008 г. / Сиб. гос. геодез. акад. – Новосибирск, 2008. – С. 20–25.
2. **Пляскина Н.И., Харитонов В.Н.** Координация инвестиционных решений компаний в программе мегапроекта освоения нефтегазовых ресурсов // Теория и практика управления. – 2010. – № 8. – С. 84–94.
3. **План** развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 года. – URL: <http://www.rupec.ru/download.php?url=/upload/blok/266/...doc> (дата обращения 10.07.2013).
4. **Гимади Э.Х., Гончаров Е.Н., Залюбовский В.В. и др.** О программно-математическом обеспечении для задачи ресурсно-календарного планирования Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Математика, механика, информатика. – 2010. – Т. 10, вып. 4. – С. 52–67.
5. **Пляскина Н.И., Харитонов В.Н.** Организационно-технологические аспекты стратегического планирования межотраслевых ресурсных мегапроектов // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 3 (75). – С. 167–189.
6. **Коржубаев А.Г., Филимонова И.В., Эдер Л.В.** Концепция формирования новых центров нефтегазового комплекса на Востоке России. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – 191 с.
7. **Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.** Комплексный реинжиниринг процессов хозяйственного освоения ресурсов гелия на Востоке России / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 181 с.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 10.07.2013 г.

© Н.И. Пляскина, В.Н. Харитонов, И.А. Вижина, 2013

АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ ОТРАСЛЕВОЙ ЭВОЛЮЦИИ: УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ

Л.С. Марков, В.М. Маркова

ИЭОПП СО РАН

Д.Д. Котёлкин

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 12-12-54004)*

Аннотация

Обосновывается актуальность эволюционного подхода к изучению развития экономических систем. Осуществлена структуризация производства энергетических углей России как системы взаимодействующих агентов, разработана агент-ориентированная модель отрасли. Показана пригодность объяснения отраслевой динамики с позиций конкуренции между образующими экономическую систему агентами. Продемонстрирована возможность изучения при помощи агент-ориентированного моделирования «альтернативной» истории отрасли.

Ключевые слова: эволюционная экономика, агент-ориентированное моделирование, производство энергетических углей

Abstract

The paper proves an urgency of applying an evolutionary approach to study how economic systems progress, and it presents the structure of the Russian

steam coal facilities considered as a system of interacting agents and described by an agent-based model developed by the author. The model, in the authors' opinion, could be regarded quite applicable to analyze the industry dynamics as well as an «alternative history» of the industry in terms of competition between agents of the economic system.

Keywords: evolutionary economics, agent-based modeling, steam coal production

АКТУАЛЬНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА

Постоянное усложнение картины окружающего мира, в том числе его социально-экономической подсистемы, сопровождаемое бурным развитием компьютерных технологий, привело к появлению направления экономической науки, по аналогии с биологией получившего название эволюционного, а в силу схожести с другими естественными науками, прежде всего с физикой, именуемого физической (Д.С. Чернавский с соавторами [1]) и синергетической (В.Б. Занг [2]) экономикой.

Возникновение эволюционной парадигмы в экономике в немалой степени обусловлено ограниченностью традиционных подходов, мало-пригодных к изучению неравновесных состояний экономических систем, а также игнорирующих их контринтуитивный характер, формируемый взаимодействиями и обратными связями между ограниченно рациональными агентами. Как отмечает С.В. Кюнтцель, «эволюционный подход в экономике можно рассматривать как методологическую альтернативу неоклассическому подходу. В фокусе анализа находятся неравновесные процессы, а экономика рассматривается как система, которая постоянно претерпевает изменения различного характера» [3, с. 3].

Основоположниками эволюционной экономической теории считаются Т. Мальтус, Й. Шумпетер, Ф. Хайек, А. Алчиан. До уровня единой методологии эволюционный подход был обобщен Р. Нельсоном и С. Винтером [4]. Традиционно в рамках эволюционного подхода выделяются макро- и микроэкономические направления, модельно-методологические основы которых лежат в областях системной динамики и агент-ориентированного моделирования (АОМ) соответственно. Оба направления базируются на имитационном компьютерном моделировании и обязаны своим появлением развитию вычислительной техники.

Как отмечает Ю.Г. Карпов [5], в рамках системно-динамического подхода система рассматривается на самом высоком уровне агрегации, при этом исследователи абстрагируются от единичных событий. Причинно-следственные зависимости параметров и характеристик системы являются основным средством отображения структуры и функционирования систем. Дифференциальные уравнения описывают законы функционирования интегрально, агрегированно, как законы изменения взаимозависимых потоков вещества, денег, заказов, людей. На системно-динамическом подходе основываются работы В.М. Полтеровича и Г.М. Хенкина [6], В. Маевского [7], Дж. Силверберга (G. Silverberg) и Б. Верспэйджена (B. Verspagen) [8], К. Иваи (K. Iwai) [9] и др.

Агент-ориентированное моделирование, напротив, базируется на представлении единичных объектов системы, каждый из которых имеет свое поведение и свои параметры, на учете единичных событий и реакций на них конкретных активных объектов. Глобальные законы поведения коллектива агентов выводятся как интегральные характеристики поведения и взаимодействий отдельных агентов. В.И. Суслов отмечает, что «АОМ – специальный класс вычислимых моделей... Основная идея данного подхода – построение вычислительного инструмента, представляющего собой множество агентов с набором свойств и правил поведения. ...В результате принципиально меняется взаимоотношение между микро- и макроэкономикой. Теперь это не две разные, мало связанные между собой теоретические дисциплины. Закономерности и связи на макроуровне оказываются порожденными процессами, происходящими на микроуровне» [10, с. 16]. В.Л. Тамбовцев считает, что «агент-ориентированное моделирование (АОМ) уже способно стать мощным средством экономического анализа, соответствующим природе экономики как рефлексивной системы» [11, с. 51].

Агентный подход используется для изучения и моделирования отраслевой эволюции [4, 12–14], макроэкономических характеристик [15–17], поведения на рынке труда [18, 19], экономического роста [4, 20]. Обзор различных моделей можно посмотреть в работах [8, 16, 19, 20–23].

Большинство существующих агент-ориентированных моделей проверяют теоретические гипотезы на условных примерах, и лишь не-

большая часть из них имеет прикладной характер, используется для изучения реальных экономических процессов на макро- и микроуровне, для построения прогнозов. Данная проблема особенно характерна для отечественных исследований. В этой связи интерес представляет группа моделей, именуемая «модели, согласующиеся с историей» (history-friendly models, HFM). HFM направлены на изучение гипотез о механизмах и факторах, влияющих на отраслевую динамику, технологический прогресс, институциональные изменения, структуру спроса.

Как подвид агент-ориентированных моделей HFM рассматривались в работах Ф. Малербы (F. Malerba) с соавторами [13, 14]. Пригодность HFM в качестве инструмента, объясняющего отраслевую эволюцию, показана для компьютерной [12, 14] и фармацевтической [24] отраслей, для производства оперативной памяти и жидкокристаллических мониторов [12].

HFM включают в себя три шага:

- 1) описание эволюции экономической системы (отрасли) на основе наблюдаемых фактов и оценочных предположений;
- 2) построение модели, воспроизводящей историю при определенном наборе параметров;
- 3) получение базовой (приемлемой) исторической траектории и моделирование гипотетических ситуаций, расходящихся с фактической историей объекта.

Мы предприняли попытку создания такой модели применительно к отрасли производства энергетических углей. Данная статья фокусируется преимущественно на втором шаге – на построении модели и проверке ее адекватности.

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА ОБЪЕКТА И ЕГО СТРУКТУРИЗАЦИЯ

Рынок энергетического угля характеризуется, во-первых, простой производственной цепочки (только 25–30% добываемого угля подвергаются дальнейшим технологическим переделам); во-вторых, однородностью продукции, проявляющейся в том числе и во взаимо-

заменяемости различных марок углей; в-третьих, высокой вариативностью участников сделок купли-продажи угля – предприятий отрасли и потребителей энергетического угля, «взаимозаменяемостью» производителей.

Перечисленные аспекты позволяют сформулировать предположение о горизонтальном характере системы и о конкуренции на рынке продукции как движущей силе структурных трансформаций российской отрасли производства энергетических углей. Мы полагаем, что предприятия конкурируют посредством своей производительности: более эффективные компании наращивают мощности и объемы производства, менее эффективные сокращают производство.

Наша основная задача заключается в поиске ответа на вопрос о том, возможно ли достаточно точное прогнозирование отраслевой динамики исходя из знания: а) текущих технологико-экономических характеристик предприятий; б) прогнозных оценок функции спроса на продукцию отрасли; в) правил поведения агентов, определяемых посредством конкуренции их сравнительных производительностей. Для ответа на поставленный вопрос мы мысленно перемещаем «объект прогнозирования» в 2005 г. и на основании вышеприведенной информации пытаемся воспроизвести эволюцию отрасли. В качестве источников информации использовались данные Росинформугля, ЦДУ ТЭК, Госкомстата [25–27].

Построенная нами модель предполагает описание динамики производства энергетического угля на уровне отдельного агента и популяции в целом. Соответственно, адекватность эволюционного моделирования будет оцениваться на основании близости фактических и модельных характеристик: динамики совокупных и частных объемов производства. Для моделирования системы первым делом необходимо определить агентов и их взаимосвязи.

Агенты. В течение 2000-х годов в угольном комплексе России сформировались относительно устойчивые интегрированные структуры. Несмотря на то что добычу энергетического угля в стране осуществляют около 190 предприятий, более двух третей из них контролируются холдингами. На долю наиболее крупных холдингов (ОАО «СУЭК» и ОАО «УК «Кузбассразрезуголь»») приходится более поло-

вины производства энергетических углей. Важно отметить межрегиональный характер холдинговых структур. Например, СУЭК интегрирует предприятия восьми регионов, шесть из которых – сибирские территории. При этом различные региональные подразделения одного холдинга ведут независимую политику и фактически конкурируют между собой.

В целях моделирования 187 угольных предприятий России были агрегированы в 34 агента (табл. 1). Основным критерием для выделения агентов выступала близость характеристик производительности (переменных издержек и фондоемкости продукции) образующих их предприятий. Другими критериями для объединения предприятий в некоторый агент или, напротив, для их разбиения помимо технологических различий служили способ добычи, холдинговая и территориальная принадлежность. Большая часть выделенных агентов сформированы исходя из территориальной и холдинговой принадлежности угледобывающих предприятий. При этом некоторые холдинги зарегистрированы не только по территориальному, но и по технологическому признаку, связанному, например, с различными способами добычи или с типом (качеством) угля. Скажем, СУЭК – 11-й и 12-й агенты, УГМК – 13-й и 14-й агенты. В других случаях, напротив, региональные подразделения одного холдинга, осуществляющие добычу различными способами, рассматривались как единый агент. Некоторые мелкие технологически близкие компании – поставщики угля, располагающиеся в одном регионе, представлены как единый элемент системы – агент модели. Таким агентом являются предприятия Дальнего Востока (34-й агент). Несколько агентов модели, один из которых сибирский, представляют собой объединения различных не только по аффилированности, но и по территориальной принадлежности предприятий, как правило, ведущих деятельность в географически соседствующих регионах. Основанием для агрегированного рассмотрения в таких случаях являлась близость производительностей и технологий предприятий, а также их относительно небольшие размеры. Это, например, 30-й и 31-й агенты – предприятия СУЭК в Забайкальском крае и Республике Бурятия.

Таблица 1

Характеристики агентов модели

Угольное объединение	Регион	Вид/марка угля	Способ добычи	Кол-во предприятий
Прочие предприятия	Респ. Коми, Мурманская обл.	Каменный Г	Шахты	3
Прочие предприятия	Ростовская обл., Московская обл.	Антрацит	Шахты	18
Прочие предприятия	Свердловская обл., Челябинская обл., Оренбургская обл.	Бурий	Разрезы	5
«Сибантрацит»	Новосибирская обл.	Антрацит	Разрезы	2
«Evraz Group»	Кемеровская обл.	Каменный Г, Д	Шахты	3
Группа «Донецк-сталь»		Каменный Г, Д	Шахты	3
«Русский уголь»		Каменный Д	Разрезы	3
СДС		Каменный Г, ДГ	Шахты	2
СДС		Каменный СС	Разрезы	4
«Сибуглемет»		Каменный Г, ЖО	Разрезы	2
СУЭК		Каменный Г, ДГ	Шахты	10
СУЭК		Каменный Д	Разрезы	3
УГМК		Каменный Д, ДГ	Разрезы	9
УГМК		Каменный СС	Разрезы	6
Талдинская УК		Каменный СС, Г	Шахты, разрезы	2
ЮКАС-Холдинг		Каменный Г, СС, Д	Разрезы	4
Инвестиционная СТК		Каменный Д	Шахты, разрезы	2
ТалГЭК		Каменный Д	Разрезы, шахты	2
«Промуглесбыт»		Каменный ДГ, Д	Разрезы, шахты	2

Окончание табл. 1

Угольное объединение	Регион	Вид/марка угля	Способ добычи	Кол-во предприятий
Кузбасская ТК	Кемеровская обл.	Каменный, Д	Разрезы	2
ММК		Каменный Д	Шахты	2
«Мечел»		Каменный Т	Разрезы	2
Прочие шахты		Каменный Т, Г, Д	Шахты	6
Прочие разрезы		Каменный Т, Г, Д	Разрезы	11
СУЭК	Красноярский край	Бурый	Разрезы	3
Прочие предприятия		Бурый	Разрезы	19
EN+	Иркутская обл., Респ. Тыва	Каменный Д, Г	Разрезы	3
EN+		Бурый	Разрезы	1
СУЭК	Респ. Хакасия	Каменный Д, Г	Разрезы	4
СУЭК	Забайкальский край, Респ. Бурятия	Каменный Д	Разрезы	3
СУЭК		Бурый	Разрезы	2
Прочие предприятия	Иркутская обл., Респ. Хакасия, Забайкальский край	Бурый/каменный Д	Разрезы	11
СУЭК	Приморский край, Хабаровский край	Бурый	Разрезы, шахты	6
Прочие предприятия	Дальний Восток (прочие регионы)	Бурый/каменный Д	Разрезы, шахты	29
В с е г о				187

Поскольку первоочередным объектом нашего интереса являлся сибирский кластер угледобывающих производств, в процессе структуризации более детально определялись агенты, представляющие СФО. Так, из общего числа агентов модели (см. табл. 1) 29 объединили в себе 124 угледобывающих предприятия Сибири. Предприятия других регионов рассматривались более приближенно: 63 компании из этих регионов сформированы в пять агентов. Такой подход к выде-

лению агентов представляется адекватным также и потому, что на долю предприятий отрасли, не расположенных в СФО, приходится относительно небольшой сегмент рынка.

Проведенная группировка российских угледобывающих предприятий нам кажется приемлемой, поскольку отражает возможную институциональную, инновационную или технологическую однородность полученных укрупненных элементов системы, являющуюся следствием общей территориальной, холдинговой и технологической принадлежности рассматриваемых предприятий, что придает модели структурную неперегруженность.

Взаимосвязи. В процессе деятельности независимые друг от друга предприятия угледобывающей отрасли, как правило, редко устанавливают между собой активные взаимосвязи. Периодически наблюдается взаимодействие в рамках холдингов, а также при строительстве инфраструктурных объектов, в рамках услуг по переработке угля на свободных обогатительных мощностях или при использовании свободного вагонного парка. Однако такие взаимодействия не являются регулярными, а потому их стоит рассматривать как излишние усложнения для нашей модели на данном этапе (однако и как потенциальные направления ее дальнейшего развития). Хотя в действительности угледобывающие предприятия также ведут конкурентную борьбу за минерально-сырьевую базу, в целях моделирования будем говорить исключительно о горизонтальном характере взаимодействия компаний в угольной отрасли через их конкуренцию на рынке продукта.

Угледобывающие предприятия осуществляют поставки в рамках как долгосрочных, так и спотовых гибких контрактов, в результате чего они могут достаточно гибко менять структуру продаж в направлении либо экспорта, либо внутреннего рынка в зависимости от того, на каком из направлений сложилась максимальная цена реализации. В силу этого упрощенно рынок потребителей энергетических углей будем рассматривать не только как однородный по продукту, но и как единый по географическому охвату (агрегированно внутренний и внешний).

Итак, в качестве ключевой гипотезы о взаимодействии и взаимосвязанности участников угольного кластера принимается предположение об их конкуренции на рынке конечной продукции. Мы полагаем, что

продуктовая конкуренция, обусловленная соревнованием производительностей компаний, служит основным фактором, определяющим развитие кластера угольных производств на среднесрочную перспективу.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

С точки зрения эволюционной теории угольную отрасль можно рассматривать как популяцию гетерогенных экономических агентов, конкурирующих между собой. В основании макроуровня нашей модели лежит предположение, что эндогенно формируемое совокупное предложение на рынке энергетического угля во взаимодействии с экзогенно задаваемой функцией спроса обуславливает тенденцию изменения цены на продукцию в каждый период времени (рис. 1).

Следует отметить отсутствие в настоящее время единой цены на энергетический уголь. Различают цены потребителей и цены поставщиков, внутренние и внешние цены, характеризующиеся высокой изменчивостью. Отсутствие единой цены на уголь обуславливает целесообразность введения в целях моделирования ее гипотетического аналога. Мы предполагаем, что такая гипотетическая единая цена определяется ценой предыдущего периода, скорректированной с учетом текущих спроса и предложения¹. Если текущий спрос превышает предложение, то цена растет, и наоборот (см. рис. 1).

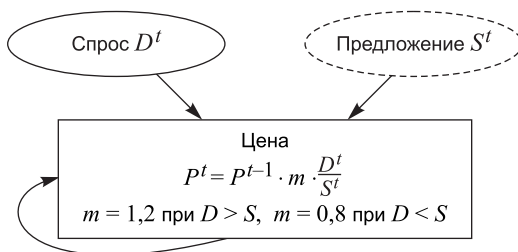

Рис. 1. Макроуровень модели

¹ В начальный момент времени t_0 (2005 г.) единая цена определяется на основе средневзвешенной по объемам производства выделенных агентов отпускной цены (цены производителей) и принимается равной 750 руб./т.

Коэффициент m характеризует эластичность единой цены к соотношению спроса и предложения и является калибровочным. Поскольку согласно заложенным в компьютерную модель ограничениям спрос и предложение не могут различаться кратно (в разы), коэффициент m играет основную роль в изменении цены. Отношение спроса к предложению преимущественно задает направление изменения. Имеющиеся данные об изменчивости внутренних цен производителей, а также существующие оценки индекса цен на энергетический уголь [28–31] позволяют остановиться на предположении, что годовые колебания среднерыночной цены составляют $\pm 20\%$.

Единая цена, наряду с показателями выпуска продукции, участвует в формировании рентабельности агентов, запуская в действие механизм «естественного отбора» в нашей эволюционной модели.

Показатели совокупного предложения отрасли и единой рыночной цены выступают основными эндогенными/расчетными переменными, посредством которых осуществляется взаимная увязка макро- и микроуровневой модели. Совокупное предложение по определению представляет собой суммарный выпуск продукции агентами системы и участвует в формировании модельной единой цены на рынке энергетических углей. Текущая рыночная цена влияет на производительность агентов и, как следствие, на изменение размеров мощностей, на уровень их загрузки и на объем выпуска каждого агента в следующий период.

Объем производства продукции каждым агентом в конкретный момент времени выступает ключевой характеристикой микроуровня системы, основным моделируемым показателем. В дальнейшем на его основании оценивается структурная адекватность модели. Наш агент-ориентированный подход к моделированию предусматривает формирование совокупного предложения снизу, когда агенты опираются на свои предположения о конъюнктуре рынка и на знание собственных производственных возможностей (рис. 2).

Каждый агент на определенном шаге имеет информацию о своих производственных возможностях, о степени их использования и об относительной конкурентоспособности (выраженной в показателе рентабельности продаж), определяющей и изменение количества мощностей, и уровень их загрузки (коэффициент использования мощ-

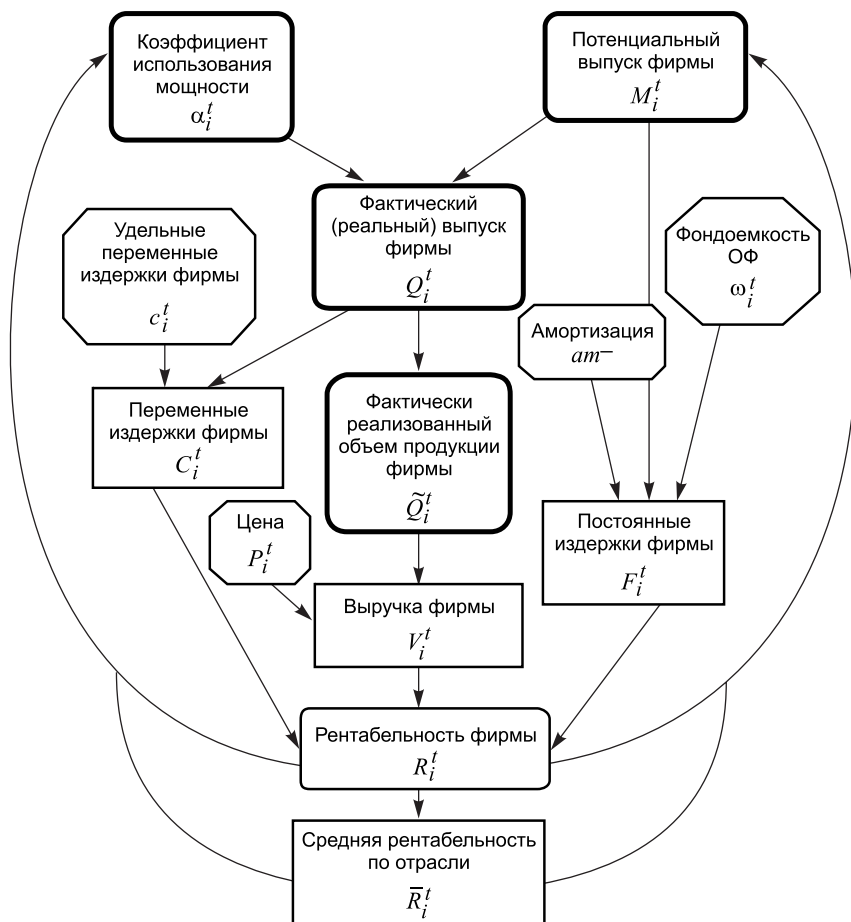

Рис. 2. Микроуровень модели

ностей – КИМ). Также он имеет представление о размере совокупного спроса на продукцию отрасли в предыдущем периоде и о своей доле на рынке. Основываясь на этих данных, компании определяют объем выпуска продукции в текущем периоде.

Фактический объем производства каждого агента – величина расчетная, определяемая производственной мощностью (потенциальный

выпуск) и уровнем ее загрузки: $Q_i^t = \alpha_i^t \cdot M_i^t$ (см. ниже раздел «Правила изменения мощностей и коэффициента использования мощностей»). Объем производства продукции оказывает влияние на величину переменных издержек производства и, как следствие, на эффективность агентов. Другая составляющая издержек – постоянные затраты формируются параметрами фондоемкости продукции² (этот параметр уникален для каждого агента и характеризует его технологию) и нормы амортизации (общий параметр для популяции агентов), а также переменной потенциальной мощности компаний: $F_i^t = M_i^t \cdot \omega_i^t \cdot \alpha m$.

Однако, стремясь удовлетворить рыночный спрос, агенты действуют в условиях неполноты информации, ориентируясь на показатели рынка прошлых лет (в модели функция спроса задается экзогенно) и демонстрируя так называемое «близорукое» поведение. В связи с этим на каждом шаге возможно возникновение ситуации неверной оценки потенциала рынка и, как следствие, пере- или недопроизводства продукции. Поэтому следует различать объемы произведенной продукции и реализованной. Объем реализованной продукции, в противовес объему производства, участвует в формировании доходной составляющей рентабельности – прибыли и, следовательно, производительности агентов, их текущей конкурентоспособности (см. далее раздел «Правило определения объема реализованной продукции»).

Рентабельность является ключевой составляющей модели микроуровня. В ее расчете прямо или косвенно участвуют все переменные и параметры модели:

$$R_i^t = \frac{W_i^t}{V_i^t} = \frac{(P_i^t \cdot \tilde{Q}_i^t - C_i^t \cdot Q_i^t - F_i^t)}{P_i^t \cdot \tilde{Q}_i^t}.$$

Сравнительная производительность агентов приводит в действие механизмы конкуренции и естественного отбора. Относительный уровень эффективности компаний определяет изменение их производ-

² Показатели удельных переменных издержек, фондоемкости продукции и коэффициента амортизации принимаются на основе фактических данных и предполагаются неизменными при отсутствии инновационного поиска.

ственных мощностей и степень загрузки последних, замыкая логический цикл модели микроуровня.

Правила изменения мощностей и коэффициента использования мощностей. Поведение агентов на каждом шаге обуславливается текущей рыночной конъюнктурой (соотношением спроса и предложения). Если спрос больше предложения, растут мощности и уровень их загрузки (КИМ). Если спрос не превышает предложения, мощности не изменяются, а КИМ снижается. Основанием для изменения этих переменных служит сравнительный уровень рентабельности, демонстрируемый каждым агентом относительно средней эффективности по популяции:

$$\alpha_i^t = \alpha_i^{t-1} \cdot f(R_i^{t-1}; \hat{R}^{t-1});$$

$$M_i^t = M_i^{t-1} \cdot f(R_i^{t-1}; \hat{R}^{t-1}).$$

Агенты в зависимости от показателя рентабельности прошлого периода делятся на три группы: наиболее эффективные, средней эффективности, сравнительно неэффективные. Каждой группе после изучения реальных производственных характеристик угледобывающих компаний устанавливаются свои диапазоны изменения переменных. На основании анализа фактических данных по компаниям угольной отрасли и калибровки модели³ были сформированы правила увеличения мощностей агентов и коэффициента их загрузки (табл. 2).

При благоприятной рыночной конъюнктуре фирмы выбирают одну из двух стратегий поведения: изменение коэффициента использования мощности или наращивание самой мощности (рис. 3).

Если КИМ по итогам прошлого периода составил более 96%, то агент в обязательном порядке увеличивает свои мощности⁴. При этом фирмы всех групп увеличивают мощность на 4–6% за шаг модели,

³ Калибровка модели осуществлялась посредством подбора изменения мощностей и КИМ в заранее эмпирически определенном интервале. При этом адекватность модели отслеживалась исходя из совокупных показателей мощностей и объемов производства по отрасли, а также темпов изменения мощностей и КИМ.

⁴ Агенты в модели аккумулируют прибыль в фонде накопления, который в дальнейшем может быть использован для расширения мощностей и покрытия

Таблица 2

Правила определения загрузки и прироста мощностей

Правило	Спрос больше предложения, $D^{t-1} > S^{t-1}$	Предложение больше спроса, $S^{t-1} > D^{t-1}$
Загрузки мощности	$k = D^{t-1} / S^{t-1}$. 1-я группа увеличивает КИМ на $8-10\% \cdot k$. 2-я группа увеличивает КИМ на $4-6\% \cdot k$. 3-я группа изменяет КИМ на $(-2\% \cdot k; +1\% \cdot k)$	1-я группа снижает КИМ на $2-3\% \cdot 1/k$. 2-я группа снижает КИМ на $5-7\% \cdot 1/k$. 3-я группа снижает КИМ на $8-15\% \cdot 1/k$
Прироста мощности	$P = g \cdot D^{t-1} / S^{t-1}$, где g = коэффициент, учитывающий темп роста спроса. Фирмы всех групп увеличивают мощность на $4-6\% \cdot P$. Фирмы среднего размера (4–10 млн т) всех групп наращивают мощность на $8-9\% \cdot P$	Роста мощности нет

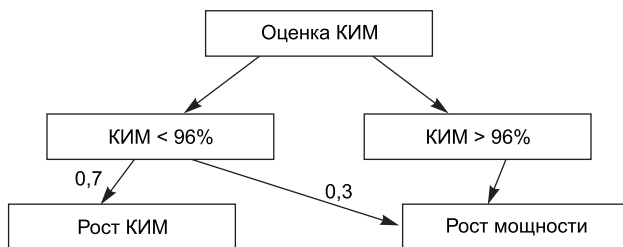

Рис. 3. Стратегии поведения фирм

а агенты среднего размера (с годовым объемом добычи 4–10 млн т вне зависимости от принадлежности к той или иной группе) наращивают мощность быстрее – на 8–9%.

возникающих убытков. При превышении расходов над доходами и при недостаточных размерах фонда накопления фирма продает часть мощности, необходимую для покрытия убытка. Таким образом, величина фонда накопления является одним из параметров выхода агентов из популяции.

Если КИМ не превысил 96%, то поведение агентов вариативно: либо с вероятностью 0,7 они увеличивают загрузку имеющихся мощностей (см. рис. 3), либо с вероятностью 0,3 наращивают производственные мощности. Если фирма выбрала стратегию наращивания мощности, то в текущем периоде КИМ корректируется пропорционально вновь введенным мощностям.

При избытке предложения роста мощностей не происходит, а КИМ сокращается до минимального уровня 20%.

Правило определения объема реализованной продукции. В модели мы делаем допущение, что в ситуации, когда спрос превышает предложение, объем реализованной продукции равен реальному выпуску. При возникновении излишка предложения объем реализованной продукции фирмы определяется пропорционально доле фирмы в совокупном предложении:

$$\begin{aligned}\tilde{Q}_i^t &= Q_i^t - (S^t - D^t) \cdot \left(\frac{Q_i^t}{S^t} \right) \quad \tilde{Q}_i^t = Q_i^t - (S - D) \cdot \left(\frac{Q_i^t}{S^t} \right) = \\ &= \tilde{Q}_i^t = Q_i^t - (S^t - D^t) \cdot \left(\frac{Q_i^t}{S^t} \right) = Q_i^t \cdot \frac{D^t}{S^t}.\end{aligned}$$

Данное предположение отражает пропорциональный характер снижения объемов реализации на предприятиях отрасли в условиях недостаточного спроса, однородности продукции и рынка, а также характеризует прямую зависимость объема продаж от рыночной конъюнктуры. Перепроизводство, на практике ведущее к образованию запасов, в модели в целях упрощения относится на издержки.

Описанная выше модель была реализована в пакете имитационного моделирования Anylogic advanced 6.8.0. Параметры модели, характеристики агентов и совокупного спроса в стартовый момент времени t_0 определялись фактическими данными базового 2005 г. Исходя из фактических среднегодовых темпов роста потребления энергетических углей за 2005–2011 гг. экзогенно задавался линейный прирост спроса, составляющий 2% в год⁵.

⁵ Это соответствует реальным среднегодовым темпам роста производства энергетических углей в РФ за моделируемый период времени.

АДЕКВАТНОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Адекватность модели оценивалась на основании макро- и микро-прогноза. Проверка осуществлялась посредством сравнения фактических и модельных данных об объемах производства выделенных агентов за 2009–2011 гг. и о совокупном выпуске отрасли за 2006–2011 гг. В целом модель продемонстрировала способность адекватно отражать макроповедение популяции агентов (динамику объемов производства отрасли), выражающуюся в близости модельных и фактических абсолютных значений производства угля и в их динамике, в динамике совокупных мощностей и среднего коэффициента загруженности последних⁶. На рисунке 4 тонкой ломаной линией соединены фактические значения производства энергетического угля в России в миллионах тонн. Широкая полоса отображает интервал разброса траекторий, удовлетворительно характеризующих динамику отраслевого производства. Можно заметить схожесть изменения фактических и модельных данных, что свидетельствует об адекватности модели макроуровня.

Полученные модельные показатели микроуровня (производства угля в разрезе выделенных агентов) также продемонстрировали достаточно хорошую близость к фактическим данным (табл. 3). Для оценки точности прогноза использовалось среднее квадратов отклонений реальных и прогнозных показателей по популяции агентов. Как видно из табл. 3, модель адекватно отражает микродинамику отрасли, что подтверждается более высоким качеством прогноза структуры производства (в разрезе выделенных агентов), нежели качеством оценок, базирующихся на предположении о пропорциональном увеличении объемов производства отдельных агентов или содержащихся в стратегических документах развития отрасли за 2005 г.

Также можно оценить адекватность модели на основании правильно предсказанных тенденций изменения выпуска у отдельных

⁶ Стоит отметить некоторые несоответствия в статистической информации по отрасли в целом и по отдельным предприятиям, составившие 7 млн т в исходном для моделирования 2005 г.

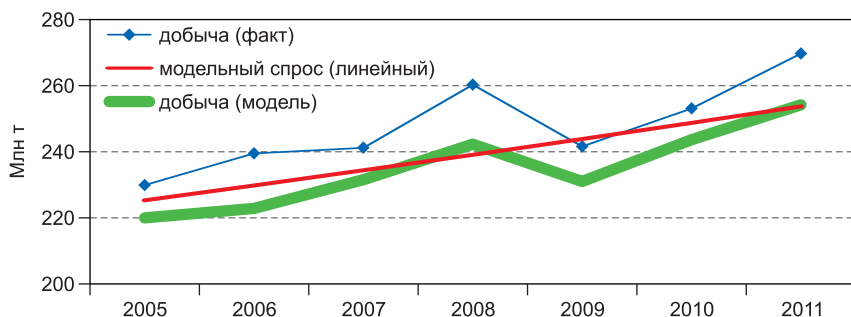

Рис. 4. Фактические и модельные показатели производства на отраслевом уровне

агентов. Мы различаем незначительное изменение производства относительно базового 2005 г., находящееся в интервале $(-5; +5)\%$, и выходящие за границы интервала значимые изменения в большую или меньшую сторону. Динамику изменения объемов производства у каждого агента считаем предсказанной верно, если фактические и модельные показатели изменения выпуска принадлежат к одной и той же из трех выделенных областей (неизменность объемов, значимый рост или снижение производства). В иных случаях считаем микроуровневый прогноз для конкретного агента неверным.

Таблица 3

Оценка точности модели на микроуровне

Прогноз	Среднее квадратов отклонений, абс. ед.			Средняя относительная ошибка, % от факта		
	2009	2010	2011	2009	2010	2011
Фактическое изменение от факта 2005 г.	2,8	3,8	6,3	19	12	14
Стратегия от факта соответствующего года	5,0	3,3	4,6	20	15	7
Прогноз при сохранении структуры рынка 2005 г.	2,4	2,7	5,9	22	14	14
Модель от факта соответствующего года	1,7–2,1	1,6–1,9	3,3–3,8	20	9	11

Таблица 4

Оценка отраслевой динамики на микроуровне, % от числа агентов

Тенденция	2009	2010	2011
Предсказано верно	51	75	81
Предсказано неверно	49	25	19

Как следует из табл. 4, на 2010 и 2011 гг. для 75–80% агентов были правильно спрогнозированы тенденции микроуровня, что можно рассматривать как приемлемый результат. Наибольшие расхождения наблюдались в 2009 г., что можно объяснить его послекризисным характером и большим разбросом показателей выпуска вследствие раздвоения траектории развития на предыдущем шаге.

На рисунке 5 видно, что в каждом третьем прогоне макродинамика системы имела несколько иную траекторию: кризис произошел годом ранее. Данное поведение имитационной модели можно рассматривать как аналог точки бифуркации, когда незначительные изменения состояния системы могут привести к появлению альтернативных ветвей эволюции. В модели это реализуется при попадании (на определенном шаге) значения функции спроса в интервал разброса совокупного производства отрасли. И как следствие, упомянутые измене-

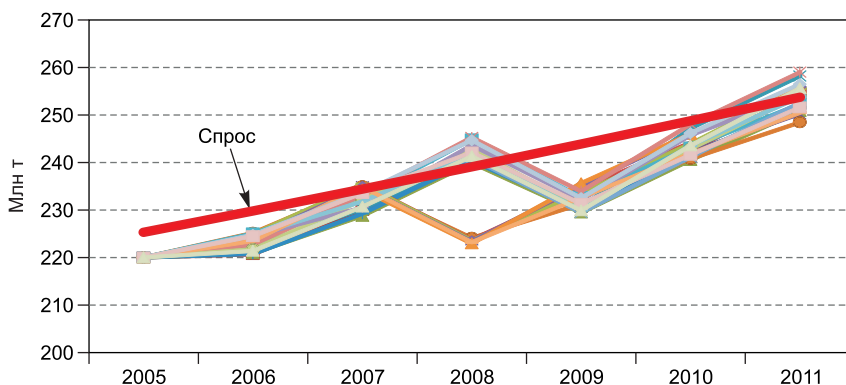

Рис. 5. Альтернативные траектории макродинамики модели (20 прогонов)

ния могут привести к раздвоению траектории развития в соответствии с правилами поведения агентов. Несмотря на то что после расхождения 2008 г. альтернативные пути развития вновь сближаются⁷, расхождения в совокупном выпуске по отрасли между основной и альтернативной траекториями 2009 г. остаются статистически значимыми.

В соответствии с заложенными в модель гипотезами и допущениями можно предположить, что кризис, произошедший в отрасли в 2009 г., вероятно, имел в том числе и внутрисистемные основания. В связи с этим цикличность развития отрасли представляет отдельный интерес.

Длительность цикла в базовом варианте модели (при 2%-м росте спроса) составляет 3 года. В соответствии с идеологией согласующихся с историей моделей интересно исследовать генерацию гипотетических ситуаций, расходящихся с фактической эволюцией отрасли. Рассмотрим, к примеру, как могло бы происходить развитие системы при иной динамике спроса.

Как следует из рис. 6, длительность естественных циклов отрасли, обусловленных коррекцией объемов производства, при заложенных в модель предположениях составляет 1–3 года при росте спроса в 1% в год (рис. 6а) и 4–7 лет при 3%-м росте (рис. 6б).

Возможно, в силу высокой чувствительности отраслевой динамики к изменению спроса ожидаемое в соответствии с базовой моделью снижение спроса в 2011–2012 гг. (см. рис. 5) в реальности не произошло, так как темп роста спроса начиная с 2009 г. по факту увеличился. Здесь стоит еще раз подчеркнуть гипотетичность, временную ограниченность и ретропрогнозный характер базовой модели. В ней гипотетичность подразумевает общий, структурный характер эволюционного моделирования; ограниченность во времени – априорно заданный интервал существования модели (2005–2011 гг.), за пределами которого она теряет смысл, так как рост спроса задавался исходя из темпа в 2% годовых (иной темп – иная динамика); ретропрогнозность – предположение о нахождении субъекта моделирования в 2005 г., откуда нам и «предстоит оценить» динамику отрасли.

⁷ Под воздействием коррекции, происходящей благодаря ориентации на единый уровень спроса.

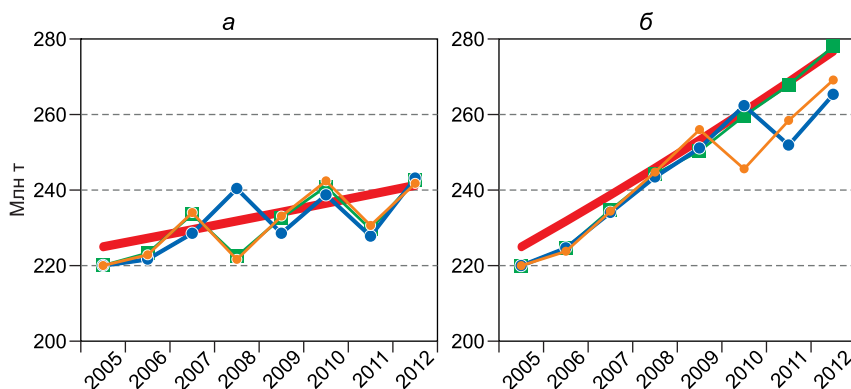

Рис. 6. Траектории отраслевой динамики при разных темпах роста спроса
 а – линейный спрос с темпом 1%; б – линейный спрос с темпом 3%

Следует заметить, что временной интервал прогнозирования – существенное ограничение полученной модели. Это ограничение объективного характера. Поскольку в нашем распоряжении имелись данные в разрезе выделенных агентов только за 2005, 2009–2011 гг. и лишь совокупные объемы производства энергетического угля были известны за период 2005–2011 гг., модель строилась с t_0 , за которое был взят 2005 г., и ее калибровка на микроуровне осуществлялась в соответствии с результирующими показателями за 2009–2011 гг. Соответственно, временной интервал адекватности модели составляет 4–6 лет от t_0 . Проверка структурной адекватности модели в краткосрочном периоде не проводилась по причине отсутствия данных, и такая проверка представляет первоочередной интерес с точки зрения дальнейшей доработки и уточнения модели.

* * *

Построенная эволюционная агентная модель, объясняющая динамику развития экономической системы исходя из конкуренции на продуктовом рынке, показывает пригодность гипотезы о конкуренции как определяющем факторе эволюции отрасли в среднесрочной

перспективе. Агент-ориентированное моделирование продемонстрировало возможность более точного микро- и макропрогнозирования при оперировании сравнительно небольшим объемом данных: при знании фактических характеристик агентов в начальный момент времени и линейном предположении о динамике спроса. Это позволяет рассматривать предложенный подход в качестве методики экспресс-прогноза отраслевой и структурной динамики, которая выгодно отличается «легкостью» реализации и возможностью использования на практике. Полученную модель можно классифицировать как согласующуюся с историей, и правомерно утверждать, что она достаточно адекватна на среднесрочном интервале. Модель потенциально способна описывать кризисы как результат неверной оценки агентами текущего уровня спроса, более адекватно прогнозировать последствия, выражающиеся в структуре и динамике развития отрасли.

В соответствии с предназначением согласующихся с историей агент-ориентированных моделей нами изучено поведение отраслевой системы при различных параметрах спроса. Показано, что при изменении годовых темпов роста спроса на 1% длительность цикла развития резко меняется противоположенно. Эта способность модели показывать альтернативность траекторий отраслевой динамики и оценивать продолжительность циклов позволяет ставить вопрос о необходимости выявления особых точек в жизненном цикле экономической системы и повышения эффективности регулирования в их окрестностях.

В целях более обоснованного применения полученной модели к задачам прогнозирования требуется доработка правил определения спроса и предложения, чему может поспособствовать имеющее самостоятельную ценность накопление фактических данных в разрезе выделенных параметров и переменных модели. Дальнейшие эксперименты с моделью возможны в направлениях усиления ее прогностических возможностей, введения инновационного поиска, учета входа агентов в популяцию и выхода из нее, влияния среды и мер институционального регулирования.

Литература

1. **Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В.** О проблемах физической экономики // Успехи физических наук. – 2002. – Т. 172, № 9. – С. 1045–1066.
2. **Занг В.Б.** Синергетическая экономика: Время и перемены в нелинейной экономической теории. – М.: Мир, 1999. – 335 с.
3. **Кюнтцель С.В.** Эволюционный подход при моделировании экономических процессов: методологический аспект: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2010. – 24 с.
4. **Нельсон Р.Р., Винтер С.Дж.** Эволюционная теория экономических изменений. – М.: Дело, 2002. – 536 с.
5. **Карпов Ю.Г.** Имитационное моделирование систем: Введение в моделирование с AnyLogic 5 (+CD). – СПб.: БХВ-Петербург, 2009. – 390 с.
6. **Полтерович В.М., Хенкин Г.М.** Эволюционная модель взаимодействия процессов создания и заимствования технологий // Экономика и математические методы. – 1988. – Т. XXIV, вып. 6. – С. 1071–1083.
7. **Маевский В.** Введение в эволюционную макроэкономику. – М.: Япония сегодня, 1997. – 108 с.
8. **Silverberg G., Verspagen B.** Evolutionary Theorizing on Economic Growth. – URL: <http://webarchive.iiasa.ac.at/Admin/PUB/Documents/WP-95-078.pdf> (дата обращения 03.04.2013).
9. **Iwai K.** Schumpeterian dynamics. P. I: An evolutionary model of innovation and imitation // Journal of Economic Behavior and Organization. – 1984. – V. 5. – P. 159–190.
10. **Суслов В.И.** Модели пространственной экономики: генезис, современное состояние, перспективы // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 2 (78). – С. 3–19.
11. **Тамбовцев В.Л.** Методологический анализ и развитие экономической науки // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 42–53.
12. **Chang-Wook Kim, Keun Lee.** Innovation, technological regimes and organizational selection in industry evolution: A «History Friendly Model» of the DRAM industry // Industrial and Corporate Change. – 2003. – V. 12 (6). – P. 1195–1221.
13. **Malerba F., Nelson R., Orsenigo L., Winter S.** «History-friendly» models of industry evolution: the computer industry // Industrial and Corporate Change. – 1999. – V. 8. – P. 3–40.
14. **Malerba F., Nelson R., Orsenigo L., Winter S.** History-Friendly Models: An Overview of the Case of the Computer Industry II. – URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/4/3/6.html> (дата обращения 03.04.2013).
15. **Dosi G., Fagiolo G., Roventini A.** Schumpeter meeting Keynes: a policy-friendly model of endogenous growth and business cycles // Journal of Economic Dynamics and Control. – 2010. – V. 34, No. 9. – P. 1748–1767.
16. **Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сулакишин С.С.** Применение вычислимых моделей в государственном управлении. – М., 2007. – 304 с.

17. **Fagiolo G., Pyka A.** Agent-Based Modelling: A Methodology for Neo-Schumpeterian Economics. – URL: <http://www.wiwi.uni-augsburg.de/vwl/institut/paper/272.pdf> (дата обращения 12.04.2013).
18. **Tesfatsion L.** Agent-based computational economics: a constructive approach to economic theory // Economics Department, Iowa State University, Ames, IA 50011-1070, 18 December 2005. – 55 p.
19. **Fagiolo G., Dosi G.** Exploitation, exploration and innovation in a model of endogenous growth with locally interacting agents // Structural Change and Economic Dynamics. – 2003. – V. 14. – P. 237–273.
20. **Saviotti S., Pyka A.** Micro and macro dynamics: industry life cycles, inter-sector coordination, co-evolution and aggregate growth // Journal of Evolutionary Economics. – 2008. – V. 18, No. 2. – P. 167–182.
21. **Minho Yoon, Keun Lee.** Agent-based and «History-Friendly» Models for explaining industrial evolution // Evol. Inst. Econ. Rev. – 2009. – V. 6 (1). – P. 45–70.
22. **Dawid H., Harting P.** Capturing firm behavior in agent-based models of industry evolution and macroeconomic dynamics // Applied Evolutionary Economics, Behavior and Organizations / Ed. by Büntorf. – Edward-Elgar, 2010. – P. 103–130.
23. **Dawid H.** Agent-based models of innovation and technological change // Handbook of Computational Economics. V. 2: Agent-Based Computational Economics / Ed. by K. Judd and L. Tesfatsion. – North-Holland, 2005. – P. 1236–1267.
24. **Garavaglia Ch., Malerba F., Orsenigo L., Pezzoni M.** A history-friendly model of the evolution of the pharmaceutical industry: technological regimes and demand structure // Knowledge, Internationalization and Technology Studies Working Paper. – 2010, No. 36. – P. 55.
25. **Итоги** работы угольной промышленности России за 2005–2011 гг.: Аналитические обзоры. – URL: <http://www.ugolinfo.ru> (дата обращения 01.02.2013).
26. **Рынки** энергетических углей России: Информационно-аналитический обзор. – М.: Росинформуголь, 2009. – 60 с.
27. **Экономико-технологические** показатели работы предприятий угольной промышленности за 2005 г. – М.: Росинформуголь, 2005. – 84 с.
28. **Рынок** угля РФ. Энергетический уголь, антрацит, коксующийся уголь. – URL: <http://www.metalexpert-group.com/index.html>, (дата обращения 12.04.2013).
29. **Терловой В.** Обзор рынка энергетического угля – тенденции и факторы влияния. – URL: <http://www.metalexpert-group.com/index.html> (дата обращения 12.04.2013).
30. **BP:** статистический обзор мировой энергетики: Энергетика в 2011 году – шоки и стабильность. – URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения 12.04.2013).
31. **Угольный** сектор РФ: рост мировых цен монетизируют не все. – URL: <http://www.finam.ru/file.asp?id=9447> (дата обращения 12.04.2013).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 17.08.2013 г.

© Марков Л.С., Маркова В.М., Котёлкин Д.Д., 2013

УДК 316: 334.2: 330.15

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 266–280

ВОЗДЕЙСТВИЕ РАДИОАКТИВНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОСТОЧНО-УРАЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ: СОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Б.С. Павлов

Институт экономики УрО РАН

Аннотация

По материалам социологических обследований, проведенных Институтом экономики УрО РАН в 1992–2013 гг. в городах и поселениях Челябинской, Свердловской и Курганской областей, выполнен анализ радиационных рисков и их влияния на уровень социально-психологической напряженности на территориях радиоактивного загрязнения Урала. Показаны степень негативного влияния радиофобии на общественную, трудовую и культурную активность жителей, их семейно-бытовую и репродуктивную деятельность. У значительной части населения, проживающего на радиоактивно загрязненных территориях, формируется особый психологический статус, характеризующийся достаточно высоким уровнем социально-психологической напряженности, пролонгированным психологическим стрессом, преобладанием акцентуированных черт личности, патопсихологическими реакциями и типами психического реагирования.

Ключевые слова: Восточно-Уральская территория радиоактивного загрязнения, здоровье, информация, риски, семья, социально-психологическое самочувствие, реабилитация

Abstract

On the base of the sociologic surveys carried out by the Institute of Economics (Ural Branch of SBRAS) in the cities and communities of Chelyabinsk, Sverdlovsk and Kurgan oblasts, the paper analyzes the nuclear risks and their impacts on the level of the socio-psychological stress observed in the nuclear polluted Ural areas. We show to what degree people's radiophobia negatively impact on their social, labor and cultural activity as well as their family and everyday life and reproduction. Most people living in the nuclear polluted areas have a special psychological status which can be characterized by rather high socio-psychological tonicity, long-lasting stress, dominated accentuated personality traits, and pathologic psychological reactions and types of psychic activity.

Keywords: Eastern Ural areas of nuclear pollution, health, information, risks, family, social-psychological health, rehabilitation

Среди чрезвычайных ситуаций одними из наиболее опасных как по тяжести последствий и масштабам, так и по долговременному действию поражающих факторов являются радиационные аварии. Для России это экологическое бедствие связано в первую очередь с авариями, произошедшими во второй половине XX в. на производствах, использующих и производящих атомное сырье и атомную энергию. Глобальная экологическая катастрофа на Чернобыльской АЭС (1986 г.) послужила своеобразным толчком для снятия грифа «секретно» с документов, свидетельствовавших о масштабах ряда радиационных аварий и их последствий на территории СССР. Особое место в этом ряду занимают аварии, произошедшие в Челябинской области. В результате серии аварий на химкомбинате «Маяк» в период с 1949 по 1967 г. образовалась так называемая Восточно-Уральская территория радиоактивного загрязнения (ВУТРЗ), включающая Челябинскую, Свердловскую и Курганскую области. Радиационно-экологическая ситуация в этом регионе не имеет аналогов.

С 1949 г. на данной территории подвергались радиационному воздействию 436 тыс. чел., в том числе почти половина жителей Челябинской области. По предварительным оценкам, статус пострадав-

ших от радиации имеют право получить 314 тыс. чел. гражданского населения, 24 тыс. военнослужащих, 15 тыс. профессиональных работников химкомбината «Маяк» (у 935 чел. диагностирована хроническая лучевая болезнь).

После установления факта чрезмерного загрязнения речной системы для сбросов среднеактивных стоков предприятием «Маяк» был использован водоем оз. Карачай. Весной 1967 г. в результате ветрового переноса обнажившихся донных отложений с береговой полосы водоема было рассеяно на площади 1,88 тыс. кв. км около 600 кюри¹. В пределах территории, загрязненной в результате ветрового переноса, проживает около 40 тыс. чел. Часть территории ВУТРЗ образована в результате радиоактивного загрязнения от облака радионуклидов, перемещавшегося под действием ветра в северо-восточном направлении от комбината «Маяк» и захватившего территории площадью более 23 тыс. кв. км (см. рисунок).

Институт экономики УрО РАН в 1992–2012 гг. провел ряд обследований для выявления социально-психологических позиций населения ВУТРЗ относительно перманентной радиоактивной опасности, которой люди потенциально подвергаются в процессе своей жизнедеятельности:

ВУТРЗ-1. В сентябре–октябре 1992 г. опрошено 1000 жителей с территории радиоактивного загрязнения («З») в Челябинской области и 1000 – с территорий, сопредельных с ВУТРЗ и чистых от радиоактивного загрязнения («Ч»), а также 500 чел., пострадавших от радиационного облучения, 170 экспертов, 200 рядовых социальных работников. Проведено психофизиологическое обследование 440 чел. на предмет выявления уровня стрессовой социально-психологической напряженности;

ВУТРЗ-2. В декабре 2002 г. опрошено 85 руководителей экологических, национально-культурных общественных объединений и регио-

¹ Кюри (Ки) – такое количество радиоактивного вещества, в котором происходит 37 млрд распадов в секунду. Радиоактивностью в 1 Ки обладает 1 г радия.

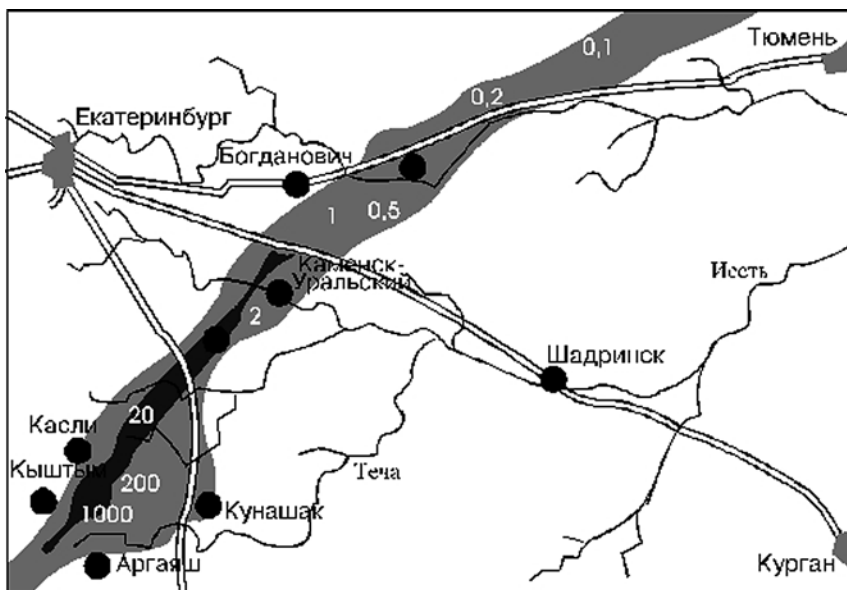

Схема образования Восточно-Уральской территории радиоактивного загрязнения

нальных отделений российских политических партий, действующих в Челябинской, Свердловской и Курганской областях;

ВУТРЗ-3². В 2001–2011 гг. проведены мониторинговые опросы жителей Челябинска, Магнитогорска, Златоуста, Копейска, Сатки, а также Красноармейского и Сосновского сельских районов.

Традиционно в мировой практике для оценки результатов разрушительного воздействия и масштабов потерь, понесенных вследствие природных катастроф, стихийных бедствий или социальных катаклизмов (война, революция, экономический кризис и др.), длитель-

² В каждом опросе по представительной выборке участвовало 1500 жителей области, в их числе основные социально-демографические группы населения: рабочие, служащие, молодежь, пенсионеры, военнослужащие. Опросы проводились под руководством д.э.н. В.Н. Белкина сотрудниками Челябинского филиала ИЭ УрО РАН.

ное время пользовались исключительно понятием *«материальный ущерб»*³. Позднее необходимость более дифференцированного подхода к природным и социальным объектам, подвергшимся разрушению или деформации, потребность в более детальной оценке не только разовых, но и длительных последствий такого воздействия привели к выделению и содержательному формированию новых дефиниций ущерба: *«экологический»*, *«экономический»*, а затем и *«социальный»*. В этом ряду феномен социального ущерба занимает особое место, поскольку имеет своим предметом всю совокупность связей между людьми и их отношений к окружающему миру. В нем интегрированы частные характеристики тех негативных последствий, которые возникают под воздействием разрушающих факторов независимо от того, на какую среду они непосредственно направлены и в какой сфере проявляются.

Опросы свидетельствуют, что самой приоритетной жизненной ценностью для различных групп населения (особенно среднего и старшего возраста) является личное здоровье. Здоровье человека – это прежде всего состояние сохранения и развития его психических и физиологических качеств, оптимальной работоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни. На уровень здоровья населения существенное влияние оказывают медико-биологические характеристики его различных групп, особенности их образа жизни, состояние окружающей среды в прошлом, изменения в формах, степени и продолжительности воздействия факторов внешней среды.

В исследовании проблем здоровья различных групп населения можно выделить три ракурса:

а) самочувствие респондентов во всех видах индивидуального здоровья: физическое, психическое и социально-психологическое; длительное, ежедневное и моментальное;

³ В современной судебной практике, относящейся к сфере конфликтных гражданских отношений, урон, нанесенный чести, достоинству и престижу того или иного лица (юридическому субъекту), квалифицируется как моральный ущерб, имеющий материальный (денежный) эквивалент.

б) отношение к здоровью как жизненной ценности, динамика изменения этого отношения в процессе взросления и на последующих этапах жизни;

в) самооценка условий и факторов, влияющих на здоровье и самочувствие.

Особый аспект рассматриваемой проблемы – *социально-валеологическое самочувствие* населения, пострадавшего от радиационных аварий. Прежде всего зафиксируем статус оседлости наших респондентов. Подавляющее большинство участников опроса ВУТРЗ-1 (более 70%) жили в данном регионе на момент опроса 20 лет и более, для 34% эта загрязненная территория является местом рождения.

Для того чтобы выявить влияние длительного соседства с радиационной опасностью на здоровье людей, в анкету был включен вопрос: «Сказалось ли радиационное воздействие на положение, судьбе вашей семьи?». Судя по ответам респондентов (1000 чел.), соотношение пострадавших от радиации и не пострадавших составляет 2:3. Оценивая эти результаты, необходимо осознавать следующее. С одной стороны, часть респондентов не располагали достаточной информацией о последствиях радиоактивного облучения их самих или их родных. С другой стороны, болезни, инвалидность иного происхождения ассоциировались с радиационным воздействием. И тем не менее необходимо констатировать, что около 60% респондентов считают, что радиоактивное облучение сыграло в судьбе их семьи, близких им людей свою роковую роль.

В задачу опроса входило выявление связи мнений респондентов и уровня потенциальной дозы облучения, которую получили за 30-летний период жители различных поселений ВУТРЗ (табл. 1). В качестве объективного показателя в ВУТРЗ-1 взяты средние эффективные эквивалентные дозы облучения (в бэр⁴) неэвакуированного населения в регионе размещения комбината «Маяк» за период проживания с 1958 по 1990 г.

⁴ Бэр – внесистемная единица эквивалентной дозы ионизирующего излучения. До 1963 г. единица бэр определялась как биологический эквивалент рентгена, отсюда название. Для примера: доза облучения, получаемая при просмотре одного

Таблица 1

Оценка жителями ВУТРЗ последствий влияния радиоактивного заражения на здоровье неэвакуированного населения, % от общего числа опрошенных по каждому поселению

Последствие	Город (доза облучения за период, бэр)				В целом по области
	Озерск (5,0)	Касли (2,5)	Аргаяш (2,1)	Кыштым (1,0)	
Никаких последствий	44	34	35	36	59
Заболели родители	15	15	14	9	8
Заболели родственники	11	15	18	20	17
Заболели дети	9	14	18	12	9
Умер от последствий радиации кто-то из родственников	15	25	23	21	17

На существенно различающихся по уровню загрязнения территориях ВУТРЗ общественное мнение относительно воздействия радиационного облучения на здоровье людей на начало 1990-х годов было практически однозначным. На всех территориях (за исключением Озерска) примерно треть жителей не связывают болезни, ухудшение здоровья и смерть родных и близких с радиоактивным загрязнением. Мнения остальной части респондентов по различным аспектам последствий радиационного облучения для их здоровья и здоровья близких им людей разнятся в значительной степени.

Высокая младенческая смертность в пострадавших от радиационного воздействия сельских районах (Аргаяшский, Кунашакский, Красноармейский и Сосновский) на 17,5% выше, чем в среднем по области [1]. Высокий уровень заболеваемости подростков респираторными заболеваниями, обусловленный иммунодефицитом, несбалан-

хоккейного матча по телевизору, – 1 мкбэр, при рентгенографии зубов – 3 бэр, при рентгеноскопии желудка – 30 бэр, разовое допустимое облучение персонала АЭС – 25 бэр, нижний уровень развития легкой (I) степени лучевой болезни – 100 бэр, тяжелая (III) степень лучевой болезни (летальный исход без специального лечения) – 400 бэр, крайне тяжелая (IV) степень лучевой болезни (летальная доза) – 600 бэр, мгновенная смерть (так называемая гибель «под лучом») – 20 тыс. бэр.

сированным питанием, отсутствием целостной системы физического воспитания и закаливания, ежегодное ухудшение состояния здоровья женщин на 25–30% (рост в 1,3–1,4 раза числа экстрагенитальных и гинекологических заболеваний, анемий у беременных женщин, поздних токсикозов) свидетельствуют о необходимости проведения реабилитационных мероприятий для этих категорий населения в наиболее полном объеме [2, 3].

Реальная и потенциальная характеристики социального самочувствия населения на территориях радиационного риска определяют уровень *социально-психологического напряжения* в этих регионах, возможность обострения конфликтных ситуаций, степень негативного влияния радиофобии на общественную, трудовую и культурную активность жителей, их семейно-бытовую и репродуктивную деятельность. Диагностика социального самочувствия различных групп населения позволяет более обоснованно строить реабилитационную политику на отдельных территориях, дает возможность оценить степень приемлемости и эффективности различных форм, средств и механизмов компенсаций населению пострадавших районов. Доказано, например, что уровень психологического напряжения и тревожности населения в отдаленном периоде определяется не уровнем радиоактивного загрязнения территорий, а субъективным восприятием человеком радиационного риска, в частности восприятием факторов риска, связанных с радиационной аварией в условиях продолжающейся деятельности химкомбината «Маяк» [4].

Степень загрязнения территории (степень риска радиационного облучения) – один из базовых показателей для определения уровня реабилитационных мер. В связи с этим для людей немаловажна достаточно полная и достоверная информация о радиационном фоне той территории, на которой они проживают. В проведенных ИЭ УРО РАН опросах была сделана попытка выяснить степень компетентности жителей ВУТРЗ относительно экологического состояния их среды обитания. Для этого в анкету ВУТРЗ был включен вопрос: «Знают ли жители о допустимых дозах радиоактивного загрязнения продовольствия, воздуха, воды и реальной загрязненности территории?» (табл. 2).

Таблица 2

Степень информированности жителей ВУТРЗ о допустимых дозах радиоактивного загрязнения продовольствия, воздуха, воды и о реальной загрязненности территории, % от общего числа опрошенных

Степень информированности	Население	
	территорий «З»	территорий «Ч»
Знают о допустимых дозах радиоактивного загрязнения:		
продовольствия	14	9
воздуха	27	18
воды	15	8
Знают об уровне факт. радиоактив. загрязненности территории, на которой проживают	25	15
Не ответили на вопрос	51	68

Таблица 3

Степень доверия жителей ВУТРЗ к информации о радиоактивной загрязненности территории, % от общего числа опрошенных

Степень доверия	Население	
	территорий «З»	территорий «Ч»
Доверяют полностью	12	9
Доверяют частично	44	48
Не доверяют	44	43

Есть ряд причин снижения интереса населения к информации о радиационной обстановке в регионе, а именно, замалчивание, искажение информации службами, призванными замерять радиоактивный фон на различных территориях региона. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос анкеты: «Насколько вы доверяете официальной информации о радиоактивной загрязненности территории, на которой вы проживаете?» (табл. 3). Политика замалчивания информации о ра-

диоактивной опасности, которой подвергается население, живущее вблизи объектов атомного производства, сформировала у людей устойчивое недоверие к официальным сведениям. К сожалению, ситуация с правдивостью и оперативностью информации в сфере атомных дел остается во многом прежней.

Опыт ликвидации последствий радиационных аварий в СССР (на Семипалатинском ядерном полигоне в 1949 г., на р. Тече в 1949–1956 гг., на комбинате «Маяк» в 1957 г. и в Чернобыле в 1986 г.), Великобритании (Виндскейл, 1957 г.), США (Три-Майл-Айленд, 1979 г.), Франции (Сент-Лаурент, 1980 г.), Индии (Бхопал, 1984 г.) свидетельствует о том, что информация о радиационных авариях сопровождается возникновением значительного психоэмоционального напряжения и стресса, что обусловлено особенностями восприятия населением факторов радиационного риска и специфичностью возникающих при этом психологических реакций.

Ощущение неопределенности жизненной ситуации порождается растущей проницаемостью современных обществ. Эпоха территориальных границ и иных размежеваний сменилась эпохой сетей и потоков (ресурсных, информационных и иных). Социальные, ресурсные и иные сети обладают выраженным ядром и чрезвычайно размытой периферией. Социальные события, особенно катастрофы, имеют фиксированную дату начала, но цепь их последствий теряется во времени. То же можно сказать и о затратах на борьбу с ними и с другими опасностями. Не только о сроках, но и о самой возможности восстановления разрушенных экосистем ученые никогда не говорят определенно. Сегодня не может быть единственного эксперта по конкретному риску. Мнение одного специалиста перекрывается мнением другого. Кроме того, мнения экспертов так же подвержены предубеждениям, как и мнения общественности, особенно когда эксперты вынуждены выходить за рамки доступных данных и полагаться на интуицию [5].

Подвержены ли жители ВУТРЗ радиофобии? Чтобы получить ответ, в обследовании ВУТРЗ-1 респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Следите ли вы регулярно за информацией о радиоактивной

Таблица 4

**Отношение жителей ВУТРЗ к информации о радиационной опасности,
% от общего числа по каждой группе опрошенных**

Отношение к информации	В целом 1000 чел.	По группам по сроку проживания на ВУТРЗ, лет				
		менее 5	6–10	11–20	21–30	более 30
Следят регулярно	17	9	7	12	21	25
Следят иногда	44	43	55	46	45	43
Не придают особого значения такой информации	18	31	12	21	17	14
Не слышали о такой информации	21	17	26	21	15	17

обстановке в городах и районах области?» (табл. 4). Как видно из результатов опроса, пристально следили за радиационной обстановкой на ВУТРЗ лишь 17% респондентов (кстати, среди их земляков, живущих на «чистых» территориях, число тех, кто регулярно следил за такими показателями, составило 112 из 1000 опрошенных, т.е. 11%). Каждый пятый респондент на ВУТРЗ (21%) не слышал о подобной информации, и примерно такую же долю (18%) составили те, кто не придавал ей особого значения. Анализ показал, что степень загрязненности территории, на которой живет респондент, также практически не влияет на уровень настороженности относительно радиоактивной обстановки.

Прослеживается определенная зависимость: по мере увеличения срока проживания на ВУТРЗ растет относительное число тех, кто не придает особого значения информации о радиации (срок проживания на территории менее 5 лет – 31%, более 30 лет – 14%). Дополнительным подтверждением тому стали события на АЭС «Фукусима-1». По сообщениям в СМИ, уровень радиации вокруг аварийной АЭС в тысячи раз превышал норму. Данные опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, показывают, что большинство россиян не доверяют информации японских властей

о ситуации на АЭС «Фукусима-1». Лишь 19% опрошенных считают, что японские власти объективно и полно информируют о происходящем на аварийной АЭС [6].

Психологи утверждают, что отсутствие у человека информации об опасности, которая его подстерегает и *которую он не может предотвратить*, во многих случаях может быть отнесена к разряду благого неведения. В нашем случае подобное неведение может быть квалифицировано как доказательство антигуманного отношения государства к многим десяткам тысяч людей: оно десятилетиями держало их заложниками секретной атомной политики.

Следует подчеркнуть, что отрицательные последствия радиоактивного загрязнения на ВУТРЗ в начале 1990-х годов волновали проживающее здесь население несколько больше, чем отрицательные, если не сказать бедственные, последствия экономического кризиса, связанного с переходом к рынку. Если рассматривать различные образовательные группы, то сильнее обеспокоены были, с одной стороны, наиболее образованные люди и, с другой стороны, наименее образованные.

А как изменилась ситуация на ВУТРЗ за прошедшие годы реформ? Обратимся к результатам опросов, проведенных в рамках ВУТРЗ-3. Распределение ответов 1500 респондентов на вопрос: «Какие проблемы волнуют вас в наибольшей степени?» – приведены в табл. 5. Вторым вопросом был сформулирован так: «Чувствуете ли вы уверенность в завтрашнем дне?». Распределение ответов на него показано в табл. 6. Как видим, реакции жителей Челябинской области, проживающих на «чистых» и «грязных» территориях, на основные социально-экономические и экологические условия жизни их семей по прошествии полувека после радиационных аварий, практически идентичны. Под натиском актуальных социально-экономических проблем экологическая озабоченность населения как бы отступает на второй план. Однако это вовсе не означает, что проблемы реабилитации радиационно загрязненных территорий кардинально решены.

Можно утверждать, что население, проживающее на Восточно-Уральской территории радиоактивного заражения, оказалось свое-

Таблица 5

**Актуальные проблемы для жителей Челябинской области на начало 2011 г.,
% от общего числа опрошенных в каждой группе**

Актуальные проблемы	В целом по области	Группы				
		Города на территориях «Ч»			Районы на территориях «З»	
		Челябинск	Златоуст	Сатка	Красноармейский	Сосновский
Растущие цены	56	70	78	80	73	71
Экологические проблемы	30	33	20	33	40	19
Рост преступности	34	28	13	20	40	11
Угроза безработицы	39	43	38	40	60	32
Коррупция, взяточничество	32	37	29	40	57	31
Рост наркомании и алкоголизма	28	26	15	20	40	16

Таблица 6

**Самооценка уверенности в завтрашнем дне у жителей Челябинской области,
% от общего числа опрошенных в каждой группе**

Самооценка	В целом по области	Группы			
		Города на территориях «Ч»		Районы на территориях «З»	
		Челябинск	Сатка	Красноармейский	Сосновский
«Да», «скорее да»	25	29	15	33	40
«Нет», «скорее нет»	55	63	62	43	33
Затруднились ответить	21	7	24	23	27

образным заложником радиационного неблагополучия, связанного с авариями прошлых лет. А возможны ли подобные аварии в буду-

шем? Ведь производство, организованное на предприятии «Маяк», продолжает функционировать. Обратимся к прогнозным оценкам экспертов относительно возможности повторения радиационных аварий на Урале (ВУТРЗ-2). Более половины респондентов (62%) высказали мнение, что повторение в будущем радиационных аварий в Уральском регионе *вполне возможно*. Эту возможность эксперты связывают прежде всего со следующими факторами:

- снижение производственно-трудовой дисциплины;
- некомпетентность кадров, отсутствие у них необходимой квалификации и опыта;
- непродуманные управленческие решения, недофинансирование предприятий ядерного комплекса;
- изношенность и устаревание оборудования, снижение технологического уровня эксплуатации и модернизации систем, обеспечивающих эколого-радиационную безопасность;
- угроза осуществления террористических актов;
- усиление сейсмической активности;
- непредвиденные форс-мажорные обстоятельства.

Количество респондентов, утверждающих, что повторение в будущем радиационных аварий в Уральском регионе представляется маловероятным, составляет только 19% от общего числа опрошенных.

* * *

Для значительной части жителей Восточно-Уральской территории радиоактивного заражения, относящихся к различным возрастным когортам, на долгие годы затянулся процесс физического, экономического и социально-психологического выживания в зоне экологического бедствия. Население регионов, оказавшихся в ареале радиоактивного загрязнения, как правило, автоматически становится заложником подобных техногенных аварий, с одной стороны, из-за невозможности (в ближайшей обозримой исторической перспективе) очищения природной среды обитания от радиоактивного загрязнения, а с другой –

из-за отсутствия реальных социально-экономических условий переселения жителей с загрязненных территорий на чистые от радиации.

В сравнительно отдаленном периоде (50-летний лаг) после радиационных аварий у значительной части населения, проживающего на радиоактивно загрязненных территориях, формируется особый психологический статус, характеризующийся достаточно высоким уровнем социально-психологической напряженности, пролонгированным психологическим стрессом, преобладанием акцентуированных черт личности, патопсихологическими реакциями и типами психического реагирования. Это может проявляться в неуверенности в завтрашнем дне, в боязни за будущее детей, в недоверии к органам власти, в распространенности отклоняющихся форм поведения, в недовольстве, раздражительности, в пессимизме, но также и в стремлении к активным действиям для изменения существующих условий.

Литература

1. **Сентюрина Л.Б., Павлов Б.С.** Здоровье детского населения в регионе как социально-валеологическая проблема (на примере городов и поселений Урала). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. – 126 с.
2. **Козлова Н.И.** Социально-экономические проблемы оценки ущерба от радиационной чрезвычайной ситуации. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. – 253 с.
3. **Павлов Б.С.** Социальные проблемы региона: состояние, стратегия действий // Вестник Челябинского университета. Сер. 8: Экономика, социология, социальная работа. – 2002. – № 1. – С. 5–11.
4. **Павлов Б.С., Пацула А.В., Бердник Л.П.** Экологическое самочувствие населения как условие развития техногенно опасных производств. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2005. – 94 с.
5. **Яницкий О.Н.** Экологическое движение в России: критический анализ. – М.: Институт социологии РАН, 1996. – 216 с.
6. **Опрос:** россияне не доверяют информации с японской АЭС. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/04/110404_russia_japan_poll.shtml (дата обращения 11.04.2011).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 12.08.2013 г.

© Павлов Б.С., 2013

УДК 332.142+338.24

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 281–299

РЫНОЧНАЯ ВЛАСТЬ КРУПНЫХ КОРПОРАЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РАЗЛИЧИЯ

А.Т. Юсупова

ИЭОПП СО РАН,

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Аннотация

Рыночная власть крупных корпораций исследуется с помощью показателей устойчивости и стабильности лидерства. Расчеты выполнены по открытым данным, публикуемым журналом «Эксперт», использована информация по лидирующим корпорациям России, Казахстана и ряда российских регионов. Для выделения лидеров применены показатели объема продаж, прибыльности, уровня капитализации, роста объемов реализации. Выявлена неоднородность характеристик лидерства в регионах, сделаны предположения относительно дальнейшего развития и распределения рыночной власти.

Ключевые слова: крупные корпорации, рыночная власть, устойчивость и стабильность лидирующего положения

Abstract

We analyze market power of large firms through application of indicators for tracking the quality and stability of leadership. Our calculations are made on the open source data published by Expert Journal (Russia) concerning the leading corporations in Russia, Kazakhstan, and a number of Russian regions.

To identify leaders, we use such indicators as business sales, profit-earning capacities, level of capitalization, and turnover growth. We can state that the characteristics of leadership are regionally heterogeneous. We also present our estimates of the further development and redistribution of market power.

Keywords: large firms, market power, quality and stability of leadership

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Традиционно в формировании основных тенденций развития российской экономики заметную роль играют предприятия крупного бизнеса. Большинство рынков характеризуется наличием таких акторов, которые становятся явно выраженными лидерами, значительно отличаются от остальных по большей части индикаторов поведения, занимают, как правило, доминирующее положение, на их решения ориентируются другие участники, именно эти акторы определяют структуру и направления дальнейшего развития как отдельных рынков и секторов, так и экономики в целом. Чаще всего такие компании, функционируют в форме корпораций [1]. Подобная особенность характерна не только для России, крупные компании играют важную роль в национальной экономике любой страны. Как правило, они располагают значительным инвестиционным потенциалом, имеют возможности развития инновационной активности [2, 3].

В России в силу специфики исторического развития, с одной стороны, и в результате современных интеграционных процессов – с другой, роль лидеров особенно значима [4]. Так, согласно нашим расчетам, суммарный объем реализации 20 крупнейших корпораций страны в докризисном 2007 г. составлял 37% ВВП, доля 10 лидеров – 28%. В посткризисном 2010 г. эти величины несколько выросли и были на уровне 38 и 30% соответственно¹. На рисунке 1 показано, какую долю занимают одна, три, пять, 20 и 50 крупнейших компаний в общем объеме реализации 400 лидеров (эти доли можно интерпретировать как условные коэффициенты концентрации CR_1 , CR_3 , CR_5 , CR_{20} , CR_{50}).

¹ В расчетах использовались данные Федеральной службы государственной статистики и журнала «Эксперт».

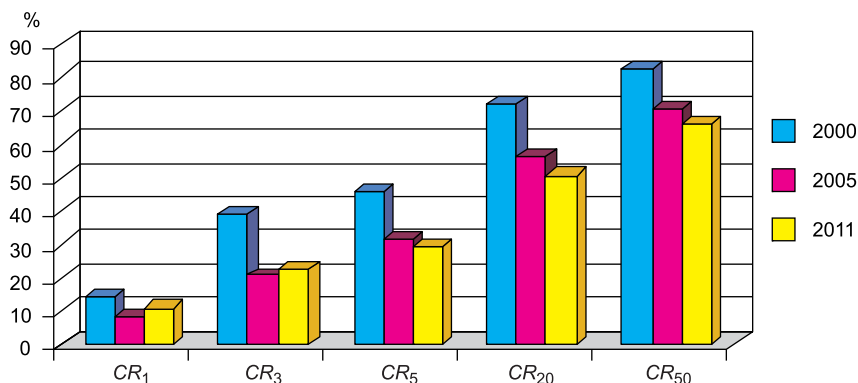

Рис. 1. Концентрированность множества 400 российских корпораций, лидирующих по объемам реализации

Результаты расчетов показывают, что множество крупных компаний характеризуется неоднородностью. Из 400 корпораций на долю первых двадцати в 2011 г. приходилась почти половина всего объема реализации. Представленные на рис. 1 данные подтверждают, что на большинстве рынков есть явно выраженные лидеры. По сравнению с 2000 г. доминирование лидеров в целом несколько сгладилось. При этом доля пяти, 20 и 50 крупнейших фирм уменьшалась в течение всего рассматриваемого периода. Значения коэффициентов CR_1 и CR_3 увеличились с 2005 по 2011 г., однако они во многом подвержены влиянию различных «нерыночных» причин. Эти обобщенные данные отражают сложные процессы, происходящие в группах лидеров, которые не могут не отразиться и на рыночной конъюнктуре, и на получаемых результатах.

Крупные компании обычно обладают значительной властью, которая позволяет при принятии основных стратегических решений руководствоваться монопольными, а не конкурентными правилами, что влечет за собой возможность получать дополнительную прибыль. Ведущие игроки рынка традиционно привлекают внимание, их поведение тщательно отслеживается и анализируется. Перечень крупнейших компаний непостоянен, он меняется во времени под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. Этот вывод имеет и тео-

ретическое, и эмпирическое обоснование. Согласно основам классической теории отраслевых рынков этот аспект обязательно должен быть учтен при анализе рыночной структуры [5]. Есть целый ряд исследований, посвященных стабильности групп крупнейших американских корпораций. Наиболее известное из них выполнено Н. Коллинзом и Л. Престоном [6], которые показали, что список лидеров изменчив, движение в нем определяется рядом факторов, в первую очередь характеристиками спроса.

Характер лидирующего положения корпораций, степень доминирования, уровень рыночной власти тоже меняются, что неизбежно отражается как на положении отдельной фирмы, так и на структуре рынка в целом. Характеристики лидерства и рыночной власти представляют собой важную информацию для анализа уровня и особенностей конкуренции, для определения перспектив дальнейшего развития рынков.

МЕТОДИЧЕСКАЯ СХЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Используя подходы классической теории отраслевых рынков, мы обратились к характеристикам устойчивости и стабильности состава групп лидирующих компаний. Мы отталкиваемся от предпосылки о том, что если компания лидирует на рынке по нескольким критериям (объем реализованной продукции, величина чистой прибыли, уровень капитализации и др.), то ее положение можно назвать устойчивым. Наличие таких лидеров является индикатором того, что структура рынка сформирована, тенденции его дальнейшего развития можно прогнозировать, ориентируясь на поведение ведущих компаний. Взаимодействуя с этими игроками, государство может оказывать влияние на развитие рынка. Если же группы крупнейших фирм не пересекаются, то лидерство на рынке неустойчиво, его структура отличается высоким уровнем неопределенности. Таким образом, для оценки особенностей лидерства мы определяли характер пересечения выбранных множеств. Подробно предлагаемая методология описана в нашей публикации [7].

Для анализа использовались группы из 20 и 5 российских лидеров, межрегиональные сравнения проводились на основе данных о 10 ведущих корпорациях. Степень изменчивости списка крупнейших фирм во времени мы называем стабильностью лидерства, которая оценивается аналогичным образом на основе сопоставления множеств компаний, лидирующих в разные годы. Здесь критерием лидерства выступает один показатель. Конечно, полученные результаты существенно зависят от того, какие именно критерии лидерства выбраны, это учитывается при анализе и интерпретации результатов. Таким образом, особенности лидерства и рыночной власти мы предлагаем исследовать на основе характеристик устойчивости и стабильности положения ведущих игроков. Безусловно, это не единственная и не исчерпывающая оценка, однако данная информация представляет большой интерес и дает основания для определенных выводов относительно текущего состояния и перспектив развития рынков.

В качестве количественного индикатора устойчивости (стабильности) мы предлагаем использовать специальный коэффициент устойчивости (стабильности) лидерства SC , рассчитываемый по формуле

$$SC = 1 - \frac{N_{\text{fact}} - N_{\text{min}}}{N_{\text{max}} - N_{\text{min}}},$$

где N_{fact} – фактическое число лидеров, вошедших во все анализируемые множества; N_{min} – минимально возможное число лидеров, вошедших во все анализируемые множества (например, если рассматриваются пятерки лидеров, то это 5, если двадчатки – то 20); N_{max} – максимально возможное число лидеров, вошедших во все анализируемые множества (например, если рассматриваются пятерки лидеров, выделяемые по трем критериям, то это 15, если двадчатки – то 60).

N_{min} совпадает с размером каждой рассматриваемой группы лидеров (пятерка, десятка, двадчатка и т.д.), т.е. с числом крупнейших компаний, выбираемых для анализа по различным критериям. Это аналог величины n (количество лидеров) в классических коэффициентах концентрации.

N_{\max} количественно равен значению N_{\min} , умноженному на число используемых критериев лидерства, $N_{\min} = N_{\min} \cdot k$, где k – число критериев.

Значение коэффициента находится в интервале от 0 до 1. Если коэффициент равен 0, то имеет место неустойчивое (нестабильное) лидерство, если он равен 1, то лидерство является абсолютно устойчивым (стабильным). Отметим, что хотя характеристики устойчивости и стабильности лидирующего положения имеют отношение к отдельным фирмам, предлагаемые коэффициенты являются интегральными, отражают ситуацию на рынке в целом.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Описанная схема была применена для анализа позиций корпораций, лидирующих в масштабах национальной экономики в целом и в пределах отдельных регионов. В качестве эмпирической базы были взяты открытые данные ежегодных рейтингов крупнейших компаний, публикуемые журналом «Эксперт» и его региональными агентствами по Казахстану, Сибири, Уралу, Югу, Северо-Западу. Для анализа мы выбрали 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. Таким образом, рассматриваемый интервал включает и год, относящийся к периоду общего экономического подъема, и годы нестабильности внешней среды. Для каждой временной точки формировались группы фирм, которые затем сопоставлялись между собой, на основе результатов сравнений рассчитывались описанные выше коэффициенты. Анализировались данные по России в целом, по отдельным российским регионам (Сибирь, Урал, Юг, Северо-Запад) и по Казахстану, т.е. были проведены межрегиональные и межстрановые сравнения. В таблице 1 представлена общая характеристика данных, использованных для расчетов.

При определении критериев выделения лидеров учитывались значимость критериев для анализа рыночного положения корпорации и доступность открытой информации. Показатель динамики означает рост объемов реализации компании по сравнению с предыдущим го-

Таблица 1

Характеристика использованных данных по анализируемым регионам

Условия проведения расчетов	Казахстан	Регионы России				
		Юг	Северо-Запад	Урал	Сибирь	Россия
Количество лидеров, представленных в рейтинге	100	250	250	400	400	400
Анализируемый период	2008–2011	2007–2011	2007–2011	2008–2010	2007–2011	2007–2011
Критерии определения лидеров	Объем реализации, чистая прибыль, динамика реализации			Объем реализации, рентабельность, динамика реализации	Объем реализации, динамика реализации, чистая прибыль, рентабельность	Объем реализации, чистая прибыль, балансовая прибыль, уровень капитализации, динамика реализации
Размер группы лидеров (число фирм)	10					5, 10, 20

дом. Для оценки результатов деятельности и прибыльности использовались различные индикаторы, они приведены в табл. 1. Поскольку итоговые коэффициенты стабильности и устойчивости лидерства являются величинами относительными, проводимые сравнения представляются правомерными. Основной анализ выполнялся по данным о 10 ведущих игроках, некоторые сравнения по России в целом сделаны для лидирующих пятерок и двадцаток.

Отметим, что крупнейшие компании всегда являются объектом пристального внимания исследователей и аналитиков. Кроме тех рейтингов, которые были использованы для наших расчетов, есть и множество других. В частности, отметим рейтинг Global 2000, со-

ставляемый на основе баз данных Thomson Reuters Fundamentals Worldscope с помощью системы FactSet Research. Компании ранжируются по следующим показателям: объемы продаж, величина прибыли, стоимость активов и капитализация. При определении рейтинга учитывается информация по фирмам, акции которых публично торгуются. В марте 2011 г. в этот список 2000 крупнейших корпораций входило 26 российских, по итогам 2012 г. в нем было уже 28 отечественных компаний. Все они учитывались нами при расчете характеристик лидерства, поскольку мы использовали для выделения лидеров аналогичные критерии.

Завершая описание исходной информации, приведем общую характеристику исследуемых множеств компаний. На рисунке 2 представлены полученные значения показателя однородности HI (Homogeneous Indicator), который рассчитывался по формуле

$$HI = \sum_{i=1}^N S_i^2,$$

где S_i – доля i -й фирмы в общей величине реализации всех N компаний (400, 100 или 250 соответственно), участвующих в рейтинге. По существу, это аналог индекса Херфиндаля – Хиршмана. Мы исполь-

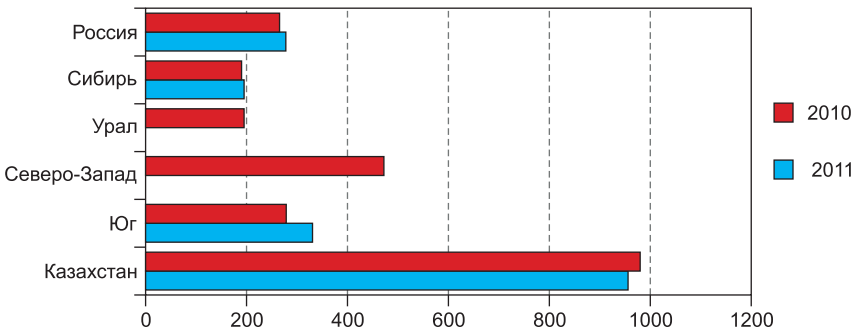

Рис. 2. Показатель однородности множеств ведущих компаний (HI)²

² Графики, представленные на рис. 2 и 5–8, построены автором с использованием данных, опубликованных в работах [8–13].

зуем данный показатель для оценки однородности множества, поскольку для него (как и для индекса Хиршмана) справедливо следующее соотношение: $HI = \frac{1}{N} + \delta^2$, где N – число фирм (400, 100 или 250),

а δ – среднеквадратическое отклонение их долей. Содержательно этот индикатор отражает, насколько компании, вошедшие в рейтинг, близки друг к другу по объемам реализации. Если значение показателя высоко, то разрыв между фирмами значителен. В практике антимонопольного регулирования многих стран принято выделять определенные условные границы (конечно, точные значения зависят от страны, периода и рынка). Так, считается, что значение показателя менее 1000 соответствует слабоконцентрированной структуре, в нашем случае – относительно однородному множеству фирм. Высокий индекс (более 1800) характерен для концентрированной структуры, т.е. для неоднородного множества, при этом имеет место явный отрыв лидеров от среднего уровня.

В целом множества ведущих компаний относительно однородны, значения коэффициентов как по России в целом, так и по отдельным регионам далеки от 1000. Эта особенность сочетается с высокими коэффициентами концентрации, показанными на рис. 1. Подобная структура типична для многих российских рынков. Неоднородность множества ведущих фирм в Казахстане значительно выше. Однако и российские регионы в этом плане не одинаковы: можно выделить относительно менее однородные множества компаний на Юге и Северо-Западе и относительно более однородные – на Урале и в Сибири. Рассмотрим, насколько это влияет на особенности лидерства.

УСТОЙЧИВОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ ВЕДУЩИХ КОРПОРАЦИЙ

На рисунке 3 представлены характеристики устойчивости лидерства, рассчитанные по России в целом. Здесь выделялись двадцатки и пятёрки фирм, лидирующих по следующим критериям: объем реализации продукции, величина балансовой прибыли и уровень капитализации.

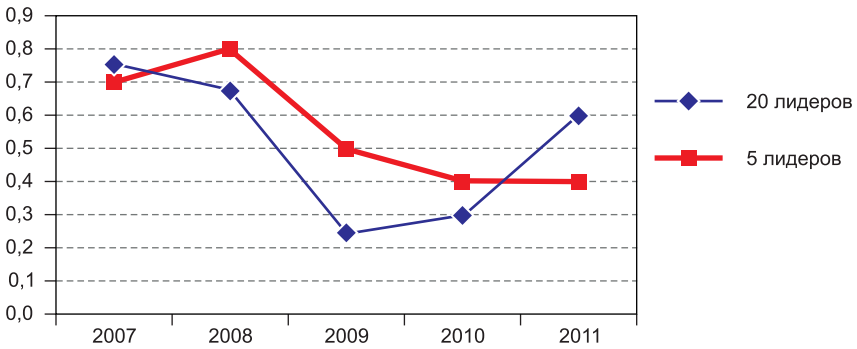

Рис. 3. Динамика коэффициентов устойчивости (SC) положения российских лидеров

Результаты расчетов показывают, что в целом по России в 2007 и 2008 гг. устойчивость лидерства была достаточно высока, т.е. одни и те же фирмы являлись самыми крупными по разным критериям. Из наших предыдущих расчетов видно, что такая тенденция наблюдалась с 1995 г. Это можно считать индикатором сформировавшейся структуры, при которой уровень конкуренции не может быть высоким, а ее характер далек от совершенной. Крупные корпорации, безусловно, обладают высокой рыночной властью. Отмеченная особенность характерна как для двадцаток, так и для пятерок лидеров. При этом устойчивость у пяти крупнейших фирм в 2008 и 2009 гг. была выше, чем у двадцати. В 2010 г. произошло значительное падение устойчивости. Такую динамику можно объяснить реакцией на общую нестабильность: в кризисных и посткризисных условиях фирмам стало сложно удерживать ведущие позиции по всем направлениям. Последовавшее далее общее оживление экономики привело к тому, что в 2011 г. наметился новый рост коэффициентов. Обратим внимание на то, что ряд корпораций фактически аффилированы друг с другом (например, «Газпром» и «Газпромнефть»), но формально они являются самостоятельными субъектами и результаты их деятельности учитываются автономно, т.е. реальная устойчивость лидерства, вероятно, выше той, что получена в расчетах.

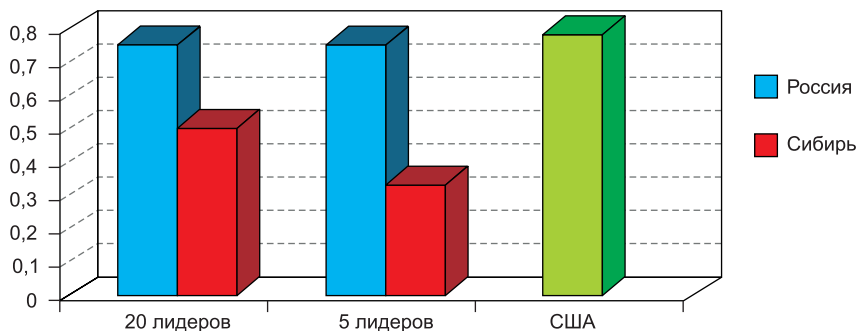

Рис. 4. Коэффициенты стабильности лидерства

Рисунок 4 отражает стабильность лидерства в течение долгосрочного периода, здесь учтены данные с 1995 г. по России в целом и по Сибирскому региону. При расчете стабильности выбирались компании, лидирующие по объемам реализации. Эти данные в меньшей степени подвержены влиянию кризиса. В целом показатели стабильности оказались достаточно высокими.

Для сравнения мы рассчитали значение аналогичного коэффициента, используя данные упомянутого выше исследования Н. Коллинза и Л. Престона (на рис. 4 США представлены отдельным столбцом). Для США это значение оказалось несколько выше (0,78), чем для России (0,75). Однако учитывая то, что для расчета этого коэффициента брались данные по 100 крупнейшим американским корпорациям, а временной период был значительно шире, можно предполагать, что стабильность списка российских лидеров даже выше стабильности списка американских. Отметим, что общероссийский показатель был бы еще выше, если бы не определенное государственное вмешательство (дело компании ЮКОС). Стабильность групп сибирских лидеров ниже, чем у ведущих компаний по России в целом. При этом в целом по России стабильность групп пяти и 20 крупнейших компаний одинакова. Пятерка сибирских лидеров была более изменчивой, чем двадцатка.

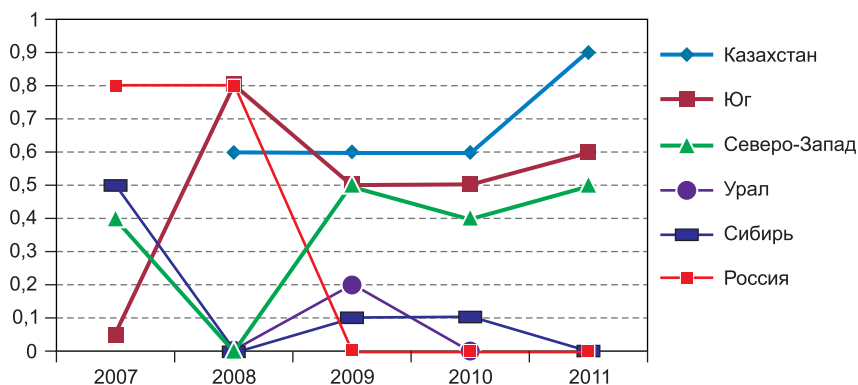

Рис. 5. Межрегиональные сравнения устойчивости лидерства десятки компаний по объему реализации и прибыльности без учета динамики

Результаты межрегиональных сравнений представлены на рис. 5 и 6, здесь же отражена ситуация в Казахстане. Как показано в табл. 1, в этом сюжете рассматривались десятки лидеров. Рисунок 5 не учитывает динамику, т.е. для расчета коэффициента выделялись группы лидеров по объемам реализации и прибыльности, а данные рис. 6 включают еще и показатель роста объемов реализации. Можно предположить, что наиболее динамичными будут далеко не самые крупные и прибыльные корпорации.

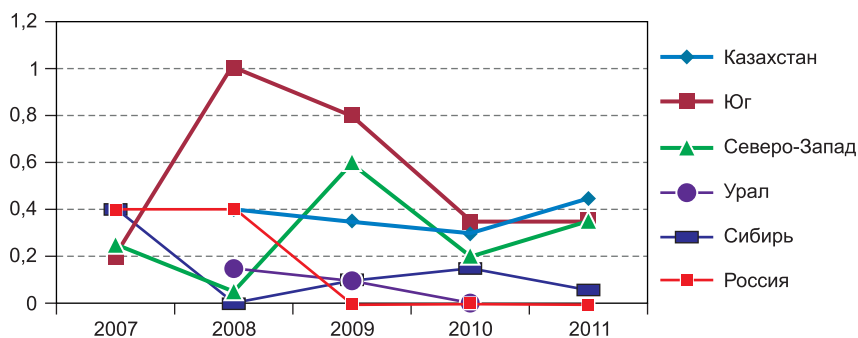

Рис. 6. Межрегиональные сравнения устойчивости лидерства десятки компаний по объему реализации и прибыльности с учетом динамики

Полученные результаты дают основания утверждать, что характеристики устойчивости лидерства в регионах различны. В Казахстане устойчивость с 2008 г. была выше, чем в России в целом и в каждом из рассмотренных российских регионов в отдельности. В 2009, 2010 и 2011 гг. четко выделяется группа регионов (Сибирь и Урал) с неустойчивым лидерством, сюда же относится Россия в целом, в ряде случаев имеют место даже нулевые значения коэффициентов. Другая группа включает регионы с более устойчивым лидерством, в нее вошли Юг и Северо-Запад. Именно эти регионы отличаются большей неоднородностью множества крупнейших компаний (см. рис. 2), т.е. можно предполагать наличие в них явно выраженных устойчивых лидеров, обладающих высокой рыночной властью. В 2007 г., когда появились результаты благополучного развития растущей экономики, устойчивость лидерства по России в целом была достаточно высока (0,8). Относительно высокой (по сравнению с последующими годами) она была также на Урале и в Сибири. В 2008 г. под влиянием кризиса в этих регионах ситуация резко изменилась, произошло существенное падение коэффициентов. В России в целом этот спад проявился на год позже, что можно объяснить наличием резервных возможностей у национальных гигантов. Интересно отметить, что на Юге, наоборот, под влиянием кризиса произошел резкий рост устойчивости лидерства в 2008 г., что могло быть результатом и поведения ведущих фирм, и политики региональных органов государственной власти.

Следует также обратить внимание на то, что данные рис. 5, относящиеся к России в целом, отличаются от представленных на рис. 3, иллюстрирующем относительно высокую устойчивость положения ведущих национальных корпораций. Это различие показывает значимость использованных в расчетах критериев лидерства и размера групп. Так, на рис. 3 представлены пятерки и двадцатки крупнейших фирм, а на рис. 5 – десятка. Однако основное содержательное объяснение различий связано не с размером группы, а с выбором критериев. Высокая устойчивость была получена за счет учета капитализации, т.е. наиболее крупные по критерию реализации компании характери-

зуются и более высоким уровнем капитализации, не обязательно имея при этом высокую прибыльность.

На рисунке 6 показаны результаты расчетов, учитывающих рост объемов реализации у лидеров. Группировка регионов в зависимости от уровня устойчивости аналогична той, что можно было сделать по рис. 5. Выделяются менее устойчивые Сибирь, Урал и Россия в целом и более устойчивые Юг, Северо-Запад и Казахстан. Мы предполагали, что показатели устойчивости с учетом динамики должны быть ниже тех, которые представлены на рис. 5. Для большинства регионов это подтвердилось, однако для Юга соотношение коэффициентов оказалось иным, а в отдельные периоды очень близкими показатели устойчивости с учетом динамики и без нее были по Сибири и Северо-Западу.

Рисунки 7 и 8 отражают коэффициенты стабильности лидерства, рассчитанные за период с 2007 по 2011 г. Лидерство по показателю динамики объема реализации значительно менее стабильно, что вполне ожидаемо и объяснимо: одни и те же компании крайне редко являются лидерами по темпам роста объемов реализации в течение длительного периода. Наиболее стабильным оказалось лидерство по объемам реализации по России в целом. Регионы, которые вошли в группу с более высокой устойчивостью лидерства (Юг и Северо-Запад), по показателю стабильности (см. рис. 7) демонстрируют, наоборот, самые низкие значения коэффициентов стабильности. Можно предпо-

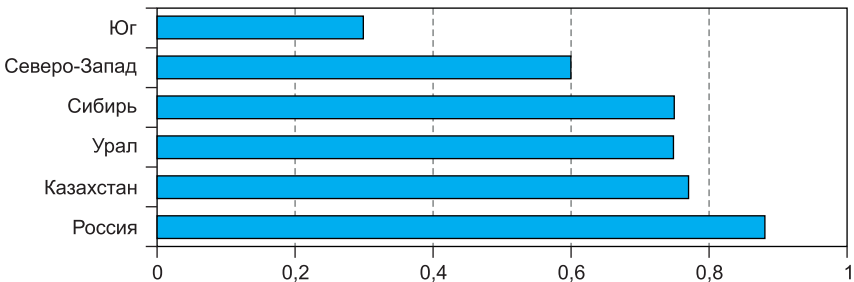

Рис. 7. Межрегиональные сравнения стабильности лидерства по критерию величины реализации за период 2007–2011 гг.

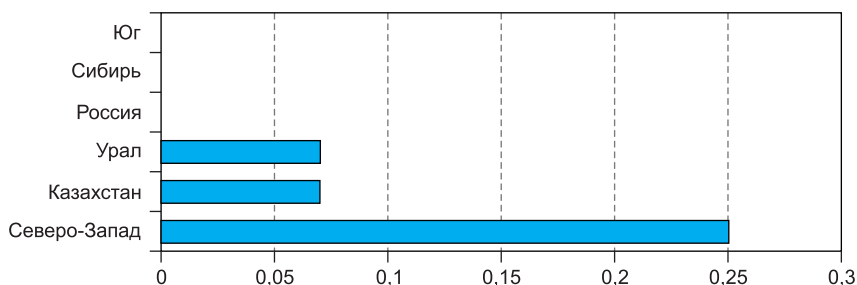

Рис. 8. Межрегиональные сравнения стабильности лидерства по критерию динамики величины реализации за период 2007–2011 гг.

лагать, что в ближайшие годы распределение рыночной власти на этих территориях может измениться.

Относительно высокие показатели стабильности в Казахстане. В сочетании с отмеченной ранее высокой устойчивостью лидерства это дает основания предполагать, что сложившаяся ситуация будет сохраняться в течение ближайшего времени, на рынке в перспективе будут заметны те же лидеры, что и сейчас.

На рисунке 8 показано, что стабильность лидерства по критерию роста реализации равна нулю по России в целом, Сибири и Югу. Это означает, что каждый год самыми динамичными становятся разные компании. Наиболее высокое значение коэффициента было получено для Северо-Запада (хотя абсолютная величина показателя равна всего 0,25). Учитывая данные, представленные на предыдущих рисунках, можно предполагать, что компании-лидеры в данном регионе одновременно являются и растущими, и прибыльными (относительно высокие показатели устойчивости), что отражает благоприятную общую ситуацию. Конечно, рассчитанных коэффициентов недостаточно для окончательных выводов касательно особенностей развития ведущих компаний. Следует учитывать и анализировать множество других факторов и индикаторов. С нашей точки зрения, большое влияние оказывает отраслевая принадлежность лидеров.

В таблицах 2 и 3 показано, к каким отраслям относятся компании, лидировавшие в 2011 г. по объемам реализации и величине чистой

Таблица 2

Отраслевая принадлежность десятки лидеров по объемам реализации в 2011 г.

Казахстан	Юг	Северо-Запад	Урал	Сибирь	Россия
Многоотраслевые холдинги – 1 Нефт. и нефтегаз. промышленность – 6 Горно-металлург. промышленность – 3	Розничная торговля – 2 Нефт. и нефтегаз. промышленность – 3 АПК – 1 Черная металлургия – 1 Оптовая торговля – 1 Транспорт и логистика – 2	Нефт. и нефтегаз. промышленность – 2 Черная металлургия – 1 Банки – 1 Телекоммуникации и связь – 1 Хим. и нефтехим. промышленность – 1 Машиностроение – 2 Розничная торговля – 2	Нефт. и нефтегаз. промышленность – 5 Черная металлургия – 1 Транспорт и логистика – 1 Хим. и нефтехим. промышленность – 2 Цветная металлургия – 1	Цветная металлургия – 1 Нефт. и нефтегаз. промышленность – 2 Черная металлургия – 1 Оптовая и розничная торговля – 1 Энергетика – 1 Угольная промышленность – 1 Транспорт и логистика – 1 Энергетика – 1 Машиностроение – 1	Нефт. и нефтегаз. промышленность – 5 Транспорт и логистика – 2 Банки – 1 Многоотраслевые холдинги – 1 Электроэнергетика – 1
Всего отраслей – 3	Всего отраслей – 6	Всего отраслей – 7	Всего отраслей – 5	Всего отраслей – 9	Всего отраслей – 5

Таблица 3

Отраслевая принадлежность десятки лидеров по величине чистой прибыли в 2011 г.

Казахстан	Юг	Северо-Запад	Урал	Сибирь	Россия
Многоотраслевые холдинги – 3 Нефт. и нефтегаз. промышленность – 2 Оптовая и розничная торговля – 3 Электроэнергетика – 1 Табачная промышленность – 1	Нефт. и нефтегаз. промышленность – 3 АПК – 1 Черная металлургия – 1 Оптовая торговля – 2 Розничная торговля – 1 Транспорт и логистика – 2	Нефт. и нефтегаз. промышленность – 3 Черная металлургия – 2 Табачная промышленность – 1 Пищевая промышленность – 1 Цветная металлургия – 1 Лесная, деревообработка и целл.-бум. промышленность – 1 Угольная промышленность – 1	Нефт. и нефтегаз. промышленность – 6 Хим. и нефтехим. промышленность – 1 Черная металлургия – 2 Цветная металлургия – 1	Цветная металлургия – 1 Нефт. и нефтегаз. промышленность – 3 Промышленность драг. металлов – 1 Угольная промышленность – 4 Хим. и нефтехим. промышленность – 1	Розничная торговля – 1 Электроэнергетика – 1 Машиностроение – 2 Черная металлургия – 1 Цветная металлургия – 1 Нефт. и нефтегаз. промышленность – 2 Угольная промышленность – 1 Пищевая промышленность – 1
Всего отраслей – 5	Всего отраслей – 6	Всего отраслей – 7	Всего отраслей – 4	Всего отраслей – 5	Всего отраслей – 8

прибыли. Приведенные в таблицах данные свидетельствуют о том, что лидеры в основном работают в стратегически значимых отраслях, прежде всего в нефтяной и нефтегазовой промышленности. Эта сфера присутствует в отраслевой принадлежности лидеров во всех рассмотренных российских регионах и в России в целом. При этом наиболее диверсифицированной оказалась отраслевая структура десятки лидеров по объемам реализации в Сибирском регионе, наименее диверсифицированной – в Казахстане. По величине чистой прибыли отраслевое представительство в группе 10 ведущих корпораций в целом более разнообразно, чем по объему реализации. Исключение составляет Сибирь: здесь наиболее прибыльные фирмы относятся к пяти отраслям, а самые крупные по объемам реализации – к девяти. В таблице 3 также широко представлена нефтяная и нефтегазовая промышленность.

* * *

Мы провели анализ положения корпораций, занимающих лидирующие места на уровне национальной экономики и в отдельных регионах. В качестве основного индикатора рыночной власти использовались показатели устойчивости и стабильности лидирующего положения. Результаты расчетов свидетельствуют, что в условиях стабильной и растущей экономики показатели устойчивости лидерства достаточно высоки. В кризисной ситуации крупнейшие корпорации не могут сохранять ведущее положение одновременно по ряду критериев, уровень рыночной власти снижается. Ситуация в регионах не одинакова, есть примеры более и менее устойчивого лидерства. Сочетание устойчивого и стабильного лидерства дает основание предполагать, что существующие тенденции экономического развития и распределение рынка сохранятся. К регионам с таким лидерством, по нашим данным, может быть отнесен Северо-Запад. В остальных случаях ситуация характеризуется более высоким уровнем неопределенности. Как на уровне национальной экономики в целом, так и в регионах есть примеры абсолютно

неустойчивого, нестабильного лидерства; в этих случаях имели место нулевые значения предложенных коэффициентов.

Литература

1. **Российская** корпорация: внутренняя организация, внешние взаимодействия, перспективы развития / Гос. ун-т Высшая школа экономики; под ред. Т.Г. Долгопятовой, И. Ивасаки, А.А. Ковлева. – 2-е изд. – М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2009. – 542 с.
2. **Не едкин В.И.** Крупные корпорации в регионе: pro et contra // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 229–251.
3. **Предприятия** и рынки в 2005–2009 годах: Итоги двух раундов обследования российской обрабатывающей промышленности: Докл. к I междунар. науч. конф. ГУ ВШЭ. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. – 150 с.
4. **Голикова В.В., Гончар К.Р., Кузнецов Б.В.** Влияние глобализации на поведение российских промышленных предприятий // II Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – Кн. 4. – . 21–30.
5. **Crerar R., Ross J.** Industrial Market Structure and Economic Performance. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1991. – 714 p.
6. **Oster L., Reston J.** The size structure of the largest industrial firms // American Economic Review. – 1961. – . 51. – P. 986–1011.
7. **Юсупова А.Т.** Структурные особенности современных российских отраслевых рынков // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 175–194.
8. **Рейтинг** крупнейших компаний «Эксперт-400». 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. – URL: <http://gaexpert.ru/ratings/expert400> (дата обращения 01.07.2013).
9. **400** крупнейших компаний Сибири, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. – URL: <http://expert.ru/siberia> (дата обращения 01.07.2013).
10. **400** крупнейших компаний Урала и Западной Сибири, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. – URL: <http://expert.ru/ural> (дата обращения 01.07.2013).
11. **Крупнейшие** компании Северо-Запада в рейтинге топ-250, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. – URL: <http://expert.ru/northwest/> (дата обращения 01.07.2013).
12. **200** крупнейших компаний ЮФО 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. – URL: <http://expert.ru/south/> (дата обращения 01.07.2013).
13. **100** крупнейших казахстанских компаний 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. – URL: <http://expertonline.kz/mag/> (дата обращения 01.07.2013).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 24.07.2013 г.

© Юсупова А.Т., 2013

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

Е.А. Колобова, Ю.М. Киселев, А.Д. Колобов

ИЭОПП СО РАН

Аннотация

Обосновывается необходимость разработки модели механизмов управления экономической и социальной деятельностью. Анализируется применение современных механизмов управления. Исследуется среда производственно-экономических систем как пространство действия механизмов. Разработана модель социально-экономических механизмов, рассмотрены компоненты среды, в которой проектируются механизмы. Предложена схема пошаговой методики проектирования производственно-экономических процессов.

Ключевые слова: проектирование, социально-экономические механизмы, модель, среда и условия деятельности

Abstract

The paper shows a necessity to develop a model of mechanisms to manage the economic and social activity. We analyze the application of the current management mechanisms and environment of the economic systems considered as a space where such mechanisms are applied. We present our model of socio-economic mechanisms; describe the elements of the environment where the mechanism are designed; and offer a scheme of a step-by-step technique for designing economic and management processes.

Keywords: designing, socio-economic mechanisms, model, environment and conditions for activity

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Консалтинговая компания «Bain&Company» ежегодно начиная с 1993 г. проводит опрос топ-менеджеров компаний многих стран о том, какие инструменты управления они используют и какова их эффективность. В опросе выясняется отношение респондентов к 25 инструментам, список которых уточняется каждый год [1]. Для включения в вопросник инструменты должны применяться на уровне высших менеджеров, быть актуальными и измеримыми. Выявляя, какие инструменты компании используют, в каких обстоятельствах и насколько менеджеры удовлетворены результатами, опрос помогает руководителям правильнее выбрать, внедрить и применить инструменты для улучшения менеджмента. Результаты 12 выполненных опросов с привлечением около 10 тыс. респондентов позволили проследить изменение эффективности инструментов управления за прошедшие годы. В ходе опроса менеджеров просят оценить важность различных аспектов бизнеса. В результате выявляется мнение управленцев об изменении приоритетов в менеджменте.

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о разнообразии инструментов управления. Частота их применения – количество компаний, использующих те или иные инструменты, варьирует от 10 до 76%. Удовлетворенность, или полезность, оцениваемая по 5-балльной шкале, не совпадает с рейтингом инструментов по частоте их применения. К примеру, бенчмаркинг, занимающий первую позицию по частоте применения (76%), по шкале удовлетворенности имеет 3,82 балла. Среди других инструментов управления это неплохой уровень по признаку «полезность», но есть инструменты, имеющие более высокую полезность, хотя и располагаются на достаточно далеких от

Применение современных инструментов управления

Инструмент управления	Частота применения, %	Удовлетворенность, баллов (max = 5)
Бенчмаркинг (Benchmarking)	76	3,82
Стратегическое планирование (Strategic Planning)	67	4,01
Миссия и видение (Mission & Vision Statements)	65	3,91
Управление отношениями с клиентами (Customer Relationship Management)	63	3,83
Аутсорсинг (Outsourcing)	63	3,79
Сбалансированная система показателей (Balanced Scorecard)	53	3,89
Сегментация потребителей (Customer Segmentation)	53	3,95
Реинжиниринг бизнес-процессов (Business Process Reengineering)	50	3,85
Ключевые компетенции (Core Competencies)	48	3,82
Слияния и поглощения (Mergers and Acquisitions)	46	3,83
Стратегические альянсы (Strategic Alliances)	44	3,82
Управление цепочкой поставок (Supply Chain Management)	43	3,81
Сценарное и вариантное планирование (Scenario and Contingency Planning)	42	3,83
Управление знаниями (Knowledge Management)	41	3,66
Совместные сервисные центры (Shared Service Centers)	41	3,68
Инструменты стратегического роста (Growth Strategy Tools)	38	3,87
Тотальное управление качеством (Total Quality Management)	34	3,80
Сокращения размерности (Downsizing)	34	3,59
Бережливое производство по схеме «шесть сигм» (Lean Six Sigma)	31	3,87

Окончание таблицы

Инструмент управления	Частота применения, %	Удовлетворенность, баллов (max = 5)
Обзоры потребителей (Voice of the Customer Innovation)	27	3,88
Онлайновые сообщества (Online Communities)	26	3,69
Совместные инновации (Collaborative Innovation)	24	3,71
Модели оптимизации цен (Price Optimization Models)	24	3,75
Инструменты управления лояльностью (Loyalty Management Tools)	17	3,79
Правила принятия решений (Decision Rights Tools)	10	3,68

первого места позициях. Это несоответствие можно объяснить следующими моментами.

Во-первых, обобщающее название «инструменты управления» можно принять с большой условностью. На самом деле это сложные системы, включающие методологические и методические разработки разных уровней. В течение последних 30 лет выдвигались различные концепции эффективного менеджмента. Среди них можно назвать такие, как «системный подход», «управление по целям», «диверсификация», «вертикальная интеграция», «функционально-стоимостной анализ», «кружки качества», «анализ стоимостных цепочек», «внутрифирменное предпринимательство», «корпоративная культура», «нулевое бюджетирование», «фазовая трансформация бизнеса», «принципы кайзен» и др. Сложно при таком многоаспектном наборе трактовать содержание какого-либо инструмента управления одинаково для разных систем управления.

Во-вторых, за каждой системой управления стоят свои идеологии и разработки. В силу этого проявляется субъективный фактор в научных подходах и трактовках. Идеологи «реинжиниринга бизнес-процессов» М. Хаммер и Дж. Чампи [2] утверждают, что они

принципиально отказываются от формализованной методики работы по реинжинирингу компании. Основным содержательным приемом их методики является мозговой штурм. Предполагается, что команда работников предприятия с консультантами в процессе мозгового штурма может без всяких формальных методик радикально перепроектировать бизнес-процессы с целью их улучшения. Как видим, в таких случаях одинаково полное и эффективное использование разработок затруднено.

В-третьих, каждое предприятие уникально, поэтому приведенные выше (см. таблицу) оценки «полезности» инструментов управления, или «успешности» компании, не являются абсолютными. Каждое предприятие в силу своей уникальности должно определять собственные состав и содержание актуальных управленческих нововведений. При этом могут возникать: 1) достаточно большие риски неудач; 2) необходимость творческой доработки; 3) конфликт между текущими и инновационными задачами; 4) зачастую большие трудоемкость и стоимость проекта; 5) высокие барьеры на пути внедрения этих нововведений.

Все эти факты, касающиеся тенденций применения систем, методов, инструментов управления, приводят к выводу о необходимости по-новому осмыслить как традиционные, так и новейшие подходы к решению проблем управления. В настоящей статье мы не претендуем на то, что краткий анализ современных проблем управления окажется исчерпывающим. Тем не менее нам представляется полезным остановиться на известных достижениях в разработке систем управления для стратегических производств (космическая, авиационная промышленность и т.п.), а также на международных проектах в области стандартизации методов менеджмента.

Прежде всего обратимся к методологии SADT (Structured Analysis and Design Technique – технология структурного анализа и проектирования) [3]. Эта методология появилась в конце 1960-х годов. Первое ее крупное приложение было реализовано в США в 1973 г. при разработке аэрокосмического проекта. Более 10 лет SADT была «бумажной» технологией, но в середине 1980-х годов, когда появились персо-

нальные компьютеры с графическими возможностями, она была переведена в электронный вид. BBC США разработали на базе SADT и довели до уровня стандарта методологию IDEF*, состоящую из трех методологий: IDEF0 (функциональное моделирование), IDEF1 (информационное моделирование), IDEF2 (динамическое моделирование функций, информации и ресурсов). IDEF основана на принципах системного анализа и предназначена для представления функций произвольной системы (к примеру, управление финансами, организация работ и т.п.). В основе методологии IDEF0 лежит графическое представление процессов в виде простых диаграмм и текстовых пояснений к ним. Есть примеры успешного применения методологии IDEF0 на отечественных предприятиях [4, 5].

Другое признанное направление развития управленческой науки и практики – разработка и использование семейства стандартов качества [6]. Принципиально важным является использование в последних версиях стандартов серии 9000 процессного подхода в описании деятельности предприятия, фирмы, организации [7]. Основную идею процессного подхода в новой версии стандартов отражают следующие положения: 1) деятельность организации необходимо представить в виде сети взаимодействующих между собой процессов; 2) управление деятельностью организации должно основываться на управлении сетью процессов. Процессный подход, составляющий основу версии ИСО 9000–2000, предполагает применение инструментальных средств. Таким инструментарием может служить методология IDEF, располагающая программным продуктом.

Важно отметить следующие моменты:

- развитие методологии SADT и ее компьютерного варианта – семейства методологий IDEF благодаря графическому языку

* Методологии для решения задач моделирования сложных систем. Создавались в рамках программы компьютеризации промышленности – ICAM-Integrated Computer-Aided Manufacturing. Отсюда название – IDEF: Icam DEFinition или Integrated DEFinition.

и программному обеспечению значительно продвигает вперед решение задач анализа и проектирования управления;

- процессный подход, используемый в разработке стандартов качества, дает возможность полно и более точно описывать и отдельные бизнес-процессы и всю деятельность организации, фирмы, компании;
- использование методологии IDEF0 и положений международных стандартов ИСО 9000–2000 создает предпосылки для разработки теоретической модели механизмов управления экономическими и социальными процессами.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА КАК ПРЕДМЕТ УПРАВЛЕНИЯ

Механизмы: из техники – в экономику и социальную сферу.

Производственно-экономическая система хозяйствующего субъекта представляет собой совокупность производственных, коммерческих, социальных и других структур и процессов, а также институтов, опосредованно участвующих в производстве, потреблении продукции, работ, услуг и обмене ими. Классический процесс управления какой-либо деятельностью включает прогнозирование, планирование, организацию исполнения, контроль, учет, выявление отклонений, корректировку. При этом субъект управления использует различные методы, средства, стандарты, программные продукты, принимает во внимание факторы, условия, квалификацию, психофизиологические способности людей и многое другое.

Названные компоненты в разных сочетаниях и объемах входят в управленческий набор, который принято называть «механизмом управления». Однако несмотря на то что словосочетание «механизм управления» часто употребляется в различных документах, программах развития производства и общества, в публичных выступлениях политиков и чиновников, само понятие «механизм» остается неопределенным, неясно, каков его состав в каждом конкретном случае, каковы его природа, назначение и влияние на конечный результат.

Среда производственно-экономических систем как пространство действия механизмов. Для того чтобы понять сущность, роль и место механизмов в производственно-экономических и социальных процессах, рассмотрим среду существования этих процессов. Под средой понимается то, что окружает хозяйствующий субъект, – это совокупность компонентов и элементов его функционирования и развития. Среда включает в себя природный мир и создаваемый человеком материальный мир, а также продукты нематериального характера, возникающие в ходе производственно-экономических отношений, необходимые для деятельности.

Среда дифференцируется на отдельные сферы, конкретные виды и функции деятельности и принимает форму структурированной реальности. По отношению к хозяйствующему субъекту она делится также на внешнюю и внутреннюю среды (рис. 1). В первом случае ее можно рассматривать как условие существования и деятельности, включая материальные и природные компоненты; во втором – как систему институтов, элементов и структур, не участвующих непосредственно в производстве материальных благ, а только выполняющих регулирующие функции. Назовем их условно элементами нематериального характера.

Для более четкого разграничения двух состояний среды введем следующие понятия. Среду системы, рассматриваемую как совокупность материальных условий и факторов, назовем ***средой первого рода***. Среду, которая рассматривается как система разных институтов и элементов нематериального характера, назовем ***средой второго рода***. Предложенное разделение среды на первый и второй роды имеет практическое значение. Компоненты, названные средой первого рода, в материально-вещественном виде участвуют в создании продукта. Без них процесс невозможен или протекает менее эффективно (например, при замене одного вида средств труда и технологии на другой). Данные компоненты постоянно находятся в поле зрения управленцев. Компоненты среды второго рода объективно присутствуют в процессах, иногда лишь подразумеваются, не учитываются или даже игнорируются менеджерами. Это обстоятельство не только снижает эффективность управления, но и может противоречить принятым нормам

Рис. 1. Внешние и внутренние среды хозяйствующего субъекта

и наносить ущерб (к примеру, несоблюдение норм охраны труда, коллективных договоров, соглашений, этики корпоративной культуры). Поэтому компоненты среды второго рода должны предусматриваться в наборе методов, инструментов управления и входить в состав экономических и социальных механизмов.

Понятие социально-экономических механизмов и методологическая основа их моделирования. Социально-экономические механизмы (СЭМ) – это системы воздействия на производственно-экономические и социальные процессы, состоящие из различных комбинаций управленческих средств, методов, инструментов, стимулов, приемов организационного, экономического, социального характера, создаваемые и управляемые субъектом деятельности с целью получения

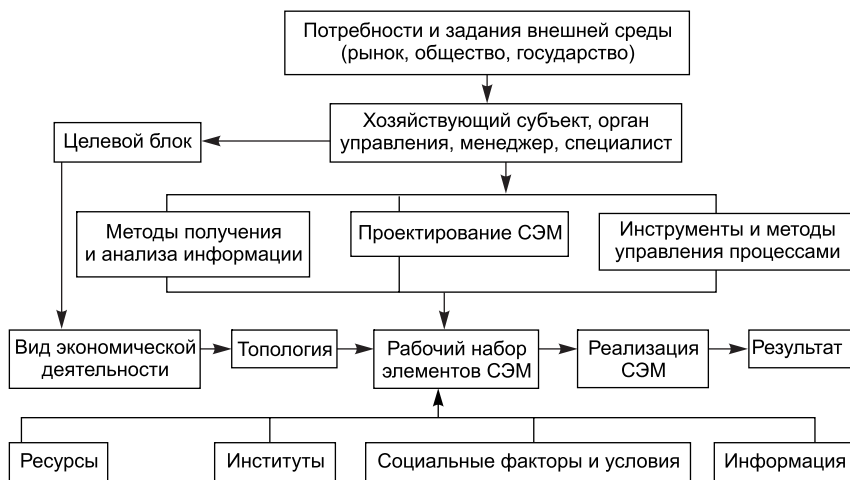

Рис. 2. Схема блочной модели социально-экономических механизмов

результата с наибольшей эффективностью. На рисунке 2 представлена схема модели СЭМ, показаны ее структурные блоки. В основу разработки модели положены следующие принципы: 1) использование методологии функционального моделирования IDEF0 (ГОСТ 50.1.028-2001); 2) процессный подход при описании видов деятельности; 3) принцип целеполагания; 4) принцип системности и др.

На модели видно (см. рис. 2), что конечной целью создания конкретных механизмов является получение результата. Результат должен быть обозначен как продукт, работа, услуга с технико-экономическими и социальными показателями, планируемыми свойствами, качествами, а также как рекомендация, нормативный документ и т.п. с ожидаемыми последствиями их применения.

Расчетные (ожидаемые) характеристики планируемого результата представлены в целевом блоке. На основе маркетинговых исследований и заказов общества и государства формируются цели, определяются установки и предлагаются ответы на вопросы «что и в каком виде требуется получить?», а также «как и с какими технико-экономическими показателями?». Поскольку конечной целью процессов явля-

ется результат, постольку главной составляющей в схеме является блочная цепочка: цель – вид экономической деятельности – топология – рабочий набор элементов механизма в процессе – реализация – результат. Базовым компонентом, на основе которого разрабатываются механизмы, является вид экономической деятельности. Для каждого вида может быть использована своя технология построения конкретного механизма. Определяется это тем, что каждый вид деятельности требует своих видов ресурсов и осуществляется в своей соответствующей среде. Блок «Топология» включает описание процесса по каждому виду деятельности: последовательность событий, фактов, процедур, – т.е. используется процессный подход. При этом степень дифференциации составляющих микропроцессов, работ определяется объектом и масштабом исследования.

Центральное место в цепочке «цель – деятельность – результат» занимает рабочий набор элементов механизма. Он представляет собой рабочий вариант механизма для конкретного процесса и определяется условиями и факторами среды: ресурсами, институтами, социальными условиями, информацией и т.д. А его проектирование и использование осуществляются специалистами и менеджерами на основе анализа информации и с применением инструментов и методов управления.

Компоненты среды функционирования для рабочего набора элементов социально-экономических механизмов. Формирование СЭМ происходит в среде функционирования. В этой связи рассмотрим некоторые из компонентов среды и их влияние на результат.

Блок «Ресурсы» представлен следующими компонентами: человеческие ресурсы (человеческий капитал), предпринимательский ресурс, материально-технические, организационные, административные, информационные ресурсы.

Человеческий капитал может быть охарактеризован таким интегральным показателем, как трудовой потенциал. В качестве отдельных элементов в трудовой потенциал входят здоровье, нравственность, творческие способности, активность, организованность, образование, профессионализм, период (продолжительность) трудовой жизни. Существуют и другие приемы оценивания трудового потенциала. В част-

ности, это требования к работнику, занимающему какое-либо рабочее место, с позиций описания модели этого рабочего места. Для каждого из элементов, входящих в модель рабочего места, есть свои показатели оценивания и расчета.

Блок «Институты» («Институциональная среда») включает в себя компоненты среды на всех уровнях общественных отношений – от макро- до мезо- и микроуровня. На самом верхнем уровне это Конституция РФ, подзаконные акты, кодексы и т.п. На уровне хозяйствующих субъектов это устав организации; положения о подразделениях; должностные инструкции; правила внутреннего распорядка; коллективный договор; трудовой договор (контракт); организационные стандарты (отечественные и международные); регламенты (графики и т.п.), организация и проведение общих для хозяйствующего субъекта, фирмы и отдельных подразделений мероприятий, процессов, процедур; матрицы ответственности по процессам; кодекс делового общения; кодекс чести; программа развития персонала; планирование карьеры и др.

Блок «Социальные условия» следует также рассматривать на разных уровнях. На макроуровне это совокупность параметров, характеризующих уровень, качество и образ жизни населения, реальные доходы населения, уровень потребления материальных благ и услуг, обеспеченность населения материальными благами и услугами. Социальные условия характеризуются также условиями труда, квалификацией и профессионализмом работников, общеобразовательным и культурным уровнем населения и т.д. [8]. Для конкретных производственно-экономических процессов более характерны такие компоненты социальных условий: трудовые отношения; стимулы к труду; распределение продуктов труда; режим труда и отдыха; формы и методы охраны труда, в том числе система льгот и компенсаций за неблагоприятные условия труда, производственный травматизм. В области условий и охраны труда, накоплены значительный теоретический материал и опыт изучения, измерения и профилактики неблагоприятных воздействий.

В блок «Инструменты и методы управления», по нашему мнению, следует включить организационные системы, командообразование, управление временем, мотивационные системы.

К организационным системам кроме институциональных условий в виде норм и правил, регулирующих поведение коллективов и индивидов, относятся организационная документация, регламенты, организационное проектирование, создание программ. Следует особо подчеркнуть, что программы – сложный конечный продукт коллективного труда, их разработкой занимается проектная группа. Проектная группа – это коллектив людей, реализующих поставленную цель и действующих по определенным правилам. Правила должны включать определение состава и структуры коллектива проектировщиков, формулировку цели деятельности коллектива, описание порядка функционирования людей и групп (подразделений), порядок обучения этим правилам. Результатом организационного проектирования является совокупность текстовых документов: положений, инструкций, регламентов.

Командообразование (создание рабочих групп, комитетов, команд) как метод управления появилось и стало распространяться после Второй мировой войны. Прежде всего это касается японского бизнеса, в котором существует стиль «кайзен». Интересен также опыт бразильской компании «Semco». В России это коллективные формы организации труда.

Управление временем как механизм имеет богатую «биографию» и непрерывно развивается. Следует назвать хотя бы бюджеты и балансы рабочего и вне рабочего времени, системы планирования и контроля времени.

Мотивационные системы включают в себя материальные денежные стимулы, материальные неденежные стимулы, участие в совладении и управлении, патернализм, негативные стимулы.

Блок «Субъекты деятельности» на схеме модели обозначен как «Хозяйствующий субъект, орган управления, менеджер, специалист». При этом субъект деятельности – менеджер, специалист в модели присутствует в двух блоках: в блоке «Ресурсы» как человеческий ресурс и в блоке «Субъект» как управленец, предприниматель. Пред-

принимательская способность выделяется как особый трудовой ресурс. Она выполняет функцию соединения всех факторов и условий производства в единый процесс производства товаров и услуг. Такую управленческую деятельность авторы «Экономической энциклопедии» трактуют как «совокупность принципов, форм, методов, приемов и средств управления производством и персоналом с применением последних достижений науки управления. Главная цель менеджмента – достижение высокой эффективности производства, рационального использования ресурсов предприятия, фирмы, компании» [8, с. 412].

Как показывает мировая практика, роль менеджмента в производстве значительно возрастает. П. Друкер определил задачи менеджмента в XXI в. [9]. Он отметил, что традиционные факторы производства, такие как земля, труд, деньги, в транснациональной экономике все больше отходят на второй план. В качестве решающего фактора производства теперь выступает менеджмент. Знания становятся главным ресурсом экономики.

Пошаговая методика проектирования и построения социально-экономических механизмов. На основе сделанных обобщений нами предлагается пошаговая методика создания СЭМ, которая представлена в виде следующей схемы.

Шаг 1 – исследование потребностей рынка или получение социального заказа от общества, государства.

Шаг 2 – формулирование целей и задач по производству продукции, работ, услуг на основе маркетинговых и других исследований; определение качественно-количественных характеристик будущего продукта, технико-экономических показателей производства, их анализ на предмет конкурентоспособности; разработка выходных документов, бизнес-планов, проектов, программ.

Шаг 3 – определение и выбор в соответствии с целевым блоком вида экономической деятельности, базового производственно-экономического процесса.

Шаг 4 – системное описание (топология) базового процесса с необходимой степенью детализации.

Шаг 5 – исследование внешней и внутренней среды с позиций требуемых ресурсов (человеческих, материально-технических и др.), институтов, социальных условий, необходимой информации.

Шаг 6 – анализ, обобщение данных проектных расчетов служб, ведущих конструкторскую и технологическую подготовку и разработку производственного процесса. Проектирование механизмов выполняют в такой последовательности: 1) расчет численности и подбор исполнителей требуемого профессионального и квалификационного состава; 2) формирование с использованием социально-психологических методов рабочих групп, бригад, команд, комитетов и т.п.; 3) изучение, учет и подбор социальных факторов и условий; 4) разработка систем стимулирования и компенсации за неблагоприятные условия труда (материальные денежные, материальные неденежные, моральные, организационные стимулы, участие в управлении и со-владение, патернализм, негативные стимулы); 5) разработка режимов труда и отдыха: сменных, недельных, сезонных, годовых; 6) проверка проектируемых процессов на соответствие действующим институтам. При необходимости производятся корректировка и дополнение институтов и процессов (например, корректировка или разработка новых вариантов коллективного договора, трудовых контрактов, матриц ответственности по процессам, разработка программ развития персонала, планирования карьеры, социального партнерства и т.д.).

Шаг 7 – включение выбранных, рассчитанных компонентов и элементов (рабочий состав механизма) в реальный производственно-экономический или социальный процесс.

Шаг 8 – отслеживание действия механизма в реальном процессе, корректирование отклонений от заданного результата.

* * *

Экономические и социальные механизмы представляют собой системы управления и используются во множестве различных производственно-экономических и социальных процессов. Нами предложена модель социально-экономических механизмов. СЭМ не являются самодвижущимися и саморазвивающимися системами. Они проекти-

руются, создаются и управляются субъектами деятельности. Инструменты управления в СЭМ включают в себя экономические методы, организационные средства, мотивацию, стимулы позитивные и негативные, управление временем и др.

При проектировании и создании социально-экономических механизмов исследуется и учитывается окружающая среда. Компоненты среды (факторы, условия, ресурсы, институты, социальные условия и информация) принимаются во внимание при определении рабочего состава элементов СЭМ, специфичных для конкретных процессов.

Литература

1. **Ri by D., ilodea** . Bain's Management Tools and Trends 2009. – URL: <http://www.bain.com/bainweb/PDFs/cms/Public/Management Tools 2009.pdf> (дата обращения 12.06.2011).
2. **Хаммер М., Чампи Д.** Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 332 с.
3. **Марка Д.А., МакГоу н К.** Методология структурного анализа и проектирования SADT (Structured Analysis & Design Technique). – М.: МетаТехнология, 1993. – 240 с.
4. **Елиферов В.Г., Репин В.В.** Бизнес-процессы: Регламентация и управление. – М.: Инфра-М, 2005. – 319 с.
5. **Рубцов С.В.** Опыт использования стандарта IDEF0 // Открытые системы. – 2003. – № 01. – URL: <http://www.osp.ru/os/2003/01/182411> (дата обращения 15.09.2011).
6. **S 9000**. – URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ISO 9000](http://ru.wikipedia.org/wiki/ISO_9000) (дата обращения 21.10.2011).
7. **Кур ян А.Г., Серенков П.С.** Использование IDEF0 для описания и классификации процессов в рамках системы качества МС ИСО серии 9000 версии 2000. – URL: <http://www.management.com.ua/qm/qm014.html> (дата обращения 19.10.2011).
8. **Экономическая** энциклопедия. – М.: Экономика, 1999. – 1055 с.
9. **Друкер П.** . Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении. – М.: СП «Бук Интернейшнл», 1994. – 377 с.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 0 .08.2013 г.

УДК 332.122:330.5

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 316–329

ЭНДОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА И ИХ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ

Ш.Х. Назаров

*Институт прогнозирования и макроэкономических исследований
при Кабинете министров Республики Узбекистан*

Аннотация

На основе исследования теоретических и прикладных моделей оценки конкурентоспособности предложена имитационная модель эндогенного экономического роста региона, в которой процесс моделирования эндогенных факторов конкурентоспособности основан на системной динамике. Для комплексной оценки конкурентоспособности произведено эконометрическое тестирование объясняющих факторов эндогенного роста экономики региона. Сделаны выводы, которые могут быть полезными для формирования элементов региональной политики по модернизации и инновационному развитию экономики Республики Узбекистан.

Ключевые слова: Узбекистан, регион, эндогенный экономический рост, эконометрическое моделирование, конкурентоспособность, совокупная факторная производительность

Abstract

Having revised the theoretical and applied models for assessing competitiveness, the paper proposes a regional simulation model of endogenous economic growth where the endogenous factors of competitiveness are modeled on

the base of system dynamics. To have a comprehensive assessment of regional competitiveness, we econometrically test the endogenous factors of growth. We present our conclusions which could be recommended to be applied in developing the modernization and innovation policies for the Republic of Uzbekistan.

Keywords: Uzbekistan, region, endogenous economic growth, econometric modeling, competitiveness, total factor productivity

Тенденции социально-экономических процессов, происходящих в регионах Узбекистана, свидетельствуют о наличии достаточных резервов для повышения конкурентоспособности регионов за счет интенсивных факторов экономического развития. Потенциал регионов для эндогенного роста экономики следует рассматривать в зависимости от таких факторов, как степень ее модернизации, технологический уровень развития, инновационно-имитационная способность, эффективность управления социально-экономическими процессами и т.д.

Экономика большинства территорий Узбекистана пока еще развивается в основном за счет экстенсивных факторов производства. При этом региональная экономика недостаточно ориентирована на использование таких эндогенных факторов роста, как инновационный потенциал и качество человеческого капитала. Естественно, в силу этих и других объективных причин усугубляются асимметричность и диспропорции в развитии регионов страны.

Аномально высокая региональная асимметрия иногда может служить побудительным мотивом для оживления интереса региона к заимствованию технологий, модернизации производства, улучшению качества управления и делового климата и т.д. Это справедливо для тех регионов, где недостаточно развит природно-экономический потенциал или же исчерпаны экстенсивные факторы роста. В таком случае единственно возможным способом устранения отставания оказывается создание основ и условий для проявления эндогенных факторов роста.

Чтобы проверить высказанное выше предположение, рассмотрим ряд существующих подходов к оценке эндогенного экономического роста. Наиболее распространенным в оценке эндогенных факторов экономического роста является применение производственной функции. Как известно, данному вопросу посвящен ряд исследований,

и среди их авторов, например, Г.Б. Клейнер [1] и Е.В. Богатова [2] использование производственной функции для построения моделей экономического роста считают малопригодным. Это аргументируется тем, что учет научно-технического прогресса и инноваций в моделях роста и производственных функциях ввиду существующих ограничений (постоянство отдачи от масштаба, условия совершенной конкуренции, отсутствие инвестиционных лагов и т.д.) довольно заметно искажает суть и формы проявления эндогенных факторов. Кроме того, в производственной функции с помощью таких измерителей, как производительность, материалоемкость, фондовооруженность, капиталотдача, невозможно проследить чрезвычайно сложный процесс зарождения микрочастиц общей продуктивности факторов. Этот процесс достаточно глубоко исследуется в теории циклов, эволюционной экономической теории и различных инновационных концепциях.

В прикладном применении производственной функции существуют определенные проблемы, и в частности можно говорить о сложности и ограниченности ее применения в исследовании эндогенных факторов экономического роста и повышения конкурентоспособности на региональном уровне. Это объясняется в том числе и тем, что в связи с углублением процессов глобализации конкурентоспособность региона все больше становится уязвимой по отношению к воздействию факторов не только внутренней, но также и внешней среды, по отношению к их многонаправленности и противоречивости [3]. Исходя из этого конкурентоспособность можно представить как сложный, многоуровневый, противоречивый процесс, имеющий как объектные, так и субъектные признаки. Все это затрудняет построение модельного инструментария для комплексного и системного исследования эндогенных источников роста региональной экономики.

Развитие теоретических основ исследования конкурентоспособности свидетельствует о существовании нескольких направлений, которые могли бы служить фундаментом для моделирования (табл. 1).

Применение моделей, базирующихся на диалектическом подходе, эффективно при условии равномерного эволюционного развития процессов, стабильности внешней и внутренней среды, последовательности объективных тенденций и закономерностей качественных

Таблица 1

Теоретические модели оценки конкурентоспособности

Модели/теории конкуренции и конкурентоспособности	Основные гипотезы	Оценки факторов экономического роста	Подходы к моделированию
Поведенческая трактовка [4]	Максимизация прибыли (поведения производителя) или максимизация потребностей (поведения потребителя)	Оцениваются экзогенные факторы, обеспечивающие отдачу от масштаба	Диалектический подход
Структурная трактовка [5]	Модель строится исходя из результатов анализа структуры и условий рынка	Оцениваются факторы разделения рынков на типы: совершенной, несовершенной конкуренции, монополистический, олигополистический и т.д.	Диалектический подход
Функциональная трактовка [6]	Конкурентоспособность рассматривается как динамический процесс, стремящийся к новому состоянию, в котором именно механизм конкуренции вытесняет с рынка нежизнеспособных производителей	Оцениваются факторы инновационной активности субъектов; факторы, определяющие «процедуру» конкуренции	Синергетический подход
Основы институционализма [7]	Конкуренция и конкурентоспособность рассматриваются шире. Не игнорируя первичные экономические категории (цену, прибыль, спрос и предложение), институциональный подход включает в анализ качество институтов	В модель включаются факторы неэкономического характера (социальные, политические, правовые и др.)	Синергетический подход
Теория конкурентных преимуществ [8]	Оценивается состояние производства и спроса, смежных и вспомогательных отраслей	Оцениваются структурные факторы спроса и предложения	Диалектический подход

Окончание табл. 1

Модели/теории конкуренции и конкурентоспособности	Основные гипотезы	Оценки факторов экономического роста	Подходы к моделированию
Пространственное исследование конкурентоспособности [9–11]	Осуществляется формализация проблем самоорганизации систем с использованием принципа причинно-следственных связей (положительных и отрицательных) факторов	Оцениваются пространственные факторы регионального развития, моделируются внутренние и внешние факторы и связи	Синергетический подход
Новые модели экономического роста с эндогенным технологическим прогрессом [12]	Рассматривается в основном роль науки в современной экономике и описывается влияние инновационного процесса с позиции регулирования инновационной сферы	Оцениваются факторы инновационной активности субъектов; факторы, определяющие «процедуру» конкуренции	Синергетический подход

изменений. Однако современные тенденции развития интеграционных процессов в глобальном пространстве мирохозяйственных отношений настолько изменчивы, что любой субъективный фактор может привести к непредсказуемым колебаниям ранее сбалансированной среды. При появлении таких колебаний результаты применения диалектической модели в краткосрочной и среднесрочной перспективе не дают адекватных результатов.

Построение модели с использованием синергетического подхода в исследовании конкурентоспособности региона дает широкий простор для комплексного и системного рассмотрения данной проблемы. Однако управленческие задачи и последовательность действий субъектов управления не всегда и не всецело поддаются формализации. Не все инструменты и предпосылки формирования конкурентоспособности могут быть эмпирически измерены, что имеет немаловажное значение для моделирования ситуации. Поэтому для построения эндогенной модели экономического роста и конкурентоспособности региона следует исходить из накопленного опыта моделирования сложных систем и вы-

бирать наиболее эффективные в конкретных экономических условиях прикладные инструменты. Иными словами, для того чтобы выбрать наиболее приемлемый методологический подход к построению экономико-математической модели, необходимо исходить из специфических особенностей и характеристик конкуренции и конкурентоспособности региона в контексте глобализации. В данном случае сложность, противоречивость и многофакторность рассматриваемого явления предопределяют первоначальную систематизацию его свойств, поскольку пространственные характеристики и функциональные особенности конкурентоспособности однозначно говорят о сложности нахождения наиболее эффективной модели для ее исследования.

Учитывая свойства факторов конкурентоспособности региона, а также принимая во внимание предположения о косвенном воздействии эндогенных факторов экономического роста на повышение конкурентоспособности региона, мы полагаем, что подходящим методом имитационного моделирования является статистическое моделирование, опирающееся на системную динамику, когда для исследуемой системы строятся причинные связи и определяется влияние одних параметров на другие во времени. В дальнейшем созданная на основе этой парадигмы модель имитируется на компьютере.

Моделирование с помощью системной динамики позволяет понять суть происходящего процесса развития конкурентоспособности региона, выявить причинно-следственные связи между факторами, объектами и явлениями. В основе системной динамики лежит **парадигма** – концепция видения объекта и предмета исследования, согласно которой социально-экономическое пространство рассматривается как единая система, заключающая в себе множество относительно самостоятельных подсистем, состав и структура которых определяются в соответствии с позицией наблюдения [13].

С учетом сложности моделирования процесса развития конкурентоспособности для оценки ее эндогенных факторов представляется целесообразным построить системную познавательную модель. В рамках системной парадигмы [14] основные детерминанты конкурентоспособности по происхождению (или проявлению) группируются по объектным (*A*), процессным (*B*), средовым (*C*) и проектным

(D) признакам. Теоретически данную концепцию можно представить в виде функциональной связи конкурентоспособности и совокупности факторов a_i ($a \in A$), b_i ($b \in B$), c_i ($c \in C$), d_i ($d \in D$), $i = 1, \dots, n$, где n – количество индикаторов.

Математической основой эмпирики являются дифференциальные модели с учетом системной динамики, в которых используются представления динамических процессов в пространстве состояний. Таким образом, модель для группы A имеет вид

$$A = f(Fk, Hk, t), \quad (1)$$

где $A = (a_1, a_2, \dots, a_n)$ – вектор состояний объектных детерминант; Fk – переменные состояния факторов производственного капитала; Hk – переменные состояния факторов труда; t – время.

Дифференциальная модель, применяемая для группы B , имеет следующий вид:

$$B = f(Ed, Mc, Ia, In, t), \quad (2)$$

где $B = (b_1, b_2, \dots, b_n)$ – вектор состояний процессных детерминант, учитывающий факторы образовательного потенциала (Ed), качество управления (Mc), инвестиционную активность (Ia) и инновационность экономики (In) региона.

При составлении дифференциальной модели для группы C в виде

$$C = f(Rr, Pr, Br, Lr, Gr, t) \quad (3)$$

производится выбор переменных состояний внешней среды (Rr), конкурентной среды (Pr), бизнес-среды (Br), нормативно-правовой базы (Lr), качества государственных институтов (Gr) и устанавливаются связи между этими переменными в виде цепочки причинно-следственных связей между факторами.

Модель системной динамики для группы D разрабатывается по формуле

$$D = f(Tp, In, Iv, t) \quad (4)$$

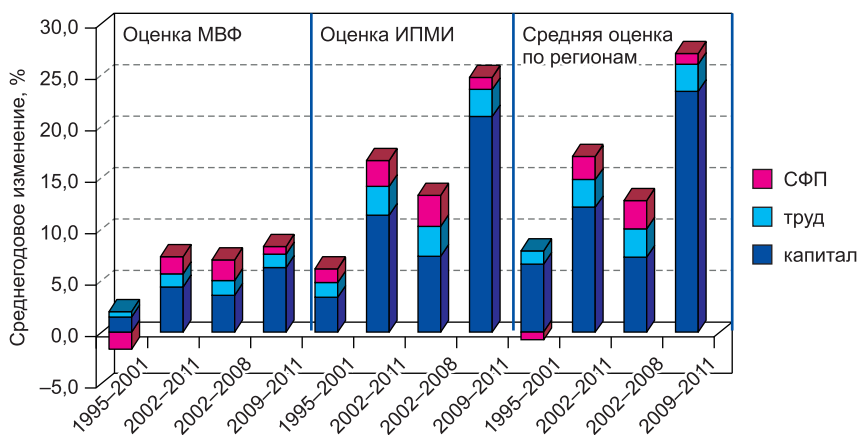
на основе сведений о проектах по трансферту технологий (Tp), по модернизации производства (In), по техническому и технологическому обновлению (Iv).

При построении моделей исходя из интерпретации переменных выявляются причинно-следственные отношения между переменными, и эти отношения описываются в форме структурированных функциональных зависимостей.

Как видно из формализованного (теоретического) представления задачи, модельные расчеты по блокам A и D можно свести к решению производственной функции. Под эндогенными факторами в данном случае понимается совокупность вклада A в функции Кобба – Дугласа: $Y = A \cdot K^a \cdot L^{(1-a)}$, т.е. параметр A – коэффициент, отражающий вклад всех прочих факторов, за исключением факторов производства (капитала K и труда L). Или же

$$A = TFP, \Delta TFP_t / TFP_{t-1} = \Delta A / A = \Delta Y / Y - (\Delta K / K + \Delta L / L). \quad (5)$$

Полученное остаточное значение определяет всю оставшуюся часть экономического роста, за исключением изменения факторов труда и капитала. Оценка вклада факторов в рост ВРП регионов Узбекистана представлена в трех вариантах (см. рисунок). По первому варианту отдача капитала ($\alpha = 0,5$) и труда оценена экспертами МВФ на уровне экономического роста развивающихся стран. Прирост суммарного ВРП за рассматриваемый период в основном объясняется приростом

Динамика общей продуктивности факторов по регионам Узбекистана

факторов труда и капитала при незначительном вкладе совокупных факторов производительности. Также экспертами МВФ утверждается, что инвестиции в модернизацию экономики, прежде всего промышленности, пока не оказывает существенного положительного влияния на рост совокупной факторной продуктивности (СФП). Недостаточный рост СФП может отрицательно сказаться на конкурентоспособности национальной экономики в долгосрочной перспективе.

Во втором варианте использованы коэффициенты ($\alpha = 0,25$), соответствующие уровню капиталотдачи и производительности труда в развитых странах мира (расчеты Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете министров Республики Узбекистан). Несмотря на существенные отличия в оценке прироста капитала, полученная динамика СФП согласуется с результатами первого варианта. Авторы расчетов утверждают, что фактор эффективности начинает играть все большую роль в экономическом развитии Узбекистана. Также подчеркивается, что переход на инновационную модель экономического роста невозможен без глубоких структурных изменений и модернизации экономики.

Третий вариант состоит из результатов средней оценки факторов экономического роста по регионам (некоторые расхождения в оценке ВВП объясняются наличием нераспределенной части между ВВП и суммарным ВРП, а также рядом методических различий в учете ВВП и ВРП). Результаты средней оценки по регионам по траектории больше сходятся с первым вариантом оценки – оценкой МВФ, а по масштабу и параметрам оценки – со вторым вариантом. Это дает основания сделать некоторые выводы касательно отдельных регионов (оценки приведены в табл. 2).

1. В период достижения экономической стабильности и завершения институциональных реформ, а также трансформационных преобразований (1995–2001 гг.) суммарный рост ВРП составил 2–3% при среднегодовом 6%-м росте инвестиций в основной капитал. За этот период СФП положительно проявилась в основном в Ташкентской, Бухарской, Наманганской и Самаркандской областях.

2. В последующее десятилетие (2001–2011 гг.) экономика регионов Узбекистана вступила в фазу устойчивого экономического роста

Таблица 2

Оценка общей продуктивности факторов по регионам Узбекистана

Регион	1995–2001	2002–2011	2002–2008	2009–2011
Республика Каракалпакстан	–4,5	3,4	1,7	1,5
Андижанская обл.	–0,7	2,2	2,9	0,6
Ташкентская обл.	0,2	0,5	1,1	–0,9
Сурхандарьинская обл.	0,4	1,1	1,2	0,6
Бухарская обл.	2,3	–3,2	–1,3	–7,7
Джизакская обл.	–1,9	5,1	6,7	1,3
Кашкадарьинская обл.	–0,8	2,1	2,7	0,7
Навоийская обл.	–1,3	–0,5	–0,1	–1,5
Наманганская обл.	1,9	3,5	3,9	2,4
Самаркандская обл.	1,4	4,0	3,9	4,5
Сырдарьинская обл.	–1,9	0,6	1,9	–2,5
Ферганская обл.	–2,1	1,4	2,4	–1,0
Хорезмская обл.	–1,8	3,2	3,6	2,3
г. Ташкент	–1,0	7,6	7,6	7,7

со среднегодовым приростом ВВП на уровне 7–7,5%. В этот период положительный вклад СФП в экономический рост наблюдался практически во всех регионах, кроме Бухарской и Навоийской областей. В этих областях начиная с 2004 г. существенные инвестиционные ресурсы были направлены на развитие добывающих отраслей ТЭК и горно-рудной промышленности, что создает определенный временной лаг для мультипликативного воздействия инвестиционной активности на рост СФП.

3. Если десятилетие 2002–2011 гг. разделить на докризисный (2002–2008 гг.) и посткризисный (2009–2011 гг.) периоды, то картина докризисного периода в целом соответствует общей картине всего рассматриваемого периода. Что касается посткризисного периода, то наряду с Бухарской и Навоийской областями схожие тенденции наблюдают-

ся также в Ташкентской, Сырдарьинской, Ферганской областях. Для Ташкентской области это объясняется увеличением инвестиций (начиная с 2007 г.) в долгосрочные проекты по развитию инфраструктуры и созданию новых мощностей. Такая же тенденция с 2008 г. усилилась в Сырдарьинской и Ферганской областях. Это говорит о том, что экономический рост в Ташкентской, Бухарской, Навоийской, Сырдарьинской и Ферганской областях достигается в основном за счет эффективности капиталовложений и роста отдачи от масштаба экзогенных факторов.

4. Сырьевая направленность инвестиций в региональную экономику не обеспечивает должного синергетического эффекта, который бы позволил задействовать эндогенные факторы роста экономики. Отсюда можно сделать вывод, что влияние инвестиций на развитие сырьевых отраслей экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе больше способствует получению эффекта от масштаба факторов производства и в меньшей степени – активизации эндогенных факторов роста.

5. В отличие от других регионов, в г. Ташкенте и Самаркандской области влияние эндогенных факторов на экономический рост достаточно заметно. Прирост основного капитала в этих регионах сопровождается адекватными положительными изменениями темпов ВРП за счет интенсивных факторов экономического роста. Сохранение такой тенденции в долгосрочной перспективе может (прямо или косвенно) поднять технологический уровень развития экономики этих регионов и обеспечить им более высокую конкурентоспособность.

Проведенный анализ дает основание считать, что эндогенные факторы экономического роста начинают оказывать положительное влияние при условии сформированности современной архитектуры (структуры) экономики, развитости высокотехнологичных отраслей промышленности, эффективного управления экономикой и благоприятного предпринимательского климата.

Оценка эндогенных факторов с использованием производственной функции не позволяет в данном случае охватить средо-ориентированные и процессно-ориентированные факторы. Для комплексной оценки объясняющих факторов эндогенного роста исходя из формализованного описания модели в виде уравнений (2)–(4) можно выполнить решение следующих регрессионных уравнений:

$$\begin{aligned}
 TFP &= a_0 + a_1 ed_1 + a_2 ed_2 + a_3 ed_3; \\
 TFP &= b_0 + b_1 ia_1 + b_1 ia_2; \\
 TFP &= c_0 + c_1 in_1 + c_2 in_2 + c_3 in_3 + c_4 in_4 + \\
 &\quad + c_5 in_5 + c_6 in_6 + c_7 in_7 + c_8 in_8; \\
 TFP &= d_0 + d_1 dkl_1 + d_2 dkl_2 + d_3 dkl_3 + d_4 dkl_4; \\
 TFP &= e_0 + e_1 tehr_1 + e_2 tehr_2 + e_3 tehr_3 + e_4 tehr_4,
 \end{aligned} \tag{6}$$

где ed_1, ed_2, ed_3 – факторы, характеризующие образовательный потенциал; ia_1 и ia_2 – показатели инвестиционной активности; in_1, in_2, \dots, in_8 – показатели инновационной активности; $dkl_1, dkl_2, dkl_3, dkl_4$ – индикаторы делового климата; $tehr_1, tehr_2, tehr_3$ – показатели, характеризующие технологический уровень развития экономики региона.

Для экспериментальной оценки эндогенных факторов с применением системы моделей (6) использована статистическая база социально-экономических показателей Ташкентской области за 1999–2011 гг. Задача реализована с помощью стандартного программного пакета STATA, предназначенного для статистического анализа данных. По результатам итеративных расчетов в рамках корреляционного анализа из всех выбранных факторов положительную взаимосвязь с TFP имеют факторы образовательного потенциала – ed_1 (коэффициент корреляции $K_{ed1} = 0,06$), инновационной активности – in_1 ($K_{in1} = 0,42$) и in_2 ($K_{in1} = 0,61$), делового климата – dkl_2 ($K_{dkl2} = 0,23$), технологического уровня – $tehr_3$ ($K_{tehr3} = 0,03$). По остальным факторам полученные коэффициенты ($K < 0$) не являются статистически значимыми. В целом результаты корреляционного анализа показывают низкую корреляцию инвестиционной активности и совокупной факторной продуктивности.

Результаты регрессионного анализа (табл. 3) дают основание включить в регрессионное уравнение коэффициенты факторов образовательного потенциала (ed_1) и инновационной активности (in_1 и in_2). Таким образом, уравнение регрессии имеет вид

$$Y = -5,179 + 22,607ed_1 + 0,115in_1 + 0,066in_2. \tag{7}$$

Значение коэффициента множественной корреляции ($R = 0,9$) говорит о тесной связи результирующего признака с рассматриваемыми факторами. Коэффициент детерминации ($R^2 = 0,8$) свидетельствует о том, что наша модель согласуется с данными наблюдений. Это под-

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа

Показатель	Коэффициент уравнения регрессии	Стандартная ошибка определения коэффициентов	<i>t</i> -статистика	Вероятность ошибки
<i>Параметры факторов</i>				
<i>Y</i> -пересечение	–5,179	1,614	–3,21	0,016
Переменная <i>ed</i> ₁	22,607	7,132	3,17	0,027
Переменная <i>in</i> ₁	0,115	0,041	2,79	0,016
Переменная <i>in</i> ₂	0,066	0,021	3,14	0,44
Переменная <i>tehr</i> ₃	–0,031	0,038	–0,81	0,015
<i>Параметры уравнения</i>				
Количество наблюдений	13	–	–	–
<i>R</i> -квадрат	0,8023	–	–	–
<i>F</i> -статистика	7,1	–	–	–
Статистика Дарбина – Уотсона	2,83	–	–	–

тверждается также и результатом проверки статистической значимости уравнения множественной регрессии с помощью *F*-критерия Фишера: $F_{\text{факт}}(7,1) > F_{\text{табл.}}(3,26)$. Проверка значимости коэффициентов уравнения регрессии с применением *t*-критерия Стьюдента (при уровне значимости $\alpha = 0,05$) также показывает положительный результат: $F_{\text{факт}} > F_{\text{табл.}}(2,18)$. Это не относится к переменной *tehr*₂, которая из-за незначимости не включена в уравнение (7).

Статистически значимая оценка коэффициентов модели показывает, что совокупная факторная производительность (*TFP*) для Ташкентской области положительно связана с факторами образовательного потенциала и инновационной активности. Несмотря на то что базовые параметры модели дают отрицательные или же статистически незначимые оценки по группам факторов, относящимся к инвестиционной активности, технологическому уровню развития экономики и деловому климату, это одновременно свидетельствует о необходимости усиления внимания ре-

гиональных органов управления к качеству экономического роста в зависимости от интенсивных факторов развития региона.

В плане повышения конкурентоспособности региона выбор инновационной модели развития оправдывается в тех регионах, где явно видна положительная связь экономического роста с такими факторами социально-экономической системы, как человеческий капитал, современная архитектура экономики, наличие высокотехнологичных отраслей промышленности, эффективная система управления экономикой, благоприятный предпринимательский климат и т.д.

Литература

1. **Клейнер Г.Б.** Производственные функции: теория, методы, применение. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 238 с.
2. **Богатова Е.В.** Роль инноваций в моделях роста и производственных функциях // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 107. – С. 45–52.
3. **Коломак Е.А.** Анализ факторов конкурентоспособности региона // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 3. – С. 116–129.
4. **Маршалл А.** Принципы экономической науки. – М.: Эксмо, 2008. – 832 с.
5. **Reedy J., Dugworth J.** // *Pioneers of Modern Economics in Britain*. – L.: Macmillan, 1981. – P. 73–104.
6. **Шумпетер Дж.** Теория экономического развития: Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
7. **Веблен Дж.** Теория делового предприятия. – М.: Дело, 2007. – 288 с.
8. **Портер М.** Конкуренция. – М.: ИД «Вильямс», 2006. – 608 с.
9. **Roberts B., Urquhart A.** National and regional corporate spatial structure // *The Annals of Regional Science*. – 2002. – Vol. 36, no. 2. – P. 347–368.
10. **Krugman P.** *The Self-Organizing Economy*. – Cambridge: Blackwell Publishers, 1996. – 122 p.
11. **Кругман П.** Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. – 2005. – № 3. – С. 121–126.
12. **Else R., Roeger W.** Science, economic growth, and public policy // *Journal of Macroeconomics*. – 1996. – Vol. 18, no. 2. – P. 9–21.
13. **Корнай И.** Системная парадигма // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 4–23.
14. **Клейнер Г.Б.** Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 141–149.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 20.02.2013 г.

© Назаров В.Х., 2013

УДК 342.1, 342.4

ББК 67.400

Регион: экономика и социология, 2013, № 4 (80), с. 330–344

СТАБИЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СТРАНЫ

И.В. Лексин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена актуальным проблемам конституционного развития Российской Федерации и ее федеративного устройства. Рассмотрены потенциальные направления трансформации территориального устройства в рамках действующей конституционной модели. Показаны возможности фактического изменения формы государственного устройства России при сохранении конституционных положений о федерализме. Предложены рекомендации по преодолению имеющихся теоретических и практических проблем.

Ключевые слова: Российская Федерация, Конституция, территориальное устройство, федеративное устройство, реформа, субъект Федерации, федеральная территория, регионалистское государство

Abstract

The article deals with the current legal issues of Russia's constitutional development and its federal system. The author considers the lines of potential transformation of territorial organization of the Russian Federation within the actual constitutional framework and demonstrates the possibilities of shifting the virtual territorial organization without affecting the constitutional decla-

rations regarding federal system of Russia. Recommendations aimed at overcoming the related theoretical and practical problems are proposed.

Keywords: the Russian Federation, Constitution, territorial organization, federal system, reform, constituent unit of the Russian Federation, federal territory, regional state

В отечественной науке почти общепринято мнение о нежелательности крупных конституционных реформ. Данная позиция далеко не бесспорна и подкрепляется отнюдь не только рациональными доводами, но и не в последнюю очередь эмоционально окрашенными соображениями. Как бы то ни было, основные положения, относящиеся к территориальному устройству России, сосредоточены в главах 1 и 9 Конституции Российской Федерации, внесение изменений в которые без пересмотра Конституции в целом согласно ст. 135 последней не допускается. Конечно, это не позволяет рассчитывать на проведение в ближайшей перспективе конституционной реформы территориального устройства страны. Однако сказанное не означает, что существенные изменения в нем невозможны без пересмотра Конституции. Напротив, как будет показано ниже, с действующей Конституцией совместимы не только укрупнение субъектов Федерации и изменение границ между ними, но и более значительные преобразования территориального устройства.

Прежде всего, как представляется, преувеличено сдерживающее значение фиксации перечня видов субъектов Федерации в ч. 1 гл. 1 ст. 5 Конституции. Указанная фиксация вызывает у специалистов сомнения в осуществимости некоторых изменений в составе Российской Федерации без принятия новой Конституции. В частности, С.А. Авакьян отмечает: «Еврейская автономная область не может отказаться от данного своего статуса, поскольку в статье 5 Конституции РФ говорится об автономной области в единственном числе. А изменение в главу 1 Конституции возможно лишь принятием новой Конституции» [1, с. 10]. Аналогичные соображения высказаны в отношении иных территориальных изменений, требующих исключения упоминаний о тех или иных видах субъектов Федерации из положения ч. 1 ст. 5 Конституции или замены в указанном положении единственного числа на множественное и наоборот [2].

Однако буквальное истолкование названного положения, закрепляющего перечень субъектов Российской Федерации, противоречит требованию их равноправия, также упомянутому в ч. 1 ст. 5 Конституции. В связи с этим представляется обоснованным считать данный перечень в определенном смысле констатирующим фрагментом этого положения (без ущерба для регулирующего значения другого его фрагмента – о равноправии субъектов Федерации), препятствующим появлению субъектов Федерации новых видов, но не исключающим возможности сокращения числа уже имеющихся видов. Такая трактовка позволила бы не рассматривать прекращение существования автономной области и подобные изменения в составе Российской Федерации, которые отразились бы на формулировке положения ч. 1 ст. 5 Конституции, как требующие пересмотра Основного Закона. Такие изменения, видимо, должны проводиться в общем порядке, намеченном в ч. 1 ст. 137 Конституции.

Окончательное решение данного вопроса находится в ведении Конституционного суда Российской Федерации, однако федеральный законодатель косвенно (но квалифицированным большинством) уже выразил свою позицию по поводу возможности внесения в территориальное устройство России изменений, выходящих за рамки положений Конституции, без их корректирования:

- согласно п. 4 ст. 4 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» в случае принятия в Федерацию в качестве нового субъекта части иностранного государства этому субъекту может быть предоставлен статус автономной области (что вызовет необходимость либо замены в перечне, содержащемся в ч. 1 ст. 5 Конституции РФ, слов «автономной области» словами «автономных областей», либо толкования названного перечня как имеющего констатирующее значение);
- в связи с реализацией Федерального конституционного закона от 14 октября 2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского

(Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» в России не осталось ни одного автономного округа, входящего в состав края, однако это не побудило законодателя к принятию поправки к ч. 4 ст. 66 Конституции, упоминающей о таких автономных округах.

Таким образом, фактически уже существует прецедент молчаливого признания конституционного положения (ч. 4 ст. 66 Конституции о вхождении автономного округа в край) имеющим исключительно констатирующее значение. Поскольку существование данного положения не стало препятствием для указанного объединения, представляется, что и положение ч. 1 ст. 5 Конституции не сможет помешать исчезновению некоторых видов субъектов Федерации, сокращению или увеличению числа регионов определенного вида. Если же считать, что перечень субъектов Федерации, сформулированный в последнем положении, имеет перспективно-регулятивное, а не констатирующее значение, то аналогично следует оценивать и положение ч. 4 ст. 66 Конституции о вхождении автономного округа в край. Как следствие, необходимо будет признать образование нового субъекта Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов не соответствующим Конституции.

Представляется, что положение ч. 1 ст. 5 Конституции (Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов) не исключает полностью и возможности существования в составе России территориальных образований, которые не имеют статуса субъектов Федерации (федеральных территорий).

Во-первых, конструкция «Российская Федерация состоит из...» не тождественна конструкции «территория Российской Федерации включает...». Исходя из зарубежной практики допустимо говорить о членстве в федерации лишь полноценных самоуправляемых территориальных единиц, подразумевая, что иные территории (федеральные, столичные и т.п.) являются составными частями федерации в значении государства, но не федерации в значении союза (например, США как союз состоят из 50 штатов, но в территорию США помимо

штатов непосредственно входит территория федерального округа Колумбия и атолла Пальмира).

Во-вторых, о составе территории Российской Федерации говорится отдельно в ч. 1 ст. 67 Конституции: территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Из этой фразы можно заключить, что авторы Основного Закона в положении ч. 1 ст. 5 стремились к выражению идеи о равноправии субъектов Федерации, а не к воспрепятствованию возникновению территорий, не относящихся ни к одному из субъектов Федерации. Поскольку такие территории уже существуют (к ним относятся внутренние воды и территориальное море), сложно отрицать осмысленность признания исключительно федеральными территориями хотя бы непригодных для постоянного проживания сухопутных местностей. Если население определенной местности в основном не является стабильным, воспринимает свой регион только как место работы и не связывает с ним свое будущее (т.е. имеет место интенсивная ротация населения вследствие трудовой миграции), если явное большинство этого населения не считает целесообразным наличие регионального уровня государственной власти, если в институтах государственной власти субъекта Федерации не нуждается также и коренное население, то сохранение субъекта Федерации будет означать навязывание жителям участия в политической жизни помимо их воли.

В-третьих, при толковании положения ч. 1 ст. 5 Конституции следует исходить из того, что оно призвано гарантировать жителям всех местностей возможность участия в формировании и осуществлении государственной власти регионального уровня. Преобразованием в федеральную территорию данная возможность не отнимается: в случае такого преобразования необходимо лишь предусмотреть, что по инициативе жителей федеральной территории должен быть назначен референдум по вопросу об учреждении (восстановлении) субъекта Федерации.

Более явным препятствием появлению федеральных территорий является названное выше положение ч. 1 ст. 67 Конституции. Однако данное положение входит в состав гл. 3 Конституции и может быть изменено посредством издания закона Российской Федерации о по-

правке к Конституции РФ. Сам порядок лишения территориального образования статуса субъекта Федерации, видимо, также может быть закреплён только в самой Конституции, поскольку в ч. 1 ст. 137 последней упоминается лишь о форме федерального конституционного закона «об изменении конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации». Утрата такого статуса с формально-логической точки зрения не есть его изменение.

Для реализации идеи формирования федеральных территорий, конечно, потребуется внесение изменений и в федеральное законодательство (прежде всего в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), и в законодательство заинтересованных в самопреобразовании субъектов Федерации.

Таким образом, в рамки действующей Конституции потенциально вписываются весьма разнообразные и сложные преобразования территориального устройства. Помимо этого необходимо иметь в виду и возможности фактической трансформации формы государственного устройства. Известно, что в разные исторические периоды его форма может существенно варьировать при неизменности конституционной основы [3].

Это подтверждают как последние полтора десятилетия отечественной истории, так и практика ряда зарубежных государств. Например, Швейцария трансформировалась в федерацию, сохранив в самоназвании на всех официальных языках, кроме немецкого, слово «конфедерация». Современная Российская Федерация, несмотря на самоназвание, по фактической форме территориального устройства в значительной степени тяготеет к регионалистским государствам [4]. Отклонение фактической формы территориального устройства государства от ее официального обозначения не является ни вредным, ни опасным, поскольку слово «федерация», словосочетание «федеративное государство» суть теоретические термины, не имеющие конституционных или законодательных определений. Действительное регулятивное значение имеют конкретные конституционные, законодательные, прецедентные правила (устанавливающие разграничение компетенции между уровнями государственной власти, статус терри-

ториальных образований и т.п.). Именно из их содержания и из практики их реализации выводится характеристика формы государственного устройства. И именно расхождение между этими правилами и практикой поддается юридической оценке и должно восприниматься как проблема правового характера.

Неопределенность понятия федерации сама по себе освобождает от необходимости сдерживать практическое развитие территориального устройства теоретическими представлениями о его идеальной форме. Поэтому наличие слова «федерация» в самоназвании государства или упоминание о федеративном характере территориального устройства в конституции государства не имеют строгого юридического значения (так же, как и присутствие в наименовании страны слов «конфедерация» или «союз» не дает оснований отрицать ее государственное единство [5]). Сложно, в частности, согласиться с тем, что «само наименование Российского государства» делает «федеративный принцип фундаментальным» [6, с. 14]. Скорее, такого рода самообозначение следует рассматривать как политическую декларацию. В свою очередь, отсутствие слов «федерация», «федеративный» в названии государства или в тексте конституции само по себе также не дает оснований для выводов о характере государственного устройства¹.

Более того, провозглашение федеративной формы государственного устройства в ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации не следует понимать буквально. В отсутствие общепринятых стандартов федеративного устройства, при недостаточной изученности мирового опыта федерализма в отечественной науке начала 1990-х годов и с учетом своеобразного использования в советское время терминологии, описывающей это устройство, ясные и цельные представления о сути федерализма и о желательном характере его воплощения (в обновленном государственном устройстве постсоветской России) к моменту принятия Конституции 1993 г. не сложились ни в научной, ни в экспертной среде, ни тем более в российском обществе в целом. Единственное, о чем можно судить с достаточной степенью определенности и относительно чего были солидарны представители основных политических сил, это

¹ Например, эти слова не встречаются в Конституции США.

необходимость закрепления региональной самостоятельности при сохранении государственного единства. По сути, и в Федеративном договоре, и в Законе РФ от 21 апреля 1992 г. № 2696/1-1 «Об изменениях Конституции (Основного Закона) РСФСР», и в Конституции Российской Федерации 1993 г. отражено именно это стремление, а, безусловно, не желание претворить в жизнь абстрактные теоретические идеи. Часто озвучивавшиеся региональными лидерами в 1990-х годах призывы к построению «подлинного федерализма» в действительности подразумевали повышение политического веса, усиление законодательной и финансовой самостоятельности регионов.

Поэтому исходя из исторического толкования конституционных положений о федеративном характере российского государства можно утверждать, что под федерацией в Конституции РФ 1993 г. подразумевается относительно децентрализованное государство, территориальные образования в составе которого принимают собственные акты конституционного характера и осуществляют правотворчество в иных формах, наделены определенной самостоятельностью в административной и финансовой сферах, обладают равными правовыми возможностями в отношениях друг с другом и с федеральными органами государственной власти. Несоответствие же территориального устройства России доктринальным представлениям о федерализме, не отраженным напрямую в конституционных положениях (статьи 5, 65–67, 71–73, 76–78, 137), допустимо не рассматривать как противоречие Конституции.

В рамках такого толкования «подлинно федеративное» устройство неверно считать безусловной основой существующего конституционного строя России или безусловным ориентиром для конституционного строительства. Это устройство оказалось в числе таких основ постольку, поскольку именно с федерацией ассоциировались выше-названные политические устремления и блага. Иначе говоря, корректный, емкий и нейтральный термин «децентрализованное государство», как и в 1918 г., в 1993 г. был подменен не до конца понимаемым словосочетанием «федеративное государство» – вследствие большей выразительности и 75-летней конституционной традиции.

Итак, в российском политико-правовом контексте федерализм имеет не первичное, а только инструментальное значение (не самоценен, а лишь служит средством децентрализации и сочетания общероссийской и региональных идентичностей). Поэтому представляется возможным утверждать, что конституционное закрепление федеративного устройства России является результатом не столько логических рассуждений и взвешенного выбора, сколько суждений по аналогии и нерациональных ассоциаций, основано на частичной подмене понятий, а следовательно, не имеет принципиального характера, не требует отношения к федерализму как к ценности, не означает обязательности формирования строго определенного территориального устройства.

Территориальное устройство Российской Федерации в виде, сложившемся на основании Федеративного договора и Конституции 1993 г., несмотря на многообразные замечания о его непрактичности, в действительности оказалось чрезвычайно утилитарным. Оно было подчинено сугубо жизненной цели, состоявшей в снижении влияния республик на политические процессы, в том числе на принятие законодательных решений. Новые субъекты Федерации – края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа – были призваны служить политическим противовесом республикам. В числе прочего в связи с этим на второй план отошли проблемы «сложносоставных» субъектов Федерации и разделенности городов федерального значения и прилегающих к ним областей.

Как бы ни оценивалось нынешнее территориальное устройство Российской Федерации, свою задачу оно выполнило блестяще: руководство республик со временем свыклось с существованием новых субъектов Федерации, а последние обеспечивали поддержку хотя и не каждой из централизационных законодательных инициатив, но многих из них. Таким образом, повышение правового статуса бывших административно-территориальных единиц Российской Федерации до уровня ее субъектов и, главное, предоставление им равного представительства с республиками обеспечили возможность осуществления централизации. В мировой практике это поистине уникальный

случай² изменения формы территориального устройства государства. Ни в одной стране мира децентрализация не принесла столь парадоксальные и при этом диалектически столь идеальные результаты. Образно выражаясь, российский федерализм 1990-х годов «самоликвидировался»³ в XXI в., поскольку это было заложено в его конструкции (хотя в 1990-е годы объективно оценить централизационный потенциал выравнивания конституционно-правового статуса краев и областей со статусом республик вряд ли было возможно).

Произошедшее за последние полтора десятилетия уменьшение самостоятельности субъектов Федерации само по себе вряд ли достойно однозначного осуждения. Такой результат федеральной законодательной политики, видимо, вполне устраивал и так называемые региональные элиты, и население. Подтверждением данному тезису служит безболезненность осуществленной централизации, которую можно назвать достаточно резкой по мировым меркам. Крайне сложно представить себе, чтобы жители североамериканских штатов, канадских провинций или швейцарских кантонов безучастно наблюдали за кардинальным снижением самостоятельности соответствующих субъектов федерации, а следовательно, за сокращением собственных политических прав и фактических возможностей в отношении участия в государственной жизни. Российские преобразования 2000-х годов, иногда именуемые «федеративными реформами», не встретили почти никакой реакции со стороны населения, что свидетельствует о массовом безразличии к форме государственного устройства и территориальной автономии.

Поэтому, как представляется, «фантомное» (по выражению Н.М. Добрынина [7, с. 5]) состояние современного российского федерализма не является его безусловным дефектом и в отсутствие явно выраженных требований со стороны общественности не требует исправле-

² Вернее, повторение уникального опыта разрушения и восстановления отечественной государственности в период, следовавший за Февральской революцией 1917 г. Признание Советской властью права наций на самоопределение и успешная национально-государственная политика ВКП(б) в конечном счете привели к политическому объединению большей части территорий, прежде входивших в состав Российской империи, в рамках СССР.

³ Конечно, эта самоликвидация не является окончательной и необратимой.

ния. Как было сказано, для России ценность федерализма является далеко не непререкаемой, в отличие, например, от Германии, США или Швейцарии. Ажиотажный интерес к территориальной самостоятельности, наблюдавшийся во многих местностях в конце 1980-х – середине 1990-х годов, по-видимому, был вызван прежде всего тем, что социально-экономические проблемы ассоциировались с характерной для предшествовавшего исторического периода централизацией государственной власти. Однако последовавшие годы показали отсутствие жесткой связи между социально-экономическим благополучием территориальных образований и получением ими элементов внутреннего суверенитета, а общественная поддержка идей региональной самостоятельности за полтора последних десятилетия существенно ослабла.

В связи с этим политические перспективы российского государственного строя сегодня выглядят совсем иначе, чем одно-два десятилетия назад. Утверждения о том, что федерализм является единственно верным ориентиром развития государственного устройства или единственно возможным средством сохранения государственного единства, уже можно воспринимать не как неопровержимые, а скорее как недоказуемые. Перераспределение политических интересов и целей, политическая индифферентность большинства населения, отсутствие устоявшихся политических традиций повышают шансы на спокойную смену формы государственного устройства, а вернее, на продолжение ее трансформации, начавшейся более 10 лет назад (даже несмотря на небывалую для современной России политическую ангажированность части населения, обусловленную федеральными избирательными кампаниями 2011–2012 гг.).

Следует заметить, что и повышение социально-политической активности граждан в ходе и после завершения избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной думы в 2011 г. и Президента Российской Федерации в 2012 г. фактически не касалось взаимоотношений между уровнями государственной власти. Даже изменение порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ Федеральным законом от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных орга-

нов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» [8], хотя и имеет непосредственное отношение к политической самостоятельности субъектов Федерации, было продиктовано требованиями о повышении не указанной региональной самостоятельности, а ответственности должностных лиц перед населением. Формулировки же упомянутого федерального закона отнюдь не свидетельствуют об изменении сложившихся субординационных отношений между федеральным центром и регионами. Так, п. 4 ст. 4 этого закона предписывает региональным законодателям привести конституции (уставы) субъектов Федерации в соответствие с обновленным федеральным законодательством и принять законы о выборах названных должностных лиц и о порядке отзыва их избирателями.

Позиция населения и депутатского корпуса в отношении данного вопроса свидетельствует, конечно, не о неуважении или презрении к принципу федерализма, а просто о его не востребованности и об отсутствии представлений о нем как о ценности или благе. Более того, можно с достаточной степенью уверенности предположить, что большинство или по крайней мере весьма значительное число жителей нашей страны с термином «федерализм» просто не знакомо. Пропагандируемое «воспитание уважения к ценностям федерализма» [9, с. 4] в этих условиях может не дать ожидаемого эффекта.

Отсутствие в российском обществе достаточного стремления к формированию федеративных отношений, в свою очередь, также не следует воспринимать как изъян, заслуживающий порицания и требующий исправления. Это данность, обусловленная действием множества факторов, с которой, с одной стороны, необходимо считаться и которая, с другой стороны, безусловно, не вечна и подвержена естественным изменениям. Приведение же территориального устройства России в соответствие с декларированным принципом федерализма возможно интерпретировать не только как восстановление желаемого порядка, но и как насилие над фактической ситуацией, выражающееся в навязывании политической самостоятельности сообществам, не го-

товым, не стремящимся к ней и не нуждающимся в ней даже в отдаленной перспективе⁴.

В то же время нельзя отрицать, что в России существует значительное количество территориальных сообществ, для которых политическая самостоятельность уже имеет достаточно глубокие исторические корни и является предметом национальной гордости или основанием для нее. Лишение таких сообществ атрибутов государственности, по всей вероятности, оказалось бы болезненным для национально-культурного самосознания и привело бы к масштабным внутригосударственным конфликтам. При этом следует иметь в виду, что психологически комфортное положение исторически сложившихся (в том числе национальных) территориальных сообществ обеспечивается не только многообразием сферы самостоятельного принятия решений, но и, далеко не в последнюю очередь, ее относительными размерами. Как известно, атрибуты, указывающие на специфичность того или иного региона по сравнению с другими местностями, подчас более ценны для национального самосознания, чем ширина автономии. Сказанное может быть сведено к следующим тезисам:

- правовые механизмы, обеспечивающие политическую самостоятельность регионов России, в принципе могут считаться востребованными; степень этой востребованности весьма различна в разных регионах (имеются основания полагать, что многие территориальные общности объективно не нуждаются в самостоятельности в той мере, в какой это предусмотрено конституционно и законодательно);
- можно предположить, что территориальные образования в составе Российской Федерации, для которых автономия является политико-культурной ценностью, достаточно спокойно относятся к сокращению этой автономии в случае, если в относительном выражении она в результате окажется более широкой, чем у других регионов (т.е. если последних централизация коснется существеннее).

⁴ Наиболее категорично по данному поводу высказался О.И. Чистяков: «России вообще не нужна никакая федерация... Федеративная форма для современной России всегда будет искусственной» [5, с. 343].

Формальное закрепление самой формы государственного (территориального) устройства составляет отдельную концептуальную проблему. С одной стороны, категории, описывающие эту форму, являются

- оценочными, т.е. характеристика государства как унитарного, федеративного, иного производна от его фактических свойств и не имеет регулятивного значения в отсутствие конкретизирующих конституционных, законодательных положений или судебного толкования;
- теоретическими и непрактичными: установление в конституции (или ином источнике права, имеющем учредительный характер) формы государственного (территориального) устройства консервирует правовую действительность и делает ее производной от теоретических дефиниций.

С другой стороны, закрепление формы государственного устройства за последние два столетия становилось все более типичным. В конституциях многих государств отмечается их унитарный или федеративный характер. Однако оценивая применимость зарубежной практики к отечественным реалиям, следует учесть такие обстоятельства, как сочетание в составе нашей страны местностей, население которых приветствует централизацию, с регионами, стремящимися к значительной административной и политической самостоятельности; массовое безразличие в отношении формы государственного (территориального) устройства и отсутствие у существенной части социально активного населения ясных предпочтений относительно этой формы.

Сказанное выше побуждает усомниться в том, что Россия в настоящий момент нуждается в конституционном или ином официальном закреплении той или другой формы государственного (территориального) устройства. Конституционного закрепления требуют конкретные правила, устанавливающие статус территориальных образований, гарантии учета интересов соответствующих субъектов, процедуры осуществления территориальных изменений, а не абстракции, лишенные способности производить непосредственное регулятивное воздействие.

Конечно, реализовать данную рекомендацию в рамках действующей Конституции невозможно, однако было бы нелишним воспользоваться ею, когда потребность в обновлении этого документа возникнет. Конституционная открытость государственного (территориального) устройства не является чем-то революционным. Ради справед-

ливости следует отметить, что с теоретически выделяемыми формами такого устройства официально ассоциируют себя далеко не все современные государства. Для России принцип федерализма, как отмечалось выше, условен. Поэтому воспроизведение положения о федеративной форме государственного устройства в следующей конституции России, если она будет принята в обозримом будущем, можно было бы оценить не только как приверженность конституционной традиции, но и как сопротивление объективной реальности и ограничение ее лишними формальными рамками, из которых законодатель рано или поздно найдет выход.

Литература

1. **Авакян С.А.** Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 3. – С. 5–12.
2. **Лысенко В.Н.** Развитие федеративных отношений в России и изменение Конституции РФ // Регион: экономика и социология. – 1997. – № 3. – С. 63–75.
3. **atts R.** Federalism, federal political systems, and federations // Annu. Rev. Polit. Sci. – 1998. – No. 1. – P. 117–137.
4. **Лексин И.В.** Соотношение федеративной и регионалистской формы государственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – Вып. 12. – С. 476–486.
5. **Истяков О.И.** О правовой природе «Российской Федерации» // Становление «Российской Федерации» (1917–1922). – 2-е изд. – М., 2003. – С. 329–344.
6. **Ким В.** Федеративный режим. – М., 2007. – 256 с.
7. **Добрынин Н.М.** Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации: Автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. – Тюмень, 2004.
8. **Федеральный закон** от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 19. – Ст. 2274.
9. **Аметина Т.В.** Федерализм в системе конституционного строя России: Автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. – Саратов, 2010.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 22.10.2013 г.

© Лексин И.В., 2013

НАШИ АВТОРЫ

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН, Новосибирск, sel@ieie.nsc.ru

Суспицын Сергей Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, susp@ieie.nsc.ru

Пелясов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор, директор Центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН, Москва, pelyasov@mail.ru

Кулешов Валерий Владимирович, академик РАН, директор ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, ieie@ieie.nsc.ru

Сумская Татьяна Владимировна, кандидат экономических наук, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, stv@ieie.nsc.ru

Кибалов Евгений Борисович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, lf@online.nsk.su

Кин Анатолий Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, kin_a@ieie.nsc.ru

Быкадоров Сергей Александрович, доктор экономических наук, профессор Сибирского государственного университета путей сообщения (СГУПС), Новосибирск, byser@ngs.ru

Катунин Иван Сергеевич, аспирант СГУПС, Новосибирск, iskatunin@mail.ru

Кравченко Наталия Александровна, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, nkrav@ieie.nsc.ru

Кузнецов Андрей Владимирович, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, torroo@gmail.com

Богомолова Татьяна Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, bogtan@rambler.ru

Глазырина Ирина Петровна, доктор экономических наук, профессор, заведующая сектором Института природных ресурсов, экологии и криологии, Чита, iglazyrina@bk.ru

Сидоренко Наталья Леонидовна, старший преподаватель Забайкальского государственного университета, Чита, zhizn-chita@mail.ru

Ечевская Ольга Геннадьевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, echevskaya@gmail.com

Соболева Светлана Владимировна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, soboleva@ieie.nsc.ru

Октябрьская Ирина Вячеславовна, доктор исторических наук, заведующая отделом Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, SIEM405@yandex.ru

Антропов Евгений Владимирович, руководитель отдела Музея города Новосибирска, Новосибирск, evantropov@yandex.ru

Пляскина Нина Ильинична, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Новосибирск, pliaskina@hotmail.com

Харитонов Виктор Никитична, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, kharit@ieie.nsc.ru

арков Леонид Сергеевич, кандидат экономических наук, заведующий сектором ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, leomarkov@mail.ru

аркова Виталия и айловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, markova_vm@mail.ru

Котлкин митрий митриевич, магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Новосибирск, kdd92@mail.ru

Павлов Борис Сергеевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, катеринбург, pavlov_boris@mail.ru

Юсупова Альмира Талгатовна, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, yusupova@ieie.nsc.ru

Колобова Елена Анатольевна, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, kolobova@ieie.nsc.ru

Киселев Юрий и айлович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Колобов Анатолий митриевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Назаров ариддин Хакимович, кандидат экономических наук, руководитель проекта Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете министров Республики Узбекистан, Ташкент, sh.nazarov@yandex.ru

Лексин Иван Владимирович, кандидат юридических наук, кандидат экономических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, leksin@spa.msu.ru

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2013 г.

	Номер	Стр.
Фундаментальные исследования пространственного развития по программам Президиума РАН		
<i>Селин В.С., Башмакова Е.П.</i> Приоритеты современных государственных стратегий развития арктических регионов	1	3–22
<i>Суслов В.И.</i> Модели пространственной экономики: генезис, современное состояние, перспективы	2	3–19
<i>Мельникова Л.В.</i> Проблемы моделирования экономического пространства в современной литературе	2	20–36
<i>Малов В.Ю., Тарасова О.В.</i> Транспорт Арктической зоны России как сфера сопряжения интересов государства и корпораций	3	3–20
<i>Глезер О.Б., Вайнберг Э.И.</i> Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России	3	21–38
<i>Селиверстов В.Е.</i> Федерализм, региональное развитие и региональная наука в постсоветской России: модернизация или деградация?	4	3–36
<i>Суслицын С.А.</i> Стратегии побуждения экономической активности в национальной экономике	4	37–60
Север и Арктика России в условиях глобальных вызовов XXI века		
<i>Попова Л.А.</i> Особенности демографического старения северных регионов России	1	23–40
<i>Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.</i> Северная идентичность России	2	37–47
<i>Кириллова С.А., Кантор О.Г.</i> Идентификация арктических регионов России с позиций пространственной неоднородности	2	48–65
<i>Харитонов В.Н.</i> Организационно-экономические механизмы реализации арктической стратегии России	3	39–58
<i>Севастьянова А.Е.</i> Подходы к освоению Арктической зоны и развитию восточных районов России	3	59–78
<i>Пилясов А.Н., Кулешов В.В., Селиверстов В.Е.</i> Арктическая политика в эпоху глобальной нестабильности: опыт и уроки для России	4	61–94

Региональная политика и экономические проблемы федерализма		
<i>Маршалова А.С.</i> Местное самоуправление и особенности российского федерализма	1	41–54
<i>Агеева С.Д.</i> Неравенство в ресурсных экономиках федеративного типа	2	66–88
<i>Широбокова В.А.</i> Влияние регулирования государственных финансов на экономику и бюджетную сферу регионов	2	89–107
<i>Клисторин В.И.</i> Федеративные отношения, региональная политика и проблема деформации экономического пространства России	3	79–95
<i>Сумская Т.В.</i> Особенности функционирования бюджетной системы федеративного государства: субфедеральный аспект	4	95–112
Экономические проблемы развития регионов		
<i>Сысоева Н.М.</i> Институциональные проблемы развития Байкальского региона	1	55–72
<i>Токарев А.Н.</i> Региональная дифференциация налогообложения в нефтяной отрасли России	1	73–90
<i>Журавлёв О.А.</i> Тенденции электропотребления населением Московской агломерации	1	91–99
<i>Жихаревич Б.С., Жунда Н.Б., Русецкая О.В.</i> Заявленные и реальные приоритеты региональных и местных властей: подход к выявлению и сопоставлению	2	108–132
<i>Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф., Некрасов А.А.</i> Современные тенденции в формировании саморазвивающихся регионов	2	133–147
<i>Крюков В.А., Маришак В.Д.</i> Нефтегазовый сектор в развитии экономики России	2	148–156
<i>Псарев В.И., Псарева Т.В., Гончаров И.А.</i> Состояние и проблемы транспортной инфраструктуры в контексте стратегии развития Сибири	2	157–172
<i>Канева М.А., Унтура Г.А.</i> Диагностика инновационного развития Сибири	2	173–196
<i>Гринчель Б.М.</i> Конкурентный потенциал и конкурентная привлекательность регионов	3	96–110
<i>Бондарев А.Е.</i> Мониторинг социально-экономического развития региона: выбор системы показателей	3	111–120

<i>Кибалов Е.Б., Кин А.А. Быкадоров С.А., Катунин И.С.</i> Структурная реформа железнодорожного транспорта России: от точечных альтернатив к региональным	4	113–133
<i>Кравченко Н.А., Кузнецов А.В.</i> Проблемы реализации инновационного сценария развития Сибири	4	134–153
Социальные проблемы регионального развития		
<i>Черкашина Т.Ю., Чернышова Е.А.</i> Траектории интеграции в научное сообщество и активность в науке	1	100–116
<i>Харченко И.И., Новикова Ю.О.</i> Потребность в дополнительном профессиональном образовании трудоспособного населения и возможности ее реализации в регионе	1	117–143
<i>Калугина З.И.</i> Социальные тренды регионов Сибири	2	197–214
<i>Григорьев Ю.А., Соболева С.В.</i> Современное состояние репродуктивного здоровья населения Сибири как фактор сокращения рождаемости в регионе	2	215–236
<i>Руденко Д.Ю.</i> Комплексный подход к исследованию бедности в регионе	3	121–141
<i>Черемисина Т.П.</i> Инновационный потенциал российских регионов и отдача на высшее образование	3	142–155
<i>Балдина Н.П.</i> Тенденции развития потребительского комплекса Сибирского федерального округа	3	156–171
<i>Путилова А.А.</i> Социально-экономическая детерминация злокачественных новообразований у человека	3	172–192
<i>Богомолова Т.Ю., Глазырина И.П., Сидоренко Н.Л.</i> Приграничье Востока России: миграционные настроения студенческой молодежи	4	154–173
<i>Ечевская О.Г.</i> Международное образование в университетах России и Казахстана: стратегии и формы реализации	4	174–197
<i>Соболева С.В., Октябрьская И.В., Антропов Е.В.</i> Человеческий потенциал городов Сибирского федерального округа: оценка этнических рисков в контексте развития миграции	4	198–220
Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики		
<i>Френкель А.А., Волкова Н.Н., Романюк Э.И.</i> Влияние весовых коэффициентов на рейтинг регионов по уровню инновационного потенциала	1	144–172

<i>Лавровский Б.Л., Мурзов И.А., Шильцин Е.А.</i> Тенденции поступления и опыт моделирования сибирских налогов	1	173–187
<i>Ершов Ю.С.</i> Феномен Новосибирской области в современной экономике России	1	188–208
<i>Пармон В.Н.</i> Российские проблемы развития нефтепереработки и нефтехимии	2	237–250
<i>Санеев Б.Г.</i> Топливо-энергетический комплекс Востока России: современное состояние и перспективы	2	251–265
<i>Коган А.Б.</i> Анализ глобальной и локальной эффективности крупномасштабного инвестиционного проекта	2	266–282
<i>Корчагина Е.В.</i> Влияние кольцевой автомобильной дороги Санкт-Петербурга на развитие прилегающих территорий	2	283–293
<i>Ждан Г.В.</i> Резервы улучшения инвестиционного климата в Новосибирской области	3	193–211
<i>Гальперова Е.В.</i> Методический подход к оценке энергопотребления в условиях неопределенности	3	212–218
<i>Пляскина Н.И., Харитонова В.Н., Вижина И.А.</i> Формирование механизмов поддержки нефтегазохимических кластеров Восточной Сибири и Якутии	4	221–241
<i>Марков Л.С., Маркова В.М., Котёлкин Д.Д.</i> Агент-ориентированный подход к моделированию отраслевой эволюции: угольная промышленность России	4	242–265
Эколого-экономические проблемы регионального развития		
<i>Гильмундинов В.М., Казанцева Л.К., Тагаева Т.О., Кугаевская К.С.</i> Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье населения регионов России	1	209–228
<i>Кириенко А.П., Русецкая Г.Д., Горбунова О.И.</i> Ущерб здоровью населения от загрязнения окружающей среды: оценка и механизмы компенсации	2	294–308
<i>Василенко В.А.</i> Обь-Иртышский бассейн: социо-эколого-экономические проблемы	3	219–238
<i>Павлов Б.С.</i> Воздействие радиоактивного загрязнения Восточно-Уральской территории: социоэкологические оценки	4	266–280

Проблемы местного самоуправления и муниципального развития		
<i>Калашников К.Н., Белехова Г.В., Антонова М.А.</i> Социальная инфраструктура сельских территорий: возможности интегральной оценки	2	309–323
<i>Коломак Е.А., Трубехина И.Е.</i> Исследование агломерационных процессов на территории Новосибирской области	3	239–259
Экономика предприятий		
<i>Нефёдкин В.И.</i> Крупные корпорации в регионе: pro et contra	1	229–251
<i>Кибалов Е.Б., Кин А.А.</i> К вопросу о проблемах реформирования железнодорожного транспорта России	1	252–274
<i>Маркова В.Д., Кузнецова С.А., Цомаева И.В.</i> Организационные компетенции как фактор повышения конкурентоспособности предприятий	2	324–336
<i>Титов В.В., Жигульский Г.В.</i> Вектор изменения налогообложения на промышленном предприятии	3	260–273
<i>Соломенникова Е.А.</i> Модели развития инновационно-ориентированных холдингов: организационно-финансовый аспект	3	274–288
<i>Юсупова А.Т.</i> Рыночная власть крупных корпораций: региональные особенности и различия	4	281–299
<i>Колобова Е.А., Киселев Ю.М., Колобов А.Д.</i> Проектирование производственно-экономических процессов с использованием модели социально-экономических механизмов	4	300–315
Зарубежный опыт региональной науки, региональной политики и территориального развития		
<i>Егоров О.И., Чигаркина О.А.</i> Нефтегазовый комплекс Прикаспийского региона: проблемы межстранового экономического взаимодействия	1	275–286
<i>Лю Шуан.</i> Содействие устойчивому развитию китайско-российского регионального сотрудничества	2	337–349
<i>Ма Юцзюнь.</i> Проблемы реорганизации промышленности северо-востока Китая	3	289–294
<i>Назаров Ш.Х.</i> Эндогенные факторы конкурентоспособности региона и их эконометрическое тестирование	4	316–329

Регионы России цифры и факты		
<i>Мигунова Г.С.</i> Малый бизнес в регионах центрального федерального округа	1	287–293
<i>Суслицын С.А.</i> Эволюция территориальной структуры экономики России в 2007–2012 гг.	3	295–302
Научная жизнь		
<i>Пахомов А.А.</i> Отдел региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра СО РАН	1	294–296
Территориальное стратегическое планирование: теория и практика <i>Б.С. Жихаревич</i>	3	303–306
конституции Российской Федерации 20 лет		
<i>Лексин И.В.</i> Стабильность Конституции Российской Федерации и динамика территориального устройства страны	4	330–344

1. Представленные в журнал научные статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты исследований по проблемам региональной экономики и экономической социологии.

2. Рукопись статьи должна быть подписана автором (авторами) с указанием на русском и английском языках сведений об авторе (авторах): фамилии, имени, отчества (полностью), ученой степени, звания, должности, места работы, почтового адреса, телефона, электронного адреса.

3. Автор высылает в редакцию текст статьи (не более 30 тыс. знаков с пробелами) *с указанием УДК*, аннотацию (10–15 строк) и ключевые слова (10–15 слов) *на CD в формате Microsoft Office Word версии не выше 11 (2003 г.) и идентичный текст в печатном виде* со следующими параметрами: **размер шрифта** – 12 кегль, без переносов, **межстрочный интервал** – 1,5, **горизонтальные таблицы** размером не более 110 знаков в строке, **рисунок** размером не более 110×165 мм. Файл рукописи статьи называется фамилией автора на латинице, например «Ivanov».

4. Рисунки сохранять отдельным файлом и распечатывать отдельно. Рисунки высылать в программном средстве изготовления.

5. Список литературы дается в конце статьи и оформляется в порядке ссылок на источники. Правила оформления ссылок см. на сайте журнала <http://region.socionet.ru>, образец см. на с. 355 настоящего номера.

6. Примечания оформляются подстрочными ссылками.

7. Рукописи рецензируются, а не отвечающие данным правилам не рассматриваются.

8. В случае отклонения статьи автору сообщается мотивированный отказ.

9. Плата за рецензирование и публикацию научных статей с авторов не взимается.

10. Одновременно со статьей автор (авторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале (см. сайт <http://region.socionet.ru>).

УДК ...

ББК ...

Регион: экономика и социология, 20..., № ..., с. ...

К ВОПРОСУ О СООРУЖЕНИИ СЕВЕРОСИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ

К.Л. Комаров

Сибирский государственный университет путей сообщения

Аннотация (не более 15 строк)

Анализируется концепция строительства Северосибирской железнодорожной магистрали. Показано, что концепция не содержит обязательных элементов, которые делают ее научно обоснованным документом, предваряющим реализацию проекта и адекватно учитывающим фактор неопределенности при осуществлении уникального по масштабам и сложности проекта. Указывается на непроработанность институционального аспекта концепции и обосновывающих технико-экономических показателей проекта.

Ключевые слова: концепция, неопределенность, ожидаемая эффективность, второй индустриальный пояс, Сибирь, управляющая компания, Севсиб, БАМ, TVA, ТПК-подход, Аппалачи

Оформление пристатейных ссылок

Монографии, авторефераты, диссертации:

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Статьи из журналов и сборников:

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76–86.

Интернет-документы:

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. – URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения 08.04.2011).

Рукописи направлять по адресу:

**630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17,
ИЭОПП СО РАН, к. 338**

E-mail: region@ieie.nsc.ru, тел./факс (8383)3302438

Всероссийский научный журнал
Регион: экономика и социология,
журнал Сибирского отделения РАН

Включен в перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикации работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций (редакция 2010 г.).

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru/issues.asp?id=7623>

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Содержание журнала, аннотации статей и ключевые слова на русском и английском языках публикуются на сайтах <http://region.socionet.ru>, <http://www.sibran.ru> и Федеральном образовательном портале <http://www.ecsocman.edu.ru/region/>

Адрес редакции:

630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН, к. 338

Тел./факс: (383)3302438

E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через АО «Роспечать», АО «Международная книга-периодика» и редакцию. В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://www.sibran.ru>

Редактор *Е.Б. Артемова*
Перевод *И.М. Клисториной*
Компьютерная верстка *Т.Г. Чувевой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.

Подписано к печати 10 ноября 2013 г. Формат бумаги 60×84 1/16.

Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 22,25.

Уч.-изд. л. 21,5. Заказ № 90. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

В издательстве Института экономики и организации промышленного производства СО РАН выходит в свет монография

В.Ю. Комбаров

ТРАНСОТЧУЖДЕНИЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Ответственный редактор д.с.н. Л.В. Корель

Особенность монографии состоит в рассмотрении и эмпирическом изучении отчуждения не только в контексте производственных отношений (классический марксистский анализ отчуждения), но и в более широких границах социально-экономического пространства. Одной из его сфер является область потребления, которая с кристаллизацией постиндустриального общества становится местом генерации процессов современного отчуждения. Таким образом, исследование совмещает в себе метод классического критического политэкономического анализа отчуждения и постмодернистский метод критики политэкономии знака.

Эмпирическим объектом исследования выступили ИТР как наиболее перспективная страта работников, отвечающая потребностям формирующейся в России экономики знаний, главенствующим принципом которой являются инновации. На материалах социологического обследования, проведенного на четырех крупнейших промышленных предприятиях г. Новосибирска, а также на основании анализа вторичных данных выявлены различные виды отчуждения в традиционной для этого феномена сфере труда и в социальном контексте в целом.

Монография будет интересна исследователям, преподавателям и магистрантам, специализирующимся в области экономической социологии, философии, психологии, культурологии.

Книгу можно приобрести в ИЭОПП СО РАН. Для этого надо оформить заказ на требуемое количество экземпляров и указать почтовый адрес, куда выслать книги наложенным платежом.

Заказы направлять по адресу: 630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН (тел. (8383)3301795, А.П. Угрюмов)